

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Современный русский язык в интернете

Языки славянской культуры
Москва
2014

УДК 811.161.1'276

ББК 81.2Рус

С 56

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда содействия развитию интернета «Фонд поддержки интернет»*

Книга публикуется под лицензией Creative Commons — CC-BY-ND

Печатается по решению ученого совета
Института русского языка РАН им. акад. В. В. Виноградова

Рецензенты:

к. ф. н. И. Б. Левонтина, д. ф. н. Е. В. Маркасова, д. ф. н. Е. В. Ягунова

С 56 Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина,
Е. В. Рахилина. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 328 с.

ISBN 978-5-9551-0722-6

Исследуя современную языковую ситуацию, необходимо учитывать речевую практику носителей языка, связанную с коммуникацией в интернет-пространстве. В этой книге собраны статьи специалистов, анализирующих интернет-тексты как новый языковой ресурс. Рассматриваются особенности структуры текста, лексика и синтаксис поискового запроса, коммуникативная направленность интернет-высказывания и влияние этого нового речевого пласта на современный русский язык. Одновременно анализируются изменения, которые касаются самого русского языка: возникающие грамматические формы, сдвиги в глагольном управлении, лексические неологизмы. Для них интернет выступает «камерой», быстро и точно отражающей мельчайшие новации. Книга адресована всем интересующимся русским языком, в том числе и профессионалам: преподавателям и лингвистам — грамматистам и лексикографам. Она будет полезна и разработчикам контента интернет-сайтов или редакторам порталов для профилактики нарушений цельности, связности, завершенности текста, и пользователям для решения задач по оптимизации поисковых запросов.

ББК 81.2Рус

© Коллектив авторов, 2014

© Надя Плунгян, обложка, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

© Фонд содействия развитию интернета
«Фонд поддержки интернет», 2014

ISBN 978-5-9551-0722-6

Содержание

Предисловие редакторов	7
----------------------------------	---

Языковые механизмы интернет-коммуникации

Ю. Е. Галямина	
Лингвистический анализ хештегов Твиттера	13
Ю. М. Кувшинская	
Аббревиация в речи интернет-форумов	23
М. В. Худякова	
Как озвучить мнимый текст?	
Литуратив и средства его выражения при чтении.	39

Риторика интернета

Е. А. Выналек (Слободян)	
О природе интернет-мема	51
А. С. Бердичевский	
<i>Ты что-то печатала, я тебя перебил:</i>	
игра со структурой диалога	
в квазисинхронной электронной коммуникации	61
А. Д. Плисецкая	
О языковых и риторических	
стратегиях выражения оценки	
у пользователей социальной сети Фейсбук	83
А. В. Занадворова	
Саморегуляция в нерегламентируемых сферах	
интернет-общения: речевой этикет в Живом журнале	93

Б. Л. Иомдин	
<i>Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях</i>	114
Е. Н. Пенская	
Экспертный «зуд» / экспертный «зуб».	
Эпизоды становления языковых мифологем	
на материале сетевых источников (Опыт реконструкции).	133

Языковые изменения в зеркале интернета

А. Б. Летучий	
Особенности аргументной структуры русских глаголов	
в «компьютерных» контекстах	153
Т. И. Резникова	
<i>Слог у автора неплох, реально доставляет:</i>	
о нестандартных семантических переходах	
в глагольной лексике (по данным интернета)	169
Я. Э. Ахапкина	
О грамматике устно-письменного высказывания	181
И. Б. Иткин, С. И. Переверзева	
Конструкции типа <i>сидеть ногу на ногу</i> :	
аграмматизм или формирующаяся норма?	195
Н. А. Зевахина, С. А. Оскольская	
<i>Какая-никакая, а Всемирная паутина:</i>	
конструкции с «редуплицированными»	
уступительными местоимениями в русском языке	202
Е. Н. Геккина	
Тыканье, выканье и прописные буквы	
в метаязыковом диалоге	222
Н. Н. Буйлова, О. Н. Ляшевская	
Так говорят анимешники.	229
О. И. Северская	
Кто требуется: <i>рисепиционистка</i> или <i>рецепционистка</i> ?	
(О вариативности написания	
одного из заимствований последних лет)	250

В. Д. Магомедова, Н. А. Слюсарь	
Расшатывание исторических чередований согласных на примере ненормативных форм компаратива	263
Б. В. Орехов	
<i>Суперминимум и нанодержава:</i> префиксоиды в языке интернета	281
П. А. Таратынов	
Производные с суффиксом <i>-ёж</i> и их морфонологические особенности в текстах русского интернета	291

Лингвистика интернета

А. А. Бонч-Осмоловская	
<i>Кормить свинью online бесплатно:</i> язык запросов как лингвистический объект	297
Б. В. Орехов, К. Ю. Решетников	
К оценке Википедии как лингвистического источника: сравнительное исследование	310
Авторы сборника	323

Предисловие редакторов

Современный русский язык меняется, и меняется стремительно, на наших глазах. Это обсуждают не только лингвисты, но и сами говорящие, носители языка. Наиболее заметны изменения в лексике: наплыв заимствований и других неологизмов, сдвиги значения у старых привычных слов сразу привлекают внимание. Но меняется и русская грамматика — а системные грамматические инновации наблюдать уже не так просто. Одним из инструментов фиксации этих новшеств может стать для нас интернет.

Российский интернет обнажает актуальные тенденции развития русского языка. Если для изучения истории бытовой и специальной речи в прошлые столетия требовался длительный анализ сохранившихся разрозненных памятников письменности, то теперь речь представителей самых разных профессий из всех регионов страны широко доступна для исследования. Изменения в произношении сочетаний звуков и слогов, новации в образовании слов разных частей речи, особенности сочетаемости членов предложения, новые закономерности построения целостного текста отражаются в речи авторов блогов и участников форумов, организаторов крупных официальных порталов и хозяев частных домашних страниц. Чтобы понять, какие из этих изменений органичны и естественны для языка, а какие навязаны ему особенностями интернет-коммуникации или стали результатом ненамеренного искажения, нужны специальные и обширные лингвистические исследования.

Наш сборник — вклад в решение этой задачи. Работы роднит материал: все они сосредоточены на анализе явлений, отраженных русским сегментом «мировой паутины», однако сами явления, которые попали в поле зрения авторов, очень разные, классифицировать их непросто. С некоторой долей условности мы разделили все принятые к печати статьи на четыре раздела.

В *первый* раздел («Языковые механизмы интернет-коммуникации») попали те работы, в которых специфические (литуратив, хэштеги) или особенно характерные (аббревиация) интернет-приемы описываются как специфическое проявление более общих принципов построения естественно-языковых текстов. Особые приемы нужны интернету для того, чтобы компенсировать недостатки своего формата: это ресурс и не устный, и не письменный, причем одновременно информационный и фатический, эмоциональный. В естественном языке эти регистры хорошо разведены и не смешиваются, а в ин-

тернете они трудноразличимы, и пользователю приходится приспосабливаться, чтобы «разговаривать» в сети.

Об этом **второй** раздел нашего сборника: «Риторика интернета». Он тоже интересен с лингвистической точки зрения, ведь реальная и виртуальная речевая среда взаимопроницаемы. Многие явления, зарождающиеся в интернете, проникают за его пределы в повседневную и профессиональную речь. Интернет-юмор, интернет-мемы и речевая игра, этика интернет-коммуникации, функционирование вброшенных через сайты и порталы речевых формул — это предмет, о котором немало писали, но эту тематику трудно обойти, если говорить об интернете.

Третий раздел («Языковые изменения в зеркале интернета») целиком посвящен собственно русскому языку. В центре внимания авторов находятся конкретные языковые явления, обнаружить которые оказалось легче в текстах электронной коммуникации, чем долгосрочными наблюдениями и экспериментами. Предметом обсуждения авторов книги стали новые живые процессы в области управления (А. Б. Летучий), в том числе и связанные с тенденцией к грамматикализации (Т. И. Резникова), грамматическая вариативность (И. Б. Иткин, С. И. Переверзева, Я. Э. Ахапкина), обогащение лексической системы (О. И. Северская), появление новых словообразовательных тенденций (Б. В. Орехов, П. А. Таратынов), лексикализация деривационной модели (Н. А. Зевахина, С. А. Оскольская), орфография и ее нормы (Е. Н. Геккина), стратегии адаптации иноязычных слов при заимствовании в русский (Н. Н. Буйлова, О. Н. Ляшевская) и даже морфонологические процессы, отраженные в электронных текстах (В. А. Магомедова, Н. А. Слюсарь).

Наконец, **четвертый** раздел мы назвали «Лингвистика интернета»: он посвящен тому, в каких пределах интернет-контент остается частью естественного (русского) языка и когда перестает им быть. Эта граница, как оказывается, поддается определению с помощью лингвистического инструментария, а именно — статистики. В статье А. А. Бонч-Осмоловской описываются интернет-запросы как особый тип языкового взаимодействия, со своим синтаксисом, морфологией и другими свойствами, совершенно не похожими на обычный русский язык. В статье Б. В. Орехова и К. Ю. Решетникова показано, что статистика позволяет со всей определенностью разграничить «человеческие», т. е. естественно-языковые интернет-тексты на русском языке и интернет-тексты, имитирующие их.

В примерах, в соответствии с лингвистической практикой, по возможности сохраняется графика, орфография и пунктуация оригинала.

Несколько слов о наших авторах. В основном это сотрудники Института русского языка им. В. В. Виноградова и Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Кроме того, среди авторов есть

сотрудники Санкт-Петербургского и Уфимского университетов, а также Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и университета г. Тромсе (Норвегия).

Большинство из них так или иначе причастно к школе корпусных исследований русского языка, так что для них интернет — это просто очень большой корпус иногда чуть-чуть особенного и обращенного в будущее русского языка, только слабо размеченный. Как мы уже говорили, участники проекта старались провести мониторинг актуальных изменений в лексико-грамматической системе русского языка на материале этих текстов.

Адресатами этих исследований являются не только любители русского языка, но и профессиональные преподаватели и лингвисты — грамматисты и лексикографы, так как обучение речевым навыкам, формирование языковых компетенций и воспитание речевой культуры в современной языковой ситуации требуют учитывать практику носителей языка, связанную с интернет-пространством. Поскольку классические академические словари и грамматики не воспринимаются носителями языка как авторитетные и представляются пишущему устаревшими (сошлемся здесь на статью Б. Л. Иомдина), новые издания должны опираться на анализ тенденций развития устного и письменного языка — а их в значительной степени демонстрирует лингвистам именно интернет.

Таким образом, книга задумана прежде всего как опора для создания концепции он-лайн словарей и грамматик нового типа, а также для формирования стратегии действия интернет-порталов, посвященных русскому языку.

Предполагается, что книга будет полезна и разработчикам контента интернет-сайтов для профилактики нарушений цельности, связности, завершенности текста; редакторам порталов как описание становления норм и правил гибко меняющейся лексико-грамматической системы современного русского языка; пользователям при поиске решений задач по оптимизации поисковых запросов. Она поможет найти стратегические основания для корректного структурирования речевого интернет-пространства.

* * *

В заключение мы хотели бы выразить благодарность Ю. Е. Галяминой, С. С. Джакуповой и С. С. Белоусову за помощь в подготовке сборника к печати.

Языковые механизмы интернет-коммуникации

Ю. Е. Галямина

Лингвистический анализ хештегов Твиттера

Рассмотрены основные функции нового лингвистического феномена — хештега, связанные с маркированием темы сообщений в Твиттере, указанием на участников ситуации, передачей оценки. Проанализированы содержательный и формальный аспекты употребления хештегов, обоснована многофункциональность этой составляющей интернет-сообщения.

Ключевые слова: хештег, семантика, референция, заголовок, тема, оценка

Введение

Повышение популярности микроблогов в интернете привело к возникновению нового лингвистического явления, суть которого не сводится к существовавшим ранее феноменам и нуждается в специальном описании. Речь идет о так называемых хештегах (в другом написании «хэштег» и «хэштэг»), которые были придуманы в 2007 году для использования в сети Твиттер. Хештеги вводятся в текст из 140 символов при помощи знака # (решетки) и служат для маркирования темы записи в микроблоге. При этом сообщения с одним и тем же хештегом по клику на него компонируются в список.

В одном из интернет-словарей дается такое определение: «Хештег (англ. *Hashtag* от *hash* — символ «решетка») — это слово в Твиттере, начинающееся с символа #, служит для пометки сообщения о его принадлежности к какому-либо событию, теме или обсуждению» (<http://wiki.rookee.ru/Xeshteg/>). Мы хотели бы обсудить функции хештегов, которые, по всей видимости, не ограничиваются функцией маркера принадлежности к некоторой серии сообщений, а также проанализировать связанные с их функционалом лингвистические аспекты создания хештегов¹.

¹ В статье рассматриваются только хештеги, которые используются в Твиттере. Орфография и пунктуация примеров сохранена.

Формальные характеристики твита

Запись в Твиттере (твит), как известно, состоит из 140 символов, и чаще всего представляет собой одно предложение.

- (1) @MedvedevRussia Соцсети — это хорошая возможность для политика рассказать о своей работе и узнать мнение граждан

Однако твит может состоять из нескольких предложений:

- (2) @MedvedevRussia Сборная России по волейболу сидя. Красивые и волевые девушки @ Ока Спорткомплекс г.Алексин http://instagram.com/p/a-65lcg_01/

Твит, как в примере (2), может содержать ссылку на другой текст, картинку и пр., т. е. являться гипертекстом. При этом важно отметить, что в Твиттере может использоваться как традиционная пунктуация, так и ее модификации или обновления. Так, в примере (2) мы видим новый знак препинания @, который используется здесь окказионально для разделения текста и обозначения места.

Коммуникативный статус твита²

Один твит может представлять собой отдельный законченный текст (высказывание) или же являться частью более длинного текста. При этом коммуникативный статус твита носит временный характер, не может быть закреплен за ним и не полностью зависит от намерений адресанта³. Твит потенциально может стать частью сколь угодно длинного текста.

Типологически такие тексты можно разделить на:

— монологи (несколько твитов одного автора, которые, как правило, идут один за другим или обладают разнообразными признаками связного текста⁴, дополнительно могут маркироваться одним хештегом); просмотр доступен на странице автора;

— диалоги между двумя и более участниками (диалог опознается по никам его участников, которые содержатся чаще всего в начале записи и которые по основной функции схожи с традиционными обращениями⁵,

² Под твитом понимается запись в микроблоге Твиттер.

³ Это связано с тем, что любое отдельное твит-высказывание по воле других участников коммуникации может иметь продолжение.

⁴ Часто связность нескольких твитов маркируется многоточием, нумерацией или же другими формальными показателями.

⁵ Функция обращения маркируется чаще всего позиционно (без знаков препинания) — в начале предложения. Употребление ника (со знаком @) в середине предложения

наличие хештега в данном случае не играет решающей роли); просмотр доступен при разворачивании любого из твитов диалога.

— серии высказываний разных авторов, связанных по смыслу (формально маркируются только хештегом)⁶; просмотреть в виде текста можно только по хештегу на отдельной странице хештега.

Все эти типы сложных текстов выделяются по формальным характеристикам, которые технически позволяют пользователям видеть тексты, записанные как последовательность твитов, объединенных каким-либо отношением (принадлежностью одному автору, серией ответных реплик-реплаев, наличием общего хештега).

Функции хештегов

Тематический маркер

Изначально хештег был изобретен для маркирования темы сообщения. Цель авторов идеи состояла в том, чтобы создать более сложные текстовые образования, чем один твит или последовательность твитов, связанных диалогически. При этом хештег скрепляет текст не только семантически, маркируя тему, но в некотором роде «синтаксически», являясь материальным маркером связности двух и более твитов.

Как было сказано выше, три типа сложных текстов, состоящих из отдельных твитов, могут, а в случае серии твитов разных авторов — должны маркироваться хештегами. Если хештег использует один и тот же автор, хештеги помогают создать текст монологического характера, в том числе нарратив.

(3) @slvovich59 #6may #болотноедело 13:17 болотное судилище возобновляется с большим опозданием⁷

@slvovich59 #6may #болотноедело Допрашивается, Наумов Илья Геннадьевич 1986 г.р.

@slvovich59 #6may #болотноедело Скольких граждан он задержал, Наумов не помнит

В примере (3) один автор ведет репортаж из зала суда, репортаж носит монологический характер.

чаще всего имеет номинативно-референтную функцию. При этом, поскольку написание ника через знак @ позволяет владельцу этого ника видеть данный твит в отдельной ленте (выборке твитов), то в какой-то мере функция обращения сохраняется и при номинативно-референтном использовании ников.

⁶ О том, всегда ли такую серию твитов можно признавать текстом, мы поговорим ниже.

⁷ Последовательность твитов в статье записывается сверху вниз, а не снизу вверх, как в Твиттере.

В случае использования хештега в качестве заголовка двумя и более авторами может создаваться либо нарратив с коллективным авторством, либо диалог. При этом в первом случае дополнительно к хештегу необходимо ввести в текст компоненты семантической связности, а во втором (в случае диалога) — могут появляться также и компоненты синтаксической связности.

- (4) @dsboiko #smithforum Наталья Зубаревич "Медленное вползание в кризис российской экономики-такое было впервые"
@osenin В отсутствие бюджетной децентрализации и политических реформ российские регионы обречены на медленное социалистическое гниение. #smithforum

В примере (4) два автора рассказывают об одном и том же докладе, который слышат на конференции.

В приведенных выше примерах твиты с одним и тем же хештегом связаны, помимо его самого, еще и единством места и времени описываемых событий.

Однако твиты с одним и тем же хештегом могут и не образовывать текста в традиционном смысле этого слова⁸; так, серии твитов бывают созданы совершенно независимо друг от друга, связаны исключительно темой, заявленной в них, и не подкреплены другими средствами создания эффекта семантической связности. В этом случае хештег можно рассматривать, скорее, как маркер рубрики, а не единого текста.

- (5) @Mr_Henry94 Уважаемые дамы, которые ездят в метро, не надо так душиться, чтобы от вашего запаха в глазах слезилось, пожалуйста! #Москва #метро #девушки
(6) @naidikvartiru #сдаю #сниму #квартира #москва Сдам свою 2 комн. квартиру. г. Москва
(7) @Serega_044 <http://fumojoaq.tumblr.com/post/66561546470> ... #Сниму квартиру в набережных челнах на длительный срок без посредников

Как показывают примеры (5)–(7), один и тот же твит с помощью разных хештегов может становиться частью разных серий сообщений, которые при этом не образуют единого текста, так как не связаны ничем, кроме темы.

В прототипическом случае хештеги, которые выполняют исключительно функцию маркирования темы сообщения, по преимуществу являются отдельными словами или словосочетаниями (чаще именными группами, но иногда и клаузами), ядром семантики которых является де-

⁸ Мы не будем подробно останавливаться на определении понятия «текст», которое само по себе является серьезной лингвистической проблемой, вызывающей множество споров. Однако в описываемых случаях очевидно, что соположенные твиты не отвечают даже требованию единства темы.

нотативный компонент. В частности, к таким хештегам относят обозначение актуального мероприятия, репортаж о проведении которого создается при помощи данного маркера (см. примеры (3) и (4)). Часто в такой роли используются топонимы или другие имена собственные. Также хештегом может обозначаться какой-либо персонаж или объект, о котором идет речь. С точки зрения референтного статуса такие хештеги можно описать как *термовые, конкретно-референтные, определенные* [Кобозева 2009]:

- (8) @MikhailBaskov А на английском трансляция из Валдая продолжается!
[#путин #Валдай](http://on.rt.com/2n6wux)

Хештег в функции маркера темы сообщения синтаксически может быть отдельным предложением (на письме может и не отделяться точкой (8), располагаться может как в начале твита, так и в конце, реже в середине (5)–(7)) или же становиться частью большего предложения, играя отдельную синтаксическую роль.

- (9) @IlyaYashin Негодный формат дискуссии с Путиным, когда оппозиция задает вопросы из зала, а он сидит барином в президиуме. Дебаты нужны. На равных #Валдай
- (10) @MikhailBaskov Включайте <http://www.vesti.ru/videos?vid=onair> ... Смотрим #Валдай — #путин говорит, и разные другие граждане

Случаи, когда хештег одновременно выполняет несколько функций: обозначает не только тему сообщения, но также участника ситуации (актант или сирконстант), — уже являются следующим этапом развития функционала хештегов. Это становится возможным, когда в тему превращается наименование участников или места, в котором проходит то или иное событие.

В русскоязычном Твиттере также появилось такое явление, как маркировка словоизменительных показателей фиксированных хештегов путем механического прибавления к начальной форме хэштега, без учета морфологических, морфонологических и орфографических правил русского языка (см. примеры (12–13)) или сохранение исходной формы в контексте, требующем другой формы:

- (11) @EuFaraday #Дорофей сбежал из #Кремль очень долго он #бежал. Он бы точно в #Кремль вернулся, но таджики мимо шли

Словоизменительные окончания также могут отделяются от исходного слова диакритиками или пунктуационными и орфографическими знаками (апострофом, дефисом):

- (12) @GareevRussia Президент России Владимир Путин сегодня на #Валдай'е. Обсуждались самые разные темы, включая и сирийский вопрос pic.twitter.com/fZxaKwsg9a

- (13) @Sergey_Sergey_G #Геи из #Кремль-я и #ППЦ в который раз отстояли своё "первородство" в этом "нелёгком деле". Никто не сравнится с ВВП!
pic.twitter.com/AyJJgiGp2m

В других случаях словоизменительные окончания не отделяются, а получившаяся форма слова представляет собой новый хештег, который окончательно перестает выполнять функцию создания списков твитов:

- (14) @sasha_drook Наткнулся случайно на письмо #Путину от М.К. #Ганди. Прислал, говорят, аноним. ОН, думаю и с того света написать сможет

Хештег как оценочное имя

Прототипической функцией использование хештегов не ограничивается. Референтное маркирование конкретного события или персонажа может сопровождаться появлением прагматического компонента значения. Этот компонент выражает отношение адресанта к персонажу или событию. Сочетание определенной референтности с прагматической оценкой актуализируется в акте нейминга [Иссерс 2009] и часто используется в рекламном или политическом дискурсе. Имена-этикетки становятся средством создания определенным образом окрашенного представления об обозначаемом персонаже или явлении. Массовое употребление того или иного хештега в такой функции становится медийным событием и попадает на страницы СМИ. Примерами таких квазисинонимов, которые используются в русском Твиттере, можно считать хештеги для обозначения российских политиков Дмитрия Медведева (#Димон, #жалкий, #ЯПередамЭтоВладимиру) и Владимира Путина (#Обещалкин, #путинкраб, #главстерх, #освистанный, #ботокс).

Если анализировать представленные примеры, становится очевидным, что источником для оценочного нейминга выступают лексемы, в сигнификативное значение которых входит оценка (#жалкий), лексемы, имеющие оценочные коннотации, и производные от них (#Обещалкин), а также слова и словосочетания, которые получили окказиональное прагматическое оценочное значение путем речевых семантических переходов и языковой игры.

Так, одним из популярных источников для нейминга становятся цитаты или переиначенные цитаты. В результате метонимического переноса цитата замещает имя ее автора. Например, #путинкраб — из выражения «как раб на галерах», которое Путин употребил по отношению к себе. Или #ЯПередамЭтоВладимиру — прямой перевод фразы, которую президент Дмитрий Медведев сказал на переговорах

с президентом США Бараком Обамой⁹. Для образования хештегов используются и другие виды метонимического переноса. Например, #ботокс для обозначения Путина после распространенного в сети слуха о том, что тот провел соответствующую косметическую операцию. В некоторых случаях оценочный референтный хештег возникает из описания ситуации, которая связана с референтом (#освистанный, #главстерх, #Димон).

Для оценочных имен характерно использование хештегов в прямой номинативной функции (возникает термовая, определенная, конкретная референтность). В этом случае они включаются в синтаксическую структуру предложения, помимо оценки, обозначая в нем свой референт:

- (15) @shegolll #Путин считает несистемную оппозицию ни на что не способной <http://www.forbes.ru/news/182694-putin-schitaet-nesistemnuyu-oppozitsiyu-ni-na-chto-ne-sposobnoi> ... ну собственно к #Обещалкин у нас те же претензии

В одном и том же предложении может быть использовано нейтральное и оценочное имя референта. Тогда мы можем говорить о случае, занимающем промежуточное положение между номинативным и предикативно-классифицирующим типом использования хештегов, при котором один хештег указывает на референт другого.

- (16) @Golovchan #Обещалкин: Владимир #Путин пообещал поднять зарплаты преподавателям вузов <http://bit.ly/zKXGPJ>

В примере (16) референт хештега #Обещалкин равен референту хештега #Путин. При прямом прочтении предложения было бы грамматично, если бы референты не совпадали. Однако, находясь в рамках дискурса в общественно-политическом сегменте русского Твиттера, читатель понимает — два хештега обозначают один и тот же референт, что создает дополнительную языковую игру. При этом дается оценка высказыванию, приведенному в твите, как пустому обещанию, которое не будет реализовано.

Для хештегов, описанных в данном параграфе, как и для большинства последующих, функция создания более сложного текста (монолога или диалога) из последовательности твитов отходит на второй план. Тем не менее, последовательность не связанных друг с другом твитов разных авторов имеет большую семантическую общность, так как со-

⁹ Имеется в виду саммит в Сеуле в сентябре 2011 года. Запись, произведенная с невключенных микрофонов, оказалась доступна журналистам «The Telegraph» и вызвала общественный скандал, так как на тот момент Медведев занимал должность президента, а Владимир Путин, который тут имеется в виду, был только премьер-министром.

держит большее количество связующих твиты семантических компонентов: в частности, обозначаемый референт и одинаковую его оценку.

Предикативно-классифицирующая функция

Хештеги могут использоваться и в чисто предикативной функции, когда явлению, событию, персонажу, о котором идет речь в твите, приписываются свойства, позволяющие отнести его к тому или иному классу событий, состояний, объектов и пр. Например:

- (17) @igor_boston #жизньболь твоя любимая группа никогда не приедет в твой мухосранск

При этом источниками хештегов могут стать оценочные лексемы, устойчивые выражения или просто классифицирующие именные группы:

- (18) @ann_sereda Хватит ныть, что в школе плохо. Умирать не надо, нужно просто делать то, что от тебя требуют и все. !! #нытики
(19) @Altoir76 Съездил в больницу, и, случайно взвесившись, узнал, что вешу 74, 5, хотя год назад весил 71 #хорошо

При этом стоит отметить следующее: хештеги этого типа не имеют конкретной референции, а обозначают способность ситуации (или ее участников) входить в тот или иной класс объектов и/или приписывают событию ту или иную оценку. От предыдущего типа оценочных имен такие хештеги отличаются тем, что не используются в номинативной функции и не имеют определенной референции.

В данном случае, когда хештег используется разными авторами, его текстообразующая функция так же вызывает сомнения, как и в случае с тематическими хештегами.

Модальная функция

Хештеги могут выполнять еще одну прагматическую функцию, выражая модальность высказывания и одновременно соотнося данное высказывание с классом высказываний подобной модальности. Примером такого использования выступает хештег #ИМХО, который является транслитерацией известного английского устойчивого выражения «In My Humble Opinion», регулярно применяемой в языке интернета.

- (20) @AliceJakkey Не хочу никого обидеть, но Пушкин — далеко не великий поэт. Аналогично и с Шекспиром, который, на мой взгляд, не великий драматург #имхо

В этом случае хештег не несет ни предикативной, ни номинативной функции, а выступает в роли маркера модальной рамки высказывания. Использование одного и того же хештега такого типа разными авторами также не приводит к возникновению текста.

Хештег как маркер самого себя

Развитие практики использования хештега в русскоязычном Твиттере привело в некоторых случаях к функциональной девальвации данного маркера. Пользователи Твиттера начали вставлять знак # перед любыми словами, в том числе перед теми, которые не маркируют тему сообщения, не дают оценку, не классифицируют явления и не выражают модальную рамку высказывания. В этом случае хештеги не маркируют связность текста, даже если они использованы одним автором. Функция хештега становится металингвистической и сводится к отнесению данного текста к списку не связанных друг с другом твитов, объединенных исключительно фактом использования данного слова.

(21) @Qqgyza #больше #бы #радости

Хештег vs. заголовок

Хештег в изначальной функции отчасти играет роль заголовка, который маркирует тему сообщения (информативная функция заголовка, по [Веселова 1989]). При этом, в отличие от заголовка традиционных текстов (художественных, текстов СМИ и т. д.), хештег не является именем текста, то есть не выполняет по отношению к нему номинативной функции. Соответственно, он не может ни представлять, ни замещать текст [Веселова 1989].

Общими для хештегов и заголовков являются также предикатно-классифицирующая и отчасти модальная функция. У заголовков исследователи уже отмечали наличие подобного функционала (экспрессивно-апеллятивная функция в классификации [Веселова 1989]).

В силу того, что длина сообщений в Твиттере не превышает 140 символов, такие функции, как выделение текста или рекламирование, не релевантны: каждый твит и так выделен и слишком мал, чтобы требовать дополнительного рекламного подчеркивания.

В то же время хештег обладает функцией, не свойственной заглавиям: во многих случаях хештег маркирует в каждом отдельном твите принадлежность этого твита к более сложному тексту или набору высказываний, связанных тем или иным образом.

Заключение

Развитие новых языковых жанров, связанных с появлением новых типов социальных сетей, приводит к возникновению новых текстовых единиц. При этом отсутствие осознания нормативности (в частности, жестких запретов на использование единицы) в речевой деятельности при производстве текстов в интернете приводит к довольно быстрому развитию новых функций у тех единиц, которые первоначально имели ограниченный функционал. Краткий анализ такого текстового элемента, как хештег, демонстрирует, что этот элемент выполняет различные функции и дает большой простор как для языковой игры, так и для более емкого выражения значений без использования средств синтаксиса естественного языка. Хештег можно обобщенно описать как маркированный элемент предложения или текста, который имеет особый коммуникативный статус (ср. со статусом подлежащего), конкретная функция которого в речи, однако, варьирует в зависимости от намерений говорящего.

Литература

- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2009.
- Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению (специальности) «Связи с общественностью». М.: Флинта; Наука, 2009.
- Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: Антология и поэтика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тверь, 1989.

Ю. М. Кувшинская

Аббревиация в речи интернет-форумов¹

В работе описаны разновидности аббревиатур и других сокращений, используемых в речи интернет-форумов, рассмотрены их функции и особенности употребления. Автор выявляет связь активного употребления сокращений того или иного вида с их функциями в интернет-речи.

Ключевые слова: аббревиатуры, язык интернета, форум, потенциальное словообразование

С начала распространения «всемирной паутины» язык интернета привлекает внимание исследователей. Не вызывает сомнения то, что интернет представляет собой особую сферу коммуникации, для которой характерны как уникальные правила речевого поведения, так и специфические черты собственно речи, соединившей в себе письменное и устное начало, спонтанность и подготовленность, заочность (в том числе анонимность) — и доверительность и др. [Бергельсон 2002, Crystal 2004, Мечковская 2006, Сидорова 2006, Какорина 2007].

Сетевое общение начала 90-х ознаменовало невиданное раскрепощение речевого поведения. Общий для русского языка этой эпохи процесс демократизации, стремление к яркой экспрессивности в публичной речи — в том числе к экспрессии, создаваемой при помощи жаргонных, просторечных средств, общенной лексики — особенно ярко проявили себя в интернет-общении. Неофициальность и неформальность, разнообразное и открытое каждому посетителю языковое творчество, свободное и приобретшее статус манифеста нарушение речевых норм (особенно в языке дискуссионных групп) стали восприниматься как конститутивный признак интернет-речи и поставили перед исследователями вопрос о ее статусе. Какое место она занимает в системе русского языка? Можно ли считать интернет-общение особой функциональной разновидностью речи [Иванов 2000: 7, 10–11]? Какое именно влияние оказывает интернет-речь на общелитературный и разговорный язык? В контексте этих проблем были высказаны весьма существенные суждения о том, что вирту-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

альная коммуникация является «мостиком» между письменной и устной речью [Бергельсон 2002: 3], что язык интернета представляет собой образование, находящееся «над подъязыками и отдельными функциональными разновидностями», объединяет «множество жанровых подсистем, разделяющихся, в свою очередь, на отдельные жанры», подобно художественной или разговорной речи [Иванов 2000: 11]. Однако для глубокого уяснения специфики языка интернета необходимо внимательное изучение его разнообразных проявлений, в особенности частых.

В данной работе мы обратимся к явлению, которое признается характерной чертой интернет-общения [Иванов 2000: 12–13, Мечковская 2006], но в то же время обычно — и справедливо — не включается в перечень наиболее ярких особенностей, отличающих интернет-язык от других речевых сфер. Речь пойдет об использовании аббревиатур.

Аббревиация — «способ словообразования, объединяющий все типы сложносокращенных и сокращенных образований» [Русская грамматика, § 203] — собственно говоря, не составляет уникальной черты интернет-речи. Этот способ используется в русском языке довольно активно. Е. А. Земская отмечает сравнительно высокую частотность аббревиатур в 80-х гг. XX в.; эта тенденция сохраняется и в начале XXI в. [Земская 2009: 50–51; Виноградова 2011: 28–30].

В то же время Е. А. Земская указывает на то, что аббревиатуры в большей степени характерны для письменной речи: «Что касается живого РЯ, то в нем как способ словообразования буквенная и звуковая аббревиация почти бездейственна. Этот способ создания слов не допускает мгновенного появления слова, тут же понятного слушателю, как это бывает при порождении слов способом суффиксации, префиксации и др. Любая аббревиатура, рождаясь, требует расшифровки, а это, естественно, мешает ее спонтанному возникновению. Породить аббревиатуру в РЯ, чтобы ее тут же объяснить, можно лишь при установке на шутку, комический эффект. Разговорные аббревиатуры обычно бывают нарочито шутливыми...» [Земская 2009: 53].

Тем не менее известно, что аббревиатуры характерны для интернет-коммуникации в рамках таких неформальных, дискуссионных, наиболее явно и ярко совмещающих письменное и разговорное начало жанров, как форум, чат, блог, электронный дневник, т. е. жанров, для которых характерна спонтанность речи [Бергельсон 2002; Мечковская 2006; Сидорова 2000; Crystal 2004: 28–48 и др.].

Что же обуславливает использование такого рода знаков, требующих расшифровки, собеседниками, которые нередко незнакомы и вступают в общение впервые? Н. Б. Мечковская считает, что, в частности, употребление широко известных в русскоязычной сети англоязычных аббревиатур «вызвано отнюдь не стремлением к экономии или рационализации

связи; это чисто игровой момент в сетевом общении» [Мечковская 2006]. В то же время несомненно, что аббревиатуры, используемые в подобных жанрах, различны и по формам, и по функциям: игровая функция присуща не всем видам и, как кажется, не является единственным назначением даже англоязычных аббревиатур. Некоторое приближение к ответу дают размышления М. Б. Бергельсон об «уравновешивании» противоположных стремлений участника интернет-коммуникации, который, с одной стороны, руководствуется речевой экономией, а с другой — вынужден бороться за внимание часто незнакомого ему собеседника и использовать с этой целью разнообразные средства, в том числе графические [Бергельсон 2002: 3]. Вероятно, аббревиатуры в дискуссионных жанрах представляют собой своего рода компромисс между стремлением к экономии, к экспрессивности и желанием привлечь внимание адресата.

В целом употребление аббревиатур в сетевых жанрах традиционно связывается с влиянием англоязычного интернета [Иванов 2000: 12; Мечковская 2006 и др.]. Известно, что аббревиатуры широко распространены в англоязычном виртуальном пространстве, как распространены они в письменном и устном английском языке (в устном постольку, поскольку речь идет о шутливых употреблениях и разговорных сокращениях — *lab*, *cap*, *inter* (*interested*)). В ряде работ о языке интернета предлагаются перечни английских аббревиатур и акронимов, используемых в русскоязычном интернете, и русифицированных вариантов этих аббревиатур:

IMHO (*In My Humble Opinion*) — «по моему скромному мнению» (*ИМХО*)

AFAIK — *as far as I know*

IOW — *in other words*

ROFL — *rolling on the floor laughing*

и др. [Мечковская 2006; Какорина 2007: 419–420]

Влияние аббревиации, принятой в английской интернет-речи, на русскую интернет-речь вряд ли можно оспаривать. Однако, поскольку разнообразие аббревиатур, в том числе русского происхождения, в интернете очень велико, их широкое распространение вряд ли может быть обусловлено исключительно влиянием англоязычной сети. Не менее справедливым будет утверждение о том, что использование аббревиатур вызвано спецификой интернет-общения (такую интерпретацию, в частности, предлагает D. Crystal [Crystal 2004: 156], ср. также приведенные выше суждения М. Б. Бергельсон); с другой стороны, и в русской речи за пределами интернета аббревиация весьма продуктивна [Земская 2009: 50–51].

Попытаемся описать употребление, виды и функции аббревиатур, используемых участниками современных интернет-форумов.

Форумы, так же как и чаты, блоги, демонстрируют весьма специфический тип общения, возникший именно в сети. Нельзя не согласиться

с Л. Ю. Ивановым, который указывает на важное различие интернет-жанров: существуют «жанры, исконно сетевые, т. е. порожденные самим использованием языка в сети, и жанры, заимствованные ... из других сфер общения. К первым относятся, прежде всего, жанры неспециального общения — чаты и дискуссионные группы» [Иванов 2000: 10]. Форум² предполагает, как правило, непрофессиональное общение на предложенную тему, в котором участвует одновременно некоторая группа пользователей. Эта группа не ограничена по своему составу и количеству участников, в общение включается любой зарегистрированный посетитель. Участники форума нередко друг с другом не знакомы или знакомы только по предшествующему общению в сети — это требует от каждого из них соблюдения основных речевых норм и использования лишь тех средств, которые будут понятны в данной группе. Участники объединяются на основе их заинтересованности темой. При этом среди них могут оказаться как специалисты по данной теме, так и новички. Таким образом, язык форумов, действительно, не предполагает специального, профессионального общения и обычно ориентирован на довольно широкую аудиторию.

Именно по причине специфичности общения на интернет-форумах интересно выяснить, какие аббревиатуры и как используются в речи этих дискуссионных групп.

Материалом исследования послужили форумы, посвященные различным темам и предполагающие как закрытое, так и открытое общение, как общепринятые в публичном общении, так и специфические для интернета темы обсуждения (аниме, язык интернета):

Сайт «Луркморье», форум:

http://lurkmore.to/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0

Chemport.ru, тема «Зачеты»:

<http://www.chemport.ru/forum/viewtopic.php?f=23&t=3742&sid=69535b0ba4f4bbd4bac64168b8b29afc#wrap>

Кулинарный форум:

<http://forumishka.net/kulinarnyi-forum/19546-bluda-v-gorshochkah-2.html#post270390>

Московский марш бросок. Полевой журнал (форум):

http://mypg.ds8.ru/index.php?option=com_fireboard&Itemid=35&func=view&catid=22&id=713#713

² В сети существуют и профессиональные форумы, но даже там общение предполагает неформальный тон и различную степень осведомленности участников разговора. Таким образом, форум — намного менее специализированный жанр чем, например, интернет-конференция и т. п.

Медицинский форум:

<http://kronportal.ru/forum/showthread.php/9052-%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-cured>

Форум «Cats»:

<http://forum.mau.ru>

Форум болельщиков баскетбольных команд:

БК НН ФАН сектор — Мы здесь! www.nn-basket.ru

«RC-MIR.COM»:

http://forum.rcmir.com/topic1960092_110.html#top

Форум «Росбалт»:

<http://forum.rosbalt.ru>

Форум «Новый регион»:

<http://www.nr2.ru/forums/339304.html>

Официальная мастерская аватаров и подписей:

<http://www.anibox.ru/forum/36-2262-4>

Форум «Аниме»:

<http://www.anibox.ru/forum/85>

Прежде всего, попытаемся описать функционально-тематические разновидности аббревиатур, использующихся на форумах. В результате анализа аббревиатур, встретившихся в нашей выборке, удалось выделить следующие разновидности:

1) аббревиатуры, характерные для языка интернета и принадлежащие преимущественно к компьютерному жаргону [Виноградова 2001; Мечковская 2006]:

PM — *Private messages*, личный почтовый ящик участника форума

ЛС — личное сообщение, русскоязычный аналог *PM*

инет — интернет

рега (например: «ссылки на регу») — регистрация

статы — статистика

модер (модеры) — модератор(ы)

инфа — информация

Большинство приведенных слов выражают главным образом специфические понятия интернет-среды, носят специализированный, терминологический характер.

2) аббревиатуры, характерные для языка интернета и представляющие собой оценочные реплики и дискурсивные слова. Большая часть из них может быть отнесена к коммуникативам [Шаронов 2009 и др. работы автора], функция которых заключается в реагировании на слова собеседников и выражении субъективно-оценочных смыслов:

ИМХО — транслитерация английской аббревиатуры *IMHO* (*In my humble opinion*)

ПМСМ (перевод и аббревиация приведенного выше английского выражения: «По моему скромному мнению»)

хз где — обценное выражение

*подь**а* — обценное выражение

тв.. мать — обценное выражение

*ПНД*³ (например: «Сразу заметно, что весна — у прихожан ПНД — обострение!») — *психоневрологический диспансер*; выражение употребляется как негативно-оценочное.

*ФГМ*⁴ (например: «Ржунимагу!!! 🐼 Давно такого ФГМ не встречал!!!») — *фимоз головного мозга* (вымышленное заболевание, которое упоминается с целью выражения негативной оценки, ради осмеяния, унижения собеседника или третьего лица)

УГ — «унылое г...»; выражение негативной оценки, в коннотации входит указание на скуку, невыразительность, непривлекательность, бездарность.

Например: «Оказывается, российская гимнастика не УГ (как я думал)...» (форум «RC-MIR.COM»)

кста — *кстати*

Стоит отметить, что в нашей выборке речь форумов оказалась небогата общепринятыми буквенными аббревиатурами-коммуникативами и другими оценочными формами; из всего разнообразия подобных аббревиатур употребляется ИМХО (иногда, реже, в варианте ПМСМ), у одного пользователя — УГ, у единичных — ФГМ и ПНД; изредка обценные сокращения. Любопытно, что английские аббревиатуры употребляются мало; чаще — их русскоязычные аналоги или собственно русские по происхождению аббревиатуры. В частности, вместо принятой в англоязычном интернете и перешедшей в интернет русскоязычный дискурсивной аббревиатуры *BTW* — *by the way* участники форумов употребляют русское сокращение *кста*.

3) аббревиатуры, характерные для других сфер речи:

А) Разговорные и просторечные сокращения:

дисер — *диссертация*

магаз — *магазин*

инет-магаз — *интернет-магазин*

экзоты — *экзотические растения*

азербы — *азербайджанцы*

прибалты — *жители Прибалтики*

тыр (например, *зарплату в 10 тыров, 15 тыр*) — *тысяч рублей*

щас, счас — *сейчас*

где-нить — *где-нибудь*

³ Значение аббревиатуры и примеры употребления можно найти на сайте «Луркморе».

⁴ Значение аббревиатуры и примеры употребления можно найти на сайте «Луркморе».

Как можно заметить, большинство названных сокращений широко употребляются в разговорной речи. Особый случай представляет собой жаргонное употребление «5 тыр», «10 тыров» — тысяч рублей. В нашей выборке оно встретилось в речи лишь одного участника форума, однако поиск в НКРЯ показывает, что такая аббревиатура со значением *тысяч рублей* употребляется в речи дискуссионных групп интернета (5 примеров в текстах из Основного корпуса НКРЯ, созданных с 1990 по 2013 г.). Буквенная аббревиация — *т. р.* — сопровождается здесь добавлением гласного «ы» — очевидно, в целях облегчения произношения и одновременно создания комического эффекта. Здесь проявляется характерное для компьютерного жаргона и общения в интернете игровое, карнавальное начало [Виноградова 2001; Мечковская 2006]. Несмотря на письменную основу этого образования — ориентированность на принятое в документации сокращенное обозначение *т. р.*, — его жаргонная природа, ненормированность проявляется в неустойчивости грамматических форм: один и тот же автор колеблется при образовании формы родительного падежа — *тыр* или *тыров*.

Б) письменные по преимуществу формы, употребляющиеся в различных сферах речи:

норм — нормально

соотв — соответственно

МСК — Москва (в сообщении о человеке, который летел в Москву из Милана; аббревиатура принята как обозначение Москвы в авиабилетах)

кхн — кандидат химических наук

кфн — кандидат филологических наук

кап. страны — капиталистические страны

худ. гимнастика — художественная гимнастика

комм. движение — коммунистическое движение

кол-во — количество

т. к. — так как

КРК — культурно-развлекательный комплекс

Такого рода сокращения встречаются в документах, некоторые из них — в научных текстах, а также в учебных (вторичных) жанрах, например, в конспектах.

4) аббревиатуры, характерные для специальной речи

Здесь можно выделить школьную и студенческую речь, речь болельщиков, медицинскую и политическую речь, речь любителей аниме или походов, общение по поводу создания аватар (изображений, представляющих участника форума, чата, владельца электронного дневника) и др.

В специальной речи форумов, посвященных той или иной теме, не всегда легко отделить сокращения, порожденные собственно интернет-общением, от принятых в данной общественной сфере специальных разговорных или письменных употреблений, и это неслучайно: такие аббревиа-

туры используются для номинации специфических для конкретной сферы понятий и по сути носят профессиональный или жаргонный характер.

В частности, на спортивных форумах употребляются аббревиатуры ЧМ (чемпионат мира), БК (баскетбольный клуб) и др., которые встречаются как неформальные сокращения в том числе и в текстах СМИ.

В зависимости от темы и уровня подготовленности участников общения, в речи форумов могут активно употребляться аббревиатуры — собственно научные термины. Наиболее активно аббревиатуры-термины употребляются для общения на медицинские темы, например: БК — Болезнь Крона, ВЭБ — вирус Эпштейна-Барра (инфекционный мононуклеоз), маркеры АИП — аутоиммунный панкреатит и др.

Политика

БВ — Ближний Восток

ЯО — Японские острова

ВОВ — Великая отечественная война

2 М война — Вторая мировая война

Медицина

БК — Болезнь Крона

Крон — болезнь Крона

ВЭБ — вирус Эпштейна-Барра (инфекционный мононуклеоз)

маркеры АИП — аутоиммунный панкреатит

БАД — биологически активная добавка

ГВ — грудное вскармливание,

ГВ — гепатит В

вет (например: «пойти к другому вету») — ветеринарный врач, профессор ветакадемии

Спорт

ЧМ — чемпионат мира

х. г. — художественная гимнастика

худ.гимнастика — художественная гимнастика

(ЧМ по х. г.)

ЛА — легкая атлетика (например, «в ЛА и игровых видах»)

ЛЧ — Лига Чемпионов

БК — баскетбольный клуб

MVP (например, «MVP первого игрового месяца») — Most Valuable Professional, наиболее ценный игрок.

БК — баскетбольный клуб

БК «НН» — баскетбольный клуб Нижнего Новгорода

Учеба в вузе:

"удовл" — удовлетворительно

ОХТ — общая химическая технология

проф — профессор

фак-т — *факультет*
фак — *факультет*
(«на фак-те», «ты с 3 фака»)
препод — *преподаватель*
преподша — *преподавательница*
зафкаф — *заведующий кафедрой*
физра — *физкультура*
экз — *экзамен*
зач — *зачет*
незач — *незачет (не зачтено)*
гос — *государственный экзамен*
инфа — *информатика*
инст — *институт*
(Например: «с инстом можно прощаться?»)

Учеба в школе:

р. я. — *русский язык*
(«сочинение по р. я.»)
учит-ца — *учительница*
(«примечание учит-цы»)
лит-ра — *литература*

Туризм, походы:

ММБ — *Московский Марш-Бросок*
ПВД — *поход выходного дня*

Оформление ника и т. д.:

ава — *аватар*
(«мастер нашел арт для авы»)
фш — *PhotoShop (программный продукт)*

Форум любителей аниме:

мульти — *мультфильм*

Многие из приведенных выше аббревиатур, прежде всего школьной и студенческой сферы, представляют собой принятое в учебной документации сокращение, например: *зач.*, *незач.*, *удовл.*, *проф.*, *препод.*, *р. я.*, *лит-ра*, *физ-ра*. По таким же моделям в речи интернета создаются новые сокращения, не использующиеся в письменной речи документов: *инст.*, *учит-ца* и др.

Часть из аббревиатур свойственна устной разговорной речи: *гос*, *препод*, *физра*, *мульти*, *ава*, *ветакадемия*, *вет* и др. Однако есть устойчивые сокращения явно письменного происхождения и назначения (в том числе указанные выше), трудные для произнесения: *удовл.*, *инст.*, *х. г.*, *фш*, *2М война* и др.

Таким образом, специальные аббревиатуры, используемые на форумах, разнообразны по происхождению и сфере функционирования.

Узость тематики и заинтересованность участников в теме обеспечивают понятность аббревиатур. Обычно собеседники не прибегают к расшифровке (за редким исключением). В то же время обращает на себя внимание тот факт, что специфических, трудных для понимания сокращений немного — иначе говоря, участники общения даже в таких узких группах, как любители аниме или собиратели интернет-фольклора (сайт «Луркморье»: <http://lurkmore.to>), стремятся к доступности речи больше, чем к языковой игре [Мечковская 2006], чем к маркированию «своих» путем введения специфической для группы лексики (ср. [Иванов 2000, Виноградова 2006] о фатической функции в языке интернета и в компьютерном жаргоне) или к экономии речевых усилий (ср.: [Бергельсон 2002] о соотношении речевой экономии и стремления заинтересовать собеседника).

Аббревиатуры, употребляемые участниками форумов, строятся по различным словообразовательным моделям. Наиболее заметны в речи форумов **буквенные и звуковые (инициальные) аббревиатуры**, среди которых есть слова компьютерного жаргона (*ЛС, ПМ, ИМХО*), общепринятые в письменной речи аббревиатуры (*кхн, ВОВ, ОХТ, БК*), научные термины (БАД, ВЭБ), специальные сокращения, принятые в конкретной сфере (*ЯО, МСК, ЧМ, ММБ, ЛА*). Учитывая справедливое замечание Е. А. Земской о том, что «любая аббревиатура, рождаясь, требует расшифровки, а это, естественно, мешает ее спонтанному возникновению» [Земская 2009: 53], необходимо отметить, что такого типа аббревиатуры употребляются в тех контекстах, в которых 1) собеседники активно используют книжную, не разговорную речь и/или 2) пишущий может рассчитывать на понимание со стороны других участников беседы: буквенная аббревиатура называет специальное, общеизвестное в данной сфере, явление (*фш* — PhotoShop, *ПВД* — поход выходного дня, *х. г.* — художественная гимнастика).

Как специальные, характерные для определенной сферы аббревиатуры, так и аббревиатуры и акронимы, свойственные компьютерному жаргону, могут рассматриваться как элементы своеобразного подязыка, более или менее устойчивого, и, несомненно, имеют как номинативную (терминологическую), так и фативную (контактоустанавливающую — ср.: [Иванов 2000, Виноградова 2006]) функции. Последняя особенно ярко проявляется в употреблении специфических сетевых аббревиатур-коммуникативов и оценочных предикатов типа *УГ, ФГМ*.

Представляется, что инициальные аббревиатуры, будучи ярким, заметным знаком в речи и в то же время требуя расшифровки, т. е. представляя собой задачу, загадку для читателя, обладают своего рода «графической» экспрессивностью (ср. [Бергельсон 2002: 5]) и потому наиболее привлекательны в качестве признаков специальной речи — сетевого «подязыка», «подязыка» специальной тематической области. Стоит отметить, что «графическая экспрессивность» используется в интернет-

речи и помимо аббревиатур: в частности, эмоциональные написания слов и целых фраз прописными буквами или большей части слова – прописными буквами. Например:

БОЖЕ, Я НЕ ЗАМЕТИЛ ВАШЕ СООБЩЕНИЕ! Я отправил сообщение ещё до дедлайна, но видите, что получилось! (интернет-переписка)

ЗДоРоВо!!!! Ты такой интересный!! ! (чат; пример С. Закружного)

Несомненно, «иконический принцип» ([Бергельсон 2002: 5]), в силу которого буквенная или звуковая аббревиатура оказывается выделена и ее значение акцентировано, способствует осуществлению фатической функции, отбору и привлечению к разговору заинтересованных собеседников.

Однако это свойственно прежде всего аббревиатурам, составленным из прописных букв. Но в речи форумов встречаются — хотя и реже — аббревиатуры, состоящие из строчных букв: *фш*, *х. г.*, *р. я*. Интересно, что такие употребления явно демонстрируют основную функцию аббревиатур — стремление к речевой экономии — и не преследуют или преследуют в гораздо меньшей степени цель выразить экспрессию, развлечь или ограничить круг «избранных» собеседников: *ЧМ по х. г., неудачник без фш* (подпись под заказом аватары).

Примечательно, что звуковые и буквенные аббревиатуры минимально употребляются в общении на учебные студенческие и школьные темы — вероятно, потому, что здесь преобладают сокращения, свойственные разговорной школьной или студенческой речи. Те аббревиатуры, которые встретились на соответствующих форумах, представляют собой устойчивую терминологию (*ОХТ*) или устойчивое письменное сокращение (*р. я.*).

Наиболее характерны для речи форумов, после буквенных аббревиатур, **сокращения одного слова**, образованные с помощью **усечения основы**, как с учетом морфемного членения, так и произвольным образом. Эти слова, образованные путем аббревиации, строго говоря, не являются полноценными аббревиатурами [Русская грамматика, § 590], однако именно они весьма частотны в речи интернет-форумов. Здесь много слов собственно разговорных, просторечных или принадлежащих студенческому сленгу (который, в свою очередь, порой опирается на письменные сокращения, принятые в учебной документации, — например, *зач.*, *незач.*, *гос.*, *проф.*): *дисер*, *магаз*, *азербь*, *прибалты*, *фак*, *проф*, *препод*, *гос*, *инфа* (информатика), *вет* и др.

Встречаются слова компьютерного жаргона (и жаргона закрытых групп — например, поклонников аниме): *инфа*, *ава*, *мульти*, а также сокращения, созданные, очевидно, ради экономии и имеющие письменную основу: *инст*, *экз.*, *норм.*, *2 М война*. К последним, как представляется, принадлежат устойчивые в языке интернета сокращения вводных слов: *кста*, *соотв.*

В целом употребление таких сокращений ярко иллюстрирует действие принципа речевой экономии в интернет-коммуникации. В то же время неформальный и стилистически сниженный характер этих усеченных форм (ср. [Русская грамматика § 590]) придает им специфическую маркированность, благодаря которой в том числе осуществляется и фатическая функция.

Некоторые из подобных образований, выглядящих как сокращение слова, в то же время оказываются результатом транслитерации соответствующих английских слов, а иногда даже производным от транслитерированного английского интернет-термина (*камены, каменты* (комментарии) — *comment*; *меня проигнорили* — *to ignore*). Представляется, что эти транслитерированные формы активно употребляются в том числе и по причине «двойных» связей: заимствование (транслитерация) и усечение слова, существующего в русском языке.

Аббревиатуры, составленные из начальных частей слов, в речи пишущих на форумах крайне немногочисленны. К подобным сокращениям с полным правом в нашей выборке можно отнести лишь слова *зафкаф* (очевидно, популярность этой аббревиатуры обусловлена в том числе и созвучием ее частей), а также общепринятые *юрфак*, *Мин.Здрав*.

В. Н. Виноградова замечает по поводу использования таких аббревиатур в литературном языке: «Аббревиатуры, составленные из начальных частей слов, часто мене прозрачны и потому менее продуктивны (*Инфизкульт...*) ... они требуют расшифровки — для большинства читающих — и потому являются вторичными...» [Виноградова 2011: 29]. Тем не менее в письменной публичной речи аббревиатуры, составленные из начальных частей слов, заметно более частотны, чем в интернет-речи (ср.: *Минюст*, *зампред*, *Госснab* и т. п.). Представляется, что непопулярность этой разновидности в языке интернет-форумов объясняется тем, что эти аббревиатуры, требуя усилия для создания и будучи не вполне прозрачными для понимания, в то же время не обладают достаточной экономичностью и выразительностью буквенных и звуковых аббревиатур и не дают значимого эффекта ни для одной из целей аббревиации слов в интернет-речи.

Несколько более частотны **сокращения, представляющие собой сочетания части слова с целым словом**: *ветакадемия*, *худ.гимнастика*, *кап.страны*, *комм.движение*. Однако эти сокращения не составляют специфики интернет-языка (за исключением, вероятно, их орфографии) — они широко распространены в других сферах, прежде всего в разговорной речи. Эти аббревиатуры, легко подвергающиеся расшифровке, в то же время обладают намного меньшей экономичностью; они отнюдь не экспрессивны.

Помимо типичных для русского языка способов аббревиации, в речи форумов встречается окказиональный способ — контракция⁵, который заключается в произвольном (не обусловленном морфемным членением) усечении средней части слова при сохранении одной или нескольких начальных и конечных букв слова.

фак-т, учит-ца, лит-ра (литра), кол-во, инет, спс, а также где-нить, счас.

Этот способ известен современной книжной русской речи и применяется для условного сокращения при написании слова в документах или специальной литературе, но обычно он не подразумевает собственно аббревиации как образования нового слова. Однако в разговорной речи есть единичные устойчивые образования такого типа, возникшие на основе письменных сокращений: *физра, литра* (школьный сленг).

В речи интернет-форумов, вероятно, некоторые из приведенных сокращений тоже представляют собой временные (потенциальные) образования, условные сокращения ради экономии усилий пишущего. Однако среди них есть и устоявшиеся, часто встречающиеся употребления: *инет, СПС, кол-во* (в Основном корпусе НКРЯ за период 1995–2013 гг. встретилось 52 употребления формы *кол-во* в электронной коммуникации, преимущественно на форумах, и 24 примера — в научной, официальной, производственной, публицистической речи).

Кроме того, своего рода «фонетической контракцией» можно считать написания *счас, щас, где-нить*, вызванные неоднократно отмечавшейся в исследованиях по интернет-языку фонетизацией письма [Мечковская 2006 и др.], при этом отражается разговорное или просторечное произношение с редукцией части звуков.

Как показывают последние несколько примеров (фонетическая контракция), назначение подобных сокращений, видимо, не сводится лишь к функции экономии. Неформальность, некоторая стилистическая сниженность, легкая небрежность речи (говорящий не прикладывает усилий для употребления полной формы), присущая усеченным формам, в том числе и с сокращенной средней частью слова, создают определенную экспрессивность и, как и при употреблении других сокращений, служат осуществлению фатической функции.

Языковая рефлексия участников форумов в отношении аббревиатур проявляется более всего в колебаниях в написании сокращения как единого слова или как сокращенного словосочетания (с точками после каждой сокращенной части): *р. я., х. г.,* даже *Мин.Здрав.* Это может быть

⁵ Термин «контракция» принят в палеографии для обозначения такого сокращения, при котором сохраняются начало и конец слова. В отличие от подобных же сокращений интернет-речи, древние контракции в большинстве своем представлены священными именами и пишутся без дефиса, но под титлом [Волков 2000, Люблинская 1969 и др.].

обусловлено как недостаточными орфографическими навыками пишущего, так и тем, что сокращение представляет собой новообразование или нехарактерно для общелитературной письменной речи (употребляется только в документах).

В ряде случаев у одного и того же участника оказываются возможны различная степень и разные виды сокращения одного и того же слова/словосочетания: *х. г.* и *худ. гимнастика*. Это позволяет говорить о том, что 1) участник форума руководствуется в данном случае принципом речевой экономии больше, чем какими-то другими причинами употребления аббревиатуры; 2) некоторые сокращения не используются как готовые единицы, а создаются в случае необходимости как потенциальные слова, по продуктивным моделям аббревиации; 3) осмысление аббревиатуры как единого слова во многом связана с функцией, целью аббревиации. В последнем отношении аббревиатуры интернет-форумов, независимо от модели их образования, можно разделить на 2 условные группы: 1) те, которые осознаются как сокращения, созданные прежде всего ради речевой экономии и лишь во вторую очередь имеющие иные функции. В написании таких сокращений возможны колебания: большая или меньшая степень усечения основы, оформление как одного слова или как сокращенного словосочетания (в том числе варианты *фак/фак-т* (факультет), *лит-ра* и *литра*); 2) те сокращения, которые осмыслены как полноценные слова-аббревиатуры, которые выполняют номинативную (тезаурусную) функцию, употребляются как готовое слово в рамках определенной сферы общения и не подвергаются вариативности (*ЛС, УГ, ЧМ, ЛА, ПВД; кста, соотв., норм, спс, мульт, инф*а и др.).

Можно говорить о том, что **основными функциями аббревиатур** в языке интернет-форумов являются следующие: 1) функция речевой экономии [Бергельсон 2002: 3; Crystal 2004: 156]; 2) тезаурусная («резервуар для накопления и хранения знаний») [Иванов 2000: 5]; 3) фатическая (контактоустанавливающая) [Иванов 2000: 5; Виноградова 2002]; 4) экспрессивная (реактивная), в том числе с эвфемизацией (последнее наиболее заметно в обценных и оскорбительных аббревиатурах, а также в ряде аббревиатур терминологического характера: *ГВ* (грудное вскармливание) и др.). Очевидно, способностью к осуществлению перечисленных функций обусловлена популярность в языке интернета инициальных аббревиатур, сокращений-усечений — и непопулярность других разновидностей аббревиатур.

Интересно, что аббревиатуры, встречающиеся в интернете, склонны к развитию омонимии. В большей степени это касается инициальных аббревиатур, которые нередко имеют омонимы среди новообразований интернета или терминов самых разных областей; однако и сокращения, представляющие собой усеченное слово, тоже иногда обретают омонимы:

ПМ — помимо значений, указанных даже в «Википедии»: *пистолет Макарова*; **ПМ** — *приватное сообщение* (от английского *PM, private Message*); **ПМ** — *плавающая мастерская*; **ПМ** — *предельный максимум*; **ПМ** — *менеджер проектов* (от английского *PM, project manager*) (Википедия), из которых наиболее частотным при поиске в интернете является сокращение *пистолет Макарова*, — есть и другие употребления, например:

ПМ — *параллельные миры* (<http://пм-форум.рф>)

ПМ — *повторение материала*

(<http://rudocs.exdat.com/docs/index-547723.html?page=4>)

УГ — обценное выражение; название музыкального коллектива («УГ» — «Уникальная группа» <http://vk.com/u.g.band>), «Учительская газета» (<http://www.ug.ru>)

БВ — *Ближний Восток, тип речных судов, вентиляционные блоки, быстродействующий выключатель*, название рекламного агентства, заболевание (*бактериальный вагиноз*) и др.

инфа — *информация* (общепринятое в языке интернета), *информатика* (школьный и студенческий сленг).

Омонимия, так же как и технические совпадения (совпадения клавиш при англоязычной или русскоязычной раскладке клавиатуры), может становиться поводом для языковой игры: например, название музыкального коллектива «УГ» и обценная аббревиатура УГ; обценная аббревиатура УГ и аббревиатура, возникающая при англоязычной раскладке клавиатуры — *EU (European Union)*.

Столь явная склонность к образованию омонимов среди терминов, жаргонных и разговорных слов говорит о том, что в интернете в сфере аббревиации, особенно звуковой и буквенной, мы по большей части имеем дело с потенциальным словообразованием [Земская 2007], так же как и в научной книжной речи при замене ключевых повторяющихся терминов аббревиатурами (ср. употребление терминов-аббревиатур в работах [Иванов 2000, Сидорова 2006 и др.]). На потенциальный характер аббревиатур интернета указывает и тот факт, что частотность образования и употребления аббревиатур на форумах значительно повышается, когда общение концентрируется на специальных темах, т. е. участники беседы легко создают аббревиатуры из тех слов и словосочетаний, которые называют основные для данной темы и часто повторяющиеся понятия. В этом отношении можно согласиться с Л. Ю. Ивановым в том, что в сетевых дискуссионных жанрах большая часть аббревиатур осознается как заново созданная единица, однако представляется, что мы имеем дело не с окказиональным словообразованием [Иванов 2000: 16], а с потенциальным, опирающимся на высокопродуктивные в общелитературном языке или в определенных сферах модели.

Таким образом, мы можем утверждать, что аббревиатуры в речи интернет-форумов образуют диффузную сферу, отличающуюся набором различных функций и соответственно разнообразием видов аббревиа-

тур, включающую в себя диапазон форм, от устойчивых и общепринятых в языке интернета коммуникативов, интернет-жаргонизмов и др. (или принятых в общелитературном языке аббревиатур) до новообразований потенциального характера или разговорных явлений (или явлений, характерных для узкой сферы функционирования — например, документов), обретающих в языке интернета публичное письменное употребление. В этой сфере активно проявляется языковое творчество, столь присущее интернету, — как через активное словообразование, так и через игровое, оценочное, фатическое употребление устойчивых или новых сокращений.

Литература

- Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. №1. С.55–67 / russcomm.ru/rca_biblio/b/bergelson-text07.doc.
- Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 2011.
- Виноградова Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 203–216 / <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradova-01.htm>
- Виноградова Н. В. Компьютерный жаргон в аспекте гендер-лингвистических исследований // Исследования по славянским языкам. № 7. Сеул, 2002. С. 111–124 / <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradova-02.htm>
- Волков А. Аббревиатуры // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 1. М., 2000. С. 35–37.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 2009.
- Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 2007.
- Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. 2000. <http://www.faq-www.ru/lingv.htm>
- Какорина Е. В. Язык интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007. С. 393–479.
- Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. № 2 (12). М., 2006. С. 165–185 / <http://www.philology.ru/linguistics2/mechkovskaya-06a.htm>
- Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969.
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.
- Сидорова М. Ю. интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М., 2006.
- Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006.
- Шаронов И. А. Коммуникативы и методы их описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 543–548 / www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/84.pdf
- Crystal D. Language and the Internet. Cambridge, 2004.

М. В. Худякова

Как озвучить мнимый текст? Литуратив и средства его выражения при чтении

В работе описывается эксперимент с чтением вслух фрагментов интернет-текстов, содержащих так называемые литуративы — намеренно зачеркнутые, но видимые элементы предложения. При чтении вслух информанты использовали специальные средства для обозначения литуратива — как лексические, так и фонетические: интонацию, паузацию, изменение громкости речи.

Ключевые слова: литуратив, зачеркивание, чтение, лексика, просодика, громкость, хезитация

Введение

В последние годы появился ряд работ, посвященных особому шрифтовому приему, распространенному в интернет-коммуникации — зачеркиванию, или литуративу (термин введен Гусейновым [Гусейнов, 2008]; см. [Рыжков, 2009; Занегина, 2009; Пиперски, Сомин, 2013]). Этот прием заключается в намеренном зачеркивании части текста, при этом зачеркнутый текст достаточно четко виден, чтобы его можно было без труда прочитать, например:

- (1) *Привет, меня зовут Ольга. Моя семья вслед за мной «заболела» Испанией. Я ~~продала офис, сотрудников, родину~~, перешла на удаленную работу и фриланс.* (из блога, 2013)
- (2) *Недавно одна френдесса интересовалась, как вообще одеваться, когда ей будет за 30? ~~Когда, по мнению юных див, жизнь заканчивается?~~ Типа молодежно-студенческие луки уже ни к месту, а "элегантный" стиль ей не нравится.* (из блога, 2013)

К настоящему времени описаны семантические свойства литуратива [Гусейнов, 2008; Занегина, 2009; Пиперски, Сомин, 2013] и его место среди других приемов языковой игры [Гусейнов, 2008; Пиперски, Сомин, 2013; Рыжков, 2009].

Литуратив может употребляться только в печатной форме. Однако иногда возникает необходимость прочитать вслух написанное на экране компьютера. В таком случае неизбежно должен возникнуть вариант прочтения «мнимого текста», или же особая стратегия его опущения. Мы

пытаемся понять, какие стратегии озвучивания зачеркнутого текста выбирают носители языка и можно ли выделить особую просодию литуратива.

Мы также считаем, что это исследование стратегий озвучивания литуратива может быть использовано в разработке систем синтеза речи: для создания просодических шаблонов чтения зачеркнутого текста.

Семантика литуратива и классификация литуративов

Исследователи семантики литуратива отмечают важную особенность приема зачеркивания: в отличие от обычного зачеркивания при письме, в печатном тексте прием привлекает внимание к якобы удаленной части текста [Занегина, 2009]. Литуратив близок к таким средствам языковой игры, как ирония и сарказм.

На данный момент существуют три основных работы, посвященные семантике литуративов: статья Г. Ч. Гусейнова «Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы» [Гусейнов, 2008], в которой произведена первая попытка описания и классификации литуративов, статья Н. Н. Занегиной «Я этого не говорил: о литуративах, зачеркиваниях или мнимых текстах» [Занегина, 2009] и статья А. Ч. Пиперски и А. А. Сониной «Литуративы в русском интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования» [Пиперски, Сомин, 2013].

Г. Ч. Гусейнов описывает литуратив с помощью самого приема, он выделяет пять уровней значения:

1. «~~Все-то вам, дуракам, приходится объяснять, а то ведь сами бы не поняли, ага!~~»;
2. «~~На самом деле, я хотел сказать вот это!~~»;
3. «~~Все дозволено~~»;
4. «~~Хоть я и понимаю, что так говорить не принято~~, современные технологии позволяют мне ненадолго и почти безболезненно обойти требования приличий (политической корректности, логики и т. п.), но потом вернуться к привычной повестке дня»;
5. «~~Хоть я и понимаю, что кому-нибудь хотелось бы сказать это~~, по здравом размышлении нельзя не признать вот это».

Н. Н. Занегина также выделяет пять основных типов литуратива:

1. «Не буду говорить неприятное» (зачеркнуто подвергшееся внутренней цензуре);
2. «Не буду говорить неправду» (зачеркнуто нечто желаемое, но неистинное);

3. «Не буду говорить правду» (зачеркнута неприглядная по сути или по форме — стилистически сниженная — правда);
4. «Не буду говорить банальности» (зачеркнута устойчивая языковая конструкция, языковой шаблон);
5. «Не буду говорить».

Кроме классификации по семантическому основанию, Занегина предлагает и классификацию литуративов по синтаксическим особенностям.

Нам кажется наиболее удачной классификация в работе [Пиперски, Сомин, 2013], поскольку она исходит как из семантических, так и из синтаксических особенностей литуративов. Классификация основана на сочетании трех бинарных признаков: наличия синтаксической замены зачеркнутого текста, нарушения постулатов коммуникации (а именно, постулатов истинности, количества, ясности и релевантности) и влияния зачеркнутого текста на отрицательное впечатление об авторе (в связи с нарушением автором каких-либо этических норм, непризнании им ценностей и т. п.). Пиперски и Сомин выделяют 6 типов литуративов:

1. [+ замена][+ нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]
2. [+ замена][+ нарушение постулатов][– отрицательное впечатление]
3. [+ замена][– нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]
4. [– замена][+ нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]
5. [– замена][+ нарушение постулатов][– отрицательное впечатление]
6. [– замена][– нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]

Описание эксперимента

Литуратив — графический прием, и в большинстве ситуаций нет необходимости оглашать напечатанный текст, в котором применяется прием зачеркивания. Однако нам интересно узнать, какова устная реализация этого приема в тех случаях, когда текст с литуративом читают вслух.

Для проведения эксперимента мы отобрали тексты из двух сообществ Живого журнала (livejournal.com). В сообществе *odin-moy-den* каждый пост представляет собой рассказ об одном дне из жизни автора, с фотографиями и видеозаписью. В сообществе *your-look-today* участники выкладывают фотографии и описание своих нарядов.

Мы отобрали 12 отрывков текстов длиной от 35 до 126 слов. Каждый отрывок представляет собой законченный абзац, при этом содержит зачеркнутый текст. Каждому из типов литуратива, по классификации Пиперски и Сомина [Пиперски, Сомин, 2013], соответствуют два отрывка.

Ниже мы приводим по одному примеру предложений из отобранных отрезков для каждого из типов.

- [+ замена][+ нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]
- (3) Я ~~продала офис, сотрудников, родину~~, перешла на удаленную работу и фриланс.
- [+ замена][+ нарушение постулатов][– отрицательное впечатление]
- (4) Сейчас будет рассказ про 20 июля, день, который мы с моим парнем провели, путешествуя ~~на оленях~~ на велосипедах по финской Карелии.
- [+ замена][– нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]
- (5) Дело в том, что 7 июля сего года мне стукнуло два раза по семнадцать с половиной и мы так ~~фотогенично~~ здорово провели этот день, что я не удержалась.
- [– замена][+ нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]
- (6) Недавно одна френдесса интересовалась, как вообще одеваться, когда ей будет за 30? Когда, по мнению юных див, ~~жизнь заканчивается~~?
- [– замена][+ нарушение постулатов][– отрицательное впечатление]
- (7) Меня зовут Владимир ~~Ильич~~ и мне уже 24 года.
- [– замена][– нарушение постулатов][+ отрицательное впечатление]
- (8) Хочу поделиться своим свадебным образом и ~~вымышленным~~ нарядом для мужа.

Кроме 12 текстов с литуративом, были отобраны 9 отрывков текстов без литуратива длиной от 32 до 78 слов. Это было сделано для того, чтобы испытуемые не догадались о цели эксперимента.

В исследовании приняли участие восемь испытуемых женского пола в возрасте от 21 года до 34 лет. Все испытуемые — активные пользователи интернета и ведут свой блог в Живом журнале, т. е. знакомы с приемом зачеркивания.

Испытуемым давалась следующая инструкция: «Ваш друг не может подойти к экрану компьютера, но очень хочет прочитать, что написали о сегодняшнем дне его друзья. Поэтому он просит Вас прочитать ему сообщения вслух. Прочитайте, пожалуйста, френдленту¹ Вашему другу».

Нас интересует, какими просодическими и лексическими средствами выражают литуратив при чтении. Мы проанализировали записи восьми участников эксперимента и получили данные о том, какие лексические средства используются для выражения литуратива. Также мы рассмотрели просодические характеристики произнесенного текста и выявили несколько стратегий маркирования литуратива при чтении вслух.

¹ Френдлента — подборка сообщений от пользователей и сообществ, включенных пользователем в список друзей. Сообщения во френдленте организованы в обратном хронологическом порядке, от самых новых к самым старым.

Лексические средства выражения литуратива

Как показал эксперимент, литуратив часто бывает выражен лексическими средствами. Только в 10 случаях из 96 испытуемые не использовали никаких лексических средств для кодирования литуратива. В остальных 86 случаях для обозначения зачеркнутого текста использовались выражения «то есть» (после прочтения зачеркнутого фрагмента) и «зачеркнуто» (как после прочтения, так и перед оглашением зачеркнутого фрагмента). Других лексических средств для обозначения литуратива испытуемые не использовали. При этом «то есть» использовалось только в том случае, когда литуратив был типа [замена+], а слово «зачеркнуто», произнесенное после озвучивания зачеркнутого текста, встречалось только у одного участника эксперимента. Полное распределение лексических средств выражения литуратива приведено в Таблице 1.

Таблица 1. Лексические средства выражения литуратива

Тип литуратива	нет лексического средства выражения	«то есть»	«зачеркнуто» после зачеркнутого текста	«зачеркнуто» перед зачеркнутым текстом
[+ замена] [+ нарушение постулатов] [+ отрицательное впечатление]	1	12	3	0
[+ замена] [+ нарушение постулатов] [– отрицательное впечатление]	2	4	9	1
[+ замена] [– нарушение постулатов] [+ отрицательное впечатление]	0	8	7	1
[– замена] [+ нарушение постулатов] [+ отрицательное впечатление]	3	0	13	1
[– замена] [+ нарушение постулатов] [– отрицательное впечатление]	2	0	13	1
[– замена] [– нарушение постулатов] [+ отрицательное впечатление]	4	0	12	0
Всего	12	24	57	4

Просодические средства выражения литуратива

Разные испытуемые продемонстрировали различные стратегии в просодическом оформлении литуративов. Таким образом, невозможно выявить одну общую «просодию литуратива». Однако мы обратим внимание на некоторые черты, характерные для произнесения зачеркнутого текста.

Мы проанализировали четыре просодические характеристики: изменение частоты основного тона (тонального регистра), темп, длину пауз и интенсивность аудиосигнала (физический аналог громкости). Для анализа просодических характеристик мы использовали программу Speech Analyzer 3.1 (<http://www-01.sil.org/computing/sa/index.htm>).

Как показал анализ, в речи испытуемых литуратив не был выражен ни изменением тонального регистра или особым интонационным контуром, ни значимым изменением темпа речи (темп речи измерялся в слогах, и значимым признавалось различие в 30 мс., как в работе [Bryant 2010]).

Мы отметили две стратегии (характерные не для всех испытуемых) выражения литуратива. При этом в подавляющем большинстве случаев просодически были оформлены те случаи, в которых уже было употреблено лексическое средство выражения литуратива.

Снижение громкости

Пять испытуемых из восьми демонстрируют стратегию снижения громкости при произнесении либо зачеркнутого текста, либо самого слова «зачеркнуто», которое является лексическим средством выражения литуратива. Мы проанализировали графики интенсивности звукового сигнала на отрезках, соответствующих зачеркнутому тексту, и на прилегающих к ним отрезках. Были отобраны те случаи, в которых максимальная интенсивность интересующего нас отрезка была меньше максимальной интенсивности соседних отрезков на 6 и более дБ.

Слово «зачеркнуто» использовалось в качестве лексического средства выражения литуратива 61 раз. Из них в 23 случаях это слово было произнесено тише, чем окружающие слова. На рисунке 1 приведен пример графиков (осциллограммы и графика относительной интенсивности звука), где видно изменение громкости на слове «зачеркнуто» в примере:

- (9) *В этот раз я решила успокоить особо волнующихся фотографиями спины мужа и кусочка его эротических труселей потому, что это была суббота, 27 июля, а пятницу и субботу он проводит дома, а не ~~развлекается с горничными~~ в отеле.*

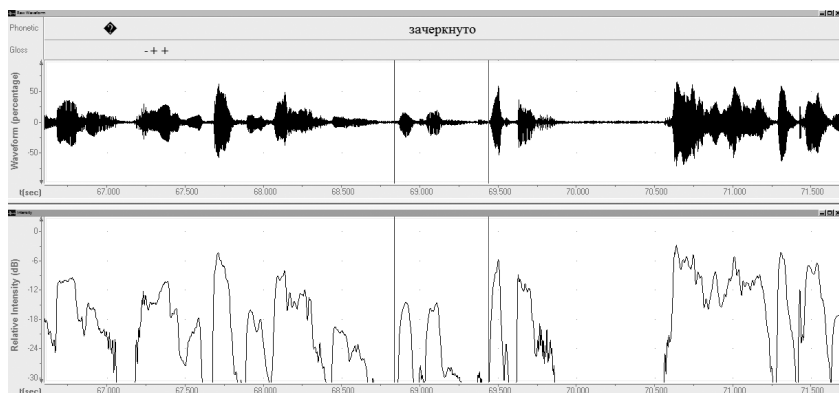

Рисунок 1. Снижение громкости речи на слове «зачеркнуто» как просодическое средство маркирования литуратива

Лишь в одном случае снижение громкости характеризовало произнесение самого зачеркнутого слова, при этом не было дополнительных лексических средств выражения зачеркивания. Этот пример приведен на рисунке 2 (озвучен пример (7)).

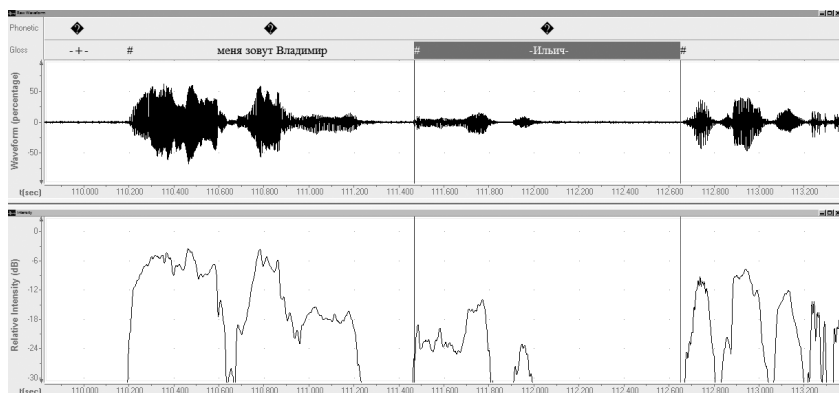

Рисунок 2. Снижение громкости речи на слове «Ильич» как просодическое средство маркирования литуратива (без лексического средства выражения литуратива)

Пауза хезитации

Мы наблюдали 81 случай лексического обозначения литуратива с помощью «зачеркнуто» и «то есть», произнесенных после озвученного литуратива. В 32 случаях между литуративом и лексическими средствами выражения зачеркивания были паузы длиной от 0,4 до 0,6 с. Длина паузы измерялась в программе Speech Analyzer, границы паузы устанавливались

на основании прослушивания, осциллограммы и тонограммы (см. такую же методику в [Рассказы о сновидениях 2013]).

На рисунке 3 приведен пример выделенной абсолютной паузы длиной 0,6 с. (0,5624 с.) в озвучивании предложения из примера (5):

- (10) *Дело в том, что 7 июля сего года мне стукнуло два раза по семнадцать с половиной, и мы так ~~фотогенично~~ то есть здорово провели этот день, что я не удержалась.*

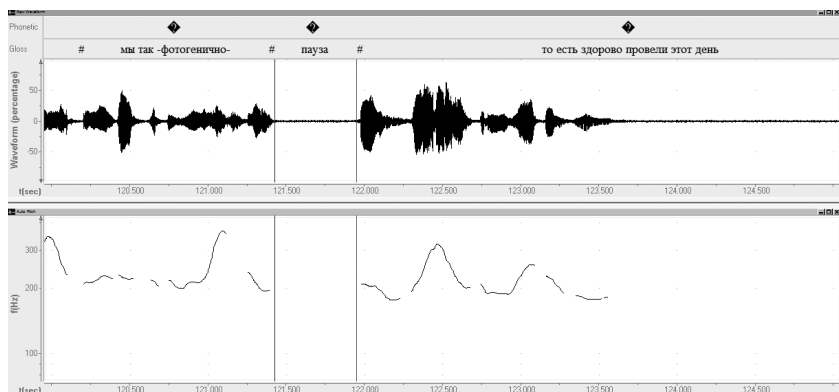

Рисунок 3. Пауза хезитации между озвученным литуративом и лексическим средством выражения зачеркивания («то есть»)

Абсолютные паузы в данном случае могут быть интерпретированы как паузы хезитации при речевом сбое [Подлеская, Кибрик, 2007]. При чтении вслух говорящий не делает лексический выбор, а лишь озвучивает написанный текст. Однако наличие литуратива вынуждает говорящего выбрать лексическое или просодическое средство маркирования, что и вызывает паузу хезитации.

Заключение

Литуратив—прием, характерный только для печатного текста, поэтому исследование стратегий его озвучивания представляет особый интерес: носители языка должны самостоятельно придумать способ прочесть зачеркнутый текст, ориентируясь на семантику и синтаксис высказывания.

Наше исследование показало, что, несмотря на отсутствие общепринятого способа лексикализации зачеркивания, носители языка используют лишь несколько лексических средств для выражения этого графического приема («то есть» и «зачеркнуто»), а продолжительные незаполненные паузы хезитации показывают, что говорящие испытывают сложности в выборе средств выражения литуратива. При этом не суще-

ствуется особых просодических маркеров озвученного литуратива (т. е. самого зачеркнутого слова), но в ряде случаев понижение громкости маркирует лексическое средство его выражения.

Литература

- Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы (доклад в Кембриджском университете). Электронная публикация. <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>
- Занегина Н. Н. Я этого не говорил: о литуративах, зачеркиваниях или мнимых текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные техно-логии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). 2009. № 8 (15). С. 112–115.
- Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Литуративы в русском интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). 2013. № 12 (19). С. 605–618.
- Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоях как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Т. 2. № 23. С. 1–39.
- Рыжков М. С. Людемы интернет-дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Лингвистика. 2009. Т. 6. № 2. С. 338–345.
- Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлеская. М.: Litres, 2013.
- Bryant G. Prosodic Contrasts in Ironic Speech // Discourse Processes. 2010. Т. 47. № 7. С. 545–566.

Риторика интернета

Е. А. Выналек (Слободян)

О природе интернет-мема

Статья посвящена природе и структуре интернет-мема — его месту в современной сетевой субкультуре и специфическим признакам. Описаны составные части мемического комплекса. Предложена классификация интернет-мемов, функционировавших в сети в течение последних трех лет.

Ключевые слова: мем, анонимность, коллективность, вариативность, фольклор

В предлагаемой статье мы рассмотрим природу и структуру такого явления, как интернет-мем: выявим специфические признаки, которые отличают интернет-мем от похожих феноменов; выясним, какое место он занимает в современной культуре; определим, какова структура интернет-мема, из каких составных частей он состоит; какие типы интернет-мемов можно выделить в современном интернет-пространстве (за последние три года). В статье рассмотрены некоторые уже существующие точки зрения на эту проблему и предложено иное их решение.

Уже на этапе сбора материала для анализа исследователь мемов сталкивается с проблемой. По нашему мнению, любая выборка мемов является в известной мере субъективной: она зависит от того, на какие *публики* подписан исследователь-пользователь интернета (о появлении новых пабликов и о появлении на них новых мемов он может просто не знать), от его частных интересов (предпочитает ли он сериал «Игры престолов» или «Ходячие мертвецы», является ли он филологом — тогда легко объяснить увлечение мемом «Филологическая дева» — или школьником / студентом — тогда весьма вероятно, что он будет интересоваться мемами «злой школьник», «злая училка», «надоедливые родители», «типичный препод», «типичный студент»). Конечно, существуют списки и топ-списки интернет-мемов, однако многие исследователи отмечают такую характеристику данного феномена, как недолговечность. Мемы быстро появляются и быстро исчезают, поэтому весьма трудно отследить все или хотя бы большинство появляющихся в интернете новых мемов. По этой причине предлагаемые в статье соображения и выводы во многом являются дискуссионными и требующими дополнения. Автор извлекал материал для исследования из содержимого своей новостной ленты Вконтакте.

Рассматривая интернет-мем как символический знак (с точки зрения семиотического подхода), мы постарались определить составляющие элементы этого знака (по этому признаку составлена предложенная нами ниже классификация интернет-мемов), а также проследили некоторые особенности его функционирования (на этом основании мы попытались определить «жанровую» природу интернет-мема и его место в современной культуре).

Считается, что рассматриваемый феномен появился в начале XXI века. Интернет-мем определяется как «единица информации, объект, ранее малоизвестный, и, как правило, неожиданно ставший популярным, распространяясь от одного человека к другому — через интернет» [Netlore], «название информации или фразы, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения в интернете всеми возможными способами (по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др.). Термином «интернет-мем» обозначают также явление спонтанного распространения такой информации или фразы» [Интернет-мем]. Создаются списки интернет-мемов [Список интернет-мемов], топ-списки лучших мемов [Топ-10 популярных интернет-мемов 2012 года]; [Самые популярные интернет-мемы]. Традиционно к мемам относят довольно разнородные явления — слова, выражения, видеоролики, словом, любую «единицу информации, объект, который получил популярность — как правило, спонтанно — в среде, обслуживаемой информационными технологиями» [Щурина 2012: 162]. Такое понимание феномена, по нашему мнению, слишком широко. Некоторые явления, приведенные в списке мемов на wikireality.ru, можно отнести к уже привычному и осмысленному явлению крылатых слов (например, «Дотянулся проклятый Сталин» (фраза из поста Ирины Ясиной по поводу катастрофы польского самолета под Смоленском в 2010 году), «Горизонт завален» (из жаргона фотографов), «О...ть, дайте две!» (из анекдота), «Партия жуликов и воров» (из выступления В. В. Жириновского) или, к примеру, более позднее (в функции мема) «Это Спарта!» (из фильма «300 спартанцев»)). Подобную точку зрения высказывает в статье, посвященной интернет-мемам, М. Кронгауз, рассматривая явление крылатых слов как своего рода мем: «...когда интернета ещё не было, мемы существовали. Лингвисты и филологи называли их речевыми клише, крылатыми фразами и даже паремиями» [Кронгауз 2012].

Приведенные определения интернет-мема (подобных которым можно найти немало в статьях и очерках, посвященных этому явлению) подчеркивают его специфический признак — **популярность**, однако не раскрывают всей сути данного явления. Одной популярности недостаточно, чтобы информация стала интернет-мемом. Логически

развивая приведенные выше дефиниции, пользователи интернета могут прийти к таким, например, выводам: «Мем отличается от просто какой-либо фразы. Например, идея о Боге (всевышнем) — тоже является мемом» (пользователь gescube, форум «Русский язык» <http://russ.hashcode.ru/questions/15597/общие-вопросы> — Чем интернет-мем отличается от идиомы?), что, конечно же, в отношении интернет-мема неверно. Еще один признак, который отличает мем от других единиц информации, отмечает М. Кронгауз. Как видно из следующей цитаты, он опровергает приведенное выше мнение пользователя форума «Русский язык» и приводит еще одну необходимую для интернет-мема черту — **креативную составляющую**: «... ни теория Дарвина, ни рецепт супа интернет-мемами не являются, хотя эта информация тоже передаётся и хранится в интернете. интернет-мем стремится не к точному воспроизведению, а, скорее, к искажению или по крайней мере к новым контекстам в широком смысле этого слова»

Рис. 1

[Кронгауз 2012]. Таким образом, чтобы единица информации стала интернет-мемом, она должна не просто обрести популярность (популярными могут быть книги, фильмы, однако они не становятся от этого интернет-мемами). Эта информация должна быть в массовом порядке творчески преобразована в процессе коммуникации. Таким образом, определим интернет-мем как *информационно-коммуникативную единицу, получившую популярность среди участников интернет-общения, при воспроизведении которой в процессе коммуникации участниками коммуникативного процесса производится ее творческая доработка*.

Мы относим феномен интернет-мема к современному фольклору. интернет-мемы обладают всеми характеристиками фольклорного произведения с небольшими оговорками:

Вариативность

По своей природе мем является некой «заготовкой», шаблоном, которые требуют от участника коммуникативного акта доработки и «досоздания»;

Анонимность

Чаще всего мемы анонимны, мы обычно не знаем имени интернет-пользователя, «запустившего» мем в коммуникативный оборот, имен персонажей визуального ряда, если таковой имеется (например, мы не знаем имен молодых людей с визуальной составляющей (фотографии) мема «Е...ть ты лох»). Хотя иногда известны имена героев картинки или видео-

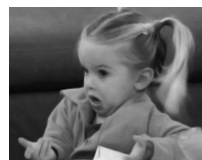

Рис. 2

ряда (так, например, известно, что девушку-«лицо» мема «В Е...ыч» зовут Вероника Зайцева), реже авторство данного мема;

Коллективность

Интернет-мемы, так же, как и фольклорные произведения, создаются коллективным автором;

Устная форма существования

Пожалуй, это единственный признак, отличающий интернет-мем от «традиционного» фольклорного произведения. Хотя некоторые авторы, говоря о современном фольклоре, отмечают, что «...в наши дни признаки фольклорности меняются. Скажем, распространение фольклорных произведений может происходить не только в устной, но и в письменной форме, а также с помощью современных средств коммуникаций — прессы, радио, телевидения. Чаще фиксируется авторство, поскольку создатель может записать свое произведение, и в письменном виде оно попадает в фольклорный оборот» [Макарчук 2004]. Примем также во внимание тот факт, что с появлением в жизни человека интернета «формируется принципиально новый тип символического существования человека, культуры, социума. Все символы человеческого общежития отныне могут быть помещены, воспроизведены и преобразованы в этом новом символическом (параллельном, цифровом) пространстве» [Михайлов, Михайлов 2004: 35], отсюда новые формы бытования фольклорных произведений.

Определим место интернет-мема в структуре фольклора. Так как наиболее близким к интернет-мему жанром «традиционного» фольклора являются пословицы и поговорки, мы можем отнести интернет-мемы к паремииологии. Так же, как и поговорки, интернет-мемы, отражая какое-либо явление жизни, носят юмористический характер, но, в отличие от пословиц, не содержат обобщающего поучения. Основная мысль статьи Ю. В. Щуриной, например, заключается в том, что мемы имеют прежде всего *людическую* (т. е. игровую) природу [Щурина 2012].

Итак, отличительным признаком интернет-мемов является креативное использование участниками коммуникативного акта. В структурном плане это некие «заготовки», которые нужно «досоздать»: недаром в соответствующих пабликах выкладываются шаблоны мемов (фотографии, комиксы с пустыми «облачками» и т. п.), которые нужно доделать с помощью соответствующего, обычно самого простого, программного обеспечения, предложить свой вариант. Вновь сравним мемы с поговорками: поговорки воспроизводимы, т. е. существуют в голове у носителей языка в готовом виде; послание, заключенное в меме, тоже является в известной мере «предсказуемым». Так, пользователи знают,

для мема об «омской птице» нужно придумать что-то парадоксальное, для мема «Мое выражение лица...» нужно обыграть типичную неприятную для участников коммуникативного акта ситуацию и т. п.

Мемы в «Списке интернет-мемов» на wikireality.ru разделены в следующие группы:

- слова и фразы;
- медиафайлы и песни;
- изображения [Список интернет-мемов].

Это распределение представляет собой попытку классификации данного явления.

Подробную классификацию интернет-мемов предлагает в своей статье Ю. В. Щурина. Ниже мы приведем и прокомментируем ее классификацию. Итак, Ю. В. Щурина делит мемы на следующие типы:

Текстовый мем

Слово или фраза (*Превед, Аффтар жжот, Баян*).

Подобные феномены мы отнесли к крылатым словам, источником распространения которых является интернет;

Мем-картинка

Узнаваемое изображение — например, «омской птицы», «Ктулху», «совы»; или выполненная в графическом редакторе «Photoshop» («Фотошоп») картинка, обработанная фотография, которая получила сленговое название фотожаба (например, «Свидетель из Фрязино»).

Здесь следует отметить, что собственно мемом, в нашем понимании, является не само узнаваемое изображение, а творчески переделанная картинка, которая, например, может сопровождаться некой надписью либо быть встроенной с помощью графического редактора в другое изображение с целью достижения комического эффекта. Например, изображение «омской птицы» обязательно дополняется надписью с неожиданной или парадоксальной концовкой, так как считается, что место обитания этой птицы, город Омск, — это город наркоманов. Героем фотожабы чаще всего, по нашим наблюдениям, является некий интернет-персонаж, который находится в центре коммуникативного сообщения (Котенька, Вова, Дима и Витя, Саша Грей);

Рис. 3

Рис. 4

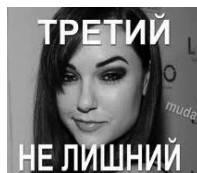

Рис. 5

Видеомемы

«Комические видвидеосюжеты, которые размещаются на личных страницах пользователей социальных сетей, передаются ... по электронной почте и проч. Специфика их использования заключается в возможности неоднократного воспроизведения, повторного просмотра, в том числе коллективно-го» [Щурина 2012: 166].

Вряд ли при такой трактовке феномена можно говорить собственно об интернет-меме, так как простой просмотр видеоролика не предполагает креативного подхода и «досоздания» сообщения.

Креолизированный мем

Состоит из текстовой и визуальной части [Щурина 2012: 164167].

Недостатком приведенной классификации является то, что первые три пункта описывают мем как единицу информации, получившую по-

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

пулярность в интернете и послужившую поводом для создания шуток, фотожаб и т. п. Последний же пункт классификации описывает мем как результат спонтанного распространения творчески переработанной информации: визуальная часть креолизованного мема может быть, положим, изображением «омской птицы», текстовая часть — придуманной конкретным пользователем парадоксальной фразой, характеризующей «наркоманский стаж» персонажа. Другим примером креолизированных мемов (в терминологии Ю. В. Щуриной) может послужить группа мемов, созданная на основе видеоролика, героем которого является китаец, продающий очки и мыльные пузыри в туристическом автобусе. Визуальная часть может представлять собой изображение этого китайца в продаваемых им очках, в этом случае текстовая часть представляет собой некую надпись, а может использоваться любая фотография, и тогда текстовая часть представляет собой надпись «очки (вместо *очков* может быть что угодно) нннада?»

Данный мем опровергает тезис о том, что распространение мемов может осуществляться только в интернет-среде, так как этот китаец стал «лицом» многих рекламных постеров, конечно, рекламирующих товары и услуги мелких фирм.

Структуру интернет-мема и особенности его функционирования, таким образом, можно сравнить со структурой и функционированием

единиц языка и речи. Подобно тому, как у носителей языка формируется неосознанное представление о фонемах, морфемах, лексемах как об абстрактных единицах, которые в речи выступают в виде своих конкретных представителей (аллофонов, алломорфов, лексов), интернет-мем представляется носителю интернет-культуры единицей информации, известной участникам речевого акта, неким концептом, который при функционировании в процессе (интернет-)общения выступает в качестве конкретной творческой переработки (картинки с надписью, фотожабы и т. д.).

Эта точка зрения подтверждается вариантами использования слова-термина *интернет-мем*, которое сами интернет-пользователи употребляют в двух значениях:

1. Единица информации, которая стала популярной в интернете и превратилась в предмет творческой переработки и пародизации:

- (1) *До суда не дошло, но выражение, употребленное депутатом, — «оскорбление чиновника категории А» — стало мемом.* Коллективный. Сила и правда // «Русский репортер», № 45 (173), 18 ноября 2010, 2010 (пример из НКРЯ);
- (2) *...интернет-мемом может стать все, что угодно: начиная от неуклюжей фразы известного политика, заканчивая необычным роликом. То есть все, что спонтанно приобретает популярность в интернет-среде, иногда и вопреки здравому смыслу. Давайте посмотрим на самые популярные интернет-мемы за 2012 год.* Самые популярные интернет-мемы <http://fishki.net/49294-samye-populjarnye-internet-memy-10-fototekst.html>;

2. Сделанная интернет-пользователем творческая переработка известного ролика, фразы, картинки и т. п., а также шаблон для подобной переработки, который пользователи должны заполнить с помощью собственной фантазии:

- (3) *НАГРАЖДАЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСОВ НА САМЫЙ СМЕШНОЙ МЕМ И САМЫЙ АКТИВНЫЙ СТОРОННИК БАТТЛА* Rap 2012 Olympics <http://www.myrapgame.ru/battle/battle2/news/30>;
- (4) *А: Я бы хотел придумать прикольный, интересный и смешной мем о игре или играх. Но у меня ничего не получается, ничего не приходит на ум. Что мне делать?* :р 27.06.13 Без имени
Б: *найди прикольный мем и сделай похожий* 27.06.13 Без имени Google Вопросы/ответы <http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=327b34e99d37b132>;
- (5) *Конкурс «Microsoft IE Win Back» — прикольный мем на шутку об Internet Explorer 10* BaAY! http://www.vaa.ru/view/internet/web_innovation/konkurs_microsoft_ie_win_back_prikolnuuy_mem_na_shutku_ob_internet_explo/

Рис. 9

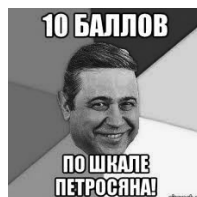

Рис. 10

Ниже мы предлагаем свою классификацию интернет-мемов, основанную на формальной структуре анализируемой единицы. Структурная классификация описывает интернет-мемы, понимаемые во втором значении. Итак, интернет-мемы могут представлять собой:

Текстовый мем в сочетании с меняющимся изображением

Повторяющаяся во всех реализациях мема фраза и подобранная к ней картинка: например, «...говорили они», см. Рис. 11.

Комикс

Дима и Вова; Дима, Вова и Витя; Жириновский, разводящий руками, см. Рис. 12.

Изображение в сочетании с незаконченным текстовым мемом

Картинка, повторяющаяся во всех реализациях мема, и незаконченная фраза, которую надо закончить: например, «...о...нны», «нельзя просто так взять и...», см. Рис. 13–14.

Мем-персонаж

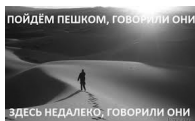

Рис. 11

Рис. 12

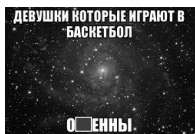

Рис. 13

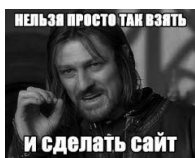

Рис. 14

Этот вид интернет-мемов заслуживает подробного комментария. В интернете появляется какой-либо узнаваемый образ-персонаж, интернет-пользователи знают черты его характера, возможно, биографию или интересные факты из его жизни. Креативная составляющая заключается в том, что нужно предположить или угадать, как он будет реагировать на ту или иную типичную ситуацию, которая часто возникает в жизни, или же придумать типичные ситуации, в которые он может попасть. К мемам-персонажам можно отнести такие мемы, как «Филологическая дева» (она погружена в мир книг, хорошо знакома с филологической наукой, грамотная, немного депрессивная), Саша Грей (Александра Серова) (развратная, но вместе с тем труднодоступная, желанная, образованная, раскованная); персонажи сериала «Игра престолов»: Джон Сноу (ничего не знает, не в курсе дела), Джошуа (всех раздражает одним своим видом); мировую известность получил российский «котенька» (элитная британская кошка золотого окраса по имени Helia Peppercats из московского питомника), который не в игрушки играет, а борется с п...лами. В иностранных интернет-пространствах котенька, правда,

имеет другую «специализацию»: так, в польском сегменте интернета котик просто просматривает интернет-контент и удивляется его бессмысленному содержанию («kot-paszcz», «co ja paszcz», что можно перевести как «зачем я это смотрю?»), а также, поскольку религия в Польше имеет большое значение, российский котенок превратился в польском интернете в котобога и даже котобогородицу (в фотожабах мордочка кота заменяет лицо на иконе или религиозном изображении), см. *Рис. 15–17*.

Смешанный тип

В одном употреблении используются две единицы информации, см. *Рис. 18*.

Несомненно, явление мемов является одним из знаковых в современной массовой культуре, но изучено оно мало. Необходимо, прежде всего, определиться с предметом исследования, очертить границы изучаемого явления, разработать методику сбора материала и критерии верифицируемости выборки, решить вопрос о классификации интернет-мемов, вопрос об их онтологической природе и «жанровой» принадлежности. Некоторые пути решения этих проблем мы постарались обозначить в данной статье.

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

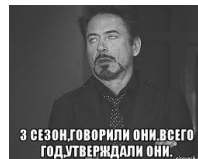

Рис. 18

Литература

- Netlore Антология сетевого фольклора [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.netlore.ru/internet-memy>
- Интернет-мем // Wikipedia [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/интернет-мем>
- Кронгауз М. Мемы в интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь №11. 2012 / электронная версия: <http://www.nkj.ru/archive/articles/21327/>
- Макаручук С. А. Этнография Украины. Учебное пособие. Львов, 2004 / электронная версия: <http://uchebnikirus.ru/1902.htm>
- Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного // Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. СПб. Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 3452.
- Михайлов В. А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://russcomm.ru/rca_biblio/m/mihaylov-mihaylov.shtml
- Самые популярные интернет-мемы [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://fishki.net/49294-samyepopulyarnye-internet-memy-10-fototekst.html>

- Список интернет-мемов [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.wikireality.ru/wiki/Список_интернетмемов.D0.9F.D0.B8.D0.BF.D0.B8.D1.81.D1.8C.D0.BA.D0.B8.D0.BD
- Топ10 популярных интернет-мемов 2012 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://kurs.ru/articles/14723/top-10-populyarnyh-internet-memov-2012-goda>
- Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Филология. №3. 2012. С. 160–172.

А. С. Бердичевский

Ты что-то печатала, я тебя перебил: игра со структурой диалога в квазисинхронной электронной коммуникации¹

Рассмотрены особенности интернет-диалога как устно-письменного дискурса (квазисинхронность беседы и несовпадение скорости печати у собеседников, наличие служебных сообщений, технические сбои) и возникающие благодаря им прагматические эффекты, свойственные интернет-коммуникации.

Ключевые слова: диалог, языковая игра, адаптация сообщения, комический эффект

Введение

Языковая игра, по наблюдению В. Санникова [Санников 2002], — непрерывающийся эксперимент над языком, который осуществляют сами носители. Поскольку языковая игра всегда основана на *отклонении от нормы*, данные этого эксперимента могут позволить лучше понять, что такое *норма*. В настоящей статье я рассматриваю шуточные искажения структуры разговора в квазисинхронной электронной коммуникации, с тем чтобы лучше понять нормы, регулирующие общение в данном канале коммуникации.

Помимо этого, я рассматриваю смежные вопросы: как свойства электронной коммуникации влияют на игровую деятельность носителей языка? Возникают ли какие-нибудь новые явления в языковой игре?

Как хорошо известно, понятию *языковой игры* трудно дать адекватное строгое определение. Нестрогое определение, на которое я опираюсь, гласит, что языковая игра — юмор, который неразрывно

¹ Я благодарен всем, кто читал более ранние версии этого текста целиком или частично и способствовал их улучшению, а особенно Джейн Стюарт-Смит, Эдит Бутге, Полу Керсвиллу, Ингунн Лунде, Будиль Мосс, Мартину Паульсену, Александру Пиперски, Виктории Росен, Татьяне Руссите и Эллен Руттен.

связан с поверхностной формой текста или высказывания. Если изменить (например, при пересказе или переводе) формы, обеспечивающие возникновение комического эффекта, то эффект тоже изменится или исчезнет.

Практически все анализируемые в статье примеры — образцы юмора, возникающего в разговоре, или диалогического юмора. М. Динель [Dynel 2009] предлагает классификацию основных типов диалогического юмора (*conversational humor*), на которую я имплицитно опираюсь, используя ярлыки *поддразнивание* (*teasing*), *оскорбление* (*putdown*), *объект насмешки* (*butt of a joke*).

Представление, что в электронной коммуникации часто встречаются юмор вообще и языковая игра в частности, широко распространено, см., например, [Werry 1996] — относительно IRC, [Simpson 2005] — относительно синхронных чатов в целом, [Anis 2007]; [Plester, Wood 2009] — относительно СМС, [Danet 2001]; [Crystal 2006] относительно электронной коммуникации вообще.

Более того, различные аспекты использования юмора в электронной коммуникации часто становятся непосредственным объектом внимания исследователей, например, игры с идентичностью [Bechar-Israeli 1995]; роль юмора в совместном решении задач [Morkes, Kernal, Nass 1998]), в разжигании и разрешении конфликтов [Rouzie 2001]; или несколько различных аспектов одновременно [Baym 1995]; [Danet, Ruedenberg-Wright, Rosenbaum-Tamari 1997]; [Danet 2001].

Большинство работ, однако, посвящено роли юмора в электронной коммуникации, а не влиянию электронной коммуникации на юмор. Иначе говоря, в них не рассматривается вопрос, сформулированный в начале статьи: изменяет ли электронная коммуникация существующие модели и приемы диалогического юмора?

В более лингвистически ориентированных исследованиях электронной коммуникации языковой игре тоже уделяется некоторое внимание [Yates, Orlikowski 1993]; [Werry 1996]; [Herring 1999]; [Hård af Segerstad 2002]; [Simpson 2005]; [Мечковская 2006]; [Crystal 2006], но она редко является основной темой. Среди исключений можно упомянуть исследования творческого использования орфографии [Su 2003]; [Gottlieb 2010], усвоения второго языка [Belz, Reinhardt 2004]; [Warner 2004], [Vandergriff, Fuchs 2009] и диалогического юмора в жанре спортивного онлайн-комментария [Chovanec 2011].

Почему важно исследовать влияние электронной коммуникации на языковую игру? Игра — важное явление, неотъемлемая составляющая языкового поведения. Если игровые модели, используемые носителями, как-то меняются, природа этих изменений и факторы, способствовавшие им, представляют большой интерес для лингвистов.

Квазисинхронность

Синхронность коммуникации — сложное свойство из нескольких параметров, представляющее собой градуальную оппозицию. Основным критерием для оценки синхронности разумно полагать следующий: насколько порождение сообщений синхронизировано с их передачей и восприятием.

В устном общении «лицом к лицу» процессы порождения, передачи и восприятия полностью синхронизированы: все, что произносится говорящим, сразу же может быть воспринято слушателем, порождение и восприятие идут параллельно (а передача происходит практически мгновенно). Такую коммуникацию называют синхронной. При обмене же, например, бумажными письмами все три процесса рассинхронизированы, и такую коммуникацию можно считать асинхронной.

Для электронной коммуникации можно добавить следующие критерии:

- насколько быстро сообщения доставляются от отправителя к адресату;

- насколько интерфейс способствует мгновенному прочтению полученных сообщений и мгновенному ответу на них.

С. Херринг во влиятельной программной статье [Herring 2007] выделяет также критерий совместного присутствия участников (т. е. коммуникация называется синхронной, если для ее реализации оба участника должны быть залогинены в системе).

В текстовой электронной коммуникации существуют каналы с различной степенью синхронности. Электронная почта, например, лежит ближе к асинхронному полюсу: сообщения доставляются быстро, но необязательно мгновенно; одновременного присутствия собеседников не предполагается; интерфейс, как правило, не предполагает мгновенного ответа (чтобы ответить, необходимо нажать кнопку «Ответить», в новом окне набрать текст, затем нажать «Отправить»; с другой стороны, следует заметить, что в последние годы многие сервисы предлагают возможность «быстрого ответа»). Примером каналов с высокой степенью синхронностью могут служить системы, где участник разговора сразу видит набираемый собеседником текст (т. е. передача происходит не тогда, когда собеседник отправляет сообщение, а как только будет нажата какая-нибудь клавиша). Такие системы сравнительно редки, можно назвать Google Wave и VAX Phone [Anderson, Beard, Walther 2010]. Наконец, подавляющее большинство служб мгновенного обмена сообщениями, чатов и подобных программ могут быть классифицированы как квазисинхронные. Порождение сообщения не синхронизировано с передачей и восприятием [Garcia, Jacobs 1999: 339]; сообщения доставляются мгновенно; для ответа достаточно набрать текст

в уже открытом окне и нажать «Отправить»; присутствие обоих собеседников предполагается (но обычно не является обязательным).

Именно этот участок в континууме синхронности и рассматривается в настоящей статье. Известно, что структура разговора в квазисинхронных каналах интернета имеет определенные особенности [Baron 2010], [Berglund 2009], [Simpson 2005], [Zitzen, Stein 2004], [Garcia, Jacobs 1999], [Herring 1999]; [Burkhaller, Smith, Cadiz 2000]. Я анализирую влияние квазисинхронной коммуникации на игровое поведение собеседников.

Аффордансы и ограничения

Для описания того, как пользователи адаптируют свое поведение к опосредованной коммуникации, удобно использовать понятие *аффорданса* [Hutchby 2001]; [Lee 2007], также [Hård af Segerstad 2002], где рассматривается ряд иных близких понятий. Аффорданс — это возможность, с точки зрения конкретного пользователя, совершить некоторое действие в данной среде. Иногда удобно говорить о *невозможности* совершить действие и использовать понятие *ограничения*. Выбор ярлыка (ограничение или аффорданс) нередко произволен и зависит от точки зрения. Я использую слово *аффорданс* как гипероним для ограничений и собственно аффордансов.

Анализируя использование аффордансов в языковой игре, в следующих разделах я показываю, как квазисинхронная электронная коммуникация влияет на структуру самой игры. Очевидным образом, ключевым аффордансом является квазисинхронность, которая так или иначе проявляется во всех примерах, особенно в примерах типа 1–9 (речь идет не о примерах типа 1–9, а конкретно об этих 9 (из 12) примерах). Существуют, однако, и другие важные аффордансы, роль которых также будет рассмотрена.

Материалы и методы

Теоретический подход

Описывая структуру диалога, я опираюсь на метод конверсационного анализа (conversation analysis, CA). Именно этому подходу мы обязаны вниманием к тому, как происходит смена ролей (говорящий–слушающий) в диалоге, традицией описывать разговоры с точки зрения его участников (с учетом их интерпретаций и намерений), а также методологией «следуй за данными» (проанализируй разговор, обнаружь закономерность, объясни ее).

Конверсационный анализ успешно применялся к опосредованной коммуникации, начиная с телефонных разговоров (см. обзор в [Hutchby 2001]) и закан-

чивая электронной коммуникацией (см. краткий обзор в [González-Lloret 2011]). С самого начала разговорный анализ задумывался как инструмент, пригодный для анализа шуточных разговоров (см., например, [Sacks 1974]).

В русскоязычной литературе разговорный анализ обсуждался сравнительно мало (см., однако, обзор в [Исупова 2002], а также в [Пиккарайнен 2008]). Для ясности я использую как можно меньше специальных терминов, опираясь больше на общие идеи метода. Тем не менее, два понятия требуют пояснения: смежная пара и принцип «без пауз, без наложений».

Смежной парой (adjacent pair, по-русски также *соседствующая пара* или *адъацентная пара*) называют пару реплик, образующих очень тесное единство (например, вопрос–ответ или обмен приветствиями). Смежная пара состоит из двух частей (первой и второй), которые, как следует из определения, поодиночке обычно не встречаются.

Принцип «без пауз, без наложений» (no gaps, no overlaps) — предположительно, один из основных принципов организации разговора. Сторонники разговорного анализа исходят из того, что собеседники обычно стремятся к идеальному диалогу, в котором смена ролей происходит, с одной стороны, мгновенно (т. е. без паузы), с другой, гладко (т. е. без ситуации, когда два или более собеседников говорят параллельно).

С точки зрения разговорного анализа, недостатком моих примеров является их краткость и отсутствие контекста. Тем не менее, даже из таких отрывков можно извлечь некоторую информацию о принципах организации диалога (см. следующий раздел).

Источник данных

Все примеры взяты с сайта «Цитатник Рунета» <http://bash.im> (ранее <http://bash.org.ru>, наиболее известен как «Башорг»). Сайт представляет собой коллекцию фрагментов («цитат») настоящих разговоров. Большая часть цитат взята из квазисинхронной электронной коммуникации. Посетители присылают на сайт отрывки разговоров, которые они считают смешными, эти отрывки попадают в раздел «Бездна». Другие посетители оценивают цитаты, голосуя *за* или *против* них. Все цитаты, набравшие рейтинг 30 голосов или выше (ранее — 25 или выше), публикуются в разделе «Лучшее Бездны».

«Башорг» — один из самых популярных развлекательных сайтов Рунета (около 300 000 посетителей в сутки²). На 6 января 2013 года через «Лучшее Бездны» прошло более 240 000 цитат³.

² <http://www.liveinternet.ru/stat/bash.org.ru/index.html?period=month>, на 6 января 2013 года.

³ Реальное число цитат, опубликованных на сайте, меньше, т. к. после года хранения они стираются.

«Цитатник Рунета» во многих отношениях нетипичный источник данных, однако для исследований юмора в электронной коммуникации он может быть чрезвычайно полезен, так как вся гигантская работа по сбору огромного количества материала (который чрезвычайно трудно или невозможно получить иным образом) уже проделана.

Существенный недостаток заключается в том, что нет полной уверенности в истинности данных: цитаты могут быть придуманными. Тем не менее, многие пользователи голосуют против цитат, непохожих на настоящие (это известно, например, из пользовательских призывов «прекратить постить фейки», многократно публиковавшихся на «Башорге» и, в свою очередь, набиравших высокий рейтинг). Поскольку все цитаты в «Лучшем Бездны» имеют рейтинг не ниже 25, можно считать, что они прошли некоторую проверку на правдоподобность. Кроме того, даже если цитата придумана, но *похожа* на настоящую, это не низводит ее ценность до нуля. Мы все равно получаем информацию о том, что *может случаться* (или, по крайней мере, *что может случаться, по мнению носителей языка*) в электронной коммуникации.

Другой недостаток заключается в том, что цитаты вырваны из контекста. Как правило, ничего неизвестно ни о пользователях (что важно с этнографической точки зрения), ни о том, какое программное и аппаратное обеспечение они используют (что важно для понимания аффордансов), каков контекст, кто счел цитату смешной и отправил ее на «Башорг» (один из собеседников или же третье лицо) и т. д. В некоторых случаях, однако, часть этой информации можно реконструировать с большой уверенностью.

С другой стороны, достоинством данных является отсутствие парадокса наблюдателя. Цитаты берутся из естественных разговоров, где собеседники не ожидают того, что их реплики впоследствии будет читать и анализировать третье лицо.

Некоторые «цитаты» представляют собой не настоящие цитаты из разговоров, а просто шуточные наблюдения, комментарии других цитат или даже обращения к другим пользователям. Я не отбрасывал такие примеры (см. 5 и 6), так как из них тоже можно извлечь полезную информацию.

Примеры были собраны в ходе мониторинга раздела «Лучшее Бездны» с сентября 2009 года по декабрь 2012 (было просмотрено не менее 50 000 цитат).

«Башорг» как источник данных ценен тем, что позволяет *обнаружить* много интересных лингвистических (и не только) явлений. Он, однако, малопригоден для количественных исследований (по крайней мере, когда речь идет об исследованиях юмора, в которых квантификация нередко затруднительна сама по себе), поэтому в настоящей статье никакого количественного анализа не проводится.

Примеры

Примеры приведены точно в том же виде, в котором они были опубликованы на «Башорге». Вся имевшаяся дополнительная информация (время появления сообщения, служебные сообщения) сохранена. Все отклонения от литературного русского языка также сохранены, но комментируются только если это релевантно для анализа или необходимо для понимания текста. Матерная брань также приводится без изменений.

Ники (сетевые имена) собеседников во многих случаях анонимизированы (чаще всего они выглядят как xxx и ууу): так в оригинале.

Аффордансы квазисинхронной электронной коммуникации и их использование в языковой игре

Служебные сообщения

Под *служебными сообщениями* я подразумеваю автоматически генерируемые предупреждения вида «Такой-то печатает вам сообщение». Это пример аффорданса, специально созданного для того, чтобы компенсировать квазисинхронность в чатах и службах мгновенного обмена сообщениями и приблизить коммуникацию к режиму реального времени. Тот, кто видит служебное сообщение, понимает, что он является (потенциальным) адресатом, но само печатаемое сообщение остается для него невидимым. Это открывает простор для игрового взаимодействия, см. пример (1).

(1) (2009)

- 1 Ксюша печатает Вам сообщение (20:34)
- 2 Ксюша печатает Вам сообщение (20:46)
- 3 Ксюша печатает Вам сообщение (20:59)
- 4 Я: Ты там мне что, поэму пишешь?
- 5 Ксюша печатает Вам сообщение (21:06)
- 6 Ксюша печатает Вам сообщение (21:17)
- 7 Я: Чувствую, ща твоего бреда с ошибками начитаюсь...
- 8 Ксюша печатает Вам сообщение (21:28)
- 9 Ксюша: Привет, Дания!

В течение 25 минут Дания неоднократно узнает (1–3), что Ксюша печатает ему сообщение. Посвятить столько времени работе над одним сообщением — необычное поведение для данного канала коммуникации. Как видно из саркастической реакции Дании (4), он объясняет эту необычность тем, что печатаемое Ксюшей сообщение, вероятно, чрезвычайно длинно. Версия, что оно к тому же обладает высокой формальной сложностью (является поэмой), вряд ли высказывается всерьез, что показывает сле-

дующая реплика Дани (7), а вот ожидать длинного текста вполне естественно, учитывая, что служебные сообщения продолжают поступать (5, 6, 8). Когда же наконец сообщение приходит (9), оно содержит лишь стандартное приветствие, что обманывает ожидания и Дани, и читателя. Говоря в терминах теории несоответствия (инконгруэнтности), прибытие Ксюшиного сообщения разрешает несоответствие, созданное предыдущими репликами, и тем самым создает комический эффект.

Действия Ксюши можно объяснить по-разному. Наиболее правдоподобной представляется следующая версия: Ксюша несколько раз (1, 2, 3, 5, 6, 8) начинала печатать Дани сообщение, но каждый раз почему-либо останавливалась и стирала начатое сообщение, пока, наконец, не дописала его до конца и не отправила (9)⁴. Подобное поведение само по себе не является необычным, и возможных причин для того, чтобы прервать работу над сообщением, много: неожиданное повышение приоритета другого дела, желание отложить контакт с адресатом и т. п. Ксюшино поведение, однако, необычно даже для квазисинхронной электронной коммуникации: она прерывает сообщение несколько раз в течение часа, игнорирует вопросы и замечания Дани, вызванные ее действиями, и, прислав наконец сообщение, не предлагает ни извинений за произошедшее, ни каких-либо пояснений.

И комический эффект, и сам разговор становятся возможными благодаря квазисинхронности и наличию служебных сообщений. Эти два фактора приводят к возникновению и других любопытных явлений. Обратим внимание на начало разговора. Любой диалог всегда начинается с инициации, функции которой может выполнять первая реплика (например, приветствие), приглашающий жест, звонок телефона или что-либо еще. В данном случае для Дани инициацией становятся служебные сообщения, на которые он считает нужным отреагировать. Любопытно, однако, что с Ксюшиной точки зрения они инициацией не являются, и программа генерирует их независимо от ее желания и, возможно, даже без ее ведома (хотя, конечно, мыслима и интерпретация, при которой Ксюшины действия сознательны: она начинает и бросает печатать сообщения, чтобы Дани получал автоматические предупреждения). Поведение Дани подтверждает разумность одной из установок конверсационного анализа, а именно отказа анализировать исключительно поведение говорящего, игнорируя слушающего и рассматривая его как «плод воображения говорящего» [Goodwin, Heritage 1990: 292]. Дани, обнаружив, что он является адресатом (точнее, скоро станет таковым), с нетерпением ожидает получения печатаемого сообщения. Это желание опять же подтверждает одну из основных гипотез конверсационного анализа: собеседники стараются вести разговор так, что-

⁴ Возможны, однако, и другие объяснения, например, технические проблемы.

бы в нем не возникало ни пауз, ни наложений. В данном случае Ксюшины решения не отправлять сообщения создают паузу (она становится видимой только за счет служебных сообщений), и это раздражает Даню.

Пример 2 тоже начинается с реакции потенциального адресата на служебное сообщение.

(2) (2009)

1 ууу Печатает.

2 ххх: угу

3 ууу: Ванька! ты тут?

4 ххх: нормально)

5 ууу: круто! как твои делишки?

6 ххх: ладно, давай я буду отвечать после твоих реплик?))

7 ууу: ...

Видя служебное сообщение (1), ххх отвечает угу (2). Роль этой реплики в диалоге (по замыслу ххх) становится ясной, только когда ууу задает вопрос *ты тут?* (3). Оказывается, (2) — ответ на вопрос (3), иными словами, (2) и (3) составляют смежную пару, причем инвертированную. Реплики 4 и 5 подтверждают, что ххх сознательно и успешно использует прием «ответь на вопрос до того, как его зададут».

В данном случае игра, опять же, становится возможной благодаря квазисинхронности. Скорее всего, ххх печатает и отсылает сообщения (2, 4), пока ууу работает над своими и уделяет экрану мало внимания. Даже если ууу успевает заметить и прочесть сообщения ххх, нет ничего удивительного в том, что он не воспринимает их как потенциальные ответы на свои грядущие вопросы: *угу* и *нормально* несут мало информации и вне контекста могут получить различную интерпретацию.

Служебные сообщения также играют здесь важную роль: первое вызывает реакцию ххх, иницируя разговор. Возможно, ххх и в дальнейшем продолжает их использовать, чтобы выбрать наиболее подходящее время для отправки своих сообщений (2, 4). В цитате мы их, однако, не видим: тот, кто отправил ее на «Башорг», не счел нужным их воспроизводить.

Истинный смысл своих ответов и их игровую природу ххх раскрывает полностью только в реплике (6), давая эксплицитное обещание прекратить предвосхищать вопросы. Скорее всего, неслучайно, что это происходит именно в этот момент. В начале разговора обмен реплик отличается высокой клишированностью, и потому следующую реплику легко предсказать, даже если она является первой частью смежной пары, а не второй. Напротив, те части разговора, в которых происходит обмен содержательной информацией, гораздо менее предсказуемы.

В примере (10) возникает похожая ситуация. Там нет инвертированных смежных пар, но есть «восстановленные»: по техническим при-

чинам (из-за проблем с кодировкой) не имея возможности прочесть вопросы, один из собеседников угадывает их и выдает подходящие ответы. Полный успех, однако, достигается только для первых двух вопросов.

Тем не менее, игра «я знаю, что ты сейчас скажешь» может закончиться провалом и в самом начале разговора, см. (3).

(3) (2010)

1 *ууу печатает*

2 ххх: Нормально

3 ууу: не угадал

Разговор начинается так же, как и в предыдущем примере. Увидев служебное сообщение (1), ххх пытается предсказать реплику ууу и предвосхитить ее, отправив соответствующую вторую часть смежной пары заранее (2). Ожидаемая первая часть, однако, так и не появляется: ууу мгновенно распознает намерение ххх и включается в игру, заявляя, что ххх не сумел предсказать содержание печатаемого сообщения (3). Это утверждение изменяет направление поддразнивания и объектом насмешки, в отличие от примера 2, становится ххх.

Не исключено, что быстрая реакция ууу обеспечивается отчасти его знакомством с шутками такого типа. Более того, вполне возможно, что ууу мог даже видеть пример 2 (или иную подобную цитату) на «Башорге» (особенно учитывая, что, как минимум, кто-то один из собеседников (ххх или ууу) читает этот сайт, раз туда попал и пример 3).

В примере 4 комический эффект устроен иначе.

(4) (2010)

ххх: ты что-то печатала, я тебя перебил.

Очевидно, ххх отправил собеседнице (назовем ее ууу) сообщение, пока она, в свою очередь, печатала сообщение ему (это он мог узнать только из служебного сообщения). Как следует из извинения ххх, ууу не закончила свое сообщение, более того, она, видимо, прекратила его печатать.

Ситуация похожа на *перебивание* в устном общении «лицом к лицу», и ххх отталкивается именно от этой похожести, предлагая шуточное извинение. Комический же эффект создается, в первую очередь, тем, что перебивание все же не настоящее. Последовательность действий собеседников такая же, как в типичном общении «лицом к лицу», а именно: Алиса начинает произносить высказывание, Боб произносит высказывание прежде, чем Алиса закончит свое, и в результате Алиса прекращает произносить свое высказывание. Тем не менее, фактический эффект действий Боба в синхронной устной речи и в квазисинхронной электронной коммуникации различен: в первом случае физические свойства канала коммуникации таковы, что двум людям трудно порождать высказывания

одновременно, во втором же это вполне возможно. «Перебивание» физически не помешало ууу продолжать печатать сообщение.

С другой стороны, в результате «перебивания» ууу все же оставила работу над сообщением. Вероятно, она прервалась, чтобы прочесть пришедшее сообщение, а потом по какой-то причине решила прекратить работу над сообщением или отложить ее. Анализ видеозаписей бесед в чате [Beißwenger 2008: 14–15] подтверждает, что действия над печатаемым сообщением (продолжить печатать, остановиться, удалить) могут зависеть от действий собеседника (печатает, молчит, присылает сообщение и т. п.).

Встречается утверждение, что одновременное говорение (т. е. наложения и перебивания) невозможны в квазисинхронной электронной коммуникации [García, Jacobs 1999: 346]. В отношении наложений истинность этого утверждения зависит от того, как понимается явление. Одновременная работа над высказываниями возможна, см. примеры 1–4. Это убедительно показывают анализы видеозаписей бесед в чате [Beißwenger 2008; Smith, Gorsuch 2004]. Одновременное же производство таких высказываний, которые немедленно становятся доступны всем собеседникам (как в устной речи), действительно, невозможно. Что касается перебиваний, то, хотя физически расщепить порождаемое высказывание, разумеется, невозможно, ситуации, подобные перебиванию, могут возникать, что и показывает пример 4.

М. Гонсалес-Льорет утверждает, что в квазисинхронной электронной коммуникации “нет конкуренции за право отправить сообщение” [González-Lloret 2011: 312]. В примере 4, однако, xxx ведет себя так, как если бы подобная конкуренция существовала и он ненамеренно лишил ууу права отправить сообщение. Неизвестно, насколько он серьезен: высказывание может быть полностью шуточным, или совершенно серьезным, или, вероятнее всего, полусерьезным. Обнаружив в электронной коммуникации явление, похожее на существующее в устной речи, но не идентичное ему, xxx забавы ради ведет себя так, как если бы они были полностью идентичны.

Примеры 1–4 противоречат наблюдению, что в чатах «невозможно следить за временными запретами на право говорить» [Zitzen, Stein 2004: 993]. Служебные сообщения предоставляют такую возможность, и люди пользуются ею (порой неожиданным образом). Тем самым ставится под сомнение еще одно утверждение М. Цитцен и Д. Штайна, а именно, что наложения при составлении сообщений являются нормой. Несомненно верно, что наложения часто возникают, но пример 4 демонстрирует, что они не всегда воспринимаются как норма.

⁵ Здесь и далее перевод мой — А. Б.

Металингвистические наблюдения в примерах 5 и 6 тоже связаны с принципом «без пауз, без наложений».

- (5) (2009)
Умение слушать трансформировалось в умение ждать, пока в аське горит "Печатает ..."
- (6) (2009)
Бля.... у меня на 4м году админста выработался комплекс... когда мне долго пишут... всмысле аська отображает что мне пишут, так вот когда мне пишут долго сотрудники, у меня терпения не хватает и я обычно просто заглядую к ним через РАдмин⁶... а вот когда мне долго пишут те у кого я не являюсь админом и я немогу посмотреть что там делается... спую... я нервничаю...))

В примере 6 говорящий замечает, что не любит паузы в разговорах по ICQ, по крайней мере, когда он является ждущей стороной. Поскольку положение системного администратора позволяет ему удовлетворять любопытство в любой момент, он привык к этому аффордансу и страдает, когда он недоступен. Это и создает значительную часть комического эффекта, т. к. невозможность увидеть сообщение, которое в этот момент печатает твой корреспондент, — неотъемлемое свойство квазисинхронной электронной коммуникации.

Пример 5 не столь однозначен. С одной стороны, его можно интерпретировать как рассуждение о том, насколько важно не печатать, пока печатает собеседник, т. е. не «перебивать». Такая интерпретация подтверждала бы вывод, сделанный при анализе примера 5: подобные действия могут восприниматься как настоящее перебивание. В этом смысле, действительно, можно приравнять «умение слушать» к умению не перебивать.

Возможно, однако, что под «умением слушать» здесь понимается умение переносить паузы, а не умение избегать наложений. В самом деле, примеры 1 и 6 показывают, что паузы могут быть неприятны для тех, кто ждет реплики, и они могут проявить свое нетерпение. Наконец, не исключено, что автор примера 5 не вкладывал в свое наблюдение ни один из этих смыслов, а просто хотел заметить нечто вроде «раньше нужно было слушать того, кто говорит, а теперь сначала приходится ждать, глядя на служебные сообщения, прежде чем можно будет собственно начать слушать».

Скорость печати

Разница в скорости набора текста, которая, порой, может быть весьма значительной, тоже создает аффорданс. Он может проявляться и в других

⁶ Программное обеспечение, позволяющее получить доступ к удаленному компьютеру и, в частности, видеть все то же, что видит на своем экране пользователь.

типах электронной коммуникации, но иным образом. Пример 7 демонстрирует, как превосходство в скорости набора текста может использоваться для оскорбления.

(7) (2012)

- 1 xxx: вот я и говорю что ты лох
- 2 xxx: и олень
- 3 xxx: и ишак
- 4 xxx: и медленно пишешь
- 5 xxx: и очень медленно пишешь
- 6 xxx: и олень
- 7 ууу: *FUCK*
- 8 xxx:)))))

Отрывок начинается с того, что xxx эксплицитно оскорбляет ууу (1–3). Не получая ответа, xxx предпринимает попытку оскорбить ууу, подчеркивая его низкую скорость печати (4–5), а затем возвращается к обидным прозвищам (6). Повтор «олень» (6 и 1) можно рассматривать, как имплицитное подтверждение высказываний (4–5): «ты печатаешь так медленно, что мне даже не надо изобретать новые оскорбления, достаточно лишь повторять старые». Весьма вероятно, что, отсылая реплики (1–6), xxx время от времени видел служебное сообщение о том, что ууу печатает, т. е. знал, что тот находится за компьютером, а не отошел (иначе реплики 4–5 не имеют смысла).

Поздняя реакция ууу может объясняться разными причинами: он может действительно медленно печатать; он может останавливаться, чтобы прочесть сообщения xxx и подумать над ответами; он может быть чем-то отвлечен и т. п. В любом случае, для xxx и внешнего читателя разговор выглядит именно так, как утверждает xxx: ууу реагирует (относительно) медленно. За счет этого xxx безраздельно владеет правом говорить и тем самым получает доминирующую позицию. Подобная ситуация может, разумеется, возникнуть и при общении «лицом к лицу», но, если разговор при этом будет выглядеть точно так же, как в примере 7 (Алиса говорит и произносит несколько реплик, в то время как Боб не может закончить первую реплику), действия собеседников будут выглядеть совсем иначе. Получится, что Алиса перебивает Боба, не давая ему говорить. Тогда как в примере 7, за счет квазисинхронности, xxx не создает для ууу никаких физических препятствий, а лишь использует паузы, возникающие за счет разницы в скорости печати.

Пример 8 подтверждает, что высокая скорость печати может давать некоторое преимущество в вербальных противостояниях.

(8) (2011)

- 1 24: Я никогда, никогда не спору с ним в ICQ...
- 2 12: Почему?
- 3 24: У него скорость за полтысячи знаков в минуту!

- (8) 4 12: И что???
- 5 14⁷: А то, что бесполезно спорить с человеком, который пишет быстрее, чем ты читаешь.

Квазисинхронность *per se*

Пример 9 поверхностно схож с примерами 2 и 3, т. к. один из собеседников посылает реплику прежде, чем появляется та реплика, на которую она может быть ответом. Он, однако, совершает это ненамеренно, портя задуманное поддразнивание.

- (9) (2010)
- 1 Лайк (20:05:21 13/08/2010): кем ты работаешь?
- 2 Анна (20:44:54 13/08/2010): сейчас — администрирую)))
- 3 Лайк (20:45:23 13/08/2010): чего администрируешь?
- 4 Лайк (20:46:18 13/08/2010): Ну ты лошара
- 5 Лайк (20:46:20 13/08/2010): эээ
- 6 Лайк (20:46:27 13/08/2010): поспешил
- 7 Лайк (20:46:35 13/08/2010): так чего ты администрируешь?

Спросив, что именно Анна администрирует (3), Лайк, вероятно, сразу же начал печатать заранее заготовленную реплику-реакцию. Вне зависимости от ее ответа он собирался обозвать ее «лошарой». Случайно отправив это сообщение слишком рано (4), он тем самым раскрыл свои планы и провалил задуманную игру.

Сбои кодировки

Хорошо известно, что существование различных кодировок — потенциальный источник проблем для носителей языков с кириллической письменностью [Paulsen 2011]. Если собеседники используют различные кодировки или если сервер, через который проходит сообщение, не распознает кодировку, сообщение может стать нечитаемым. В примере 10 ууу получает сообщения xxx в сбитой кодировке, а xxx получает сообщения ууу без искажений и потому не подозревает о наличии односторонних помех. Для ууу же помехи уничтожают почти всю информацию: все буквы заменяются на вопросительные знаки. Единственная информация, доступная ууу, это количество слов в реплике и количество букв в каждом слове.

⁷ Скорее всего, 14 — опечатка (возникшая, когда человек, отправивший цитату на «Башорг», стирал настоящие ники собеседников и заменял их числами). Должно быть 24.

(10) (2008)

1 ххх: ?????? :)

2 ууу: Прив⁸

3 ххх: ??? ?????

4 ууу: Норма⁹, сам как?

5 ххх: ??? ??????...???? ???? ?? ??????

6 ууу: ХЗ¹⁰, может пивка попьем??

7 ххх: ??????

8 ууу: Зае**л у тебя с кодировкой хня какая-то я не могу все твои фразы понимать.))

Подсчитав количество букв в реплике (1), ууу догадывается, что она содержит стандартное приветствие: *Привет* :). Увидев возможность эффектной игры, ууу не сообщает ххх о сбое кодировки, а отвечает подходящим образом. Следующую смежную пару предсказать тоже несложно, и ууу, предполагая, что реплика ххх содержит слова *как дела?* (3), опять же отвечает подходящим образом.

На этой реплике вводная часть разговора, содержащая предсказуемые смежные пары, кончается, и следующую реплику угадать сложнее, тем более что она оказывается длинной и сложной (5). Своим ответом (6) ууу выбирает следующую стратегию: если ххх спрашивает нечто вроде «какие планы?», то мой ответ хорошо подойдет, если же он спрашивает что-то другое, то ХЗ («не знаю») может быть ответом на его вопрос, а предложение выпить пива — следующим высказыванием.

Ответ ххх (7), однако, расшифровать не удастся, и даже не удастся понять, успешную ли стратегию выбрал ууу, или же реплика (6) выглядит неуместной. В (8) ууу сдается.

Этот шуточный разговор становится возможным благодаря уникальному сочетанию факторов: сообщения доставляются, но не могут быть прочитаны (хотя известно количество символов в каждом слове), а отправитель не знает об этой ситуации.

Бан

В многопользовательских чатах обычно существует возможность «забанить» пользователя, нарушающего некоторые правила. Бан может быть устроен по-разному: в самом строгом варианте пользователь из-

⁸ Распространенное сокращение от «привет».

⁹ Скорее всего, возникает не от слова «норма», а от «норм», распространенного сокращения от «нормально» (ср. другие подобные нарушения: *прива* от *прив* и т. п.). Не исключено также непосредственное сокращение «норма» < «нормально», однако такая модель представляется менее продуктивной.

¹⁰ Распространенное сокращение от «хуй/хрен/хер знает». Встречается также в устной речи.

гоняется из чата и не имеет возможности вернуться, в самом мягком варианте, как в примере 11, пользователь временно лишается возможности отправлять сообщения, но может оставаться в чате и читать, что пишут остальные. В русскоязычных чатах одним из правил, нарушение которых может привести к бану, является матерная брань. Нередко чат мониторится специальным ботом, который банит пользователей, если их сообщения содержат слова из заданного списка. Именно это и происходит в примере 11.

(11) (2010)

- 1 ххх: Давай вирт?
- 2 ууу: пошел нахуй урод!!!
- 3 *Бан: ууу, 10 Минут | Мат.
- 4 ххх: А теперь, когда ты беззащитна, я буду тебя трахать!
- 5 ххх: Я медленно снимаю с тебя футболку...

Первой репликой (1) ххх предлагает ууу заняться виртуальным сексом (вид деятельности, распространившийся еще на заре интернета, см., например [Deuel 1996]). Отказ ууу (2) содержит матерную брань, и потому бот (или, возможно, модератор-человек, хотя это в данном случае представляется менее вероятным) банит ее, о чем ххх и прочие пользователи, если они есть, немедленно узнают из автоматического сообщения (3). Получив это сообщение, ххх заявляет, что все же займется сексом с ууу (4) и начинает это делать (5).

Существенно, что реплика (5) и, вероятно, последующие реплики, действительно могут рассматриваться как виртуальный секс между ххх и ууу, происходящий вопреки воле ууу. В пространстве ролевой игры, где все действия совершаются словами, любой глагол становится перформативом¹¹. Виртуальный секс — разновидность такой игры, и соответствующие обычаи хорошо известны пользователям, так что ххх небезосновательно считает свои высказывания перформативными и называет ууу «беззащитной», т. к. она лишена возможности говорить и тем самым сопротивляться. Единственное, что она может сделать, это выйти из чата (если это произошло, то ххх наверняка сразу прекратил игру, так как в отсутствии ууу она теряет смысл).

Комический эффект, как и в примере 4, создается *частичным сходством* с реальностью. Происходящее *похоже* на настоящий секс по приращению, однако все же имеет значительные отличия. В первую очередь, никому не причиняется никакого физического вреда, что тоже способствует комическому восприятию ситуации (хотя ууу, возможно, не разделяет этого взгляда).

¹¹ Этим наблюдением я обязан Ивану Держанскому (2003, устное сообщение).

Материальность контекста

Материальность контекста (persistence of transcript [Herring 2007], также conversational persistence [Herring 1999]) — один из аффордансов, делающих квазисинхронную электронную коммуникацию менее эфемерной, чем устная речь: сообщения не исчезают сразу же, а сохраняются и видны собеседникам в течение некоторого времени. С. Херринг [Herring 2007] предполагает, что эта материальность усиливает метаязыковую рефлекссию пользователей, что, в свою очередь, позволяет им играть с языком «такими способами, которые в [устной] речи были бы затруднительны». Идею, что видимая речь усиливает метаязыковую рефлекссию и тем самым стимулирует языковую игру, высказывает и К. Уэрри [Werry 1996: 59]. Материальность контекста играет ключевую роль в примере 12.

(12) (2012)

- 1 xxx: вот так разрываются шаблоны.
- 2 ууу: что?
- 3 xxx: даже в переписке встречаются глухие.
- 4 ууу: ты обкурился?
- 5 xxx: хорошее имя. знаешь с какой фразы нужно начинать деловую беседу?
- 6 ууу: не знаю
- 7 xxx: твое любимое женское имя..
- 8 ууу: русское?
- 9 xxx: например, какое поле исследовал Фарадей?
- 10 ууу: а?! мне надоели эти дурацкие вопросы.
- 11 xxx: ты хоть раз прошел тест на IQ?
- 12 ууу: Да!
- 13 xxx: у тебя есть тайные желания? может хочешь чтоб тебя изнасиловали три негра?
- 14 ууу: хватит строить из себя Фрейда
- 15 xxx: ладно. прочитай все в обратном порядке =)

Беседа выглядит бессвязной, так как реплики xxx не образуют смежных пар с вопросами или утверждениями ууу. Ситуация меняется, когда xxx раскрывает смысл своей деятельности (15). Перевернув разговор и прочтя перевернутый вариант так, как если бы он был настоящим (см. 12а), мы получаем (начиная с реплики 3) диалог, в котором реплики xxx и ууу образуют четкие смежные пары.

(12а) 1 xxx: ладно. прочитай все в обратном порядке =)

- 2 ууу: хватит строить из себя Фрейда
- 3 xxx: у тебя есть тайные желания? может хочешь чтоб тебя изнасиловали три негра?
- 4 ууу: Да!
- 5 xxx: ты хоть раз прошел тест на IQ?

- (12а) 6 ууу: а?! мне надоели эти дурацкие вопросы.
7 ххх: например, какое поле исследовал Фарадей?
8 ууу: русское?
9 ххх: твое любимое женское имя..
10 ууу: не знаю
11 ххх: хорошее имя. знаешь с какой фразы нужно начинать деловую беседу?
12 ууу: ты обкурился?
13 ххх: даже в переписке встречаются глухие.
14 ууу: что?
15 ххх: вот так разрываются шаблоны.

Хотя, с формальной точки зрения, смежные пары устроены естественно, семантически ответы ууу выглядят странно: они смешны и нередко ставят его в глупое положение. Он признается, что хочет быть изнасилован тремя неграми (3–4), он не может адекватно ответить на вопрос об IQ-тесте (5–6), он считает, что Фарадей исследовал русское (а не электромагнитное) поле (7–8), он утверждает, что его любимое женское имя — «не знаю» (9–10), над чем ххх эксплицитно насмехается в (11), он полагает, что реплика «ты обкурился?» — подходящее начало для деловой беседы (11–12) и, наконец, он отвечает «что?» на утверждение ххх о наличии глухих в переписке (13–14).

В отличие от прочих примеров, которые выглядят спонтанными, этот — явно домашняя заготовка (возможно, где-то подсмотренная). Игровой прием сам по себе (разрешение несоответствия, создаваемого бессвязным текстом, в последней строчке, где автор советует читателю прочесть текст с конца) не нов (см., например, стихотворение Генриетты Ляховицкой «Забота»¹²). Новизна заключается в том, что материальность контекста используется для изощренного поддразнивания в ходе почти синхронного разговора.

Заключение

В статье показано, как носители русского языка используют аффордансы квазисинхронной электронной коммуникации для того, чтобы развлечь себя и собеседников. Рассмотренные аффордансы включает квазисинхронность *per se*, наличие служебных сообщений и различий в скорости печати (оба аффорданса неразрывно связаны с квазисинхронной природой канала), сбои кодировки, бан и материальность контекста.

Благодаря некоторым комбинациям аффордансов возникают игровые приемы, которые трудно или невозможно представить в других ка-

¹² http://liakhovitskaia.gugunet.de/datein/detjam_4udesjata.html#6

налах коммуникации и которые таким образом могут считаться новыми видами языковой игры. Некоторые из этих приемов достигают определенной популярности: так, примеры 1, 2, 7 и 10 в моей коллекции не уникальны: для каждого из них есть хотя бы один парный пример, использующий тот же прием. Данные не позволяют делать каких-либо количественных оценок (т. е. невозможно утверждать, что некоторые приемы популярнее других), но тот факт, что их используют разные люди, указывает на неслучайность их возникновения: разные пользователи, сталкиваясь с одними и теми же аффордансами, придумывают одни и те же шутки.

Разумеется, творческое использование аффордансов происходит не только в квазисинхронной коммуникации и не ограничивается игрой со структурой диалога. В моей коллекции есть примеры тонкой игры с отношением между означающим и означаемым, с семиотическими особенностям матерной брани, с многозначностью и с языковыми нормами, но в данной статье они не рассматриваются.

В самом начале работы я упомянул исследовательскую программу, предложенную В. Санниковым [Санников 2002]: извлекать из языковой игры «уроки» о языке, использовать аномальное, чтобы лучше понять нормальное. Анализ рассмотренных примеров позволяет извлечь сведения о том, какие нормы действуют в квазисинхронной электронной коммуникации.

Как и при использовании других каналов связи, в чатах говорящие стараются избежать пауз и наложений, хотя они и не причиняют таких очевидных неудобств, как в устной речи. М. Цитцен и Д. Штайн [Zitzen, Stein 2004: 1000]), однако, обсуждая негласные договоренности, на которые пользователи опираются, чтобы избежать неоправданных пауз в чатах, заключают: «...существуют правила ведения беседы, которые регулируют, как себя надо вести в случае возникновения паузы. Эти правила должны быть эксплицированы, *естественным* образом они не усваиваются». Неясно, на каких основаниях делается такой вывод. Ни из моих данных, ни из данных М. Цитцен и Д. Штайна не следует, что усвоение правил ведения беседы в чатах происходит менее естественно, чем в устной речи.

Вернемся к «урокам», извлеченным из языковой игры. Мы видим, что фатические части разговора (начало) отличаются высокой клишированностью и предсказуемостью (и нередко опускаются в электронной коммуникации, где разговор может быть начат без приветствия). Квазисинхронность позволяет совершать различные (необязательно игровые) действия над начатым, но еще не отосланным сообщением, невозможные в синхронной коммуникации: сообщение может редактироваться, уничтожаться, заготавливаться заранее для экономии времени (см. пример 9).

Насколько отличие квазисинхронной коммуникации от «традиционных» каналов очевидно наивным носителям языка? Мои примеры показывают, что уровень их метаязыковой рефлексии высок: собеседники эксплицитно комментируют языковые действия друг друга (1, 2, 4, 7, 9, 10, 11), обсуждают ограничения и аффордансы (5, 6, 8) и сознательно используют сложные игровые приемы (12).

Более того, в нескольких примерах (4, 5, 11) комический эффект создается именно *частичным сходством* между некоторым явлением в квазисинхронной электронной коммуникации и прототипической коммуникации «лицом к лицу», и эта похожесть подчеркивается. Иными словами, пользователи понимают, что их действия (или их высказывания, что в данном канале коммуникации означает практически то же самое) имеют сходство с действиями в «реальном мире», но не являются полностью идентичными им, и это заставляет людей смеяться.

Литература

- Anderson J., Beard F., Walther J. Turn-Taking and the Local Management of Conversation in a Highly Simultaneous Computer-Mediated Communication System // *Language@Internet*. 2010. 7. Article 7.
<http://www.languageatinternet.org/articles/2010/2804>, accessed January 8, 2013.
- Anis J. Neography: Unconventional spelling in French SMS text messages // *The Multilingual Internet. Language, Culture, and Communication Online* / Ed. by B. Danet and S. Herring. Oxford: OUP, 2007. P. 87–115.
- Baron N. Discourse Structures in Instant Messaging: The Case of Utterance Breaks // *Language@Internet* 7. 2010. Article 4.
<http://www.languageatinternet.org/articles/2010/2651>, accessed January 8, 2013.
- Baym N. The Performance of Humor in Computer-Mediated Communication // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1995. 1(2).
- Bechar-Israeli H. From (Bonehead) TO (cLoNehEAd): nicknames, play, and identity on Internet Relay Chat // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1995. 1(2).
- Beißwenger M. // Situated Chat Analysis as a Window to the User's Perspective: Aspects of Temporal and Sequential Organization // *Language@Internet* 5. 2008. Article 6. <http://www.languageatinternet.org/articles/2008/1532>, accessed January 23, 2013.
- Belz J., Jonathon R. Aspects of advanced foreign language proficiency: Internet-mediated German language play // *International Journal of Applied Linguistics*. 2004. 14(3). P. 324–362.
- Berglund Th. Disrupted turn adjacency and coherence maintenance in instant messaging conversations // *Language@Internet*. 6. 2009. Article 2. <http://www.languageatinternet.de/articles/2009/2106>, accessed January 8, 2013.
- Burkhaller B., Smith M., Cadiz J. J. Conversation trees and threaded chats // *CSCW '00 Proceedings of the 2000 ACM conference on Computer supported cooperative work*. New York: ACM, 2000. P. 97–105.
- Chovanec J. Humour in quasi-conversations: constructing fun in online sports journalism // *The pragmatics of humour across discourse domains* / ed. by M. Dynel. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 243–264.

- Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: CUP, 2006.
- Danet B. Cyberpl@y: Communicating Online. Oxford: Berg, 2001.
- Danet B., Ruedenberg-Wright L., Rosenbaum-Tamari, Y. «HMMM...WHERE'S THAT SMOKE COMING FROM?». Writing, Play and Performance on Internet Relay Chat // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1997. 2(4).
- Deuel N. Our passionate response to virtual reality // *Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives* / ed. by S. Herring. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1996. P. 129–146.
- Dynel M. Beyond a joke: types of conversational humour // *Language and Linguistics Compass*. 2009. 3(5). P. 1284–1299.
- Garcia A., Jennifer J. The eyes of the beholder: Understanding the turn-taking system in quasi-synchronous computer-mediated communication // *Research on Language & Social Interaction*. 1999. 32(4). P. 337–367.
- González-Lloret M. Conversation Analysis of Computer-Mediated Communication // *CALICO Journal*. 2011. 28(2). P. 308–325.
- Goodwin. Ch., Heritage J. Conversation Analysis // *Annual Review of Anthropology*. 1990. 19. P. 283–307.
- Gottlieb N. Playing with Language in E-Japan: Old Wine in New Bottles // *Japanese Studies*. 2010. 30(3). P. 393–407.
- Hård af Segerstad Y. Use and Adaptation of Written Language to the Conditions of Computer-Mediated Communication. PhD diss. University of Gothenburg, 2002.
- Herring S. Interactional coherence in CMC // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1999. 4(4).
- Herring S. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@Internet*. 2007. 4. Article 1.
<http://www.languageatinternet.org/articles/2007/761>, accessed January 8, 2013.
- Hutchby I. Conversation and Technology: From the Telephone to the Internet. Cambridge: Polity, 2001.
- Lee C. K.-M. Affordances and Text-Making Practices in Online Instant Messaging // *Written Communication*. 2007. 24. P. 223–249.
- Мечковская Н. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // *Русский язык в научном освещении*. 2006. 12(2). С. 165–185.
- Morkes J, Kernal H., Nass C. Effects of Humor in Task-Oriented Human-Computer Interaction and Computer-Mediated Communication: A Direct Test of SRCT Theory // *Human-Computer Interaction*. 1999. 14(4). P. 395–435.
- Paulsen M. Digital determinism: the Cyrillic Alphabet in the Age of New Technology // *Russian Language Journal*. 2011. 61.P. 119–142.
- Plester B., Wood C. Exploring Relationships Between Traditional and New Media Literacies: British Preteen Texters at School // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009. 14(4). P. 1108–1129.
- Rouzie A. Conversation and Carrying-On: Play, Conflict, and Serio-Ludic Discourse in Synchronous Computer Conferencing // *College Composition and Communication*. 2001. 53(2). P. 251–299.
- Sacks H. An analysis of the course of a joke's telling in conversation // *Explorations in the Ethnography of Speaking* / ed. by R. Bauman, J. Sherzer. Cambridge: CUP. 1974. P. 337–353.
- Санников В. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Simpson J. Conversational floors in synchronous text-based CMC discourse." *Discourse Studies*. 2005. 7(3). P. 337–361.
- Smith B., Gorsuch G. Synchronous computer mediated communication captured by usability lab technologies: New interpretations // *System*. 2004. 32. P. 553–575.

- Su H.-Y. The Multilingual and Multi-Orthographic Taiwan-Based Internet: Creative Uses of Writing Systems on College-Affiliated BBSs // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2003. 9(1).
- Vandergriff I., Fuchs C. Does CMC Promote Language Play? Exploring Humor in Two Modalities // *CALICO Journal*. 2009. 27(1).
- Warner C. It's just a game, right? Types of play in foreign language CMC // *Language Learning and Technology*. 2004. 8(2). P. 69–87.
- Werry Ch. Linguistic and interactional features of Internet Relay Chat // *Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives* / ed. by S. Herring. Amsterdam: Benjamins. P. 47–61.
- Yates J, Orlikowski W. Amsterdam: Benjamins. Knee-jerk Anti-LOOPism and other E-mail Phenomena: Oral, Written, and Electronic Patterns in Computer-Mediated Communication // MIT Sloan School Working Paper. 1993. <http://ccs.mit.edu/papers/CCSWP150.html>
- Zitzen M., Stein, D. Chat and conversation: a case of transmedial stability? // *Linguistics*. 2004. 42(5). P. 983–1021.

А. Д. Плисецкая

О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук¹

В статье обсуждаются способы выражения оценочности в сообщениях пользователей сети Фейсбук. Показано, как формируется оценочная прагматика в частном общении и социально-политическом публичном взаимодействии: нарочитая, акцентированная, деструктивная или экзальтированная, полемически заостренная оценка дает возможность интернет-пользователю реализовать эмоциональную разрядку и создать иллюзию живого общения.

Ключевые слова: оценка, Фейсбук, прагматика, диалог, дискурс

0. Введение

Возникновение глобального информационного пространства (World Wide Web) привело к созданию коммуникационной среды нового типа. Интернет-коммуникация, существующая в виртуальном пространстве, в англоязычной традиции получила название СМС — Computer-Mediated Communication (коммуникация, опосредованная компьютером). Термин восходит к знаменитому афоризму Маршалла Маклюэна “The Medium is the Message” (средство есть сообщение) [MacLuhan 1964:7]. Маклюэн полагал, что средство коммуникации (в его эпоху это было телевидение) «не столько отражает мир, сколько конструирует особое видение мира и изменяет реальность» [Какорина 2007: 393]. Новая коммуникационная среда характеризуется виртуальным сближением участников речевого общения, находящихся на разных концах Земли, а также интерактивностью и «свертыванием» огромных объемов информации в единое киберпространство [там же].

По мнению исследователей интернет-дискурса, основной целью новых сетевых форм коммуникации, таких, как блоги, чаты, форумы

¹ В работе применяются корпусные методики. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

и социальные сети, является общение как таковое, а не обмен информацией [там же]. Следовательно, можно говорить о реализации фатической (контактоустанавливающей) функции в этих речевых жанрах. Интернет-жанры создают иллюзию непосредственного общения, в то же время существуя в промежуточной плоскости между личным и публичным пространством. Наличие общего канала передачи информации, общей коммуникативной цели и единых условий общения позволяет говорить о системности интернет-дискурса, в частности, Рунета, а значит, о необходимости его дальнейшего исследования.

Особый интерес с этой точки зрения представляет феномен социальных сетей, где каждое высказывание, будучи частным, становится публичным и — потенциально — предметом активного общественного обсуждения. Посты в социальных сетях оказываются одновременно индивидуальным и социальным высказыванием, а также ареной для самовыражения, политической площадкой, механизмом помощи людям и т. д. Многие исследователи отмечали, что в эпоху социальных сетей каждый становится «сам себе журналистом», публикуя на своей страничке, помимо личных впечатлений, наиболее значимые с его точки зрения новости, иллюстрации и комментарии. Пользователь социальной сети проявляет себя как «человек социальный», открыто или имплицитно выражающий свое мнение «с использованием многообразных средств интеллектуального или эмоционального воздействия» [Солганик 2005: 15].

Именно поэтому пользователи оказываются участниками массовой коммуникации, которая, по мнению Н. И. Клушиной, активно поддерживает аксиологическую модель общества, транслируя принятую в том или ином социуме или в группе единомышленников и подписчиков систему ценностей, закрепляемых в массовом сознании с помощью оценочных номинаций. В эту аксиологическую систему входят моральные, нравственные, этические, эстетические, политические, идеологические и иные ценности, которые могут носить универсальный, этноспецифический, социоспецифический и индивидуальный характер [Клушина 2007: 86–87].

Таким образом, оценочный компонент оказывается ключевым в дискурсе социальных сетей.

Работа посвящена некоторым языковым и риторическим особенностям выражения оценки в социальной сети Фейсбук. Несмотря на обилие ярких примеров оценки, статистически достоверное исследование социальных сетей затруднено тем, что информацию такого рода технически крайне трудно считать и систематизировать. Поэтому, проанализировав около 200 популярных постов в этой социальной сети, выбранных с опорой на рейтинги Лаборатории цифрового общества, занимающейся ис-

следованием социальных сетей: www.digsolab.ru, мы можем пока говорить лишь о некоторых замеченных тенденциях.

В социальной сети Фейсбук можно найти богатейший материал по теме, поскольку именно оценка лежит в основе всех вербальных и невербальных действий на этой площадке.

1. Графика

Речь идет о сознательных графических искажениях, или эрративах [Гусейнов 2000]. По мысли М. Ю. Сидоровой, «ненормативный облик слова сигнализирует для адресата точку зрения автора: это не моя оценка, но многие тебя так назовут. Другой случай, когда грамотный в целом текст перемежается нарочитым искажением письменного облика слов, это сигнал: *Я знаю, что вы со мной не согласитесь, что мое высказывание звучит здесь как чуждое*» [Сидорова 2006: 42]. «Падонки», «красавчеги» и другие искаженные словечки, характерные для блогов в Живом журнале, встречаются, хоть и значительно реже, и в Фейсбуке, служа прежде всего маркером иронического отношения автора к описываемым им персонажам и явлениям, как, например, в не самом популярном посте от 30.09.2013 известной журналистки и правозащитницы Ольги Романовой, имеющей 4984 друга в Фейсбуке (на 1.10.2013 76 лайков и всего 6 перепостов):

Айайайай. Занемог товарищ Овечкин, снервничал, наверное. И мандат не сдаёт, болезный. Нельзя его судить, сообщает нам восхитительная Аврора Римская. Полагаю, жрица.

Этот пост, как и большинство постов социально-политической тематики в Фейсбуке, стал реакцией на свежий новостной повод — отказ эскапера Приморья, обвиняемого в коррупции, принимать участие в следственных действиях (по причине болезни), и сочувственное отношение к этому члену Следственного комитета России Авроры Римской.

Еще одна графическая особенность, чаще встречающаяся в популярных постах Фейсбука, — написание слов прописными буквами, как, например, в посте, занявшем второе место в рейтинге самых популярных авторских постов в Фейсбуке в период с 13 по 20 сентября (на 1.10.2013 9086 перепостов). Вот фрагмент поста:

ЗНАТЬ ВСЕМ!!!! Распечатайте и положите в бардачок!

Вас просят открыть капот, багажник или двери автомобиля

Рекомендация:

- Попросить инспектора предъявить служебное удостоверение, пункт 2.4 ПДД

(зафиксировать его данные)

- После того как инспектор предложил вам открыть капот, багажник или двери автомобиля, вежливо попросите его составить протокол осмотра (ст. 27.9 КоАП) и ПРИГЛАСИТЬ ДВУХ ПОНЯТЫХ.

Причем, совсем не важно, происходит это на стационарном посту или в глухих степях. В главе 2 ПДД «Обязанности водителя» это не указано как обязательное исполнение, лишь просто по устному требованию инспектора.

Этот прием некоторые пользователи Фейсбука критикуют за навязчивую оценку, тем не менее, он встречается довольно часто.

2. Словообразование

Большую оценочную нагрузку в русском языке традиционно несут суффиксы и префиксы, и Фейсбук — не исключение: здесь все эмоции заострены и подчас сознательно поляризуются. Яркий пример — пост известной писательницы Т. Н. Толстой о нищих и попрошайках, занявший шестое место в июльском рейтинге популярности (1123 лайка, 94 перепоста на 1.10. 2013). Приводим фрагменты, наглядно демонстрирующие обыгрывание различных словообразовательных моделей для выражения оценки:

*Одна, **хроменькая**, как-то стояла с детской **колясочкой**, в которой никого не было, — так, тряпки.*

*Есть одна **бабка** — крепкая, в сапогах "резиновые с золотом", любит располагаться у моего подъезда, прислонившись к водосточной трубе.*

*Весь **попрошайнический** бизнес построен на желании человека быть хорошим.*

*"Совестью" при этом, повторяю, называется не жалость к нуждающемуся (ребенку, гибнущему у всех на глазах, в данном случае), а приятное чувство собственной **хорошести**.*

3. Лексика

3.1. Фейсбук вслед за Живым журналом и Твиттером оказал влияние на лексический состав современного русского языка: здесь и появление новых **заимствованных слов** «лайк», «забанить», «френд», «зафрендить», «троллить», «от/расфрендить», «перепост», «репост» и др.; и намеренная тавтология («адский ад»), обилие экспрессивной лексики и сленга, и изменение лексической семантики слов: так, система оценки постов и комментариев к ним устроена в Фейсбуке таким образом, что выражение «мне нравится» может использоваться в негативном контексте, обозначая лишь солидаризацию с позицией автора. Злободневностью

Фейсбука определяется и обилие неологизмов, зародившихся зачастую благодаря постам и перепостам (см. знаменитый проект «Слово года», куда регулярно попадает множество актуальных слов и словосочетаний, по которым можно писать историю новейшей России).

Кроме того, изначально нейтральное слово «перепост» приобретает сильный оценочный компонент. Наконец, публичное размещение и постоянное копирование в Живом журнале и в социальных сетях, таких, как Фейсбук, текстов специальной тематики ставит под вопрос традиционное представление об авторском праве — отсюда сопровождающие перепост реплики «утащу» и «украду», имеющие ярко выраженные положительные оценочные коннотации.

3.2. Еще одной особенностью лексики социальной сети Фейсбук стала *дисфемизация*, обилие ненормативной, деструктивной лексики, и преобладание открытой «полярной» оценки (*прекрасно, отвратительно, офигели, с*ки* и т. д.). Важно также, что в социальных сетях визуальный ряд зачастую преобладает над вербальным — публикуется фотография, видео, картинка или открытка, собирающая множество «лайков». Многие пользователи Фейсбука отмечали, что выложенные ими фотографии или картинки получают намного больше лайков, чем серьезные посты и перепосты. В виртуальном мире, являющемся симулякрom подлинных чувств и непосредственного общения, яркие краски и живые лица на фотографиях и искрометные шутки открыток приобретают особую ценность. Изображение может быть аллюзивным, апеллируя к прецедентным текстам, и вызывать у пользователей целый ряд созвучных ассоциаций, как, например, занявшая первое место в рейтинге самых популярных авторских постов в Фейсбук за 19–26 сентября 2013 года по версии Лаборатории цифрового общества открытка с кадром из фильма «Собачье сердце», где Шариков пирует с рабочим классом. Подпись к открытке гласит: «Етить твою мать, профессор! Иди сюда, мы тут РАН реформируем!» (414 лайков, 1055 перепостов на 1.10.2013). Таким образом, текста в сообщении может вообще не быть или автор может ограничиться одной лаконичной фразой. Другой вариант — фотографию сопровождает биография героя или эпизод из личной жизни, что, само себе иногда будучи и безоценочным, служит катализатором сильнейшей эмоциональной оценки, выраженной либо действием («Мне нравится»), либо множеством комментариев.

3.3. Виртуальный выплеск отрицательных и положительных эмоций — важнейшая функция социальных сетей, вот почему *прямая оценка* здесь преобладает над косвенной, нередко сопровождаясь речевой агрессией: в большинстве постов и комментариев Фейсбук чаще встретишь *мерзавцы, достали, жесь, замечательно, чудо*, чем более завуалированную и тонкую оценку через сравнение [Клушина 2007: 89], как,

например, в недавнем посте лингвиста И. Б. Левонтиной от 30.09.2013 (620 подписчиков, 95 лайков, 42 перепоста на 1.10.2013):

Есть старый анекдот про холостяка, который жалуется, что совершенно не может пользоваться поваренной книгой. — Почему? — Да там все рецепты начинаются со слов "Возьмите чистую кастрюлю". вот та же фигня с подписанием писем: начинаются со слов "Уважаемый Владимир Владимирович".

3.4. И все же в Фейсбуке есть место не только речевой агрессии, но и тонкой языковой игре, и непрямым высказываниям, и имплицитной оценке — не только через сравнение, как в приведенном выше примере, но и через цитату, аллюзию, как мы видели на примере открытки, и через **метафорическую концептуализацию действительности**. В качестве примера приведем яркую театральную метафору Т. Н. Толстой, завершающую уже упомянутый пост про нищих:

Мошенники прекрасно это знают и разрабатывают отличные сценарии для вас, золотые сердца. Вы сами спонсируете воровской ГИТИС, кризиса он не боится.

4. Грамматические формы: настоящее историческое

Для создания иллюзии диалога и придания своему посту статуса живого анекдота, непосредственного высказывания пользователя Фейсбук активно употребляют так называемое «настоящее историческое» при описании интересных историй, которые с ними произошли. Так, например, поступает писатель Александр Иличевский в своем популярном июльском посте о невежестве современной молодежи:

Выезжаю на велике на Маяковку, идет по тротуару девица, которая явно направляется на свидание и ей по телефону объясняют, куда.

Она: Да не вижу ничего такого. Вон памятник чуваку какому-то стоит. Да я откуда знаю? Чуваку какому-то.

И впервые в жизни меня вот от подобного перекрыло.

Я: Это, девушка, Маяковский.

Она: Чувак этот какой-то Маяковский, мне подсказывают. А чувак какой-то на велосипеде. Откуда знаю. Ты сам спроси. Извините, а Маяковский этот кто?

— Царь новый, — отвечаю я и жму педали, чтобы услышать:

— Слышь, это царю памятник. Памятник царю спрашивай.

Кажется, это уже не «в ожидании варваров», напротив — дождались

5. Синтаксис и пунктуация

Инверсия (ср. *люблю очень*), односоставные и неполные предложения, эллипсис и парцелляция призваны воспроизвести стиль живого и непринужденного разговора; авторская пунктуация соседствует с многочисленными вопросами, восклицательными знаками и многоточиями. Пример инверсии находим в начале поста известного публициста Дениса Драгунского от 29 сентября:

УЖАСНО БЫВАЕТ СМЕШНО ВИДЕТЬ В ЛЕНТЕ ТАКОЕ

Покажем другие названные особенности на примере фрагмента поста еще одного известного писателя — Бориса Акунина — он получил первое место в июльском рейтинге:

Увидел в фейсбуке прекрасную картинку, которую все с удовольствием перепостиживают (на коллаже — классики русской и советской литературы, выглядящие как супергерои, и подписи: «Неудержимые», — А.П.)

Ничего себе портрет получается, да? Male chauvinist pig, похабник и антисемит Антон Павлович Чехов.

Что же, мы все — жертвы мифа? И как, спрашивается, с этим жить дальше?

А очень просто. Жить и радоваться.

6. Риторические стратегии

6.1. Мы уже упоминали о графических выделениях, о преобладании открытой оценки, о речевой агрессии и повторях. Все это создает стратегию **поляризации** аудитории, деления ее на «своих» и «чужих»:

Френды!

Кто не пошел на выборы, расфрендитесь сами! (Александр Лифшиц, 8 сентября)

Крайне агрессивен пост Альфреда Коха от 25 июля, обращенный к противникам Навального (лексика, орфография и пунктуация оригинала сохранены):

Когда ваши голоса на х... никому были не нужны, вы отдавали их направо и налево. За Прохорова, за Миронова, даже были такие суперлиберальные оригиналы, кто на последних выборах призывал голосовать за Зюганова и Жирика.

Теперь же когда ваши голоса понадобились, вы надуваете губки и начинаете набивать себе цену. А вот мне это не нравится, а вот здесь бы бантик приделать, а вот здесь по голубенькому розового пустить...

6.2. Важнейшей риторической фигурой в Фейсбуке остается **антитеза**: на прямом и заостренном противопоставлении хорошего и плохого, друзей и врагов, своих и чужих, добра и зла, прошлого и будущего, правильного и неправильного, правдивого и лживого. Такая эмоциональная и упрощенная картина мира оказывается удобной для человеческого восприятия и позволяет сформировать виртуальные круги единомышленников. Антитеза соседствует с терминами, определениями, иногда «ярлыками», как в упомянутом выше посте Акунина про «другого Чехова»:

Биография Чехова — это поразительная история о том, как юнец из Таганрога, выросший в убогой лавочнической среде, с курицей-матерью и пошлейшим папашей, мелким домашним тираном, со всеми привычками и родовыми приметами гнусного мещанского быта, за свою короткую жизнь проделал огромный (ничего, если я скажу аристократический?) путь и скинул с себя всю изначальную шелуху, и стал тем Антоном Павловичем Чеховым, которого мы совершенно справедливо назначили себе «иконкой интеллигентности».

Был таким: (фотография молодого Чехова, А. П.)

Стал таким: (фотография зрелого Чехова, А. П.)

В этом фрагменте преобладает оценочная лексика: здесь мы видим и навешивание ярлыков, и антонимы, и метафору, и окказионализм. Предлагается противопоставить и визуальный ряд: автор **навязывает пресуппозицию**, согласно которой на фотографиях изображены два разных человека. Навязывание пресуппозиции, иногда невольное, — еще один характерный прием, позволяющий склонить аудиторию Фейсбука на свою сторону. Так, в самом начале поста Акунина Чехову приклеивается ярлык «Икона интеллигентности»:

Увидел в фейсбуке прекрасную картинку, которую все с удовольствием перепостиживают:

- и что-то вдруг задумался о нашей «иконе интеллигентности» Антоне Павловиче Чехове.

6.3. Риторическая стратегия «навешивания ярлыков» активно используется и в политических дискуссиях на Фейсбуке, способствуя поляризации общества: *совок, фашист, предатель, белоленточник, либераст, толераст, кремлеботы, кремлетролли, оппа, кровавая гэбня, путиноиды* и т. д.

Риторическая стратегия иронического острашения присутствует во многих процитированных постах. Частотен такой прием, как антифразис — употребление слов в противоположном значении, как, например, в посте известного публициста Дениса Драгунского от 29 сентября 2013 года:

УЖАСНО БЫВАЕТ СМЕШНО ВИДЕТЬ В ЛЕНТЕ ТАКОЕ:

"На "Снобе" потрясающий текст о смысле мужчины в жизни женщины и о смысле женщины в жизни мужчины! Мастрид!! Читайте все!!!"

Ага.

После "Анны Карениной", "Идиота", "Дамы с собачкой", "Крейцеровой сонаты", "Темных аллеи", "Дара"... После "Утраченного времени", "Саги о Форсайтах", "Чумы", "Семьи Тибо". После Фолкнера, Теннесси Уильямса, Миллера... После Фрейда, наконец...

Да ну их всех!

На "Снобе" вам сейчас всё объяснят про мужчину и женщину!

Ирония в этом посте сочетается с такими тропами и фигурами, как гипербола и доведение до абсурда

6.4. Еще одна стратегия, популярная в Фейсбуке, — стратегия *императивности*: друзьям, френдам и подписчикам объясняется, как обстоят дела на самом деле и как нужно поступать, другая точка зрения не принимается и встречается агрессией. Мы уже видели подобную стратегию в посте Альфреда Коха, яростного сторонника Навального.

Наконец, короткие реплики или отсутствие реплик, анекдоты и каламбуры, распространение информации без комментариев или с кратким словом «перепост», более активная положительная оценка картинок и фотографий — все это реализует стратегию *минимализма*: в практическую и быструю эпоху дефицита эмоций картинки и кнопки «Нравится» и «Поделиться» оказываются ценнее слов.

Наконец, само название поста «статус», риторическая структура странички (разделы «хроника» и «информация») способствуют реализации стратегии *самопрезентации*, где каждый сам себе работодатель или соискатель, активист, журналист, политик.

7. Заключение

Исследование носит предварительный характер. Мы постарались выявить основные средства выражения оценочности и увидели, что промежуточное положение сети Фейсбук как средства частного общения и социально-политического публичного взаимодействия определило языковые и риторические способы выражения оценки у ее пользователей. Тенденции, обнаруженные нами в текстах этой популярной сети, отражают наметившиеся дискурсивные тенденции в функционировании бытового и публицистического стилей. Нарочитая, акцентированная, деструктивная или экзальтированная, полемически заостренная оценка позволяет «сетевому человеку» выплеснуть свои эмоции, разрядиться, создать иллюзию живого общения. Навешивание ярлыков, речевая агрессия и навязываемая

пресуппозиция свидетельствуют о низкой культуре публичной дискуссии и низком уровне речевой культуры в современном обществе. С другой стороны, ирония, метафоры, языковая игра и большое количество неологизмов свидетельствуют о развитии живой, демократичной, свободной языковой стихии, а также о способности некоторых пользователей сделать свой частный пост ярким, убедительным, общественно значимым идеологическим высказыванием.

Литература

- Гусейнов Г. Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 289–321.
- Какорина Е. В. Язык Интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 393–478.
- Клушина Н. И. Публицистический текст в прагматическом аспекте // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., Изд-во МГУ, 2007. С. 75–107.
- Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: Русский язык. Межличностное общение. М.: Издательство «1989.ру», 2006.
- Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. М., 2005.
- MacLuhan M. Understanding Media. London & New York, 1964.

А. В. Занадворова

Саморегуляция в нерегламентируемых сферах интернет-общения: речевой этикет в Живом журнале

В статье описаны элементы сетевого этикета, в некотором отношении напоминающего нормы вежливости, принятые в устном общении незнакомых горожан, и при этом отражающего отдельные стороны неформального молодежного диалога. Специальное внимание уделено свойствам речевого поведения в интернете, вызванным особенностями интернет-коммуникации и желанием пишущего подчеркнуть специфику интернет-общения.

Ключевые слова: речевой этикет, правила поведения, письмо, блог, форум

Многообразие форм интернет-общения

С появлением в нашей жизни интернета и мобильной связи резко увеличилось число разновидностей непринужденного общения, реализующихся в письменной форме. До этого список их был довольно скуден: личная переписка, записки (которыми обменивались, например, школьники на уроках), доска объявлений, стихийная стенгазета, книга отзывов и предложений, личный дневник, надписи на заборах и в общественных туалетах, — вот, пожалуй, и весь спектр. Стоит отметить, что половина из них не предполагала общения как взаимодействия (так, для дневника характерно совмещение автора и читателя в одном лице; книга отзывов и предложений не рассчитана на диалог, в качестве реакции ожидаются действия по улучшению обслуживания; надписи на заборах также в первую очередь реализуют потребность в самовыражении, а не в диалоге). Ограниченность доступного жанрового репертуара не позволяла рядовому носителю языка почувствовать себя автором: люди, которые в школе плохо умели писать сочинения, считали, как правило, что они не умеют писать.

С появлением интернета в сфере непринужденной письменной речи произошло то же, что в девяностых годах произошло с устной публичной речью, — заговорили те, кто раньше молчал [Русский язык кон-

да XX века 2000: 14–18]. В нашем случае — получили доступ к публичному письменному изложению своих мыслей те, кто раньше не был по роду своей профессии связан со словом (не писатели и не журналисты) и не имел такой возможности, а может быть, даже и потребности.

Современные технические средства предоставляют принципиально новые структурные рамки для письменного публичного и личного общения. Открылось много новых возможностей не только для частной беседы уже знакомых людей или публичного выражения своих мыслей, но и для знакомства, установления контакта. С появлением интернета возникли новые структуры, по-разному организующие непринужденное публичное и личное общение (форумы, блоги, чаты, электронная почта, социальные сети ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук и т. п.).

Нормы речевого поведения в сети

Пользователи интернета буквально окунулись в море разнородных текстов, многие из которых написаны с нарушением принятых орфографических, грамматических, стилистических и прочих норм, малопонятны, бессодержательны, пестрят матерной лексикой и т. п. Однако не следует думать, что в нерегламентируемых сферах речевого общения царят грубость и анархия. Здесь стихийно устанавливаются свои нормы речевого поведения. Они в какой-то степени соотносятся и с нормами устного непринужденного личного и публичного общения, и с нормами письменной коммуникации, образуя причудливую смесь. В сети, в отличие от устного непринужденного общения, существуют также модераторы, которые следят за соблюдением норм речевого поведения на данной «территории» (в сообществе, форуме, чате и т. п.).

Структурная организация общения и цели коммуникантов в большой степени влияют на форму итогового текста, на степень его законченности и оформленности, на его соответствие орфографическим и грамматическим нормам, на употребление этикетных формул и даже на собственно содержание коммуникации. Кратко рассмотрим типовые формы современного непринужденного письменного общения и их «отношение» к этикетным нормам.

Электронная почта

Обмен электронными письмами во многом напоминает традиционную бумажную переписку. Здесь мы не будем подробно рассматривать этот тип общения, его особенностям посвящено немало работ. Остановимся

ся лишь на некоторых аспектах. В работах по современной русистике уже отмечалась актуальная тенденция замены обращения приветствием¹. Кроме того, в электронной переписке, в отличие от бумажной, мы, как правило, видим историю переписки (предыдущие письма от того же адресанта на ту же тему), что существенно сокращает этикетную часть не первого письма, а также необходимость актуализировать информацию, вводить адресата в предмет разговора. Если письмо не первое, то часто опускается обращение и прощание, а письмо может состоять из одной короткой реплики, даже если отношения между пишущими социально неравные. Ср. пример полуофициальной переписки между подчиненным и начальником:

(подчиненный начальнику):

Иван Петрович!

Посылаю Вам первый вариант своего раздела для обсуждения. Он еще сыроват, но мне хотелось бы его обсудить, чтоб знать, куда двигаться дальше. Файл в приложении.

С уважением

Иванова Татьяна

(подчиненный начальнику):

Простите, забыла прицепить файл. Посылаю еще раз.

С уважением

Иванова Татьяна

(начальник подчиненному):

Таня, спасибо, файл получил. Давайте назначим обсуждение на вторник. Сообщите всем, пожалуйста. ИП.

(подчиненный начальнику):

Иван Петрович! Сейчас всем напишу, а во сколько во вторник, в два? Таня

(начальник подчиненному):

Давайте в час.

(подчиненный начальнику):

Хорошо. Поняла.

Как видим, первое письмо написано с соблюдением общих требований вежливости. Ответ начальника переключает общение в более непринужденную тональность (см. обращение *Таня*, подпись в виде инициалов — *ИП*). В дальнейших письмах-репликах, уточняющих время заседания, отсут-

¹ Обращения типа *Глубокоуважаемый Иван Иванович!* или *Дорогая Маша!* вытесняются приветствиями *Здравствуйте, Иван!* и *Привет, Маша!*, см., например, [Кронгауз 2008].

ствуют и обращение, и подпись, и это неслучайно: этикетные формальности только перегрузили бы письмо и заняли лишнее время у читающего.

Заметное отличие электронной переписки от бумажной состоит и в том, что технические средства позволяют при ответе использовать фрагменты исходного письма, брать из него цитаты, что позволяет экономить время. Письмо теряет гладкость слога, а порой вообще перестает выглядеть как связный текст, но адресат не тратит времени на актуализацию заданного ему вопроса. См. например (текст письма дан курсивом, текст цитируемого письма — прямым):

Аня, привет!

<29 сентября 2012 г., 3:03 пользователь Анна написал:

Кать, спасибо за информацию, записались к Татьяне Ивановне.>

рада за вас,

Татьяна Ивановна прекрасная!

<Хотела уточнить, с какого числа и где конкретно начнутся занятия.>

я вернусь 10 октября.

вам удобнее Новые Черемушки или Парк Культуры?

<Айкидо мы, наверно, тоже хотим.>

Айкидо — если будет — то на Парке

цены пока не знаю,

вернусь — буду разбираться

К.

Отметим еще одну специфическую черту электронной переписки. Поскольку время на доставку писем сократилось — электронные письма приходят практически мгновенно, и отправка письма ничего не стоит — появился новый жанр: **письма-подтверждения** получения письма².

Иногда эта просьба исходит от адресата сообщения, ср., например: **«Дорогие коллеги! Посылаю словарные статьи для обсуждения. Пожалуйста, подтвердите получение. С уважением...»**. Подтверждение также может быть отправлено и по инициативе получателя.

Общение в режиме реального времени

Существует множество систем, позволяющих осуществлять общение в режиме реального времени: ICQ (Аська), агент, google-talk, чаты на различных форумах и т. п. Здесь мы имеем дело с наименее оформ-

² При отправке письма с помощью обычной почты мы можем воспользоваться специальной услугой — отправить письмо с уведомлением о вручении, но это, как правило, делается только при отправке писем в официальные организации.

ленными и структурированными текстами³. Это объясняется тем, что подобное общение происходит, как правило, между хорошо знакомыми людьми, в непринужденной обстановке. Сообщения, которыми обмениваются пользователи, не предназначены для прочтения посторонними. Это сиюминутное общение, тесты подобной «переписки» не предполагают длительного хранения и перечитывания. Поэтому часто для экономии времени пишущие почти не ставят знаков препинания, не используют заглавные буквы, сокращают слова, не исправляют опечатки, но это не мешает успешной коммуникации. Здесь главной задачей является поддержание темпа общения, поэтому более вежливо ответить быстро (пусть и без знаков препинания и с большим количеством опечаток), чем заставлять собеседника ждать. Этим объясняется и краткость реплик. Часто к тому же человек одновременно ведет ICQ-переписку с несколькими людьми.

Характерной чертой этого типа общения является наложение реплик. См. например:

(диалог происходит поздно ночью):

А. Привет! Ты не спишь?

Б. не-е, туплю чего-то

А. Как поживаешь? Б. как вы там?

А. ничего, как Левик (сын Б.)? Б. так, болеем ... Б. а ты на выставку идешь в пятницу?

А. Хочу, да. А то у него? А. *что; Б. я к пяти пойду [на выставку] Б. простудился вот дома сидим

(расположение реплик на одной строчке показывает, что собеседники печатают их одновременно). Именно из-за этой одновременности, из-за того, что собеседники не ждут ответа другого (для экономии времени), и получается этот «перехлест», параллельное развитие двух или более тем.

Длинные приветствия здесь также могут опускаться. Часто приветствие сокращается до короткого «Ты здесь?» или при возобновлении «разговора» вместо приветствия возникают фразы вида: *Все, я вернулась; Прости, дети отвлекли*. Коммуникация может не иметь выраженного конца, т. е. может не завершаться формальным прощанием. Часто общение по ICQ является некоторым фоном, сопровождающим основную деятельность за компьютером. Система включается в начале рабочего дня и выключается вечером, так что беседа может затухать (без маркера конца разговора) и возобновляться в течение дня без дополнительных формальностей.

³ Эти замечания не относятся к тем случаям, когда подобный способ используется в официальных ситуациях при общении незнакомых людей (например, во многих интернет-магазинах можно задать вопрос консультанту по ICQ).

Блоги

Коммуникация в блогах организована вокруг личной странички пользователя. Пользователь по желанию сообщает о себе сведения анкетного характера (пол, возраст, семейное положение, образование, интересы). Пишущий, как правило, не ограничен во времени, поэтому может придать своему тексту тот вид, который соответствует замыслу, — диапазон вариантов широк: от гладкого художественного или публицистического текста до нескольких бессвязных слов. Подробнее общение в блогах будет рассмотрено ниже.

Форумы

На форуме общение обычно организуется по тематическому принципу. Как правило, нормы поведения на том или ином форуме прописаны в «Правилах» и «Часто задаваемых вопросах» (FAQ). Кроме того, за выполнением этих норм обычно следит модератор форума. Правила не только фиксируют общепринятые нормы поведения, но и формулируют требования более частного характера (например, по каким правилам следует оформлять записи, как формулировать заголовки, какие ставить теги и т. п.). Подробно особенности коммуникативного взаимодействия на форуме описаны в [Какорина 2008, 2010].

В настоящее время сайты, на которых происходит непринужденное письменное общение (по-видимому, для большей конкурентоспособности), организованы таким образом, что совмещают несколько режимов общения. Так, почти везде: и в блогах, и на форумах и в соцсетях — есть возможность обмена личными сообщениями, возможность «беседовать» в реальном времени — чат; есть возможность организации как диалога, так и полилога (в котором могут принимать участие больше двух пользователей); в системах, позволяющих вести блог, есть сообщества, в которых организация общения сходна с форумом, и т. п.

Многие пользователи зарегистрированы сразу на нескольких подобных сайтах, имеют аккаунты в различных соцсетях и должны иметь представление о том, как «вести себя» в том или ином месте виртуального пространства, где что уместно и как наиболее адекватно и по назначению использовать те или иные технические возможности, которые предоставляет интернет. Разные «места» и способы общения используются для разных целей (например, Инстаграм специально нацелен на публикацию фотографий, Твиттер — на короткие сообщения и т. п.). Неискушенный пользователь может на первых порах «потеряться» в ошеломляющем многообразии возможностей.

В устном непринужденном общении нет такого широкого выбора и разнообразия технических средств. Кроме непосредственной личной беседы и телефонного разговора, в последнее время все шире распространяется устное общение по скайпу⁴. Если выбран неуместный, с точки зрения одного из собеседников, канал связи, он сообщает об этом, предлагая сменить формат общения, ср. характерные мета-коммуникативные высказывания, сигнализирующие о неуместности в данной ситуации того или иного способа общения:

Давай я тебе из дома перезвоню / тут очень шумно // (пассажир маршрутки говорит по мобильному телефону)

или

Слушай / это не телефонный разговор / давай завтра в институте обсудим //;

*А. Кать / слушай / ты сейчас **разоришься** / давай вечером из дома по Скайпу поговорим. Б. Да я по карточке звоню / дешево //* *А твоим вечером я уже спать буду давай сейчас лучше / если не отвлекаю конечно //* (А. звонит подруге Б. из-за границы на мобильный, разница во времени составляет 8 часов).

И в интернет-общении можно встретить высказывания, сигнализирующие о неуместности или неудобстве использования того или иного «места общения» для данной цели. Интересно проанализировать подобные мета-коммуникативные высказывания пользователей, в которых оцениваются преимущества или целесообразность использования того или иного интернет-ресурса.

Вот, например, сообщение Вконтакте, предлагающее собеседнику пообщаться в более личном формате: *бодрое утро! как поживаешь? как выходные прошли? вылезай в ICQ.*

На Фейсбуке девушка пишет с мобильного телефона десяток коротких сообщений, комментирующих детский утренник. Утренник, по ее мнению, ужасен. Очередное сообщение она сопровождает извинением: *«О! А теперь они поют "Пусть всегда будет солнце". Простите, у меня нет Твиттера».*

В ЖЖ (Живом журнале) комментарий к длинному тексту: — *Многа букофф, аднака.* (автор текста:) — *Согласен. Но это всё таки Живой Журнал, а не Твиттер.*

Уличными акциями через ЖЖ руководить сложно, это не твиттер; ЖЖ вам не твиттер (заголовок)

Очевидно, что это так, но можно и подробно разобраться, почему так, но какой сервис лучше решать вам. Правильно, если пользуетесь этими сервисами одновременно. В твиттере анонс, а продолжение в ЖЖ.

⁴ О разновидностях непринужденного устного общения см. [Китайгородская, Розанова 1999: 29–37]

Особенности коммуникативного взаимодействия в Живом журнале

Живой журнал (www.Livejournal.com) — это популярный сайт, который позволяет вести он-лайновый дневник. Число пользователей русскоязычного сегмента Живого журнала насчитывает более миллиона человек. Такие дневники в настоящее время ведут не только частные лица, но и организации. Многие политики и другие известные личности также считают необходимым вести собственный блог. Однако в данной работе мы принципиально ограничим объект исследования и сосредоточим свое внимание на блогах простых пользователей.

Он-лайновый дневник — это, разумеется, не дневник в классическом понимании, в который человек записывает свои сокровенные переживания, мысли и чувства, а явление, название которого представляет собой некоторый оксюморон, — публичный дневник, специально предназначенный для прочтения другими людьми, поэтому с классическим дневником его роднит, пожалуй, только система организации записей: каждая запись (или — в терминологии ЖЖ — *пост*) сопровождается информацией о дате и времени ее создания. Записи, в отличие от бумажного дневника, располагаются в обратном хронологическом порядке, т. е. сначала идут самые свежие сообщения. В пост можно вставлять медиафайлы (картинки, музыку, видеоролики, а также ссылки на другие посты или сайты). В настоящее время сайтов, где можно вести он-лайновые дневники (или блоги), довольно много. Общение в ЖЖ имеет ряд общих черт с другими типами общения при помощи интернета, но и ряд отличий, связанных с формой организации разговора.

В отличие от ICQ и других подобных систем, ориентированных на общение в режиме реального времени, при общении в блоге партнеры коммуникации могут быть разделены не только в пространстве (что справедливо почти для всех видов интернет-общения), но и во времени. Таким образом, у пишущего больше времени на обдумывание «реплик», соответственно (по сравнению с ICQ) текст получается более синтаксически связным, с меньшим числом ошибок и опечаток.

Общение в блоге потенциально не ограничено во времени, так как теоретически можно прокомментировать запись в чужом «дневнике» через несколько лет после ее создания, хотя на практике это встречается редко.

В ЖЖ общение организовано вокруг личной странички пользователя (*юзера*, *жжж-юзера*, *лжеюзера* и т. п. — синонимический ряд довольно длинный). Здесь организуются сообщества, объединенные тематической направленностью, подобные форумам. Автор делает записи (*посты*), другие пользователи могут писать комментарии (*комменты*, *каммен-*

ты) к его записям. Причем комментарии могут относиться как собственно к посту, так и к другим комментариям, т. е. общение развертывается в форме полилога.

Основной тип отношений, в которые могут вступать ЖЖ-юзеры, т. е. авторы дневников, — это отношение *дружбы*. Один пользователь может быть «другом» другого пользователя, и это отношение не обязательно является взаимным. Это слово взято в кавычки не случайно. Дело в том, что понимание *дружбы* в Живом журнале отличается, естественно, от общепринятого значения этого слова. Если один пользователь добавляет другого в список своих друзей, то первый получает возможность быстро просматривать записи второго в списке выделенных сообщений — «ленте друзей» (*френдленте*). Это отношение важно также для того, чтобы регулировать доступ к записям (существуют публичные записи, которые видят все; записи, которые видит только сам пользователь; записи для друзей или только для определенной части друзей — так называемой *группы друзей*).

Разница в значении подчеркивается и разницей в управлении. Если в обычной жизни мы можем сказать про человека *Он мой друг* или *Я с ним дружу*, то применительно к Живому журналу это будет звучать иначе: *Он у меня в друзьях* или *Я его добавил в друзья*.

Для выражения этого значения существует термин *френд*, заимствованный из английского, что в переводе и обозначает *друг*, но по-русски слово употребляется именно в специфическом для ЖЖ значении. Русскоязычным пользователям «повезло», так как они, в отличие от англоязычных пользователей, могут различать отношения «*друг*» и «*френд*», ср., например, обращение: «*Абсолютно все друзья, френды, друзья френдов и френды друзей welcome!*». Соответственно, слово *френд* может употребляться как в конструкции вида *Он мой френд*, так и в конструкции вида *Он у меня во френдах*.

Это слово породило целое словообразовательное гнездо. Глагол *френдить*, который употребляется в значении «добавлять в список друзей» (в совершенном виде — *зафрендить*). Глагол этот активно употребляется пользователями, но при его спряжении возникают те же проблемы, что и с глаголом *победить*. В форме 1 лица ед. ч. встречаются две конкурирующие словоформы: *френжу* и *френдю*. Первый вариант более частотен: не исключено, это связано с семантической и фонетической близостью с глаголом «дружить» — форма *френжу* напоминает *дружу* (о частотности различных вариантов см. [Занадворова 2008]).

Подобная вариативность возникает и при образовании отглагольных существительных. Ср.: *френжение*, *френдение*, *френдеж*, *френдование* и даже *френдирование*. Примечательно, что сами пишущие чувствуют неуверенность при образовании таких существительных, поэтому

предлагают на суд читателя несколько вариантов, ср., например: *А что является критерием френдения, френдования, френжения, короче френдирования у тебя в журнале? или Вот, значит, как работает система френженья (!) френденья (!!), френдования (!!!)!!!*

Для разрыва отношений используется, соответственно, глагол *отфрендить*, *расфрендить* (реже *выфрендить*). Под влиянием глаголов *зафрендить* и *отфрендить* были образованы новые глаголы от русского *дружить*, отличающиеся от узального своеобразным употреблением приставок: *задружить* и *отдрузжить*.

Более сильной степенью разрыва отношений является запрет коммуникативной активности пользователя: после запрета пользователь не может оставлять комментарии в журнале (а применительно к сообществам — не может размещать посты). Эта акция запрета обозначается глаголом *банить* (сов. в. *забанить*, от англ. *ban* — запрещение).

«Правила поведения» в Живом журнале

Пользовательское соглашение, которое принимают все зарегистрированные участники сообщества, в небольшой степени регламентирует речевое поведение. Главным образом, правила поведения в журнале определяет его владелец. Они могут быть в явном виде сформулированы в его «верхнем посте» (первой записи, предваряющей дневник) или постепенно оглашаться им по мере необходимости. Обычно правило формулируется в тот момент, когда его нарушили. Причем правила могут касаться как выбора тем, так и языковых средств. Ср., например: *«Мне противны любые проявления нетерпимости и агрессии. Особенно мне гадки национализм и расизм. Не люблю переходов на личности в стиле "дурак! — сам дурак!"». Кроме того, терпеть не могу модных в ЖЖ словечек типа "афтар жжот", "я плакаль" и т. д. Впрочем, мои френды их и не используют».*

Блог Артемия Лебедева (tema) предваряется следующей записью: *«Молча баню п...расов: у кого анимированный юзерник; у кого камент состоит из "+1" или любого другого согласного числительного; у кого камент состоит из смайлика любого вида; кто пишет больше трех скобок, точек или восклицательных знаков подряд; кто пишет **первынах**, **наццталом**, **ыыыыааа** и прочее бессмысленное мычание».*

Поскольку автор блога является хозяином своей «территории», он может достаточно жестко формулировать требования, предъявляемые к своим читателям-комментаторам:

Я для уродов специально вынесла графу — за что беспощадно баню — за мат в мой адрес и в адрес моих френдов, и это даже не китайское предупреждение — я просто это делаю. Если человек не спосо-

бен усвоить правила поведения в обществе, его надо на...й выкинуть отсюда, но это совершенно не значит, что нужно завязывать с дневником. нас ведь и в жизни окружают не очень приятные (примечательно, что автор блога сам при этом употребляет матерное выражение).

Кроме записей в журналах пользователей, которые эксплицитно указывают на свои предпочтения относительно речевого поведения в их журнале, некоторые неписанные правила можно определить по реакции пользователей на чужие сообщения. Пользователи учат друг друга применять технические возможности ресурса. Ср., например, реакцию на большое сообщение: А.: *Кать, прекрасный рассказ, только спрячь плиз под кат*. Б.: *Да я сама хотела, только не знаю как*.

Эти неписанные правила сетевого этикета можно разделить на две группы:

1. Правила, связанные с технической стороной ЖЖ-общения. Они ориентированы на удобство читающего.

1. Не следует писать *слишком длинных сообщений*, так как читающий не всегда прочитывает все посты подряд, а хочет иметь возможность «проглядеть заголовки» и выбрать то, что ему интересно. Поэтому большие сообщения рекомендуется убирать «под кат»: лж-кат (lj-cut) — система, позволяющая показывать только часть сообщения, а на оставшуюся часть давать ссылку, на которую при желании можно кликнуть и посмотреть сообщение целиком.

Не следует также размещать много больших фотографий, поскольку на их «загрузку» тратится лишнее время (а в некоторых случаях и деньги) пользователя. Поэтому некоторые пользователи, в заботе о своих читателях, пишут предупреждающие надписи: *Осторожно! Под катом много больших фотографий!*

2. Правилom хорошего тона считается также заботиться об **информационной безопасности** своих френдов, например, просьба написать телефон, имейл сопровождается пометкой «комменты скринятся» (скрываются).

3. Очевидно, неэтично размещать у себя в блоге **коммерческую рекламу** или рекламировать что-либо, комментируя чужие записи. Как правило, если это делает ваш знакомый, вы понимаете, что его аккаунт «взломали».

2. Правила социально-психологического характера, которые касаются регулировки межличностных отношений, установления контакта и т. п. В отличие от формальных правил, представления об уместности того или иного обращения, употребления матерной лексики, политики добавления в друзья у многих пользователей расходятся.

Очевидно, в ЖЖ, как и везде, приветствуется соблюдение морально-этических норм. Так, например, нехорошо разглашать чужие тайны, которые вам доверили. В данном случае общение в ЖЖ не является специфичным. Но в ЖЖ-общении это имеет свое название. Некрасиво выносить чужие секреты «из-под замка», т. е. делать достоянием общественности то, что вы прочитали в чужом журнале в записи с ограниченным доступом⁵. Помимо значка в виде замка, который сопровождает эти записи, авторы блога могут эксплицировать ограниченность группы адресатов в заглавии поста, ср., например: (*пост для узкой группы* или *пост для девичьей группы*) или специально прокомментировать в тексте.

Поскольку блог — личное пространство автора, считается некорректным, например, затевать в комментариях дискуссию с другим комментатором, не связанную с темой основного поста (на языке Интернета, *флудить в коментах*). Ср.: *Я жесточайше баню за мат, гадости и разборки в коментах*.

Мы, однако, сосредоточим внимание на специфически языковых средствах выражения, отражающих этикетное поведение пользователей.

1. Выбор обращения — ты/вы

При непосредственном личном контакте незнакомых людей выбор обращения определяется, как правило, возрастом говорящих, соотношением социальных ролей и обстановкой общения (официальная / неофициальная). Однако при непринужденном общении в блоге далеко не всегда можно определить возраст и даже пол пишущего (во-первых, для этого надо приложить определенные усилия — зайти в его «user info», во-вторых, далеко не все пользователи указывают свой возраст). Нет здесь и общепринятых социальных ролей — здесь свои «ситуативные» роли. Можно выделить два основных типа взаимодействия: «хозяин блога» — «комментатор» и «комментатор — комментатор». И особые, специфичные для этой сферы, отношения «дружбы», которые имеют три варианта реализации — взаимные друзья (френды) и невзаимные: пользователь, который у меня в друзьях, и пользователь, у которого я в друзьях.

Разные люди по-разному оценивают ситуацию общения при помощи интернета. Некоторые распространяют на нее правила устного городского общения, т. е. к незнакомым взрослым людям обращаются на «Вы», другие склонны в сети обращаться ко всем на «ты». См. например:

⁵ Такие записи для ограниченного круга людей (причем круг избранных хозяин блога очерчивает сам: это могут быть все его френды, может быть особая группа наиболее близких друзей и т. п.) называются *подзамочными записями* (потому что для наглядности их сопровождает пиктограмма: изображение замка), или *подзамками*.

«Меня зовут Анна. Всем, приходящим ко мне в гости, то есть в мой ЖЖ, за общением и так потусоваться, я предлагаю обращаться ко мне "на вы". Если вы захотите, чтобы я обращалась к вам "на ты", скажите об этом, пожалуйста :) ...

"Я не люблю, когда виртуальные незнакомые люди сразу начинают говорить мне "ты". Если вам хочется побыстрее перейти со мной на "ты", — нет проблем, только дайте мне об этом знать".

"Меня зовут Анна. Я писатель, переводчик, редактор. ... В книгах я излагаю информацию последовательно и расставляю все по полочкам. А мой ЖЖ — это живой и непричесанный дневник. Здесь все вперемешку — и многократно проверенные, любимые рецепты, и хлеб, который я делаю впервые. ... Я рада новым друзьям, особенно тем, с кем у нас общее хлебное увлечение. Со мной можно на "ты".

"Здравствуйте, меня зовут Артем! ... Хамство в моем журнале не приветствуется, я за адекватное общение, сам доброжелателен. Отвечаю взаимностью на взаимность, новым друзьям всегда рад. ... И таки да, со мной можно на ты!)"

2. Употребление ненормативной лексики

По этому вопросу встречаются противоположные мнения: некоторые категорически выступают против мата, другие, напротив, подчеркивают свою любовь к крепким выражениям.

(Из верхней записи:) Забыла добавить: я редко ругаюсь матом и не люблю, когда ругается матом кто-то другой; я терпеть не могу расизм, антисемитизм, национализм в любых проявлениях. Увижу — отфрендю нафиг сразу или даже забаню.

(Из комментариев:) Во-первых, я никого не баню за мат, а удаляю матерные комментарии и прошу их авторов придерживаться цивилизованных норм поведения. Во-вторых, абсолютно невозможно представить себе Галковского, оставляющего матерные комментарии в моём журнале. В-третьих, чисто теоретически, если бы такое всё же произошло, я, естественно, удалил бы эти комментарии.

(Комментарий к комментарию, содержащему ненормативную лексику): Так, я баню за мат))) на первый раз прощаю))).

3. Политика френжения (добавления в друзья)

Политика френжения также может эксплицитно выражаться пользователем. Для этих целей может использоваться поле «Биография» или так

называемый «верхний пост»: создается специальная запись, которая идет первой в журнале, т. е., говоря на сетевом языке, «висит сверху».

«Я никого не френдю... не френжу... короче, не дружу из соображений взаимности. Интересных и/или приятных мне авторов — зафрен это самое, с радостью и удовольствием. И вот выкидывать из френдов тоже не люблю, отчасти потому, что сама немножко обижаюсь, когда меня выкидывают»

Если я вас не зафрендил в ответ, пожалуйста, не обижайтесь. Я вас очень люблю, но и себя я тоже люблю:), а читать всех невозможно. Nothing personal, разумеется :)

Если я вас расфрендил, большая просьба — не обижайтесь, пожалуйста! Это значит, что у меня просто нет времени читать ваш журнал, только и всего.

Если же я зафрендил вас, а вы меня — нет, то меня френдить в ответ необязательно. Это просто означает, что мне ваш журнал интересен. Никаких обязательств от своих невзаимных френдов я не требую :).

Поскольку количество друзей, а в особенности количество пользователей, добавивших автора в друзья, — это показатель популярности (см. блоги так называемых *тысячников*), то на эту тему возникают шутки: *Френжу за еду* и т. п..

Для увеличения своей популярности некоторые люди предлагают всем взаимную дружбу: *За — **взаимодружие!** Приветствую всех! Искренне рад друзьям! Взаимно дружу со всеми навсегда! Добавляясь в друзья, оставьте, пожалуйста, отметку в моей верхней записи — непременно отвечу взаимностью!*

Правила поведения в сообществах

Более строго правила речевого поведения прописаны в *сообществах*. Они напоминают правила поведения на форумах. Сообщества создаются по интересам (*малыши, kitchen, terra linguarum* и т. п.), по учебным заведениям, для определенной цели (*книгообмен, ru_маркет, ru_translate, otdam_darom*), для веселья — «по приколу» (*маши ру, буква у*). В популярных многолюдных сообществах часто подробно описано, каким образом надо оформлять пост, что выносится в заголовок, как ставить теги и т. п. Также много внимания уделяется запретам, подробно перечисляется, что недопустимо в данном сообществе.

Вот, например, насколько детально описаны правила речевого поведения в сообществе *otdam_darom*:

ОФФТОПИК СНОСИМ И БАНИМ

(никаких "шуток", никаких "социальных экспериментов", никаких "я нечаянно" — все лица, демонстрирующие явное невыполнение правил, сносятся и банятся, "социальные экспериментаторы" сносятся и банятся с особым цинизмом)

Если у Вас в доме завелась хорошая, но ненужная вещь, такая, что выкинуть жалко, а продавать лень или неудобно, Вы можете сообщить об этом здесь, в ЖЖ-комьюнити `otdam_darom`. Возможно, кому-то она просто позарез нужна.

При пользовании комьюнити **убедительно просим** придерживаться следующих правил:

(сообщения, нарушающие правила, удаляются, нарушителям со второго раза (некоторым с первого) запрещается писать в комьюнити; **проще говоря**, если вы не хотите ничего отдать даром, не пишите сюда; **вниманию девушек!** неформатные (нарушающие нижеприведённые правила) сообщения, размещённые под предлогом "а я не знала" или "а я только спросить хотела" — сносятся наравне со всеми, а авторы помещаются в банный список или забаниваются на общих основаниях (читайте правила), аргумент "а чего это вы тут такие злые" в расчёт не принимается; размещая посты, помните: **вы находитесь в общественном месте, и на вас смотрят сотни людей, ведите себя прилично, пожалуйста!**)

Не забудьте указать город, в котором находится искомая вещь.

Повторяем для москвичей: **НЕ ЗАБУДЬТЕ УКАЗАТЬ ГОРОД, В КОТОРОМ НАХОДИТСЯ ИСКОМАЯ ВЕЩЬ!**

Объявления типа "продам" (а также "куплю") — это не сюда. Удаляются. Рекомендуем обратиться в `ru_market` или `auktсион`.

Объявления типа "обменяю" (например, с использованием конструкций "обменяю на" или "с вас" (подробнее тут)) — это тоже, как правило, не сюда. Могут быть удалены. Рекомендуем обратиться в `obmen`.

Объявления типа "ищу" или "надо" — опять же, не сюда. Желаящие что-либо даром не отдать, но получить могут привлечь внимание на комьюнити `darom`. Кроме того, существуют полезные сообщества `vmeste_smozhem` и `nuzhna_pomosch`, куда вы можете обратиться за помощью.

Повторяем в связи с тем, что некоторые не понимают: **НЕ НАДО ЗДЕСЬ НИЧЕГО ПРОСИТЬ! ЗДЕСЬ ТОЛЬКО ОТДАЮТ!** Объявления с запросами, как правило, **удаляются** (исключения могут быть сделаны для благотворительных организаций, например, детских домов).

Внимание! Запрещены всякие намеки на благодарность типа "люблю соки/пиво/воды/сигареты/и т. д."

Здесь все отдается даром. Если вы считаете, что размещая сюда объявление вы перенапрягаетесь — вынесите вещи на помойку или напишите в другое место, где разрешен обмен.

Сообщество "Флакончик"

Описание: Это сообщество для любителей литературных игр и конкурсов. Предназначается для слива избытков креативности. Все, кто любит

стихотворную чепуху, буриме, сочинять рассказы с продолжением, имитировать, пародировать, выпендриваться и плодить стилистические изыски — добро пожаловать!

Здесь не следует: — публиковать ссылки на литературные произведения, не связанные с заявленной темой; — рекламировать что-либо или искать работу

Сообщество 76_82

Про нас: здесь общаются те, кому повезло родиться в период с 1976 года по 1982. но эти цифры довольно условны. создатели и модераторы сообщества — kotja и vottak сайт сообщества — "76–82. Энциклопедия нашего детства"

ВНИМАТЕЛЬНО ЧИТАЙТЕ ИЗБРАННОЕ И USER INFO, ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРЯТЬСЯ!!!

не забывайте обозначать тему поста, о чем пишете

в конце каждого дня, мы с огромным сожалением удаляем посты без названия. Личных предупреждений больше не будет.

Этикетные жанры в Живом журнале

Рассмотрим, насколько употребительными оказываются в ЖЖ этикетные жанры, такие как приветствие и прощание, извинение, комплимент и т. п., и в какой форме они реализуются. Мы будем отдельно рассматривать посты и комментарии, так как некоторые из этих жанров могут встречаться в одних случаях и не встречаться в других.

Приветствие и прощание

Приветствие и прощание, как правило, не очень характерны для общения в блогах, поскольку здесь (в отличие от ISQ) не предполагают общения в реальном времени, хотя иногда блог может использоваться и в такой функции, и в таких случаях приветствие и прощание вполне возможны в комментариях.

Комментатор: *Привет! Прости за офф, ты не можешь мне завтра книжку захватить.* Автор блога: *Попробую, не знаю, буду ли завтра, в среду точно буду.* Комментатор: *Спасибо. Ну, давай тогда до среды.*

В комментариях также может появляться приветствие, если это первый контакт пользователей. Они могут быть знакомы вне интернет-пространства, «в реале», в таком случае это будет возобновление контакта «на новой почве», ср. *Машка, привет! Ты меня узнала?* (имеется в виду

узнавание по изображению на картинке пользователя — юзерпике — А. З.) *У тебя суперский ЖЖ!* или это может быть приветствие, начинающее общение: *Здравствуйте, набрел на ваш ЖЖ. Интересно пишете. Давайте дружить в журналами!*

Приветствие уместно в так называемом «верхнем посте» автора журнала, который является небольшой самопрезентацией автора блога, «приглашением» в его блог (но подобный пост не является обязательным и не всегда присутствует в блогах). Приведу несколько примеров:

Добрый день! Или вечер? В общем, здравствуйте! Добро пожаловать на страницы моего журнала. Этот Пост Открыт для знакомства со мной. Здесь Вы сможете представиться, задать интересующие вопросы, высказать свои пожелания и замечания. Было бы здорово, если бы Вы написали о себе пару слов и представились:) Меня зовут Светлана и со мной сразу на "ты".

"Привет, меня зовут Таня ..., мне двадцать восемь, и я решила стать загнутой и написать верхний пост".

Приветствие может появиться в том случае, если это первый пост автора ЖЖ: *Привет, народ! Вот и у меня теперь ЖЖ! Зачем завела не знаю, на случай если умные мысли появляца))) Пока буду вас читать!!!* И, соответственно, прощание, когда автор, напротив, декларирует, что это его последний пост: *... окончательно прекращаю трансляцию в ЖЖ. Чего и вам желаю. Меня можно найти на lj.rosja под тем же именем. Всем счастливо оставаться).* В данном примере этикетная формула прощания имеет ироничный оттенок: автор считает, что оставаться в ЖЖ не следует.

Появление приветствия и прощания возможно также в тех случаях, когда пишущий возвращается в ЖЖ после некоторого перерыва: *Всем привет, я вернулся!* или, напротив, уезжает на некоторый срок: *На следующей неделе меня в ЖЖ не будет! Уезжаю в теплые края. Если что пишете смски. Всем счастливо оставаться!*

Общение в сообществах организовано таким же образом, как общение на форуме, и здесь приветствие в посте — вещь вполне обычная и уместная. См. например:

Дорогие форумчане!

(На форуме любителей лепки из полимерной глины) Здравствуйте, фимолубы и фимоманы :-) Я новенькая и с радостью присоединяюсь к вашим посиделкам!

Однако они не являются обязательными. Прощание ни в посте, ни в комментариях не предполагается, так как обсуждение темы потенциально может продолжаться бесконечно, т. е. маркер конца коммуникации был бы неуместен.

Приветствие или прощание, привязанное к суточному циклу⁶ (*добрый день, доброе утро, спокойной ночи* и т. п.), более употребительно в основных записях — постах, чем в комментариях, особенно у людей, которые активно ведут свой блог и часто пишут по несколько сообщений (постов) в день. См.: (заголовок поста) Деньрожденское утро (текст) *Доброе утро всем, хорошеееееего дня всем и мне!!!*; *Друзья мои! Только приехала от родителей, устала жутко, вот забежала сказать всем привет и убегаю спать! Всех помню, прочитаю ленту и на комментарии отвечу завтра, как выплыву. Сладких всех снов!!!*

Извинение

Извинение может входить в различные контексты, но мы остановимся только на тех случаях, когда пользователи извиняются за нарушения ЖЖ-этики.

Извинение *вместо обращения*, характерное для городской речи, встречается и в непринужденной письменной речи: *Простите, об этом наверно сто раз уже спрашивали, но не знает ли кто, где в Москве сейчас можно купить паста-машину?*

Извинение *за задержку с ответом*: *Извини, что так долго не отвечала. Меня не было в ЖЖ*. Подобные извинения не специфичны только для ЖЖ, они могли встретиться и в традиционных бумажных письмах, и в современных электронных.

Извинение *за отклонение от темы*. Комментарии могут совсем не соответствовать теме сообщения, что на языке ЖЖ называется *оффтопик* (*оффтоп* или просто *офф*). Такой коммент может сопровождаться метатекстовым вводом-извинением, например: *«прости за оффтоп, не могла бы ты завтра захватить мне книжку»*. Иногда слово *офф* ставится в заголовок комментария.

Извинение *за невладевание какими-то техническими навыками* (из-за которых читатель может испытывать некоторые неудобства): например, пост, содержащий несколько больших фотографий, завершается припиской: *Простите, пыталась убрать под кат но что-то не склеилось. Такая я тупая. Посоветуйте плиз что делать.*

В постах может встретиться и извинение за то, что автор, по его собственному мнению, «утомляет» читателей слишком длинными постами или неинтересными им темами, ср., например: *Простите, что сыплю посты однотипные, но это то, чем я живу последние несколько дней или*

⁶ О типичном сетевом приветствии *Доброго времени суток!* (вариант *Доброе время суток!*) см. [Кронгауз 2008].

Товарищи читающие — бездетные, малолетнедетные, взрoслoдетные и детные философы-пофигисты — простите, но это опять про школу и сад. Подобные извинения показывают установку пишущего — пишет ли он в большей мере для себя или «на публику».

Комплимент

Встречаются и специфические комплименты интернет-пространства. Интересно, что комплинтам о внешности собеседника, характерным для устного общения, соответствуют комплименты его юзерпику (*Какой у тебя новый юзерпик классный! Клеевая пичка!* или просто *Хорошо выглядишь!*). Причем иногда они имеют под собой реальную почву (когда в качестве юзерпика используется фотография), а иногда употребляются в шутку (если на юзерпике вместо фотографии находится изображение предмета, героя мультика и т. п.).

Типичные ЖЖ-комплименты содержанию поста: *Это — в избранное!* или *В мемориз!* в различных модификациях: *Красиво сказано. Прямо в мемориз можно сразу!); В мемориз — однозначно!*

В качестве похвалы остроумию автора часто используются специальные пиктограммы (эмодиконы) «смайлики», а также набор клишированных выражений, обозначающих бурную реакцию, — существует целый ряд таких выражения для обозначения смеха: *смеялсо, ржунимагу, пацталом, lol* (который восходит к английскому *laughed out loudly*) и т. п.

Эти этикетные обозначения восторженного смеха следует отличать от клишированных обозначений насмешки, ср., например: *ха тире ха тире ха, бугага* и др.

Знаменитый *+ 1* является универсальной реакцией, смысл которой примерно можно выразить так: «полностью согласен, готов подписаться под каждым словом». Встречаются эмоциональные модификации, своего рода гиперболы *+ 100, + 1000* которые вполне соответствуют гиперболам, характерным для разговорной речи (ср. [Капанадзе 2005]). Эта формула воспринимается читателями ЖЖ как клише, банальность. Поэтому иногда, видимо, для придания ей экспрессивности, она записывается словами, ср., например: *Жирный плюсодин; Плюсодин, простите за выражение = И отдельная плюстыща за абзац про не-семьи; Ога, очень верно подмечено кстати! Плюсто!*

Возник даже глагол *плюсодинить*, ср., например: *Мне думается, что просто некоторые люди держат у себя во френдах в основном готовых восторгаться, плюсодинить, и прочее;* (из объявления) *У меня есть возможность вписать до 30 человек. Желающие отмечайтесь в комментах. Можно плюсодинить;* Не надо *плюсодинить* под комментариями

людей, не читающих текст; на самом деле я соглашаюсь с тобой чаще, чем это заметно:) но не **плюсодинить** же каждый раз:).

Стремление к экспрессии, выразительности ведет к постоянному обновлению арсенала экспрессивных средств. Одним из источников пополнения этикетных средств выражения положительной оценки являются заимствования из других соцсетей. Например, из Фейсбука в ЖЖ проникло выражение «лайк» (как положительная оценка), и, соответственно, глагол *лайкать*⁷. Ср., комментарии: *Лайк* ☺, или *Неистово лайкаю!*; *AAAAAAAAA!!!!!!!!!!!! этапать. лайк; жму лайк :); дабл-лайк* и т. п. Или более изысканные комплименты в завуалированной форме: *Жаль, лайк не могу поставить вашему шедеврокомменту(((; Ищу Лайк но забыла что это не ФБ)*. Активно используются и косвенные речевые акты, например, комплименты в форме вопроса: *Где тут лайк ставить?*; *А можно я тихо повосхищаюсь?*. Вопросы *А можно я на вас ссылку дам?* *А можно я к себе в мемориз утащу?* или комментарий к фотографиям: *Эх какие:), а можно я парочку на ФБ стащу со ссылкой на этот пост?* — также может восприниматься в качестве завуалированного комплимента в тех случаях, когда информация никак не может быть конфиденциальной или нежелательной для распространения.

Еще один типичный для ЖЖ-общения вопрос: *А можно я вас зафренжу?* является типичным примером косвенного речевого акта, так как для того, чтобы добавить кого-то в друзья, у человека не надо спрашивать разрешения. Вопрос задается для того, чтобы обратить внимание человека на то, что вы им интересуетесь и собираетесь «добавить его в друзья» и ненавязчиво намекнуть ему, что хорошо бы ему ответить вам взаимностью.

Влияние технических возможностей на этикетные средства

К специфическим приемам, реализующимся только в непринужденной письменной речи, относится использование *зачеркнутого текста*⁸. Прием этот не является изобретением последнего десятилетия. Он встречается еще в философских работах Жака Деррида и Мишеля Фуко. Однако современные технические возможности позволяют легко им пользоваться. В блогах этот прием получил широкое распространение. Он имитирует особенности ведения записей в бумажном дневнике, где основным способом исправить написанное является зачеркивание. В то же время в блоге

⁷ В Фейсбуке существует специальная кнопочка, которая избавляет читателя от необходимости придумывать комментарий, а позволяет ему просто и без особых усилий выразить положительную оценку поста. В ЖЖ такой возможности нет.

⁸ Г. Ч. Гуссейнов называет этот прием *литуративом*, см. [Гуссейнов 2008].

этот прием позволяет человеку высказать нечто, формально этого не сказав (т. е. не нести ответственности за свои слова), ср., например: *Увидела я своего начальника и сказала ему: Пошел ты в жопу директор* (цитата из мультфильма про Масяню — А. З.) *Александр Николаевич — я в отпуск хочу уже!* Прием позволяет дать событию две различные оценки и является распространенным средством языковой игры. Подробно использование этого приема рассмотрено в [Занегина 2009].

Выводы

В целом, можно говорить о существовании особого сетевого этикета, который имеет некоторые черты сходства с городским общением незнакомых людей и неформальным устным общением в молодежной среде. Специфика сетевого этикета связана в первую очередь с особенностями протекания коммуникации, а также с желанием подчеркнуть специфику данной сферы общения, разграничить сетевое общение и привычную несетевую коммуникацию.

Литература

- Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. 2008 / электронная версия: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>.
- Занадворова А. В. Проблема вариативности языковых единиц в ситуации непринужденного письменного общения (на примере жаргона блогосферы) // Материалы XV Международной конференции «Язык и мир». Ялта. 6–10 октября 2008. Т. 1.
- Занегина Н. Н. Я этого не говорил: о литуративах, зачеркиваниях или мнимых текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). — М.: РГГУ, 2009. С. 112–115.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Лексика. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2008.
- Какорина Е. В. Особенности интернет-коммуникации // Современный русский язык: система — норма — узуз / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2010.
- Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М., 2005.
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М., 2000.

Б. Л. Иомдин

Загули в Дале. Словари в интернет-дискуссиях¹

Словари традиционно были наиболее востребованным в обществе продуктом деятельности лингвистов и в целом самым распространенным видом книг. В последнее время бумажные словари уходят в прошлое, уступая дорогу электронным, а для пользователей интернета их постепенно заменяют поисковые системы. Цель статьи — обрисовать образ словаря, сложившийся у русскоязычных пользователей интернета, и сравнить его с их представлением об интернет-источниках информации (на примере корпусного исследования глагола *зуглить* и его производных, чья частотность стремительно растет).

Ключевые слова: лексикография, словари, корпус текстов, интернет, поисковые системы

Найман и Бродский шли по Ленинграду.
Дело было ночью.

— Интересно, где Южный Крест? — спросил вдруг Бродский. (Как известно, Южный Крест находится в соответствующем полушарии.) Найман сказал:

— Иосиф! Откройте словарь Брокгауза и Ефрона. Найдите там букву «А». Поищите слово «Астрономия».

Бродский ответил:

— Вы тоже откройте словарь на букву «А». И поищите там слово «Астроумие».

С. Довлатов. Соло на ундервуде

Введение

Словарь — один из самых осязаемых и востребованных в обществе результатов деятельности лингвистов и вообще один из самых популярных видов книг. Ср.: «Лексикографическая продукция вошла в быт миллионов

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» и гранта РГНФ №13-04-00307а.

людей. В Англии, например, в 90% семей есть по крайней мере один толковый словарь. Словари стали популярнее поваренных книг (всего 70% семей) и даже Библии (80% семей)» [Апресян 2008: 399]. Впрочем, эти данные были получены до эпохи интернета. В конце 2012 года автор провел в интернете мини-опрос. В опросе участвовали 336 человек (средний возраст 26 лет, по уровню образования: студенты 38%; закончили вузы 27%; аспиранты 16%; кандидаты наук 11%; доктора наук 2%). Приведем некоторые результаты опроса²:

Есть ли у вас дома хотя бы один бумажный словарь?

Да	97%
----	-----

Чем вы ЧАЩЕ ВСЕГО пользуетесь, когда вам нужно узнать или уточнить информацию о РУССКОМ слове?

Словарь в интернете	38%
Просто поиск в интернете	25%
Бумажный словарь	11%
Википедия	11%
Другой специализированный сайт	9%
Словарь, установленный на компьютере	3%
Электронный словарь	2%

Чем вы ЧАЩЕ ВСЕГО пользуетесь, когда вам нужно узнать или уточнить информацию об ИНОСТРАННОМ слове?

Словарь в интернете	51%
Словарь, установленный на компьютере	21%
Электронный словарь	8%
Просто поиск в интернете	8%
Бумажный словарь	6%
Другой специализированный сайт	3%
Википедия	1%

Какими толковыми словарями РУССКОГО ЯЗЫКА вы пользуетесь регулярно?

Словари в интернете	62%
Бумажные словари	32%
Никакими	24%
Словари, установленные на компьютере	9%
Электронные словари (в читалке, телефоне, планшете и т. п.)	7%

² Автор выражает благодарность Ю. В. Халеевой за помощь при обработке результатов опроса.

Какими толковыми словарями ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ вы пользуетесь регулярно?

Словари в интернете	62%
Бумажные словари	23%
Словари, установленные на компьютере	22%
Никакими	19%
Электронные словари (в читалке, телефоне, планшете и т. п.)	18%

Какими БУМАЖНЫМИ словарями русского языка вы пользуетесь регулярно?

Никакими	50%
Словарь Ожегова (или Ожегова и Шведовой)	40%
Словарь Даля	17%
Большой толковый словарь	12%
Малый академический словарь	4%

Какими БУМАЖНЫМИ переводными словарями вы пользуетесь регулярно?

Никакими	83%
Англо-русский словарь	2%

Какими русскими или иностранными словарными ресурсами в интернете вы пользуетесь?

translate.google.com	65%
wikipedia.org	63%
gramota.ru	54%
slovari.yandex.ru	51%
multitran.ru	42%
dic.academic.ru	33%
wiktionary.org	30%
translate.yandex.ru	14%
slovari.ru	11%
mirslovarei.ru	4%
dictionary.reference.com	3%

Как видим, во всяком случае, для части пользователей интернета всемирная сеть заменила традиционные бумажные словари. При этом наибольшей популярностью пользуются не электронные версии словарей, а источники, практически не имеющие отношения к продукции лексикографов: система статистического машинного перевода Google и Википедия — «свободная энциклопедия, которую может редактировать каждый». Любопытные данные можно получить по статистике

поисковых запросов в блогах и форумах (сервис Яндекс.Блоги): «посмотри в словаре» около 500 результатов, «погугли» около 100 000 результатов (точным цифрам такого рода поисков доверять нельзя, см. [Kilgariff 2007, Беликов 2011], но представление о порядке величины они дают).

Цель настоящей статьи — обрисовать «образ словаря», возникший у русскоязычных пользователей интернета, и сравнить его с их представлением об интернет-источниках информации.

Образ словаря в интернете

Судя по данным Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), участники диалога обычно апеллируют к словарям, имея в виду их прямое назначение. Ср. (1–4):

- (1) *Но Марья Иванна, сидящая в зале, заплатила за билет пятьдесят копеек. И ей должно быть волнительно. — Волнительно не будет, — сказал актер и в ответ на гневно-недоуменный взгляд режиссера пояснил: — Такого слова нет в русском языке. Загляните в словарь* [Юрий Нагибин. Молния // «Крестьянка», 1987]
- (2) *— Леер, леер? Вроде веревка, нет? Черт ее знает. В словаре посмотри, — Ирина Павловна кивнула на книжный шкаф.* [Сергей Каледин. Записки гробокопателя (1987–1999)]
- (3) *Твардовский наличие такого слова отрицал. — Ну что вы, Александр Трифонович! — волновался я. — Посмотрите в словаре. Он глянул на меня с некоторым удивлением: — Я словарями никогда не пользуюсь* [Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998)]
- (4) *Как же ты не знаешь, что такое феминистка! Ты сошла с ума... Надо знать, милая, посмотри в «Словарь иностранных слов»* [Эдвард Радзинский. «Я стою у ресторана...» (Монолог женщины) (1990–2000)]

Однако в интернет-дискуссиях такие примеры составляют меньшинство. Ниже мы рассмотрим несколько частых случаев апелляции к словарям.

Риторическое упоминание

В большинстве случаев апелляция к словарям на самом деле не предполагает никакого реального к ним обращения ни говорящим, не адресатом и используется в качестве косвенного выражения отрицательной оценки адресата или инвективы. Часто встречаются следующие типы употребления выражений типа *Найди <поищи, посмотри...> в словаре «Х»:*

— *Говорящий апеллирует к слову X, которое употребил адресат или он сам:*

(i) 'Адресат неверно оценивает ситуацию, употребляя слово X так, как будто не знает его значения; говорящий уверен, что адресат знает значение слова X, и потому поведение адресата оценивается говорящим отрицательно'. Ср.

(5) А: *СРОЧНО продам ГАЗель в хорошем состоянии.*

Б: *Андрюша, открой словарь Русского языка и посмотри значения слов: "Отличный", "Хороший", "Удовлетворительный". Андрюша, скажи, чем отличается твоя машина от некрашеного забора?*³

(6) А: *Под «школьником» можно подразумевать неуравновешенность психики, а не возраст.*

Б: *Открой словарь, и посмотри значение слова школьник.*

(7) А: *У них есть БЕЗЛИМИТНЫЕ ТАРИФЫ, но не для тех кто очень много качает и отдает. Попросту им это невыгодно и проще отрубить такого абонента.*

Б: *Открой словарь и прочитай значение слова "безлимитный". Узнаешь много нового. Ты очень плохо знаешь русский язык. Вернее, ты вообще его не знаешь. Более того, известен лимит, озвученный самим же Горкомнет — 1 терабайт в месяц. Не бывает БЕЗЛИМИТНЫХ тарифов с лимитом (неважно каким). Таким образом, у Горкомнет НЕТ БЕЗЛИМИТНЫХ тарифов.*

(8) А: *Если уж хотели бы занять рынок бюджетных смартфунф то цена на iPhone 5C должна быть максимум 12-15к руб.*

Б: *Погоди погоди. Бюджетный смартфон должен стоить 12-15 штук? Поищи в словаре значение слова бюджетный*

(9) *Ты считаешь свою точку зрения аргументированной? Если да, то поищи в словаре определение слова аргументированный.*

(10) *Я привожу ФАКТЫ. ВРАНЬЕМ занимаешься ты. поищи в словаре толковом разницу в определениях.*

При этом в реальности адресат, возможно, и не употреблял слова X, ср.

(11) А: *если что, то большинство их уже давным давно как ни с нами в одной стране!*

Б: *открой словарь и посмотри значения слово ИНОСТРАНЕЦ, потом открой карту и посмотри из другой ли они страны!*

(ii) 'Говорящий употребляет слово X в общепринятом значении, но предполагает, что адресат может неправильно понять значение слова X, и на этом основании заранее оценивает поведение адресата отрицательно'. Ср.

³ Из соображений места и формата примеры из интернет-дискуссий даются без ссылок, однако орфография и пунктуация оригинала почти полностью сохраняется (в т. ч. и опечатки), что облегчает обнаружение источников примеров в интернете при возникновении у читателя такой необходимости.

- (12) *Новый это значит новый. (Открой словарь русского языка). Если есть какие то сомнения то не покупай дешевле всё равно не найдёшь.*
- (13) *Ицу: друзей любого пола (Для плохо понимающих: определение слова «ДРУГ» граждане, посмотрите в словаре)*

— **Говорящий не апеллирует ни к каким конкретным словам из предшествующего диалога:**

(iii) 'Чтобы правильно интерпретировать предшествующие реплики говорящего, необходимо понимать, что они содержат X; говорящий ожидал, что адресат это понимает; адресат, по мнению говорящего, этого не понимает, и потому поведение адресата оценивается говорящим отрицательно'. Ср.

- (14) *мальчик открой словарь и прочти что такое образное выражение.*
- (15) *Есть такое слово "юмор", поищи в словаре.*
- (16) *Открой словарь толковый и прочитай две статьи: Сатира и Ирония. Станет легче... жду извинений!*
- (17) *Зайди в словарь и найди слово "метафора". узнаешь много нового. И не позорься отныне своей глупостью, необразованностью и мракобесием.*

(iv) 'Адресат ведет себя так, как будто не знает, что существуют одобряемые говорящим X-ы, и потому поведение адресата оценивается говорящим отрицательно'. Ср.

- (18) *А: На жилье заработала уже сама или еще работаешь?*
Б: Кредит, милочка, кредит. Поищи в словаре, хорошее слово, в жизни пригодится.
- (19) *Я тебе уже говорил, поищи в словаре значение слова "скромность"*
- (20) *знаете есть такое слово как ДОВЕРИЕ, если нет то посмотрите в словаре*
- (21) *Сходи к психологу и посмотри значение слова — вкус — в словаре.*
- (22) *Заметь: добровольно и бесплатно (есть такие слова, поищи в словаре)*
- (23) *тебе заняться больше нечем?? есть такое странное и забытое слово, поищи в словаре, пишется так — РАБОТА).*
- (24) *Ты debil? если у меня что-то написано в "о пользователе" это не значит что я этим занимаюсь постоянно. поищи в словаре слово — хобби.*
- (25) *это художник (поищи в словаре — незнакомое тебе слово) рисовал, в основном, с натуры... и очень точно рисовал.. я словно вернулся в то время...*
- (26) *И еще курильщики с верхних этажей посмотрите в словаре для чего пельница нужна — прожгли мне подоконник*

(v) 'Поведение адресата следует квалифицировать как X, и говорящий оценивает его отрицательно'. Ср.

- (27) *Прочитайте в словаре русского языка определение слова : "хула". Оно Вам подходит гораздо больше*

(vi) 'Говорящий сообщает адресату нечто об X-е и при этом оценивает его умственные способности низко'. Ср.

(28) А: *я не вижу особо принципиальной разницы между помповиком и револьвером*

Б: *Поищи в словаре слово "длина".*

(29) *Если у тебя проблемы в понимании сложности положения, поищи в словаре Даля определение слова "плохо".*

Аргументация в защиту приемлемости словоупотребления

Довольно распространено представление о том, что в словари не включается разговорная, просторечная и обсценная лексика. Ср.

(30) *я итак пишу грамотно. мне похрен как пишется ругательное слово, его нет в словаре русского языка*

(31) А: *в каком словаре есть такое слово?*

Б: *Извините, а причем тут словарь? Повествование от первого лица, т. е. там возможны, нет, обязательны разговорные варианты слов и речевых оборотов свойственных персонажу.*

Поэтому частый случай апелляции к словарям — упоминание их в качестве аргумента в защиту приемлемости словоупотребления говорящего (особенно на форумах, где для пользователей, употребивших нецензурное слово, практикуется т. н. «бан» — временный запрет на участие в дискуссии). Ср.

(32) А: А за "разгельдыев",- выражаясь общедоступным лексиконом, можно и бан словить (щел-бан всмысле)... Попрошу поакуратней...

Б: *Кстати открой словарь и посмотри значение слова "разгельдый" [ссылка на словарь Ушакова] в данном случае бан заработал ты, так-как оскорбил меня в угрожающей форме. А я всего навсего использовал термен нормативно-литературной лексики.*

(33) А: *pit-73, ты правила ка почитай..эмоции и без мата можно выражать или типа модно материться..типа такой крутой..понять не могу? ну так идите на другие сайте где модером нет..даж могу подсказать один такой..материться в своё удовольствие..но тут нельзя*

Б: *Манселл, смех смехом, но ни к матерным, ни к ругательствам оно не относится, открой словарь. Это старорусское слово*

(34) А: *без предварительного решение судьи твои разговоры не являлись и не будут являться доказательствами, так-что не парься.*

Б: *"Не парься" ты своей бабушке будешь говорить когда она тебе пельменей не доложит.*

А: *Уважаемый, ты моих родственников не трожь (тем более тех кого уже нет), я же твоих не трогаю А если ты не в ладах с русским, то*

для таких как ты люди придумали словари. Открой словарь Ожегова и посмотри 4 значение слово париться. Это как раз твой случай и нет даже намека на оскорбление с моей стороны, чего я не могу сказать в отношении тебя. Не хочешь общаться на русском, не будем общаться вообще — ты в игноре (т. е. я, отныне, вообще твоих сообщений не вижу).

(35) *Кать, слово "баба" не является оскорбительным, открой словарь Даля.*

Апелляция к словарю как к справочнику по орфографии и пунктуации

Обращение к словарю как к нормативному источнику в области орфографии — в обычной ситуации весьма распространенная практика, идущая еще из школы. Ср.

- (36) *Открой словарь и посмотри, как правильно пишется. На видео именно коОсатка, а касатка — это птица из семейства ласточковых*
- (37) *Человеку, рассуждающему о "безкультурье", стоит для начала посмотреть в словаре, как пишется это слово*
- (38) *натэ, читать я умею и писать тоже. А ты, коль такая породистая, открой словарь. Слова "лутшие" в русском языке нет.*
- (39) *Посмотри в словаре, как пишется слово "ПОСАВЕТУЙТЕ"*

Правда, в интернет-дискуссиях «Словарь» (обычно обобщенный, без указания конкретного источника) часто воспринимается как универсальный источник сведений о норме, в том числе и таких, которые на самом деле содержатся не в словарях, а в грамматиках или справочниках по орфографии и пунктуации. Ср.

- (40) *Кстати, госпожа Дуркина, слово "жаждит" пишется через "Е" — в следующий раз, прежде чем "вонять" — открой словарь великого и могучего русского языка!*
- (41) *Посмотри все-таки в словаре как пишется "ниочем", прежде чем кого-то поправлять.*
- (42) *Поищи в словаре что-нибудь типа "запятые и их роль в письменной речи".*
- (43) *В русском языке нет такого слова "поподробнее". Открой словарь.*
- (44) *А: И не на а в Украине*
Б: клоун, ты меня еще будешь учить как писать? открой словарь Розенталя и посмотри как пишется "в" или "на".
- (45) *Детка, от куда столько злости? Походи к психологу, тебе надо избавляться от комплексов! Если с грамматикой проблемы — посмотри в словаре правила написания!*

При этом во многих случаях очевидно, что сам пишущий не справлялся ни с каким словарем, будучи уверен в своей правоте:

- (46) *поищи в словаре слово тидерасты — пишется через И (можно проверить коротким сокращённым пи..ор).*
- (47) *Деревня, "развивались" блин. "раз-ВЕ-ва-ли-сь"!! Открой словарь русского языка и посмотри как пишется слово "развивался".*
- (48) *Проверь в словаре как пишется умное слово, которым ты блеснул.*
- (49) *Если бы ты хоть чуть-чуть знал английский то ты бы знал что МУСОР пишется Thresh...⁴ открой словарь...*

Дискуссии о значениях слов

Вполне естественно использование толковых словарей в дискуссиях о значениях слов (о дискуссиях такого рода в области предметной лексики см. [Иомдин 2009]). При этом наиболее частая причина спора связана с различиями бытового (общезыкового) и терминологического (профессионального) употребления (см. об этой проблеме подробнее в [Иомдин 2012]). Приведем характерный пример дискуссии на медицинском форуме между врачом (А) и пациентом (Б):

- (50) *А: Давайте сперва о терминологии. Болевой шок — это нарушение кровообращения с гипоксией всех жизненно важных органов, вызванный болью. Чаще всего БШ случается во время массивных повреждений, например во время автомобильной аварии. Почти 80% пострадавших умирают от болевого шока в течении до 15 минут. Ваш случай явно не из таких.*

Б: Да, в сущности это не болевой шок, а так для простоты названа реакция на боль, поскольку она резко проявляется. В любом случае, проблема есть и куда пока не подевалась. Ситуация, как она проявляется, описана. Вопрос был поставлен.

А: а не надо для простоты... не надо вводить людей в заблуждение. вести их по ложному следу...

Б: В любом случае, Вы поняли о чем речь, да и для других, думаю, было все ясно. Для простоты даже врачи могут болевым шоком подобную реакцию называть, при этом это не говорит об их некомпетенции в вопросах медицины, просто обычным людям это будет, так сказать, понятнее и проще.

А: не-е-е-е! Мне пришлось думать, переключаться. Вообще гимор. И хотелось лишь написать гадость. Поэтому не надо писать умные слова значения которых не знаешь. Надо просто обычными словами описывать суть проблемы. Вот у нас тут есть одна идиотка, бывшая министр журналистики. БОльшую дуру в мире найти невозможно. Она совершенно не знает значения терминов, но активно их употребляет. <...>. Ей уже пару раз врачи из зала кричали — "Дура открой словарь!" <...> Большинство журналистов такие же. Не уподобляйтесь им, если вы хотите чтобы вам помогли. Никто не хочет разгадывать шарады, даже за деньги, а делать это бесплатно, в не рабочее время — вообще никому не надо.

⁴ На самом деле *trash*.

При этом апелляция к словарям возможна и у носителей общезыковой нормы, и у специалистов, владеющих профессиональным словоупотреблением. Ср.

- (51) А: То, что один, мягко говоря, неумный человек обзывает литературные произведения "опусами" не дает право остальным вменяемым людям повторять за ним эту глупость! Опус — это МУЗЫКАЛЬНОЕ произведение. Открой словарь и посмотри.

Б: Валерий Николаевич, он не меня имел ввиду, но я не поленилась и открыла "Словарь русского языка", С.И. Ожегов, Москва, Русский язык, 1986 год, стр. 391: "Опус" — 1). Отдельное музыкальное произведение (спец.) — 2). Сочинение, труд (шутл.) То есть, Валерий Николаевич, Ваши подопечные, не обладая компетентными знаниями во многих вопросах, пытаются поучать окружающих?

- (52) Ты видать знания черпаешь исключительно из википедии? Открой словарь Ожегова, Ушакова или Ефремовой. Брандмейстер — начальник пожарной команды, полицейский чиновник, начальник одной из городских пожарных команд. В обиходе пожарных брандмейстерами называют такие же тупые как ты.

- (53) А: Какие губернии?? Вы в какой стране живёте? У нас это называется "область".

Б: открой словарь и посмотри значение слова "губернатор". сюрприз будет. Губернатор — высшее должностное лицо административно-территориальной или федеративной единицы, назначаемое центральными органами власти или избираемое населением. (с) Ожегов. умные все просто ппц

А: Дорогой Вы наш умный Водитель АП, сходите в облизполком и найдите в реестре должностей слово "губернатор", умелец Вы читать словари. Лучшие остановки разборчиво объявляй.

- (54) А: Ты идиот? Пирамида и % под депозит — это часто связанные вещи, но не всегда совпадающие. открой словарь и почитай определение. <...> В определении не говорится про депозиты и %.

Б: Что Вы тут придумываете? Не надо трактовать одно понятие так, как хочется каждому из вас в отдельности! GL — это не финансовая пирамида. Зайдите в Википедию и прочитайте определение.

- (55) А: То, что ты назвал, — это уже полноценный контроллер. Не надо путать термины. А если так дальше продолжать, то скоро тв тюнер назовут переходником.

Б: Конечно не надо. И самому выдумывать тоже :lol: Открой словарь, если что. Переходник, он же адаптер (англ.) — это нечто, позволяющее соединить два различных устройства. Бывают активные и пассивные, между прочим. А термин "контроллер" имеет совершенно другое значение. Так что твоё мнение ни на чём не основано (точнее, я знаю, на чём, но не буду говорить вслух)

А: Это не моё определение, это устоявшаяся практика. Если кто не вкурсе — его проблемы.

- (56) *Мля.. Кто пишет статьи? Я понимаю, что аффтор вырос в колхозе, ну ты открой словарь, уточни, выясни. Да и вообще книжек читай больше! какой ещё закуп?? Тогда уже закупка! Слово закуп имеет совсем иное значение, не каким боком не относящееся по смыслу к слову закупка, покупка. Закуп-категория зависимого населения на Руси. И что интересно, во многих компаниях, ну процентов 90% сотрудников очень любят употре***** слова закуп, протокола, договора и пр. Причём люди-то с образованием ещё советским, я уж не говорю про тупую молодёжь. А при разговоре с сотрудниками выговариваю слова правильно, так смотрят как солдат на вошь! Ещё поправляют)*
- (57) *У Даля в словаре написано, что "колебаться" и "колыхаться" - это синонимы. Это очевидно. Это норма русского языка. В фильме Мухин обращает внимание на 2 разных процесса колебания флага- упругое и колебание на ветру. Одно из которых он называет "колыханием" (на ветру)- для ясности. На Луне колыхания на ветру быть не должно- но оно видно на ролике. Вот о чем идет речь. Странно этого не понимать.*

Интересно, что в большинстве случаев участники дискуссии уверены в существовании некоторого единого «правильного» мнения, подтверждаемого любыми словарями и энциклопедическими источниками. Например, это ярко проявляется в частых в интернете дискуссиях о нацизме и национализме:

- (58) *Для меня это крайне серьезная тема и будь добр, открой словарь Ожегова, Даля, википедию, Хренопедия, ...любую педию и ОБОГАТИСЬ!!! ОБОГАТИСЬ двумя -тремя фразами, а то и в реале будешь демонстрировать пастушьё образование. ПРОЧТИ значение слова националист, прочти и уясни раз и навсегда определение этого слова. Не буду здесь цитировать. У него одно и тоже значение повсеместно. (не найдешь, помогу- четко напишу)*
- (59) *Национализм синоним патриотизма — открой словарь*
- (60) *А: Не путай нацизм с национализмом, не показывай собственной безграмотности... Вот оно яркое проявление упадка культуры — в сокращении словарного запаса и полного не понимания постановки вопроса... <...> Мозги включи, погугли, словарики почитай может, поумнееешь...
Б: Ты, я смотрю, грамотный, словарей в интернете начитался... 0:) Так в чем отличие то принципиальное? А то мне видится, что одно- это частный случай второго*

Между тем при сравнении источников легко увидеть, что на самом деле в них возможны существенные различия. Ср. хотя бы некоторые толкования слова *национализм*: «(полит.). Буржуазная идеология и политика, ставящая свою, господствующую нацию в привилегированное положение и направленная на угнетение других национальностей, на создание вражды между ними» (Ушаков); «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей на-

ции другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости» (Ожегов и Шведова); «1. Реакционная буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, основывающаяся на идеях превосходства и исключительности какой-л. нации и оправдывающая господство одних наций над другими. 2. Национальное движение в поработенных странах за национальную независимость против империализма, колониализма» (МАС); «Идеология, политика и социально-психологическая установка, основа которых — национальная исключительность и национальное превосходство, трактовка нации как высшей формы общества» (Ефремова); «Идеология и политика, направленные на разжигание национальной вражды путем утверждения превосходства одной нации над другими» (Толковый словарь иноязычных слов); «Термин, используемый для обозначения приверженности людей интересам своей нации, ее культурным ценностям и т. п. На бытовом уровне понимается как проявление национальных (этнических) симпатий и антипатий, на групповом — как идеология с социально-политической направленностью» (Словарь социолингвистических терминов); «Идеология и направление политики, основополагающим принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и её первичности в государствообразующем процессе. Отличается многообразием течений, некоторые из них противоречат друг другу» (Википедия)⁵.

Словарь Даля как главный словарь

Замечательно, что основным словарем, к которому апеллируют в современной русскоязычной среде, спустя 150 лет со дня выхода в свет остается словарь Даля. Ср.:

- (61) *Открой словарь Даля и почитай определения: поселок, деревня, село и город*⁶
- (62) А: *А зависать по пол дня, а то и больше на форуме или интернете- это не фанатизм? А почитать весь бред о чем пишут, так тут у половины форумчан крыша съехала.*
 Б: *Открой словарь Даля. :) Фанатизм — это нечно иное. Фанатов форума я еще не встречал. :) Тут или от скуки народ зависает или просто интересно, но что бы фанатеть... Эт ты выразился неправильно.*
- (63) *Покупатель продавцу с ходу:*
- Джещына, у вас есть польта? Польта с капюшоном, чтобы пристебывался и отстебывался и еще чтоб был на синоАпоне с хысточкой..

⁵ В Википедии в статье «Национализм» есть также специальный раздел «Многозначность понятия «национализм» в русском языке», на который, однако, на форумах не ссылаются.

⁶ Любопытно, что это цитата с форума г. Луганска, то есть родного города В. И. Даля.

Продавец, надо отдать ей должное, нашлась быстро:

- Есть, и отстебываются и пристебываются и на сендапоне... А что такое «гхысточка»?...

- *Открой словарь Даля и посмотри!!!*

В словаре Даля предлагают и узнавать значение современных слов, там отсутствующих, и даже значения слов других языков, а отсутствие некоторого слова в словаре Даля воспринимается как аргумент против правомерности его употребления. Ср.

(64) *А: На каждой странице, начиная с первой, вводятся придуманные слова и даются сноски типа: синяк — следовательно. Короче, я такой идиотизм читать не могу.*

Б: Кстати, синяк по-русски — это бомж.

А: Открой словарь Даля и посмотри что обозначает слово синяк. ГраМ-Матей

(65) *Открой словарь Даля и посмотри как твой ник переводится.*

(66) *Некто В.И. Даль вообще не упомянул слово ЭЛИТА в своём словаре, видимо он не шарил в ЭЛИТАРНОСТИ =))))))*

(67) *И вообще, открой словарь Даля и прочитай значение слова "плагиат"*

(68) *Открой словарь Даля, прочти что такое реставрация! А то в твоём колхозе походу подмена понятий происходит в силу специфики развития*

(69) *Элементарно открой словарь В.И.Даля. Где-то ты видел слова в настоящем русском языке с приставкой "бес"? Никогда в настоящем русском языке такой приставки не было⁷.*

Миф о вечности словаря Даля обыгрывается у С. Довлатова (впрочем, возможно, непреднамеренно). Ср.

(70) *Гоголь в ранних повестях употреблял слово "щекатурка". Как-то раз Аксаков ему говорит:*

— Отчего это вы пишете — "щекатурка"?

— А как надо? — спросил Гоголь.

— Штукатурка.

— Не думаю, — сказал Гоголь.

— Поглядите в словаре.

Взяли словарь Даля. Посмотрели, действительно — штукатурка.

В дальнейшем Гоголь неизменно писал — "штукатурка". Но в переизданиях это слово не исправил (С. Довлатов. Наши)

Очевидно, что, поскольку Гоголь умер в 1852 г., т. е. за 11 лет до выхода первого издания словаря Даля, эта история не может быть вполне правдивой. По-видимому, Довлатов опирался на воспоминания П. В. Анненкова, в которых о словаре Даля, разумеется, ничего не сказано:

⁷ Стоит ли говорить, что в словаре Даля больше десяти страниц слов с приставкой *без-* (вариант *бес-* тогда не практиковался), а слов *плагиат* и *реставрация* там нет.

- (71) *Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова: «щекатурка» — употребил «шитукатурка». Гоголь остановился и спросил: «Отчего так?» — «Да правильнее, кажется». — Гоголь побегал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: «А за науку спасибо»* (П. В. Анненков. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года).

Словарь vs. Гугл

В Национальном корпусе русского языка 4728 вхождений слова *словарь* (только в основном корпусе!) и всего 10 вхождений глаголов на *-гулить*: *гулить, погулить, нагулить* (8 в основном корпусе и 2 в газетном).

Действительно, глагол *гулить* появился достаточно недавно (был заимствован из английского языка или образован независимо), но весьма быстро распространяется. В [Kilgariff 2010] приведены данные о частоте употребления соответствующих глаголов в корпусах 19 языков из 9 языковых семей, включая русский (на тот период было зафиксировано всего 20 употреблений глаголов *гулить, погулить и прогулить*). Первые употребления глагола *гулить* в русскоязычных источниках относятся к самому началу XXI века:

- (72) *если надо чего найти — обращайся, у меня просто слабость к поиску, гулить я могу сутками, наверно* (архив интернет-форума от 16.12.2001)
- (73) *Но высшим признанием для компании стало то, что слово google в Америке стало нарицательным, точнее, глагол, образованный от этого слова, — to google. Он теперь стал синонимом слова "искать". "Гуглят" в США сейчас все что угодно: бойфренда на сайте знакомств или закатившуюся ручку* (Утро.Ру, 21.06.2003)
- (74) *Теперь, судя по всему, самым ненавистным словом в его жизни будет появившийся недавно в английском языке глагол "гулить". Правда, в словари это слово не занесено — видимо, мешают законы об авторских правах и торговых марках* («Коммерсантъ Власть», 09.02.2004)

По-английски глагол *google* употребляется с 1998 г., практически с момента основания компании Google. Сейчас английский глагол уже занесен в словари (Merriam-Webster, Collins, Cambridge и др.). Русский глагол *гулить* пока обнаруживается в электронных словарях⁸: в Викисловаре (с пометами «неол., комп. жарг. сленг», в Англо-русском словаре общей лексики (с пометой «разг.»).

⁸ Впрочем, в словаре Даля обнаруживаем: «ПОДГУГЛИТЬ кого, сам. поддеть, надуть, облопошить».

В собранном из текстов интернета самом объемном на сегодняшний день корпусе русского языка RuTenTen11, насчитывающем около 20 млрд. словоупотреблений и интегрированном в систему Sketch Engine (www.sketchengine.co.uk, [Kilgariff et al. 2004], [Иомдин 2014]), сегодня находим уже 3110 вхождений для глагола *погуглить*, 2660 для *гуглить*, 799 для *нагуглить*, 312 для *загуглить*, 250 для *прогуглить*, 222 для *гуглиться*, 16 для *выгуглить*, 12 для *отгуглить*, 4 для *гуглануть*, по 2 для *обгуглить*, *подгуглить*, *разгуглить*, *перегуглить*, по 1 для *вгуглить*, *сгуглить*, а также множество субстантивных дериватов: *гугление* (774), *гуглеж* (43), *гуглизация* (7), *гуглинг* (6), *гуглевицик* (4), *гугильщик* (2), *гуглирование* (2), *гуглование* (2), *гугливость* (2)... Ср.

- (75) *Вроде бы серьезные фотографии, снимающие животных, работают с этой системой. Мягко передает цвета, специализирована на телеобъективах и т. п. Но этот вопрос надо внимательно обгуглить.*
- (76) *Открытый вопрос: как пользоваться велосипедами на прокат. Инструкция на испанском, куда пихать деньги совершенно не ясно. Надо разгуглить. Если кто знает, подскажите в комментариях, плз.*
- (77) *Дети школьного возраста и то бывают смышлёней. И люди с уровнем интеллекта Валентины берутся судить и об эпиграфике, и об истории... И для них справедливо лишь то, что можно «выгуглить». А если что-то не «гуглится», то того в природе и не существует. Вот будет потеха, когда со временем начнёт «выгугливаться» наша точка зрения!*

Интересна валентная структура глагола *гуглить* (и его дериватов). Он может присоединять четыре актанта: А1 (субъект), А2 (информация), А3 (ключевое слово), А4 (область поиска). Приведем фрагмент модели управления *гуглить* в формате, принятом в Активном словаре русского языка ([Апресян и др. 2010], [Апресян и др. 2014]):

A1	ИМ:	<i>Студент <народ ...> гуглит</i>
A2	ВИН:	<i>гуглить информацию <слово, решение...></i>
	о ПР:	<i>гуглить о себе <о роддомах ...></i>
	про ВИН:	<i>гуглить про лечение <про отруби ...></i>
	ВОПР:	<i>гуглить, что такое поисковый спам</i>
		<i><стала гуглить, попался ли кто-то еще на эту разводку ...></i>
A3	по ДАТ:	<i>гуглить по запросу <по ключу, по названию организации...></i>
A4	в ПР:	<i>гуглить в поисковике <в сети, в Яндексе, в иностранных СМИ...></i>
	на ПР:	<i>гуглить на форуме <на буржуйских сайтах ...></i>

Приведенное выше управление глагол *гуглить* в основном наследует от глагола *искать*. Однако встречаются и неканонические способы выражения актантов при *гуглить*.

Так, А2 и А3 могут выражаться именной группой в именительном падеже (что крайне нехарактерно для русского языка, ср. редкие примеры вроде *его звали Иван*):

- (78) ну блин погугли анархистская символика что ли, если сам в этом не разбираешься.
- (79) Погугли новая дорога Днепрпетровск-Харьков — по ней езжай, потом лучшие ехать через Новомосковск (через город) — объедешь ремонт и сэкономишь километров сорок.
- (80) Просто ради интереса погугли Давид Трактюк, Владимир Коган, ПСБ

А3 также может выражаться именной группой в винительном или творительном падеже:

- (81) Не сходя с места можно тут же начать гуглить эти ключевые слова
- (82) Погугли запросом типа *how to autount CD GNOME*

А4 также может выражаться именной группой в винительном падеже:

- (83) Начал гуглить инет, оказалось, проблема у многих именно с этой контрой в основном по Краснодарскому и Ставропольскому краю ну и Москва, конечно
- (84) хороший метод поиска!!!! А то я пока начала гуглить наши сайты

Отметим, что валентность А4 может заполнять и слово *словарь*; ср.

- (85) Погугли в словаре слово *kite*
- (86) Погугли в словаре слово *эмо-самобичевание*
- (87) Загугли в словаре слово «провокация»
- (88) Истерик нет, Антон, погугли значение слова *истерика* в словаре.

Как видим, и в этих примерах апелляция к словарю носит скорее риторический характер. Однако само по себе предложение *погулить* в интернет-дискуссиях чаще всего имеет вполне прагматический смысл: если в “обобщенный Словарь” посылают просто для того, чтобы выразить отрицательное отношение к собеседнику, то в “обобщенный Гугл” (это может быть и Яндекс, и другая поисковая система) — для того, чтобы подчеркнуть, что в интернете найдется нужная информация, и указать, по каким ключевым словам ее искать. Ср.

- (89) Теперь кое-какие соображения по поводу *giardiniera*. В былые времена, до революции то бишь, бытовало в русской кухне заимствованное у французов блюдо под названием “жардиньер”. Погугли. Не жардиньерку погугли, а именно жардиньер. А в банках продается просто консервированный жардиньер.
- (90) Гуглани “дециметровая антенна”, на картинках увидишь палки с поперечинами. Вот такую и ставить.
- (91) А: мужские кроссовки на шпильке — пик моды.
Б: Такое уже есть=) Гуглани “Кроссовки на каблучках” Очень модно на западе кстати=)

Заключение

Итак, в интернет-дискуссиях складывается приблизительно следующий образ словаря: это некоторый единый источник нормативных сведений о литературном языке, который не пополняется новыми данными и, вообще говоря, содержит информацию, которая заведомо известна говорящему как достаточно образованному человеку. Словарь вечен и постоянен; ср.

(92) *А: Зашёл в Википедию — а там закрытый доступ (кому интересно — посмотрите). Что делать?*

Б: Зайди в словарь. Даль не бастует.

«Плохие» (нецензурные, просторечные, разговорные и т. п.) слова в словаре отсутствуют. С другой стороны, отсутствуют и новые, «народные» слова, которые реально используются в современной жизни:

(93) *«Маломерит, большемерит» — слова родились из практики, они ёмкие, работающие. Адекватной лаконичной и ёмкой замены нет. Чтобы выразить то же, что выразят эти слова соло, надо развести мысль в предложение, а то и в пару. Поэтому использоваться будут. Так что — слова эти есть, их пока нет в словарях, но это вторично. Те, кто составляют словари, догонятся када-нить тоже, в словари внесут. А ваще им по полному барабану. Коллективы (офисы) всяких там энциклопедий, словарей и архивов самые заскорузлые и равнодушные.*

Напротив, интернет содержит весь спектр мнений во всех областях, поэтому к нему апеллируют в любых ситуациях (ср. недавнюю шутку: — *В чем смысл жизни?* — *Не знаю, погугли!*) и там ищут ответы на такие вопросы, ответы на которые раньше искали бы в словарях:

(94) *А: Кто такой бык в блатном жаргоне?*

Б: вбей в гугл там все подробно описанно

Апелляция к “Гуглу” часто сопровождается ключевыми словами, облегчающими поиск нужной информации, — в отличие от апелляции к словарям, где лишь в шутку указывается, под какой буквой искать нужное слово:

(95) *А: Кто-нибудь объяснит, что значит слово «тьюрингист»?*

Б: Погугли тест Тьюринга .

(96) *Слово «ирония» должно быть тебе знакомо, если нет — посмотри в словаре на букву «И»*

Известный британский лексикограф М. Ранделл, в прошлом редактор словарей Cobuild и Longman Dictionary of Contemporary English, сейчас главный редактор словарей издательства Macmillan (в 2013 году полно-

стью перешедших на электронный формат), любит цитировать комментарий (предположительно от молодой девушки), появившийся на сайте газеты Guardian: “The three things no young person owns or uses and often don't realise exist: an alarm clock, an address book and a dictionary. At university i didn't meet a single person who owned any of them”⁹. Похоже, сегодня словари в привычном виде — “уходящая натура”, и наблюдения за языком интернет-пользователей это отражают. Задача современной лексикографии — встроиться в цифровую эпоху: создавать современные электронные словари, оперативно реагирующие на изменения в мире и в языке, оснащать их поисковыми возможностями, наглядно демонстрировать преимущества хорошего словаря как продукта критического анализа специалистами огромного количества информации перед простым просмотром нескольких наиболее популярных результатов выдачи поисковых систем. И, возможно, тогда предложение “заглянуть в словарь” и в интернете вновь начнут воспринимать всерьез.

Литература

Англо-русский словарь общей лексики «Lingvo Universal». ABBYY, 2011.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Проспект активного словаря русского языка. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: «Языки славянских культур», 2010.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 1–2: А–Г. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: «Языки славянских культур», 2014 (в печати).

Апресян Ю. Д. Теоретические основы Активного словаря русского языка // *Вестник Российской академии наук*. 2008. т. 78. №5.

Беликов В. И. Чего не хватает в «оцифрованном мире» лексикографу и социолингвисту // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2011». Вып. 10(17). М.: РГГУ, 2011.

Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1956.

Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. М., 2006.

Иомдин Б. Л. Терминология быта. Поиски нормы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2009». Вып. 8(15). М.: РГГУ, 2009. С. 127–135.

Иомдин Б. Л. О “неправильном” использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мель-

⁹ «Вот три вещи, которых молодые люди не имеют, не используют и часто даже не подозревают, что они существуют: будильник, записная книжка и словарь. В университете я не встречала ни одного человека, у которого был бы хоть один из этих предметов» (<http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2012/sep/13/dictionaries-democratic-crowdsourcing>).

- чука / Под ред. Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского, Л. Ваннера, Л. Л. Иомдина, Я. Миличевич, М.-К. Л'Омм, А. Польгера. М., 2012. С. 233–251.
- Иомдин Б. Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста // Вопросы языкознания, 2014 (в печати).
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.
- Kilgarriff A., Rychly P., Smrz P., Tugwell D. The Sketch Engine. Information Technology, 2004. P. 105, 116.
- Kilgarriff A. Googleology is Bad Science // Computational Linguistics. 2004. 33(1). MIT Press. P. 147–151.
- Kilgarriff A. Google The Verb // Language Resources and Evaluation Journal. 2010. 44(3), P. 281–290.

Е. Н. Пенская

Экспертный «зуд» / экспертный «зуб»

Эпизоды становления языковых мифологем на материале сетевых источников (Опыт реконструкции)¹

В статье рассматриваются речевые формулы, культивируемые в интернет-проектах 1990-х гг. Анализируются особенности языковой среды, сформированной на стыке сетевых и неvirtуальных речевых практик. На примере «Русского журнала» и «Полит.ру» описываются лингвистические тенденции, влиявшие на изменение культурной ориентации и идентификации носителей русского языка.

Ключевые слова: эксперт, становление речевых формул, языковой нарциссизм, речевая неврастения.

Статья представляет собой фрагмент исследования, посвященного анализу языкового конструирования фигуры эксперта — нового для российской реальности персонажа середины 1990–2010-х годов. В работе описывается генезис нескольких речевых формул, выведенных, а затем активно и сознательно культивируемых как языковой и смысловой «гомункул» в пространстве некоторых интернет-проектов середины 1990-х. Речь пойдет о стратегиях «вброса» этих языковых «гомункулов» в речевое пространство, инфильтрации ими сетевого и несетевого контекста, речевого обихода, усвоенного, в частности, блогосферой начала 2000-х.

Необходимо в самом начале сделать важную оговорку. На материале case-study автор намерен предложить некоторые подходы к аналитической процедуре сбора фактов, характеризующих изменения в языке и культуре. В качестве кейса рассматривается сетевое издание «Русский журнал» (www.russ.ru), к созданию и работе которого автор предлагаемого исследования имел непосредственное отношение на протяжении ряда лет — с 1997 по 2010 год. Формирование особой языковой среды на границе интернета и несетевых, традиционных практик — вот, собственно, задача, которую определили для себя те, кто стоял за организа-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 году.

цией и запуском, а впоследствии обеспечивал долгосрочное, влиятельное функционирование таких проектов, как «Русский журнал» и «Полит. ру» (www.polit.ru). Поначалу эти интеллектуальные порталы, библиотеки оригинального контента, — соперники, конкуренты, пристально наблюдающие друг за другом, плодотворно сотрудничали как минимум 5–7 лет, возделывая общее языковое интеллектуальное поле, на котором взрастали плоды речевой и умственной деятельности. Эта речевая продукция усиленно впитывалась и распространялась затем другими участниками медийных и академических процессов. Десятилетие — вполне достаточный срок для закрепления новых речевых «ядер» и привыкания к сетевым персонажам, речь которых маркируется новой лексикой.

Особая чувствительность к языку, к «уживаемости» и слому языковых пластов — отличительная черта разработчиков сетевого проекта «Русский журнал», одна из ключевых задач которого, как это формулировалось в многочисленных обсуждениях и дискуссиях 1996–1998 гг. (двухлетие становления проекта, его «пилотный цикл»), закрепленных во внутриредакционных документах, а затем выложенных в сети, — «проведение гуманитарной экспертизы». Эксперт же — автор, организатор, «дежурный», в функции которого вменялось ежедневное приготовление «экспертного меню», высеченного на специальном «экспертном табло».

«Ужель загадку разрешила? / Ужели слово найдено?». Действительно, слово «эксперт» с сопутствующим шлейфом его псевдонимов и коннотаций вживлялось, усваивалось и распространялось с возрастающей скоростью. «Публичный философ», «публичный интеллектуал» доминировали в словесном ряду дублеров и заместителей. Сетевая среда прямо и косвенно способствовала «засорению», а радиус языковых «кругов на воде» разрастался стремительно, уводя далеко от центра вброса. Поэтому в этот период легко обнаружить исходные точки, языковые «пункты отправления», речевой трансфер, рифмовки, перекочевывание формул и клише из текста в текст. В какой-то мере отслеживание «экспертной траектории» позволяет проследить образование одного из важных фрагментов лингвистической карты, выстроить некое подобие изоглоссы.

Собственно «экспертный язык» был придуман и, более того, его использование действительно вменялось в обязанность как необходимая практика и набор инструментов — идеологических, стилистических, исследовательских — для выполнения чрезвычайно интригующих задач: «расчищения смысловых завалов и описания той реальности, что досталась в наследство от распавшегося Советского Союза и в то же время стремительно обростала новыми обстоятельствами»². Экспертная работа

² ДСП. Внутриредакционная переписка 1996 года.

понималась как синтез ассенизаторских действий, диагностики и расследования, осуществляемых в разных жанрах и форматах — эссе, интервью, аналитики, проведения регулярных семинаров и круглых столов, объединявших представителей академических и консалтинговых структур, медиа, всевозможных центров и управлений, — словом, всех, кто делал «погоду» и хаотично участвовал в становлении пестрой, меняющейся гуманитарной повестки дня.

Правомерно ли говорить о каких-то программных действиях, о специальной лингвистической политике, о языковом «заговоре» экспертов 1990-х?

Обобщая некоторый опыт, можно в качестве гипотезы выдвинуть следующие тезисы:

- Начало 1990-х было отмечено острым осознанием свободы высказывания, прежде всего речевого освобождения;
- Как следствие, язык стал объектом повышенного внимания и «героем дня»;
- Речевая «упаковка» высказывания, мнения, комментария выступала «визитной карточкой» эксперта, маркируя «посвященность» и допуск к специальному знанию;

В качестве «побочных эффектов» этих процессов имеет смысл рассматривать:

- повышенную чувствительность к слову,
- языковой нарциссизм³,
- тревожность, речевую неврастению.

Идея и ожидание «нового языка» объединили тех, кто в ту пору стоял у истоков ключевых медийных и сетевых проектов, да и в целом обустра-

³ Нарциссизм в использовании языковых средств проявился в настоящее время не только в русскоязычной среде и в рунете, а стал повсеместной тенденцией. Составители Оксфордского словаря английского языка выбрали главное слово 2013 г. Им признали термин *selfie*, обозначающий «фотоснимок самого себя», передает Reuters. Филологи объяснили свой выбор стремительным ростом популярности этого слова: оно употребляется англичанами все чаще, и не последнюю роль в этом играют социальные сети, которые стали рассадниками подобных «фотокарточек». Оказалось, что за год частота употребления слова *selfie* выросла на 17 000% (семнадцать тысяч). Первое его упоминание относится к далекому 2002 г. Британская экономика о таких темпах роста может только мечтать. Авторы словаря дали следующее определение *selfie*: фотография самого себя, как правило, сделанная при помощи смартфона или веб-камеры и размещенная в социальных сетях. Отметим, что критики соцсетей считают подобные снимки «квинтэссенцией нарциссизма». <http://top.rbc.ru/society/19/11/2013/889545.shtml>. Стоит добавить, что к нарциссическим свойствам можно отнести самоцитирование, повторное воспроизведение собственных записей, распространение языковых автопортретов и «фотокарточек» своего стиля.

ивал сетевое пространство, куда в начале нулевых во многом перешла большая часть разговорной, эпистолярной активности.

Здесь целесообразно сделать историческое отступление и кратко охарактеризовать культурную родословную (генезис) тех групп, которые заинтересованно участвовали в обновлении языковой среды.

Прежде всего имеется в виду академическая и околоакадемическая среда 1960–1980-х. «Выпускники» неофициальной сферы, практиковавшиеся в домашних обсуждениях и неподцензурной печати, в конце 1980-начале 1990-х брали реванш.

Так, к примеру, проблему «феноменологии семинара» и особенностей «внутрисеминарского языка» очень точно поставила Н. В. Брагинская.

«Научный домашний семинар» — довольно парадоксальное явление.

Ядром понятия «домашний семинар» Н. В. Брагинская предлагает считать научную, или учебную, или научно-учебную коллективную деятельность, регулярно осуществляемую в сугубо частных условиях. Содержание этой деятельности общественно значимо и публично — научная работа, исследование и обучение, форма приватна — дружеская встреча, «гости», чаепитие. Научный домашний семинар — это *contradiction in adjecto*, такой тип семинара и расплодился в 1970-е гг.

Откуда, как возникают семинары?

«Образовательная система производит когорты, которые к моменту резкой смены климата оказываются без места. Социальные маргиналы увековечивают свое состояние младших, потому что общество больше не нуждается в той роли, к которой этих людей готовили. Удел их — быть никем, вести призрачное существование... Семинары 70-х гг. образовали, грубо говоря, старшеклассники и студенты «оттепели», а объединялись они чаще вокруг людей более старшего поколения, имевших и некоторый формальный статус, и авторитет.

В следующем «цикле» маргиналам предшествующего периода выпадает шанс обрести статус. Хотя не всем, конечно, случается им воспользоваться даже индивидуально, но некоторые семинары 70-х гг. породили институализированные сообщества уже в постсоветское время. Так и семинар В.С. Библера породил целый ряд институализированных образований, хотя и его материнская, семинарская, форма продолжала жить, пока был жив сам Библиер»⁴.

Н. В. Брагинская напоминает об устройстве еще нескольких значимых в советском контексте семинаров. Один из них, более узкий и специальный по тематике: античная философия и наука. «Он проходил дома у Ивана Дмитриевича Рожанского. До занятий историей античной науки Иван Дми-

⁴ Здесь и далее: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Domashnie-seminary-1970-h>

триевич был физиком, причем физиком-дипломатом по ядерным, кажется, технологиям. Он был сыном профессора еще царских времен (о достойном поведении его отца мы прочитали в свое время в «Архипелаге Гулаг»). Обе стороны его происхождения были типологически значимы: математики и физики (математики в большей мере) обладали высокой «семинарской готовностью», а кроме того, Рожанский был намного, на два поколения, старше тех, кого собирал, и наследовал традициям интеллигенции с досоветским жизненным опытом. Этот семинар... просуществовал до начала 1980-х. У него тоже были постоянные участники — Андрей Лебедев, Анатолий Ахутин, Сергей Муравьев, Юрий Шичалин, Татьяна Бородай, Алексей Сидоров, Александр Столяров и др. ...Все участники были немножко маргинализированы или находились немножко не на своем месте».

Невозможно пропустить «портреты семинарской жизни», нарисованные Р. М. Фрумкиной:

«Для большинства своих ровесников, и тем более для пришедшей вслед за нами молодежи, Игорь (*Мельчук — Е.П.*) был, несомненно, харизматической личностью. (Я пишу „был“ не потому, что сам он изменился, а потому, что в Монреале на эту харизму не может быть спроса.) Харизма многократно усиливала его организаторские способности. Игорю не нужно было тратить время для объяснений, почему надо делать то, а не иное — будь то маршрут похода, организация семинара или еще что-то. В такого рода ситуациях ему даже не приходилось быть деспотичным — за ним шли с радостью.

Так, без всяких размышлений, и я стала постоянным участником организованного Игорем маленького семинара по математике, который с осени 1957 года у нас в институте вел прекрасный математик Аркадий Онищик. В математике я всегда была не сильна, но вне зависимости от этого мне как-то даже не пришло в голову усомниться в том, резонно ли начинать серьезные занятия лингвистикой именно с математики. Как я уже упоминала, в университете я выбрала лингвистику, но не получила основательного лингвистического образования. Казалось бы, надо было восполнять именно эти пробелы. Однако же необходимость освоения каких-то основ математики не мне одной представлялась тогда делом первостепенным.

Наш семинар проходил в той самой «комнате за залом», где, начиная с лета 1958 года, мы потом сидели вместе с Игорем в секторе Реформатского. В нем участвовал покойный Ю. К. Лекомцев — востоковед и совершенно своеобразный теоретик; Т. Н. Молошная — лингвист, работавшая с О. С. Кулагиной и А. А. Ляпуновым над машинным переводом с английского; Е. В. Падучева, которая тогда занималась возможностями теоретико-информационного подхода к изучению языка, и я.

Аркадий Онищик был нашим ровесником и, как всякий прирожденный педагог, ориентировался на то, чтобы его понимали менее способные

участники семинара. Игорь и Юра все схватывали на лету. Лена от них несколько отставала, а мы с Таней плелись в хвосте. С той разницей, что я отчаянно пыталась что-то понять, а Таня была скорее равнодушна. Игорь начинал скучать и негодовал на мою тупость, я же не могла взять в толк, почему очевидно верные утверждения из теории множеств являются, тем не менее, теоремами, которые надо доказывать.

Почти одновременно я стала ходить еще на один семинар, более многочисленный и с широкой тематикой. Его с 1956 года вели на филфаке МГУ математик, специалист по математической логике В. А. Успенский и лингвисты — Вяч. Вс. Иванов и П. С. Кузнецов. (Историю этого семинара см. в работе В. А. Успенского «Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг». — *Wiener Slavistischer Almanach, Sonderbd 33, Wien, 1992.*) По существу, для многих из нас именно с этого семинара и началась новая лингвистика [Фрумкина 1997]⁵.

Как известно, Р. М. Фрумкина в 1967 году была организатором собственного «домашнего семинара»⁶, куда входили математики, лингвисты, психологи, философы. Об «экспертных языках» семинарского общения Р. М. Фрумкина рассказывала и писала не раз в своих публикациях⁷.

Чуть забегаая вперед, стоит отметить, что многообразная палитра языков гуманитарной экспертизы, как она сложилась к началу «нулевых», ее истоки, лингвистические модификации обсуждались Р. М. Фрумкиной и В. Л. Глазычевым, курировавшим «Русский журнал» и аффилированные сетевые и несетевые проекты. Глазычевские «колонки» нередко взрывали и сталкивали «пузыри слов», плавающих вокруг, «прокалывали» их иронией и знанием вопроса. «Право, не знаешь, что и думать. Бог весть, по какой причине, в образованном нашем сословии напрочь отсутствует интерес к нынешней российской действительности в ее подлинном драматизме»⁸. Глазычев — во многом родом оттуда — из академических, домашних, околожурнальных семинаров 1960–1970-х, одним из культиваторов фундаментальной экспертизы которых было содружество авторов и редакторов издания «Знание — сила»⁹.

⁵ Фрагмент опубликован в «Русском журнале» 12.01.2000. <http://old.russ.ru/edu/academ/20000112.html>

⁶ Благодарю Е. В. Рахилину и В. А. Плунгяна за содействие в знакомстве автора статьи с Р. М. Фрумкиной, сотрудничество с которой в «Русском журнале» продолжалось с 2000 по 2003 гг.

⁷ <http://old.russ.ru/authors/frumkina.html>

⁸ Глазычев В. Л. Разговоры. <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Razgovory>. Страница в «Русском журнале» <http://russ.ru/avtory/Glazyshev-Vyacheslav>

⁹ Кстати, «экспертный зуд» и «зуб» — эта шуточная рифмовка возникла в переписке автора данного материала с В. Л. Глазычевым в 2006 году по поводу языковых фантомов и пустот, заполнивших публичное и частное сетевое пространство.

Масштаб полуофициальных семинаров — 30–60 человек — исключал домашний формат, но привязаны они были все-таки не к учреждению, а к человеку, лидеру. Ядро семинара Левады¹⁰ составлял сектор теории и методологии разогнанного М.Н. Руткевичем в 1972 г. Института конкретных социальных исследований. «Семинар Левады ютился под той или иной застрехой, а по содержанию был самым универсальным: философия с Пятигорским, история с Яниным, филология с Чудаковой, демография с Вишневым и т. д. Социология, которая там обсуждалась, тяготела к общей методологии и теории культуры. Если семинары Мелетинского и Рожанского отталкивались от официоза в содержательном, методологическом и тематическом аспектах, а разговоры, не дозволенные начальством, бывали разве что за чаем, то у Левады все-таки в центре была актуальная современность, даже если доклад был о Хлебникове. Ядро семинара образовало при очередной смене климата основу сначала ВЦИОМа, а потом Левада-Центра... К началу 80-х стали хиреть или прекращать свою деятельность многие семинары»¹¹.

Важно отметить, что именно на этих частных семинарских площадках-симпозиумах, где один эксперт-специалист дополнял другого, складывался тип универсального общения профессионалов. У него были свои сильные и слабые стороны, породив в том числе «гуманитария общего профиля» — синоним некомпетентности, нередко представленной сегодня в секторе гуманитарной, социальной, политической экспертизы.

Любопытно, что переупаковка традиций прошлых десятилетий произошла довольно быстро, а те, кто встал у нового конвейера, называли себя технологами. Многие основатели гуманитарно-технологического цеха в том или ином виде прошли школу «домашних научных семинаров», либо будучи активными участниками и даже лидерами на позднем этапе, либо в качестве «первых учеников» занимая место «рядом с лидером». Так, Глеб Павловский, владелец «Русского журнала», называл себя «практикующим историком» [Павловский 2004] и во многом продолжал — сначала в журнале «Век XX и мир», а потом в программе Фонда эффективной политики — «образ действий», сложившийся в домашнем общении с М. Я. Гефтером¹².

Если вернуться к осмыслению языковой ситуации рубежа советской и постсоветской эпохи, пограничья досетевой и сетевой культуры, то, на-

¹⁰ Левада Ю. А. Научная жизнь была семинарская жизнь. <http://www.socjournal.ru/article/317>

¹¹ Брагинская Н.В. Домашние семинары 1970-х. <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=54014>

¹² С 2010 года началась другая история «Русского журнала»: издатель его отошел от дел и вернулся в свою первоначальную домашнюю ипостась, запустив «www.gefter.ru», «монографический» проект в память своего учителя. Мемориальность сайта обезопасила разработчиков от былых претензий на влияние, идеологические и языковые провокации.

верное, общее стойкое ощущение слома и столкновения языковых пластов, речевых практик, участие в общей «языковой утопии» объединяло и опьяняло задором разные поколения¹³, уравнивая и «шестидесятников», и тех, кому в начале 1990-х было около тридцати или чуть за тридцать. В немалой степени проживание этой утопии способствовало и отрезвляющему взрослению.

Тем не менее, речевой «ажитаж», беспокойство, принимавшее разные формы «невроза», заметно проступало в ту пору, а еще резче и красивей оно обозначилось в контексте эпидемии мемуаров, которым по разным причинам предались отцы-основатели крупных сетевых и несетевых проектов 1990-х. Юбилейный повод в этой связи — самый существенный, и многочисленные фестшрифты, фест-интервью, посвященные круглым датам того иного исторического сюжета, обнажили языковые кухни и лаборатории как едва ли не центральные в коллективных хлопотах 1990-х нулевых.

Язык в немалой степени стал товаром, или лейблом, товарным знаком. В наши дни поток воспоминаний прояснил и еще одну вещь: каждый опекал свою языковую делянку и верил в ее уникальность. На самом деле, поляна вместила многих, идентичность же проступила лишь спустя годы. Юбилейные «допросы», «признания» и «очные ставки» проясняют тождество языковых намерений и механизмы функционирования речевой мифологии.

Так, интервьюер Екатерина Кронгауз в аннотации к разговору с Владимиром Яковлевым, основателем газеты «Коммерсантъ», акцентирует: «Величие замысла» (говоря словами Иосифа Бродского), обусловившее историческую роль «Коммерсанта» в истории постсоветских СМИ, состояло в другом — Владимир Яковлев понял, что новая эпоха требует нового языка описания, и создал медиа, такой язык предложившее. Вводя новые слова и подходы для отражения происходившей в стране буржуазной революции, «Коммерсантъ», таким образом, сам моделировал новую социальную реальность, многие ключевые понятия которой (такие как, например, «новые русские») впервые возникли на его страницах.

И дальше «ответчик», делясь многими фактами, не раз возвращается к языковой теме. Он описывает словно бы какую-то внутреннюю пьесу, отдельный сценарий, главное действующее лицо в которой — речь, слово :

- *язык был мелодией, которую придумал и расслышал сам Владимир Яковлев;*

¹³ Слово «кайф» — одно из самых частотных в беседах того времени, что фиксировалось и первыми сетевыми проектами 1990-х. Устный подкорпус НКРЯ подтверждает наблюдения.

- *мелодия — хорошая, интересная, запоминающаяся и которой можно легко и быстро научить;*
- *язык обладал каким-то внутренним конфликтом;*
- *писали про себя и для себя*¹⁴.

В этом признании есть все: «и черти, и любовь, и страхи, и цветы». И ностальгия, и трепет, и нарциссизм¹⁵.

Совершенно закономерно и ожидаемо в данном контексте появление фигуры Максима Соколова, «птенца птенцов» коммерсантовского гнезда, нарратив которого окормлял, эпатажно сближая, сетевое и не-сетевое пространство. Феноменология соколовского стиля в нулевые, да и позднее, долго сохраняла свою привлекательность для университетских товарищей, медийных коллег и блогосферы¹⁶.

Однако постоянный распад групп, коллективов, уходы-приходы, смена контуров и структуры недолговечных команд¹⁷ влекли за собой быстрое распространение «капризов носителей языка»¹⁸, что приводило языковые инструменты в чрезвычайно возбужденное и нервическое состояние. Конфликты были не столько и не только системные, но и стилистические. (Вспомним эталонное: «Коммерсантъ» — «Эксперт»; «Независимая газета» — «Сегодня»). Вибрация языковой фактуры — вот, по-

¹⁴ Владимир Яковлев: «Коммерсантъ» был частью изменений системы ценностей http://ria.ru/media_Russia/20130924/964464101.html

¹⁵ Кстати, такие полюса как «глянцевый» язык и язык «деловой фактуры», конкретный, лаконичный и рубленый, на поверку оказались одной и той же сущностью, только в разных костюмах, используемых в разных комбинациях и декорациях. Признания Игоря Шулинского, создателя журнала «Птюч», подтверждают: проект начался с языковой инвентаризации и табуирования ряда слов, используемых в интеллектуальных и деловых тусовках, «культурных» журналах. Речевое аутодафе происходило регулярно, и в число самых первых жертв попало слово «концепция». См. «Коммерсантъ» создал безличную журналистику, а «ПТЮЧ» — глянцевую». http://slon.ru/russia/kommersant_sozdal_bezlichnuyu_zhurnalistiku_a_pty-530425.xhtml

¹⁶ Вспомним виньетки, сочиненные друзьями М. Ю. Соколова Сергеем Козловым и Олегом Проскуриным по поводу выхода его двухтомника «Поэтические воззрения россия на историю» и опубликованные в журнале «Новое литературное обозрение» в 2000 (№ 41). «Наконец-то пришел писатель, <...> собравший, объединивший и оправдавший немеренные богатства языка, мысли, истории etc. в едином стилевом усилии» (Т. Толстая). «Дальше так мыслить и писать было нельзя. И тогда пришел Максим Соколов, который радикально изменил литературный модус восприятия современной политики» (О. Проскурин). Этими цитатами начинает свою достаточно умеренную рецензию Андрей Зорин «Паноптикум культурного сообщества», появившуюся в соседнем издании «Неприкосновенный запас» (2000, №4 (12)). http://magazines.russ.ru/nz/2000/4/reporter_9.html

¹⁷ Здесь не место обсуждать экономические и политические векторы тогдашних почти мультипликационных перемен, происходивших в медиа и в интернете.

¹⁸ «Диагноз» В. Л. Глазычева, поставленный в 2001 г., когда блогосфера начала набирать обороты и конкурировать с традиционными медиа.

жалуй, доминирующий симптом, проступающий в корпусах мемуарных текстов, собираемых последние годы агрегаторами www.slou.ru и www.gia.ru. Сладостный мифологический нарратив исполнителей главных партий высвечивает спустя полтора-два десятилетия упоительную для прошедшей эпохи пряность насыщенного языкового «бульона», изготавливаемого на глазах публики. Без преувеличения можно сказать, что 1990-е — это эпоха лингвистического Sturm und Drang, лингвистика чрезвычайно расширила свои границы и вторглась в те пределы, что ранее находились вне ее ведомства.

Чувствительность к языковым изменениям, коррозии речи свидетельствовала о том, что внезапно «лингвист проснулся» буквально в каждом, кто был причастен к тогдашней медиасфере. В высказывании А. Н. Привалова, приведенном ниже, подтверждаются наши наблюдения над усугублением selfie — нарциссизацией внеречевых и речевых стратегий.

«Мы не сразу поняли, что мы делаем нечто скорее для себя, чем для публики.... Мы оказались сразу в жесточайшей конкуренции с самими собой. (Добавим: еще больше языковой, стилистической, потому что именно эти субстанции стали маркированными для внешней аудитории и узнаваемыми. — Е. П.). Мы оказались в конкуренции с собственной тенью и довольно долго в ней барахтались — это все было очень непросто. ... До нас стало доходить, что немножко слишком мы увлечены своими личными бекграундами. Почти все, за небольшим исключением, ведущие авторы журнала пришли так или иначе из научной среды. И некоторые из нас поварились в разного рода живом бизнесе — как консультанты или участники. Но, в общем, сугубо теоретический подход в журнале был заметно более серьезен, чем это было необходимо. И мы где-то через год устроили маленькую революцию. Хотя это, по-видимому, никак не было заметно снаружи, но мы сами себе объяснили (и даже вынесли на обложку новое слово), что мы журнал ни фи́га не экономический, мы журнал — деловой. Это было принципиальной переменой, хотя сейчас трудно объяснить, в чем она заключалась, но тогда было понятно, что это революция. Мы пишем не о том, как устроен мир на примерах текущих событий в экономике, потом политике страны, а мы пишем об экономике и политике вот этой страны, мы болеем за бизнес этой страны, мы отстаиваем позиции бизнесменов этой страны, вот мы здесь, мы деловой журнал России, мы русский деловой журнал».

Казалось бы, допрашиваемый говорит о сугубо внутренних и прикладных вещах, но, на самом деле, Привалов, отвечая на вопрос о выборе дороги журнала и поиске названия, вскрывает одну из фундаментальных лингвистических коллизий — появление конструкций-мемов, клонов, языковых муляжей, фантомов.

Приваловский нарратив вполне эпичен, и очерчивает он эпическое время, эпические события: «Это был почти суточный, двадцатичасовой, мозговой штурм. Название «Эксперт» придумал я, чем абсолютно не горжусь, потому что название-то плохое. Но в течение 20 часов ничего лучше придумано не было, так что назвали «Эксперт». Дело в том, что когда мы не хотели или не могли сослаться на конкретное лицо, которое дало нам какую-то информацию или сделало какую-то для нас оценку, мы писали «эксперты Ъ» — в Weekly еще. Это был наш мем, по нему легко было узнавать наши тексты. Ну а раз эксперты «Ъ» во многих случаях были мы сами, отсюда и появилось название, которое в двух отношениях нехорошо. Во-первых, слово нерусское и псевдонаучное, с тех пор очень сильно загаженное, тогда еще не настолько загаженное, а сейчас «эксперт» — слово просто помоечное, кто только не называет себя экспертом. А во-вторых, ужасно то, что в нем две буквы, которых нет в латинице, страшно маялись наши шрифтовики»¹⁹.

Привычный поворот беседы о языковом новаторстве коммерсантовских людей Привалов блокирует: на самом деле языков было много, все они разные, хотя имеют единый корень. Лингвистическая мифология упрощает картину, но упрощения неизбежны и естественны.

На этом промежуточном фрагменте целесообразно было бы завершить слишком растянувшуюся преамбулу и отступление, но ведь и сам анализируемый кейс — «Русский журнал» (www.russ.ru) — при всей его центральности, живучести (для сетевых проектов 17 лет — срок немалый) был и остается исторической ремаркой в большой пьесе, где автор и режиссер давно покинули сцену, а случайные действующие лица исполняют свою, только им ведомую архаику. Языковое многообразие съезжилось и вернулось в свое прежнее «доисторическое» состояние. Таким образом, возвращение к кейсу — не что иное, как продолжение и достраивание системы ремарок в данном рассуждении, ремарок или реплик о том, как сетевая культура оказалась местом активного порождения, эксплуатации, обмена и трансфера языковых калек, клонов, муляжей.

Здесь необходимо сделать второе отступление, преамбулу «номер два», повествующую о технологиях выращивания и распространения смысловых и речевых гомункулов.

Итак, «Русский журнал» — это сетевой «Мурзилка» — т. е. площадка, где свое интернет-детство провели несколько поколений, сетевой «пионерский лагерь», где были отряды авторов, колумнистов, обозревателей, редакторов-«вожатых», «линейки» и «зорьки», игры, как у взрослых. «Русский журнал» — это продукт интенсивного кочевья, территория

¹⁹ Привалов: название «Эксперт» придумал я. РИА Новости http://ria.ru/media_Russia/20131216/984387069.html.

rendez-vous. Взаимодействие представителей самых разных, порой несовместимых, сред, отколовшихся индивидуумов, маргиналов и тех, за кем стояли серьезные кланы, традиции, финансы, на протяжении полутора десятилетий оно происходило нередко спонтанно и сопровождалось самыми странными и непредсказуемыми поворотами.

Историй «Русского журнала», как и любого мало-мальски состоявшегося проекта, несколько. Каждой сопутствует целый репертуар нарративов. Но любопытно отметить, что модус их сопряжения — лингвистический, что не раз повторяли создатели.

Юбилей «Русского журнала», а их отмечалось несколько, — это похоронный сериал. В последней части, к 15-летию, Глеб Павловский в очередной раз предложил читателю свою версию записок сетевого охотника или повестей сетевого Белкина. 1997 год был очень давно и остался «за горизонтом». Но как бы ни менялись концепции, скрепой оставался интерес к языку, лингвистическое дежурство, речевая вахта, которую пытались — каждый на свой лад — держать сотрудники.

Бумажный журнал «Пушкин» — предшественник «РЖ», после дефолта 1998 года окончательно ушел в интернет, но даже когда параллельно в течение года существовали две версии, «сетевизна» в бумаге поддерживалась отчасти насильственно и умышленно навязывалась: так в 1998 году появилась специальная вкладка — «журнал в журнале» — NET-Культура, затем в перекочевавшая в РЖ и к 2002 году совершенно растворившаяся там в обозрениях сетевой жизни. Таким интернет-хозяйством заведовал Евгений Горный (он же Мирза Бабаев) <http://old.russ.ru/journal/archives/authors/babaev.htm> — писатель, журналист, философ, до прихода в РЖ редактор легендарного Zhurnal.ru и основатель Net-культуры в «Русском журнале», а потом директор Русской виртуальной библиотеки, координатор проекта «Сетевая словесность», автор Летописи русского интернета и множества других работ <http://www.rvb.ru/about/meta/pravda022002.html>, последнее время авторитетно представленный как международный эксперт, исследователь блогосферы <http://nmc.wikischolars.columbia.edu/Key+Issues+of+Research>.

Лучшие люди рунета сотрудничали в ту пору с РЖ. А среди них, может, просто один из самых лучших — Роман Лейбов, «первопроходец», «пионер». С 5 января 1998 г. по 8 мая 2000 г. Роман Лейбов, уже в ту пору почти доктор филологии (защитил диссертацию в Тарту в 2000 г.) вел в «Русском журнале» еженедельное обозрение «Бессрочная ссылка». 113 выпусков. В своем предуведомлении Роман объяснял смысл таких еженедельных авторских наблюдений: «Мои заметки исходят из ... презумпции, согласно которой интернет — это просто то, что со мной (и с Вами, и с кем угодно) происходит, когда мы запускаем определенные программы на своем компьютере. Не то, что делают при этом электроны

и кремниевые штуковины, а то, что делаем мы. Интернет в этом смысле будет занимать большое место в «Бессрочной ссылке», особенно в разделах «Место» и «Закладки». Субъективность такого подхода к делу очевидна и позволяет мне перемежать рассуждения о разных паутинных местах рассуждениями другого рода, скорее дилетантскими, но имеющими некоторое отношение к моим профессиональным занятиям (разделы «Слова» и «Глупости»). Раздел «Выписки» продолжит традицию, в сети заданную Иваном Паравозовым, а вне сети — восходящую у нас, кажется, к Розанову и сейчас блестяще продолжаемую некоторыми моими старшими коллегами». <http://old.russ.ru/ssylka/index.html>. В РЖ вел и Net-культуру, и колонку «Понедельник». Почти 10 лет до 2007 года. А вообще и до РЖ, и параллельно, и после много придумал удивительного. Например, первую виртуальную личность пенсионера Мая Ивановича Мухина. Личным секретарем которого он себя назначил, и в 2001 году сделал первую запись в русском ЖЖ, назвав дневник «лытдыбром» — словом, которое получалось в латинской транслитерации, если не переключить клавиатуру. По мнению Евгения Горного, стиль сочинений М. И. Мухина-Лейбова оказал значительное влияние на плеяду русских сетевых обозревателей и публицистов. Подражать нельзя, а продолжать можно.

Первые четыре-пять лет РЖ как-то стихийно, но мощно вел свою игру, не в последнюю очередь стилистическую, речевую, хаотично выстраивая партии, контрапункты. В результате сам собой сложился ансамбль.

К «кульминациям», бесспорно, относится Андрей Левкин, с 1998 автор в разделе «NET-культура», <http://old.russ.ru/authors/levkin.html>, а потом редактор рубрики «Политика», которую оставил в 1999, а уже в рамках политических контрактов ФЭП с администрацией президента и с другими заказчиками, возникли информационные проекты: «СМИ.ру» делал Андрей Левкин до 2000 года. С ноября 2006 по август 2008 года в РЖ Андрей вел самостоятельную рубрику «Новые описания», — по замыслу «журнал в журнале» со своими автономными границами и периодичностью. Идея и «описание описаний» на деле получились интереснее воплощения. Ключом к проекту Андрей считал «вещи-предметы-явления» самой что ни есть бытовой массовой реальности; обживаемая междурубричная территория заполнялась текстами-комментариями: между отраслями знаний (или — между журнальными рубриками) действительно есть территория, где действует промежуточный — на стыке профессионального и бытового — тип сознания. Различные формы интеллектуальной деятельности этим сознанием и склеиваются, но результаты деятельности обычно не фиксируются, — вот потому, что они какие-то промежуточные. Ближайший аналог, по Левкину, Тартуские Труды по знаковым системам, где тоже предлагались описания, только в другом временном режиме —

Past Perfect, а потом становились достоянием среды, более-менее широкого круга, интеллектуального клуба, и по мере надобности примерялись к другой реальности. «Новые описания» продолжали традицию, только «знаковые системы» сменились «знакомыми». Одной буквы хватило, чтобы подключить методологию к бытовым вариантам и описывать текучку, масскульт и пр., ... чтобы обживать даже самые неисторические истории. Получались полевые исследования... по выбираемым темам. Темник, словарь, составленный Левкиным, но так во многом и не воплощенный в статьи, наверное, остался самым «вкусным» в этом проекте. <http://russ.ru/pole/Novye-opisaniya>.

Как уже говорилось выше, в интернет попадали многие, пройдя не-сетевой профессиональный цикл, разделив с коллегами период распада. В 1999–2000 появился Борис Кузьминский. Блестящий переводчик (перевел роман Фаулза «Волхв» — 1993), редактор и литкритик (заведующий легендарным отделом искусства газеты «Сегодня» (1993—1996)), Кузьминский в конце 1990-х был «не у дел» и пришел в РЖ, оставив службу обозревателя в мебельном журнале «Табурет». За два-три месяца ему удалось превратить рубрику «Круг чтения» в раздел, с которого все без исключения начинали и которым заканчивали каждодневное чтение РЖ. «Круг чтения» тоже стал как бы автономным внутренним авторским изданием со своей энергетикой, структурой и своим стилем: «Шведская лавка», «Иномарки», обозрения «Аделаиды Метелкиной»²⁰ — виртуального альтер-эго Кузьминского, а еще «Чтение без разбору», «Книга на завтра», «Периодика», «Электронные библиотеки»...

Борис ушел в начале 2001. Заменить его было практически невозможно, хотя в тот год принял рубрику сильный филолог Олег Проскурин <http://www.russ.ru/authors/proskyrin.html> (2001–2002), и в канун Нового 2002 года незадолго до своего ухода взял у главного редактора «подъелочное» литературное интервью: Глеб Павловский. О языке политики и конце русской литературы. <http://www.russ.ru/krug/20011224-gp.html>

При Олеге была попытка создать «мастерскую рецензий». Подраздел «Штудии» курировал Андрей Немзер и обучал молодых филологов.

Сетевое кочевье, пассажирский транзит интернет-среды, выпукло представленный «Русским журналом», унифицировался одним свойством: оголенными языковыми нервами, лингвистическим беспокойством. Поэтому неслучайно Борис Кузьминский, составляя первый фешт-шрифт к пятилетию РЖ структурно выделил блок «Языки», куда вошли знаковые материалы: Лев Сигал «Разгневанный пурист и рассудочный лингвист, или инвектива против живого русского языка»; Симон Кор-

²⁰ Аделаида Метелкина — Деля — маска-персонаж, придуманный Б.Кузьминским еще в «Сегодня», а в РЖ получивший вторую жизнь, содержательное наполнение и прописку.

донский «Чапаев, штирлиц, русский, еврей, брежнев, чукча + ельцин = пушкин»²¹; Михаил Ремизов «Война, язык и неврастения» и др. [Русский журнал 2002] Признаемся, столько банальностей и общих лингвистических мест, сколько глубокомысленно аккумулировалось в сети, сейчас трудно представить и подсчитать. Но очевидно, что многое диагностировалось именно в интернете, а сеть удерживала и подвергала фильтрации то, что позднее пригодится и в ученых руках превратится в научную концепцию. Так, сетевые предчувствия сбываются, а состояние языковой неврастения, неоднократно по разным поводам зафиксированное в «Русском журнале», вскоре обрело плоть в известной научной монографии [Кронгауз 2008].

Наряду с успехом, история «Русского журнала» — это история несбывшегося, история неудач и провалов. В РЖ всегда пытались работать с неформатом, а недовоплощенный «фирменный стиль» реализовался позднее в OpenSpace.

Вот как издатель Глеб Павловский объяснял свой образ «Русского журнала»:

«В то время можно было высказывать любое мнение, его цитировали в прессе, но я чувствовал, что не хватает площадки, нет места для совокупного присутствия ответственных людей. Ведь уже в то время были все те, кто на слуху и сегодня — Вячеслав Глазычев, Александр Филиппов, Андрей Белоусов (ныне министр экономики), Ярослав Кузьминов (ныне ректор Высшей школы экономики) и другие. Где эта «республика философов» должна обитать? Вот для нее места нет. «Русский журнал» возник из этой идеи «места», в общении с Сергеем Чернышевым и Маратом Гельманом. Мы хотели сделать нечто вроде «антителевидения». То есть собрать интеллектуалов в некий бастион...²² ...Все-таки в подкладке моего отношения к РЖ всегда была тема власти. «Филологической власти». Власти языка. Не гегемонии, а именно власти, которая принадлежит русскому слову. Сегодня у меня здесь самые большие трудности. Я стал сомневаться в праве слова на власть. Будь то концептуальная или иная. Мне хочется все меньше ангажированности»²³.

²¹ http://old.russ.ru/journal/odna_8/97-11-13/kordon.htm

²² На год раньше родился «старший брат» журнал Slate <http://www.slate.com>, придуманный Биллом Гейтсом. По его замыслу не журналист, а эксперт-универсал, pundit, владеющий изящным интеллектуальным сленгом и способный объяснить в увлекательной эссеистической форме устройство сложных проблем бизнеса, политики, культуры, должен был стать ключевой фигурой он-лайн издания. Как видим, англосаксонские сетевые небиллы всерьез тревожили сон нашей местной «отроковицы».

²³ Павловский Глеб. Поначалу я собирався лично, как повар, открывший ресторан, готовить сам все блюда, сам их пробовать и сам есть. <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Ponachalu-ya-sobiralsya-lichno-kak-povar-otkryvshij-restoran-gotovit-sam-vse-blyuda-sam-ih-probovat-i-sam-est>

В своем последнем юбилейном интервью Павловский заметил: левые и отчасти девяностые создавали огромное количество микстов, где сталкиваются, конфликтуют, мирно уживаются языковые пласты — своя речь и немного все-таки не своя, порождая блуждающие «големы». «Русский журнал» — во многом можно считать чемпионом, одним из родоначальников таких микстов.

Сетевой «Голем», запустивший целый «тезаурус экспертности», меню языковых пустот — вот что такое «Русский журнал». Он возбуждал, но не удовлетворял голод, провоцировал охоту к конкретному и точному знанию (дразнил, называя «экспертным») и соответствующему фактографическому языку описания. Это знание, этот язык называли то «феноменологией жизни», то социальной антропологией, то «потребностью видеть жизнь в ее молекулярных формах»²⁴.

«Экспертность» как языковая мистификация, рожденная в сетевой штаб-квартире «Русского журнала», за 10–12 лет расплзлась «пятнами» по речевой поверхности блогосферы, СМИ, бумажным и сетевым.

Замеры «пульса» позволяют построить график, на котором отчетливо виден «экспертный зуб», столь пророчески угаданный Вячеславом Глазычевым:

Силуэт этого зуба показывает «вспучивание», языковое обострение, во многом спровоцированное «Русским журналом» и теми, кто прошел школу сетевых проектов. «Экспертное» намечалось, называлось, а затем подхватывалось, тиражировалось, донашивалось другими источниками. Пик распространения приходится, как показывает статистика, на рубеж 1990-х — нулевых²⁵.

Недаром, проживая один из финалов собственной истории, команда «Русского журнала» занималась рефлексией, самоанализом эксплуатируемой языковой субстанции, зараженной вирусом «экспертности». Один из исследовательских лейт-мотивов в позднем РЖ — это компаративистские практики, сравнение конкуренции Livejournal с традиционными

²⁴ Там же. Александр Морозов, юбилейный интервьюер Павловского.

²⁵ Статистическое исследование, оставшееся за пределами этой статьи, представляет результаты анализа и сравнения информации, полученной при использовании возможностей нескольких информационно-аналитических систем: «Медиалогия», «Интегрум» (преимущественно «Интегрум-профи»), КРОС «www.public.ru», www.gitika.ru, а также НКРЯ (www.ruscorpورا.ru).

СМИ в экспертных сюжетах. С легкой руки «РЖ-команды» экспертная тема прижилась и пустила мощные ростки в личной, почти «интимной» зоне, что стало внятным сигналом семантического и семиотического перерождения темы; а в конце концов переросло в серию войн блоггеров и представителей экспертных сообществ.

Недаром в бюллетене редакция публикует перевод статьи «Записки благонамеренного» Дэвида Фрама, появившиеся в журнале «The National Interest» (19.XII.2007). Фрам — экономист, в первые два года президентства Джорджа Буша-младшего готовил его выступления. В настоящее время — эксперт Американского института предпринимательства (AEI), «один из самых влиятельных и авторитетных представителей клана консерваторов в политическом Вашингтоне. Автор знаменитой концепции „оси зла“» [Куркин 2008]. В очерке описан системный конфликт между молодыми левыми демократами (netroots) и экспертным сообществом аналитиков и политических журналистов, обслуживающих интересы сформировавшегося при Клинтоне истеблишмента Демократической партии.

«Меня зовут Дэвид Фрам, и я блоггер. Каждый день я размещаю в Сети несколько сотен слов комментариев на сайте National Review. Причем часто я это делаю — в соответствии с известным клише, — еще не успев снять пижаму. Но при этом я — уважаемый эксперт-международник. В доказательство чего могу сослаться на то, что у меня есть свой собственный офис в одном из престижных аналитических центров.

К сожалению, оба этих сообщества, к которым я принадлежу, терпеть друг друга не могут — и от этого факта никуда не деться.

Сообщество экспертов-международников (СЭМ) ценит умеренность во взглядах и тщательный выбор выражений.

Его участники будут с вами разговаривать, только если убедятся, что вы ученый или официальное лицо, а лучше — и то и другое.

Они уважают высших по положению, преклоняются перед должностями, не доверяют тем, кто открыто сам себя рекламирует, легко обижаются на малейшее нарушение этикета.

Что касается блоггеров — ну, у них все наоборот, правда ведь?» [Фрам 2008].

Недаром один за другим одновременно на своем сайте и параллельно в «Русском журнале» Андрей Ашкерov <http://ashkerov.livejournal.com/> представил материалы, — свидетельства «экспертобесии», «экспертомании» — экспертной герменевтики. Все это хозяйство собрали и выпустили чуть позднее в виде брошюры в русскожурнальном издательстве «Европа» [Ашкерov 2009]. Думается, здесь и обозначалась развилка, указывающая финал, тупик «экспертности» — этого языкового фантома.

Языковые проблемы в широком смысле становятся доминирующими и многообразные переводческие практики, семантическое и семио-

тическое взаимное транспонирование (калек в том числе) подводят нас к обсуждению экспертной темы в новом измерении: очередные пласты и срезы отечественного эксперта лежат на пересечении политики и культуры, а в конце 1990-начале 2000-х быстро отреагировав на вбросы и импорт реалий «извне», абсорбируют иноязычные и инокультурные тренды. Интернет-пространство в этом смысле близко театральному. Языковые срезы безошибочно регистрируют муляжи и пустоты.

Литература

- Ашкеров А.* Эксперткратия. Управление знаниями. М., 2009.
- Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Куркин Н.* Неокон перед лицом взбунтовавшейся блогосферы // Русский журнал. 2008. № 1. С. 78.
- Павловский Глеб.* Разговоры с Гефтером. Уроки истории. М., 2004.
- Русский журнал. 1997 — ... М., 2002.
- Фрумкина Р. М.* О нас — наискосок. М., 1997.
- Фрам Д.* Записки БЛОГОнамеренного // Русский журнал. 2008. № 1. С. 79.

Языковые изменения в зеркале интернета

А. Б. Летучий

Особенности аргументной структуры русских глаголов в «компьютерных» контекстах¹

В статье на материале трех явлений: (1) нестандартных непереходных употреблений глагола (*у меня фильмы не показывают*), (2) конструкций с опущением подлежащего (*у меня фильмы не показывает*) и (3) возвратных глаголов с модальным значением (*у меня не переходит по ссылке*) — показано, что «компьютерные» контексты характеризуются не только специфической орфографией, стилем и лексикой, но и особым синтаксисом. Первая и вторая конструкции допускают существенно большую, чем в литературном русском языке, свободу синтаксических преобразований; третья нестандартная конструкция, которая используется для образования модального пассива, обозначает не внутреннюю возможность, а только возможность, вызванную внешними условиями.

Ключевые слова: переходность, модальность, пассив, глагол, «компьютерная лексика»

Стандартно в синтаксических исследованиях выделяются прототип переходной конструкции и прототип непереходной конструкции. Прототипической переходной является конструкция, в которой субъект оказывает физическое воздействие на объект-Пациенс. Параметры прототипической переходной конструкции рассматривались, например, в [Horper, Thompson 1980], [Tsunoda 1985], [Malchukov 2006], [Næss 2007] и др. В целом можно сказать, что глаголы типа *разбить*, *убить*, *порвать* являются прототипически переходными (объект является Пациенсом, на него оказывается физическое воздействие, он при этом меняет свои свойства или уничтожается), а *читать*, *вдыхать*, *переходить* — нет (объект не является Пациенсом, не затрагивается физическим воздействием и, тем более, не меняет своих свойств в ходе ситуации).

Как и в любых исследованиях, в которых языковые феномены делятся на ядро / прототип и периферию / отклонения от прототипа, в данной об-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ласти возникает проблема анализа периферийных данных. И в частности, к ним относятся такие конструкции, где Агенс не контролирует напрямую весь ход ситуации. Так, В. И. Гаврилова отмечала, что с возникновением большого количества машин, делающих часть работы автоматически, без вмешательства человека, в русский язык вошли конструкции типа *текст напечатался* [Гаврилова 2003]. Пока не было принтеров, глагол *напечататься* не мог употребляться в декаузативной (спонтанной) конструкции, но с возникновением реалии возникла и ситуация, при которой печатание отчасти происходит как бы «само», без прямого вмешательства человека. Конструкции такого рода Гаврилова называет конструкциями с Агенсом-инициатором, помещая их в тот же класс, что, например, *Мясо уже варится*: в ситуации явно есть Агенс, «запускающий» процесс (человек, который ставит на плиту мясо или посылает на печать документ), но он не принимает прямого участия во всем процессе.

В действительности, отмеченные Гавриловой изменения в классе глаголов с Агенсом-инициатором — лишь один из типов языковых изменений, связанных с техническим развитием. Говоря более конкретно, по мере развития интернета и компьютерных технологий появляются новые синтаксические явления, связанные и со свойствами языковой системы, и с тем, как воспринимают носители языка компьютер и ситуации «общения» с ним.

Мы рассмотрим некоторые конструкции, возникновение или распространение которых тоже многим обязано техническому прогрессу. Их семантика — и, как мы покажем, синтаксические особенности — напрямую связаны с работой на компьютере и в интернете.

«Странная» лабильность

В русском языке, как и во многих других, существует класс лабильных глаголов — лексем, способных выступать как переходные или непереходные без морфологических изменений. Сюда относятся, например, *капать* (*капать лекарство в стакан — с крыши капает вода*), *лить*, *мчать*, *кружить* и некоторые другие. У этих глаголов разная история: в частности, для большинства первично переходное употребление (*катить*, *кружить*, *мчать*, *двинуть* и т. д.), однако есть и небольшая группа других, изначально непереходных, а затем получивших переходное употребление (*капать* / *капнуть*).

В современном русском языке отмечаются случаи, когда непереходное употребление приобретают такие глаголы, от которых ожидать этого было сложно. Ср., например, глагол *показывать*:

- (1) *Теперь остановимся над вопросом, [что делать,] если у вас не **показывают** файлы аудио и видео.* [alvarvas.com/s/nepokazyvaetvideo/]

- (2) Почему не **показывают** фильмы на компе???? если надо дрова² установить, или кодеки, то какие ??? [otvet.mail.ru > Компьютеры, Интернет]

В примерах (1) и (2) употреблены формы множественного числа глагола *показывать*. При этом выраженного Агенса множественного числа в этих предложениях нет. Можно было бы предположить, что мы имеем дело с неопределенно-личной конструкцией, где формы множественного числа третьего лица часто относятся к неопределенному субъекту, не выраженному в предложении:

- (3) *Вот по телевизору **показывают**, как ликует Польша, чье население проголосовало за вступление в Европейское сообщество.* [Виктор Лихачев. Поговорим о политике (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.06.18]
- (4) — *Когда его по телевизору **показывают**, мама всегда меня зовет и говорит, что она с ним в одном классе училась.* [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)]

Однако в этой интерпретации есть явные натяжки. Дело в том, что в примерах, относящихся к телевизионной передаче, употребление множественного числа — и, соответственно, неопределенно-личной конструкции — мотивировано тем, что передачи по телевизору «показывают» неизвестные люди (руководители каналов, составители программ и т. д.), которых, возможно, больше одного. Когда же речь идет о просмотре фильма или клипа на компьютере, никаких лиц, которые ответственны за передачу, уже нет. Вероятно, подлежащим является именно название видеоматериала.

Аналогичным образом, единственным числом глагол *показывать* в новом употреблении маркируется, если речь идет об одном фильме, т. е. и здесь согласование происходит со Стимулом, а не с Агенсом или Инструментом:

- (5) *У меня этот фильм не **показывает**...админ сделай че нибудь.* [www.megalinefilms.kz/?cstart=289&do=lastcomments]

В некотором роде такое появление непереходного употребления противоположно процессу, который подробно описан для разговорного языка (см., например, [Сай 2004]). Речь идет о возникновении у непереходных глаголов окказиональных каузативов, например, *Зря его **ушили**, ценный был работник.* В нашем же случае глагол как раз переходный, а приобретает он окказиональное непереходное употребление.

Появление такой «окказиональной лабильности», как в примерах (1), (2) и (5), вполне объяснимо. Как только из ситуации ‘показывать’

² *Дрова* — в компьютерном жаргоне обозначение драйверов, вспомогательных программ, необходимых для запуска основной программы или оборудования.

исчезает Агенс, модель управления глагола *показывать* становится не-прототипической (она содержит прямое дополнение, но не содержит подлежащего). У носителя языка есть всего два выхода — либо оставить это опущение Агенса без дополнительного маркирования, либо сделать глагол возвратным (и, естественно, непереходным) с помощью постфикса *-ся*. Последняя возможность тоже часто используется (6):

(6) *Почему у меня не **показываются** баннеры?*

Отметим, что глагол *показывать* необычно ведет себя и вне «компьютерных» контекстов. В полном варианте модели управления он трехвалентный (Агенс показывает Экспериенцеру Стимул), как в (7):

(7) *Валентин Петрович **показывает** мне фотографии памятников и отдает честь кораблям-героям.* [Екатерина Боярина. Подъем! (1997) // «Столица», 1997.01.06]

Позиция субъекта может заполняться актантом с семантической ролью Инструмента (*телевизор*) — в этом случае Экспериенцер обычно вообще не выражается:

(8) *В гостиной телевизор **показывает** крупным планом лицо женщины с золотыми рогами.* [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002]

Если же речь идет о способности или неспособности телевизора функционировать, опускаться может и Стимул (передача). Тем самым, в предложении остается только один выраженный актант из трех — Инструмент:

(9) *На первом этаже было очень холодно и телевизор не **показывает**.* [коллективный. Колонии Нижегородской области (20092011)]

Окказиональная лабильность глагола *показывать*, таким образом, в некотором смысле связана с тем, что глагол и в других значениях склонен к варьированию диатезы с выраженными и невыраженными актантами, с различными ролями субъекта.

В то же время, конечно, различие между столь близкими ситуациями — просмотром фильма по телевизору и на компьютере — естественно, не случайны. Телевизионная передача навязывается зрителю извне — программа сформирована, хотя оценивать ее зритель может по-разному. Напротив, при просмотре фильмов и передач на компьютере создается необычная ситуация, при которой зритель и просматриваемое им содержание связаны якобы непосредственно. В действительности, конечно, возможность просмотра зависит от работы компьютера, интернета и пр., однако навязанные извне требования здесь гораздо слабее. В то же время полностью от зрителя содержание не зависит. Поэтому примеры, в которых глагол *показывать* (и подобные ему, см. ниже) употребляются как непереходные, полностью

отражают особенности ситуации: объекты, которые в стандартной («телевизионной») ситуации зрителю именно **показывают**, в данном случае показываются или не показываются сами. Поскольку Агенса нет, место подлежащего занимает прямое дополнение — Стимул.

Варьирование описанного типа затрагивает и некоторые другие предикаты: например, *грузить*:

- (10) *Не **грузят** сайты не в одном браузере.* [www.bolshoyvopros.ru/questions/478296negruzjatsajtypochemu.html]

Наряду с этим возможна и стандартная переходная конструкция:

- (11) *Что делать если браузеры не **грузят** сайты?* [otvet.mail.ru > Компьютеры, Интернет]

Глагол *качать* в своем первом значении, связанном с движением, также часто употребляется как переходный, см. пример (12). В то же время *качать* управляет объектом в творительном падеже, как в (13), если Пациенсом является название части тела (см. [Крысько 2005], [Летучий 2007] о данном типе вариативности):

- (12) *Над вами бездонное небо, звезды, вас **качает** вода, и вы всем существом переживаете это баюкание.* [митрополит Антоний (Блум). О Церкви (1995)]
(13) *А она смотрит на меня и **качает** своей головой.* [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]

Однако подлежащим в обоих употреблениях является Агенс. Напротив, в интернет-значении ('загружать файл') имеется два употребления: переходное с субъектом-Агенсом или Инструментом, как в (14) и (15), и непереходное с субъектом-Пациенсом, как в (16)–(18).

- (14) *Кто быстрее **качает** файлы? Американская компания Pando Networks провела исследование скорости интернета во всех странах мира.* [Григорий Набережнов. Кто быстрее качает файлы? // «Русский репортер», №45 (223), 17 ноября 2011, 2011]
(15) *Так и говорит не хочу ничего больше делать только в инете сидеть, ну иногда песни **качает** картинки...* [Наши дети: Подростки (2004)]
(16) *Не **качают** файлы на опера с телефона, пишет ошибку.* [sprashivalka.com/otvechator/q/24169459]
(17) *У меня че то игра не **качает**?* [<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=193350>]
(18) *А я не смог скачать этот мод поскольку в медиагете файл медленно **качает*** [vk.com/wall6696854_125822?&offset=220]

Еще один глагол, неожиданным образом употребляющийся в некоторых примерах как непереходный, — *открывать*. Пример (19) ниже может создать впечатление, что именительный падеж *почта* — просто результат опечатки:

- (19) *Ребята, а что на самом деле с Гуглом, не поиск не почта не **открывает**, изредка заходит но основном молчит.*

Однако предложение (20) более показательно, поскольку в именительном падеже в нем стоит не только существительное *почта*, но и притяжательное местоимение *моя*:

- (20) *У меня в мобильном агенте моя почта не **открывает**, пишет что не возможно соединится а интернет работает.* [otvet.mail.ru › О проектах Mail.Ru › Агент@Mail.Ru]
- (21) *Забавно так, звоним в ТП, вместе пытаемся скорость проверить, ни одна страница не **открывает**.* [www.drahelas.ru › ...]

Для некоторых глаголов неясно, с непереходным окказиональным употреблением или все же с опущением подлежащего мы имеем дело:

- (22) *А что за антивирус у вас установлен? Что-то много дефектов получает-сяи диск не пишет и флэшка не пишется.*
- (23) *Вот идет копирование, но методом тыка пришлось выбирать маленький отрезок, так как большой файл не пишет на флешку!*

Варьирование переходности и субъекта в интернет-употреблениях, конечно, не случайно. Оно связано с тем, что, во-первых, субъект переходной конструкции в приведенных выше примерах — это компьютер или компьютерная программа: очевидно, что она уже не является Агенсом, а является инструментом; и, во-вторых, этот субъект всегда принадлежит к очень ограниченному классу механизмов и программных средств (компьютер, интернет, браузер, программа, антивирус и т. д.). Поскольку субъект не агентивен и (хотя бы примерно) известен и говорящему, и слушающему — или, в данном случае, пишущему и читающему, — его обозначение опускается. Подлежащую позицию занимает оставшийся актант.

Особый вопрос связан с местом нестандартных моделей управления в речи говорящих. Нельзя исключать, что эти синтаксические построения являются языковой игрой, которая так характерна для интернет-коммуникации и современной коммуникации в целом (см. [Захарова 2006], [Якоба 2012]). Однако усомниться в игровом характере приведенных примеров и подобных им заставляет широта их коммуникативных намерений. Структуры типа *фильм не показывает* встречаются не только в развернутых жалобах, но и в коротких спонтанных репликах, и даже в инструкциях для пользователей:

- (24) *Обязательно качайте это обновление если не **показывают** фильмы.* [https://itunes.apple.com/es/app/filmyonlajn/id608035581?mt=8]

Жанр рекомендации или инструкции не обладает высокой степенью экспрессии и не является удачной «площадкой» для языковых игр (ср., впро-

чем, [Китайгородская, Розанова 2010], где показано, что даже жанр объявлений в маршрутках допускает определенную степень творческой свободы). Тем самым, кажется вероятным, что в примерах такого рода мы имеем дело с окказиональным современным употреблением, но не с языковой игрой³.

В чем же причина перестройки моделей управления и возникновения окказиональных непереходных употреблений? Вероятно, эти процессы связаны с особенностями «компьютерных» ситуаций. Создание файлов, загрузка программ, просмотр фильмов из интернета полностью не зависят от воли пользователя. Однако и другого Агенса в ситуации нет. В некотором смысле сильнее всего ситуация зависит от работы компьютера и связанных с ним механизмов и приложений. Поскольку они не являются Агенсами, для них допустим вывод из позиции подлежащего. В этом случае они получают коммуникативный ранг «Периферия», по классификации Е. В. Падучевой [Падучева 1986] (при этом они становятся косвенными дополнениями, как в *Ни в одном браузере не грузят файлы*), или даже коммуникативный ранг «Ноль» (*Фильм не показывает*). Похожая ситуация наблюдается в случаях типа *Ветер открыл окно* — как правило, для них допустима альтернативная структура типа *Окно открылось от ветра*, где неагентивный каузатор (*ветер*) выведен в позицию косвенного дополнения. Конечно, если в ситуации присутствует Агенси, аналогичные преобразования уже недопустимы (предложение **Окно открылось от Васи* в смысле 'Вася открыл окно' невозможно). Чтобы вывести Агенси из позиции подлежащего, необходима пассивизация.

Различие заключается только в том, что в наших «компьютерных» контекстах это синтаксическое преобразование никак не маркируется. Это заставляет вспомнить о том, что и в разговорном языке, и в сленге, никак не связанном с компьютерной тематикой (см. [Розина 2001]), переходные глаголы часто получают непереходные употребления (например, *Надо отсюда драсть*). Тем самым, возникновение в той или иной мере окказионального непереходного употребления — не специфичное для «компьютерных» контекстов явление, однако класс глаголов, допускающих детранзитивизацию, в этих контекстах существенно расширяется.

Еще одно различие между окказиональной лабильностью в компьютерных контекстах и прочими случаями русской лабильности состоит в семантике непереходного употребления. Обычно русские лабильные глаголы типа *мчать*, *кружить*, *катить*, сленгового *драсть* и т. д. в непереходном употреблении имеют агентивный или близкий к Агенсу субъ-

³ Не менее сложен вопрос об игровой природе окказиональных каузативных употреблений. Так, для глагола *оттаивать* переходные употребления вроде *Мясо нужно оттаивать три часа* явно стали полноценным элементом разговорной речи и не осознаются как игровые. Напротив, переходное употребление глагола *уйти* (*Его ушли с работы*) пока сохраняет игровую сущность — не случайно часто оно ставится пишущими в кавычки.

ект. Например, *катить* употребляется в контекстах типа *Машина катит по дороге*, но не **Мяч катит по дорожке*. Подлежащее — *машина* — конечно, не Агенса, а название транспортного средства, но едет это средство направленно, по заранее установленному маршруту, и этим во многом похоже на агентивных участников. Напротив, в непереходных «компьютерных» употреблении типа *Файлы не грузят*, *Фильм не показывает* субъект может быть Стимулом (как при глаголе показывать) или Пациентом (как при глаголе *грузить*), но никогда не имеет агентивных свойств.

Если выйти за пределы русского языка, описанное немаркированное преобразование заставляет вспомнить об английской *middle construction* (конструкции типа *This book reads easily for Mary* ‘У Мэри эта книга легко читается’). Во-первых, налицо семантическая общность. Конструкции типа *Файл не качает*, *Страница не грузит* в большинстве случаев могут интерпретироваться как модальные со значением (не)возможности (*Файл не получается скачать*, *Страницу не получается загрузить*). Субъект непереходного употребления и в русской, и в английской конструкции не агентивен. Во-вторых, практически все исследователи английской конструкции (назовем хотя бы [Goldberg 1995], [Stroik 1999], [Rapoport 1999] и особенно диссертацию [Marelj 2004]) отмечают ее продуктивность. Ср. пример *The bureaucrats bribe easily* ‘Бюрократы легко подкупаются’ [Marelj 2004: 180] и сходные примеры, показывающие, что в сферу действия *middle construction* может втягиваться очень широкий класс предикатов.

Конечно, масштаб русских окказиональных непереходных употреблений далеко не такой, как у *middle construction*. Однако и здесь конструкция «притягивает» самые разные предикаты, способные употребляться в ситуациях работы с компьютером.

В то же время, ситуация работы с компьютером вовсе не обязательно предполагает существенные синтаксические изменения в исходной конструкции. Во второй части мы рассмотрим случай, когда носители языка используют в тех же целях просто коммуникативное опущение подлежащего.

Конструкции с невыраженным подлежащим ‘компьютер’, ‘интернет’ и др.

Развитие компьютерных технологий ведет и к появлению новых конструкций с невыраженным подлежащим. Как правило, подлежащее интерпретируется как обозначение компьютера или компьютерных технологий (интернета, браузера, какой-нибудь программы и т. д.). Ниже приводятся примеры, найденные при помощи поисковых систем:

- (25) *К сожалению это не так, когда вбиваю прокси то у меня не грузит сайты.* [vk.com/topic3157089_24179574?offset=20] (ср. аналогичное по смыслу не грузят сайты в примере (10), но с перестройкой синтаксической структуры — подлежащим в (10) являются уже сайты).
- (26) *Блин, классно, а у меня пишет, что надо заменить картридж и не печатает(((.* [forum.tradeprint.ru/archive/index.php/t3707p2.html]
- (27) *Люди почему у меня не заходит в origin после сегодняшнего обновления?* [https://battlelog.battlefield.com/bf3/ru/forum/.../2832654625549010014/]
- (28) *Помогите! Не получается фильмы на DVD создать (меню создает, видео создает, а фильм на диск не пишет).* [pchelpforum.ru > Компьютерный форум > Компьютеры > Программы]

Интересным образом, формальная подстановка существительного на место нуля не всегда возможна. В примере (28) неясно, что именно (программу записи дисков, компьютер или что-то еще) имеет в виду пишущий.

Аналогичным образом, в (29) нуль на месте подлежащего может обозначать как компьютер, так и браузер:

- (29) *У меня не заходит вконтакт пишет ошибку.* [virusinfo.info > Форум > Форум на русском языке > Помогите!]

Конструкции с опущением подлежащего и новые непереходные употребления, рассмотренные в предыдущем разделе, могут встречаться в одном и том же предложении. Более того, иногда чисто технически трудно понять, какая из конструкций выступает в примере:

- (30) *У меня в мобильном агенте моя почта не открывает, пишет что не возможно соединится а интернет работает.* [otvet.mail.ru > О проектах Mail.Ru > Агент@Mail.Ru]

Судя по всему, в первой части (*моя почта не открывает*) глагол *открывать* окказионально использован как непереходный. При глаголе *пишет*, напротив, подлежащее (*почта, почтовый клиент*) просто опущено.

Естественным было бы протестировать конструкции на встречаемость в прошедшем времени. Поскольку формы прошедшего времени согласуются с подлежащим не по лицу (а оно в данных контекстах всегда третье) и числу (всегда единственное), а по числу и роду, род мог бы подсказать, какой именно предмет имеется в виду. Однако в действительности все обстоит сложнее. Судя по примерам (31)–(32), в данной конструкции иногда выбирается средний род:

- (31) *Я его перегрузил еще раз и у меня писало что сбой в настройке F1* [forums.overclockers.ru > Тематические форумы > Процессоры]
- (32) *Несколько дней назад у меня не заходило в контакт и однокласснику!* [otvet.mail.ru > Компьютеры, Интернет > Интернет]

Сомнительно, чтобы в примерах (31) и (32) речь действительно шла об устройстве, названном существительным среднего рода. Вероятно, глагол с опущенным подлежащим переосмысливается здесь как безличный — тем самым, средний род в (31) и (32) не согласуется ни с чем, он просто используется «по умолчанию». Впрочем, вариант с согласованием по мужскому роду также частотен:

- (33) *Объясните почему у меня было прервано соединение, а потом у меня писал (компьютер / браузер) что моя запись заблокирована* [www.zzima.com > ... > Теос: Желания Богинитехнические вопросы]

Сравним «компьютерные» контексты типа (25)–(28) с другими контекстами, где могли бы теоретически опускаться названия приборов. В реальности оказывается, что за пределами компьютерных контекстов опущение данного типа не встречается: примеров, аналогичных (34), но без подлежащего *утюг* (например, *У меня не гладит*) не найдено.

- (34) *Утюг не гладит, а просто генерирует огромное количество пара, обжигая при этом руку*: [bt.rozetka.com.ua > Мелкая бытовая техника > Утюги > Philips]

Такое различие вполне объяснимо и связано, конечно, не с разницей между устройством компьютера и устройством утюга. Дело в другом: в наших контекстах, связанных с интернетом и компьютером, человек одновременно пользуется устройством и пишет о нем. И более того, компьютер и, в частности, интернет создают тему и пространство для коммуникации (не только напрямую, при общении на форумах, но и косвенно, поскольку компьютер — крайне сложное устройство, нуждающееся в обсуждении). В этой связи нуль на месте подлежащего легко интерпретируется как обозначение компьютера или связанных с ним явлений и механизмов — пишущий постоянно находится внутри коммуникативного пространства, создаваемого компьютером.

Напротив, утюг, плита, стиральная машина не столь часто становятся темой разговора, и тем более, в отличие от компьютера, не служат средством связи и в этом смысле не создают коммуникативной среды. Соответственно, опущение названий этих механизмов выглядит странно, поскольку их обсуждение не является привычным.

С другой стороны, столь же частое опущение понятного из контекста объекта наблюдается при обсуждении живых существ — маленьких детей и домашних животных. Уход за ними считается сложной ситуацией, требующей обмена опытом и во многом непредсказуемой. Следовательно, разговоры о детях и животных крайне распространены, и актанты типа *ребенок* или *кошка* могут не выражаться:

- (35) *У меня писает на горшок уже давненько*. (‘маленький ребенок’). [www.babyblog.ru/community/post/education/1173553]

- (36) *Не знаю. У меня высказ не **ест**, както давал, больше нечего было, **слизал** желе — и все.* [otvet.mail.ru > Животные, Растения > Домашние животные]

Как мы говорили, компьютер значим для участников интернет-коммуникации — он гораздо более важен, чем предметы типа утюгов. То же самое можно сказать о детях и домашних животных — как правило, человек воспринимает своего маленького ребенка или свою кошку как уникальное существо, и довольно часто говорит о них.

Важно, конечно, что разговоры, из которых взяты наши примеры, часто происходят в специализированных форумах, посвященных компьютерам (или, соответственно, детям и домашним животным). Эта фиксированность темы облегчает опущение соответствующих номинаций.

Нестандартность конструкций типа (25)–(28) не исчерпывается нулем на месте подлежащего. Помимо этого, нестандартным образом способны иногда интерпретироваться рефлексивы. Их антецедентом является пользователь компьютера, не упомянутый в предложении. При этом нестандартная референция возникает в предложениях как с имплицитным субъектом (37), так и с выраженным (38).

- (37) *Если не заходит на **свою** страницу что делать* [otvet.mail.ru > Добро пожаловать]
- (38) *Когда ставишь новую версию ютуба он не входит в **свой** аккаунт* [4pda.ru > 4PDA > Android > AndroidПрошивки > Samsung]

Рефлексив *свой* в (37) и (38) относится, конечно, не к опущенному подлежащему, а к пользователю (= ‘на страницу того, кто пишет этот вопрос’).

Вне компьютерных контекстов русские рефлексивы, в основном, относятся к подлежащему:

- (39) *Полицейский_j, подвел мужчину_j к **своей**_{i,j} машине* (рефлексив может относиться только к подлежащему *полицейский*).

Впрочем, существуют и исключения:

- (40) *Вечером, ложась спать, я снова вспомнил о них и мне вдруг сделалось стыдно за **свои** дневные «тактические занятия».* [В. С. Трубецкой. Записки кирасира (1936/1937)]
- (41) *Как поступить правильно если сейчас у меня в **своей** квартире украли ценную вещь небольшого размера?* [otvet.mail.ru > Юридическая консультация > Уголовное право]

Различие между (41) и контекстами вида (37)–(38) состоит в том, что в примерах типа (41) не из компьютерного языка антецедент местоимения обязательно должен быть выражен — во всяком случае, без этого предложение становится сомнительным:

(42) *Украли ценную вещь в *своей* квартире.

Ср. также другую пару, где предложение с выраженным субъектом грамматически правильно, а при его опущении оно становится малопримемым:

(43) Мне стыдно за *свои* поступки.

(44) ??Стыдно за *свои* поступки.

Отметим, что сходный контроль рефлексива может наблюдаться даже в том случае, когда Пациенс находится в позиции подлежащего, а контролируется из позиции косвенного дополнения:

(45) У меня [косвенное дополнение] *почемуто своя* страница [подлежащее] не открывается [lj.rossia.org/users/shooreeck/91156.html?...]

Для таких случаев контроль местоимения из неподлежащей позиции возможен и вне компьютерных контекстов. Однако тогда употребление *свой* обычно связано с контрастом или эмфазой. Е. А. Лютикова отмечает, что нередко при эмфатическом и контрастном употреблении рефлексивов ограничения на связывания снимаются или смягчаются [Лютикова 2002]:

(46) *Своя* дверь не открывается, уперлась в тонну снега. Вылезли через водительскую, живы! [mimiuri.livejournal.com/4833.html]

Конструкции с опущенным подлежащим и окказиональные непереходные употребления, описанные в первой части статьи, конечно, связаны между собой. Они представляют собой разные точки на одной и той же шкале. Носитель языка стремится в целях экономии усилий избежать упоминания компьютера или связанных с ним программ, потому что они и так активны в сознании говорящих. Наиболее простое решение — просто опустить подлежащее, сохранив структуру конструкции (в частности, согласование с имплицитным актантом). Следующий шаг приводит к синтаксической перестройке — название компьютера или программы выводится из подлежащей позиции, которую занимает другой актант.

Нестандартные конструкции с возвратными глаголами

Еще одним следствием появления компьютерных технологий стали новые конструкции с возвратными глаголами. Речь здесь идет о возвратных конструкциях с модально-пассивным значением.

В русском литературном языке есть две модально-пассивные конструкции: первая образуется от переходных глаголов, и подлежащее исхо-

дного глагола оформляется группой «предлог у + Род.»; вторая возможна для непереходных глаголов, является безличной, а исходное подлежащее маркируется дательным падежом⁴:

(47) *У меня диплом не пишется* (ср. *Я не пишу диплом*, переходный глагол).

(48) *Мне не работается* (ср. *Я не работаю*, непереходный глагол).

В современных текстах, в большинстве своем относящихся к компьютерной тематике, появляется новая, смешанная конструкция. Она образуется от непереходных глаголов, но исходное подлежащее маркируется группой «у + Род.»:

(49) *А у меня не входится в мснх сестры под двумя адресами входится, а у меня под одним не входится.*

[<http://naivnaasvoloch.livejournal.com/152268.html?thread=2705356>]

(50) *Както у меня не переходится по ссылке почему то* [<http://suhovaelena.livejournal.com/80648.html?thread=375560>]

При этом вне компьютерных контекстов маркирование исходного подлежащего конструкцией *у меня* при дериватах от непереходных глаголах обычно не используется. Впрочем, исключения встречаются:

(51) *Когда уже спать, у меня не засыпается, и мне страшно.*

[<http://soinconsistent.livejournal.com/16678.html>]

По всей вероятности, нестандартное оформление исходного подлежащего (*у меня* в (49)–(50)) связано с семантикой «компьютерной» ситуации. Дательное оформление типа *мне не работается* имеет семантику внутренней (не)возможности (см. [Князев 2008], [Градинарова 2011]). Например, *мне не работается* стандартно понимается как ‘в силу своего внутреннего состояния я не могу работать’. Безусловно, существуют и более сложные случаи типа (52):

(52) *При таком шуме мне не работается.*

Однако даже такие контексты предполагают некоторую роль внутреннего состояния экспериенцера: пример (52) означает, что из-за шума внутреннее состояние говорящего таково, что говорящий не может работать.

Компьютерные же контексты, наоборот, совершенно не связаны с особенностями внутреннего состояния говорящего. Их специфика состоит в том, что осуществить некоторое действие (например, войти на веб-страницу) говорящему мешает неправильная работа компьютера или связанных с ним объектов.

⁴ См. работы [Князев 2008], [Князев 2011], [Градинарова 2009], [Летучий в печати] о семантике данных конструкций и противопоставляющих их свойствах.

Тем самым, как указано в [Летучий в печати], случай модально-пассивных конструкций позволяет нам сделать важный вывод, касающийся маркирования исходного подлежащего (Экспериенцера модализованной ситуации). Как оказывается, различие между вариантами выражения с предлогом *у* (*У меня диплом не пишется*) и с дательным падежом (*Мне не пишется*) не исчерпывается переходностью исходного глагола. Разница заключается еще и в том, что за конструкцией с дательным падежом жестко закреплено значение внутренней возможности. Когда оно «не подходит» говорящему (возможность осуществления ситуации зависит не от Экспериенцера, а от компьютера или другого устройства), используется предлог *у*, невзирая на переходность исходного глагола.

Заключение

В данной статье на материале трех конструкций (нестандартных непереходных употреблений глагола, конструкций с опущением подлежащего и возвратных глаголов с модальным значением) было показано, что «компьютерные» контексты специфичны не только по своим лексическим, орфографическим и стилистическим особенностям, но отчасти и по синтаксическим. Первые две части выявляют большую, чем для других контекстов, свободу синтаксических преобразований. В третьей части показано, что для образования модального пассива используется нестандартная конструкция. Она обозначает не внутреннюю (не)возможность совершить действие, а (не)возможность, вызванную внешними условиями — плохим или хорошим функционированием компьютера.

Три выбранных нами для анализа особенности интернет-языка роднит то, что все они связаны с актантной структурой предложения и способами выражения актантов. В то же время все три явления в разной мере воздействуют на актантную структуру. При одном из них (образовании модального пассива) перестройка синтаксической структуры отображается в морфологии, при другом (окказиональных непереходных употреблениях) синтаксическая структура меняется, а морфология глагола остается прежней, при третьем (опущении субъекта) изменения носят чисто коммуникативный характер (опущение актанта при сохранении памяти о нем в синтаксической структуре: например, в большинстве случаев с опущенным актантом согласуется глагол).

Именно поэтому ценно, что в трех разных по сути процессах (морфологической деривации, синтаксическом сдвиге и коммуникативном опущении) одинаково заметны особенности ситуации общения с компьютером и о компьютере. Несомненно, главная из этих особен-

ностей — наличие участника с промежуточной природой, не сводящейся к противопоставлению Агенса и Пациенса, а именно, компьютера или компьютерной программы.

С одной стороны, этот участник не является полноценным Агентом (он не одушевлен, не имеет своей воли и не контролирует ситуацию). Это означает, что его название может быть перемещено в позицию косвенного дополнения или вообще выведено из модели управления глагола. С другой стороны, от его работы во многом зависит возможность для пользователя достичь некоторой цели. С этим связана особая используемая в компьютерных контекстах модально-пассивная конструкция типа *У меня не входится на сайт*. В противоположность стандартной структуре вида *Мне не пишется*, которая обозначает внутреннюю возможность, связанную с состоянием Экспериенцера, конструкция с *у меня* обозначает возможность, связанную с работой устройства.

Рассмотренный материал полезен в двух перспективах. Одна из них — перспектива исследований интернет-языка и, шире, современной разговорной речи. Наши данные еще раз показывают, что язык интернет-коммуникации (и коммуникации *об интернете и компьютере*) отличается от нормативного литературного не только лексически, семантически и орфографически, но и в некоторых аспектах грамматики.

Другая перспектива связана с исследованиями, посвященными переходности и актантной структуре. Особые конструкции и употребления глаголов показывают, что синтаксические процессы неразрывно связаны с семантикой глагола и конструкции (что вроде бы тривиально), а общие семантические параметры, в свою очередь, тесно связаны с конкретной ситуацией, обозначаемой глаголом и конструкцией.

Так, один и тот же глагол *показывать* имеет разные свойства в зависимости от того, идет речь о телевизионной трансляции или о просмотре передачи в интернете. Две этих ситуации, безусловно, не создают двух **значений** глагола *показывать* — подобный подход к выделению значений никогда не оправдал бы себя в силу чрезмерной дробности. Однако различия в наборе свойств участников ситуации влияют на набор возможных синтаксических преобразований. Тем самым, нельзя недооценивать влияние на синтаксис «мелкой» семантики, т. е. различий, слишком несущественных для выделения значений, но постепенно создающих новые конструкции и употребления.

Отметим еще, что наличие вариантов типа *У меня фильмы не показывают* (непереходное употребление) и *У меня фильмы не показывает* (опущение слова типа *компьютер* или *браузер*) дают возможность на современном материале увидеть связь между коммуникативными процессами (опущением актантов) и синтаксическими изменениями (изменением

переходности). Это лишний раз показывает, что синтаксическая структура неотделима от таких коммуникативных параметров, как выделенность актантов и их принадлежность к «старой» или «новой» информации.

Литература

- Гаврилова В. И. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 2003. С. 256–285.
- Градинарова А. А. Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений. *Acta Linguistica* 2009, vol. 3, №2. 49–63.
- Захарова М. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя. 2006. №5.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Князев Ю. П. Пассивные и пассивоподобные возвратные конструкции с глаголами совершенного вида в русском языке // Материалы конференции, посвященной 50-летию Санкт-Петербургской типологической школы. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Князев Ю. П. Русский безличный пассив // Н. Д. Светозарова (отв. ред.). Научные чтения. Материалы конференции. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 116–122.
- Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006.
- Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы. В печати. (Сб. в честь В. С. Храковского.)
- Лютчикова Е. А. Рефлективы и интенсификаторы: Когнитивная типология. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М.: Азбуковник, 2005.
- Сай С. С. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи // Второй международный конгресс русистов-исследователей. Материалы к докладам. М., 2004.
- Якоба И. Языковая игра в интернет-коммуникации. Рукопись / электронная версия: <http://gisap.eu/ru/node/7617>.
- Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Hopper P., S. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. 1980. Vol. 56.2. P. 251–299.
- Marelj M. *Middles and argument structure across languages*. Utrecht University Ph.D. diss. 2004.
- Malchukov A. Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining covariation // L. Kulikov, A. Malchukov, P. De Swart (Ed.). *Case, valency and transitivity*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2006. P. 175–190.
- Næss Å. *Prototypical Transitivity* // *Typological Studies in Language* 72. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2007.
- Rapoport T. R. The English Middle and Agentivity // *Linguistic Inquiry*. 1999. V. 30, №1. P. 147155.
- Stroik Th. *Middles and Reflexivity* // *Linguistic Inquiry*. 1999. V. 30, №1. P. 119–131.
- Tsunoda T. *Remarks on Transitivity* // *Journal of Linguistics*. 1985. Vol. 21. P. 385–396.

Т. И. Резникова

Слог у автора неплох, реально доставляет: о нестандартных семантических переходах в глагольной лексике (по данным интернета)¹

Статья посвящена новым, нестандартным с точки зрения литературного языка, значениям и употреблением глаголов, получившим широкое распространение в интернет-дискурсе (ср. *меня прет эта песня; запарило дома сидеть; не догоняю, что происходит* и под.). Обсуждаются семантические классы, наиболее активно пополняемые средствами семантической деривации, и подробно рассматривается один из таких классов — глаголы, обозначающие положительное или отрицательное отношение субъекта к ситуации. Задаваясь вопросом о причинах «нестандартности» исследуемых значений, мы сопоставляем наши данные с результатами Р. И. Розиной, полученными в ходе исследования сленга, и приходим к выводу, что ее критерии не срабатывают при рассмотрении нашего материала. Источник специфичности этих переходов, по-видимому, следует искать в их отклонении от модели, характерной для метафорических сдвигов.

Ключевые слова: семантический сдвиг, метафора, семантика глагола, глаголы с оценочным значением

Введение

Развитие интернета как нового средства коммуникации привело к существенному увеличению числа людей, участвующих в производстве письменных текстов. При этом основную долю текстов, создаваемых в данной среде, образуют описания собственных впечатлений и переживаний их авторов, а такой жанр по своей природе тяготеет к повышенной экспрессивности и эмоциональной окрашенности. Между тем, гигантские объемы текстов неизбежно

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

приводят к частой повторяемости одних и тех же экспрессивных лексических средств, а их частотность, в свою очередь, — к снижению эмфатической силы (ср. о роли частотности в стирании семантики (bleaching) при грамматикализации в [Norper, Traugott 2003, Bybee 2007]). Эти факторы задают потребность в постоянном пополнении лексического состава в языке интернет-дискурса, т. е. в добавлении новых единиц, которые, в силу своей непривычности для читателя, усиливают экспрессивный эффект высказывания.

В пополнении лексики задействовано два основных механизма:

- появление новых слов, ранее не существовавших в языке (ср., в частности, глаголы, образованные на базе заимствований: *флудить*, *банить*);
- появление новых значений у слов, функционировавших в языке ранее, ср. примеры употребления глаголов *втыкать*, *заржавеет* и *катить*, с одной стороны, из Национального корпуса русского языка (1–3а), а с другой — из интернета (1–3б):

- (1а) *Только потом я узнала, что в Португалии тоже существует коррида, с той лишь разницей, что там не убивают. Борьба идет, но не **втыкают** ишагу. Там нет убийства.* [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)]
- (1б) *Я как-то не **втыкаю**, как можно жить в обществе, но не следовать его нормам.*²
- (2а) *За техникой, как за дитем, надо ухаживать, лелеять ее, протирать, ремонтировать, иначе **заржавеет** — и хлам.* [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002]
- (2б) *Из поста отлично видно, что <...> за мной не **заржавеет** рассказать о людях не самые приятные вещи*³.
- (3а) *То дед везет какие-то веники, то мамаша — детей, а то девушка в невиданных плетеных санках **катит** продукты из магазина.* [Павел Бурмистров. Чухлома // «Русский репортер», № 14 (93), 16–23 апреля, 2009]
- (3б) *Если вы чувствуете, что предложение не **катит** и сделка под угрозой — подумайте над ним еще раз и немного измените*⁴.

Примеры (1–3а) представляют стандартные, фиксируемые в словарях употребления рассматриваемых глаголов, тогда как в (1–3б) отражены их новые значения, часто выступающие в интернет-дискурсе. В том же ряду находится и употребление глагола *доставлять*, вынесенное в название статьи⁵. Такого рода новые значения глаголов и станут предметом настоящего исследования.

Нас будут интересовать семантические сдвиги, в результате которых они появляются. Во-первых, мы рассмотрим, какие зоны особенно часто вы-

² <http://kouzdra.livejournal.com/1344656.html?thread=43122064&>. Этот и все последующие примеры из интернета найдены при помощи поисковой системы blogs.yandex.ru. В примерах сохранена авторская орфография.

³ <http://annasha.66.ru/blog/127647/>

⁴ http://feedproxy.google.com/~r/blogspot/wudaV/~3/6d_LeCDOz7k/blog-post_08.html

⁵ Пример с сайта: <http://forum.searchengines.ru/archive/index.php/t-628255.html>

ступают областью-мишенью для этих сдвигов, т. е. какие семантические поля требуют наиболее разнообразных средств выражения для языка интернета. Во-вторых, речь пойдет о механизме данных сдвигов. Исследуемые значения, очевидно, попадают в категорию сленговых, а сленговые значения, как иногда предполагается (см. [Розина 2005]), образуются в соответствии с особыми — отличными от литературного языка — моделями семантической деривации. Именно в силу этих особенностей сленговые употребления всегда распознаются носителями языка как нестандартные. Мы обсудим, действуют ли эти специфические механизмы при образовании значений в языке интернета.

О некоторых семантических классах производных глагольных значений

Глаголы, функционирующие в языке интернета как результат нестандартных семантических сдвигов, покрывают весьма разнообразный спектр лексических зон, однако некоторые его фрагменты оказываются разработанными особенно подробно. Иными словами, в общем семантическом пространстве обнаруживаются участки, для которых характерны своего рода «лексические сгущения»: эти значения покрываются в языке существенно бóльшим числом глаголов, чем остальные. По-видимому, для данных областей потребность в усилении экспрессивного эффекта и, как следствие, в новых лексических средствах ощущается наиболее остро. В этом смысле такие значения сходны с интенсификацией и оценкой в сфере атрибутивной лексики: эти зоны тоже, как известно, постоянно пополняются новыми единицами — в силу того, что «старые» слова становятся привычными и тем самым утрачивают силу своего эмоционального воздействия⁶ (ср. [Peters 1992, Lorenz 2002]). Вполне предсказуемо, что и в глаголах эффекты такого рода наблюдаются главным образом в семантических зонах, связанных с оценкой. В частности, оценке могут подвергаться речевые высказывания (они описываются как ложные и/или лишённые смысла, ср. *гнуть*, *втирать*, *заливать*, *лепить*, *нести*, *чесать*); оцениваться может способность субъекта к пониманию (ср. *врубаться*, *въезжать*, *догонять*, *сечь* (в), *втыкать*, *вкуривать*, *всасывать*) и т. д.; но в первую очередь здесь следует выделить глаголы, обозначающие

⁶ Для русского языка примерами оценочных атрибутивов, появившихся в последние годы, могут служить прилагательные *зачётный* (ср. *Всё же зачётную фотку Даша сделала. На аватарки так и просится* [<https://twitter.com/SergioGrebenuk/statuses/153878236470841344>]) или *угарный* (ср. *Чтобы рассекать по лужам и грязюке надо иметь немалый запас пофигизма. И ничто так не способствует его пополнению как угарный музон в наушниках!* [<http://mastino-fantlab.livejournal.com/636338.html>]).

общее отношение субъекта к ситуации или объекту — их мы и обсудим подробнее в настоящей статье⁷.

Рассмотрим прежде всего лексемы, выражающие положительную оценку ('очень нравится'): <кто-л.> *тащится/прет* от/с <кого-л./чего-л.> (вариант: <кого-л.> *тащит/прет* от/с <кого-л./чего-л.>, также: <кого-л.> *прет* <кто-л./что-л./делать что-л.>); <кто-л.> *улетает* от/с <кого-л./чего-л.>; <кого-л.> *несет* от/с <кого-л./чего-л.>; <кого-л./кому-л.> *втыкает/вставляет/доставляет* <кто-л./что-л./делать что-л.> (вариант: <от кого-л./от чего-л.>); <кто-л./кого-л.> *торчит* от/с <кого-л./чего-л.>, ср.:

- (4) *перечитала свои ответы на аске. божемой, была бы моя воля, я бы себе сама лайков понаставила!!! ибо меня тащит от себя и моих ответов*⁸
- (5) *оно нереально прекрасно, меня вставляет большие, чем фильмы*⁹
- (6) *Сегодня меня несет от В.С.Высоцкого! Слушайте советских бардов!*¹⁰
- (7) *я прям улетаю с этих духов всё-таки на теле они раскрываются гораздо круче, чем на бумажке*¹¹
- (8) *Как же меня торчит от вальса Хачатуряна. Ох*¹²

Как видно из приведенного списка, при некотором разнообразии исходных таксономических классов (здесь встречаются, в частности, глаголы движения, ср. *улетать*; каузированного перемещения объекта, ср. *нести, тащить, переть*; помещения объекта внутрь другого объекта, ср. *втыкать, вставлять* и некоторые другие), основа, на которой строится семантика положительной оценки, для всех глаголов общая. Отношение субъекта X к объекту или ситуации Y выражается здесь через описание физиологически-эмоционального состояния X—а: имеется в виду, что Y настолько нравится X—у, что приводит его в соответствующее состояние (т. е. настолько нравится, что его *прет/вставляет* и т. д.). Заметим, что некоторые из рассматриваемых глаголов используются для обозначения наркотического опьянения — в этом случае семантика глагола сводится именно к идее определенного внутреннего состояния и не подразумевает оценку объекта или ситуации внешнего мира, ср.:

- (9) *о ужас. что со мной сделали, точнее что вкололи что меня так прет*¹³

Существенно, однако, что в тех контекстах, где при глаголе выражен объект (например: *меня втыкает от песни*), глагол описывает не просто состоя-

⁷ О других семантических классах оценочных глаголов в современном языковом употреблении см. подробнее [Резникова (в печ.)].

⁸ <https://twitter.com/ElizaElizaveta/statuses/407512478830964736>

⁹ <http://pravdoruboklon.diary.ru/p193616192.htm#653081486>

¹⁰ <http://twitter.com/PolinaSergSid/statuses/340354993968271360>

¹¹ <http://twitter.com/nyamochkin/statuses/410102689805004800>

¹² http://twitter.com/lost_universe/statuses/280004648499281920

¹³ <http://twitter.com/vliplayaa/statuses/398759836248059904>

ние, для которого задана причина, а определенную — положительную — оценку. Это означает, что эмоциональное отношение к объекту здесь является не контекстно-зависимым значением глагола, каким оно, возможно, было на этапе становления, а устоявшейся частью его семантики.

Иными словами, семантическую эволюцию глаголов данной группы можно представить себе следующим образом: на первом этапе из глаголов движения, перемещения и т. д. образовались предикаты состояния. Это состояние подразумевало временное психо-физиологическое изменение в человеке и не задавало однозначной оценки этого изменения. При этом при предикатах состояния стало возможно выразить стимул — причину состояния. Постепенно стимул переинтерпретировался как объект оценки, при этом за самой оценкой закрепилось положительное значение.

Чтобы можно было проследить за отдельными этапами этой эволюции, хорошо было бы обнаружить такие предикаты, которые находятся на ее промежуточной стадии. И такими предикатами, по-видимому, являются лексемы <кого-л.> *колбасит* <кто-л./что-л.> (вариант: *от/с* кого-л./чего-л.>), <кого-л.> *плющит* <кто-л./что-л.> (вариант: *от/с* кого-л./чего-л.>), <кого-л.> *таращит* <кто-л./что-л.> (вариант: *от/с* кого-л./чего-л.>). Для удобства дальнейшего изложения назовем этот класс глаголов группой [2], а глаголы положительной оценки — группой [1].

С первого взгляда глаголы групп [1] и [2] кажутся очень похожими, ср.

(10) Меня **тащит** от этой песни¹⁴

(11) Меня **колбасит** от этой песни¹⁵

Однако между двумя группами глаголов имеется и ряд различий. Во-первых, *колбасить*, *плющить* и *таращить* применимы не только к положительным, но и к отрицательным ситуациям.

(12) у меня тоже есть друзья с сигаретой, так они стописят раз спросят моего разрешения на покурить, зная как меня **плющит** от запаха сигарет¹⁶

Во-вторых, различия касаются объектов и ситуаций, которые могут служить стимулом описываемого состояния. Для глаголов группы [1] в позиции стимула выступают, как правило, те сущности, к которым людям естественно выражать свое отношение. По данным блогов, это прежде всего человек: его внешность, особенности состояния и поведения (глаза, голос, запах, слова и т. д.), ср. примеры выше, а также (13–15):

(13) а меня так **прет** запах твоих волос¹⁷

¹⁴ http://vk.com/wall166677846_2091

¹⁵ http://vk.com/wall61017062_2968

¹⁶ <http://postoronnim-w.livejournal.com/113311.html?thread=411039&>

¹⁷ http://vk.com/wall-51032627_1030

- (14) *просто ну вот Вы же такой вроде своеобразный чел да, чего ж Вам не ценно что ли Ваше своеобразие, мне например вообще здорово **доставляет** всякая чудность и человеческая особость окружающая, которую как раз губит и рубит тот капитализм кстати.*¹⁸
- (15) *ты в моем сердце, я **тащусь** от твоих глаз, и красоты, я смотрю на тебя и мне не оторваться*¹⁹

Кроме того, очень часто в качестве стимула фигурируют объекты творческой деятельности человека — прежде всего песни и музыка (см. 8, 10), но также и фильмы или книги (или их авторы), ср.

- (16) *Есть такие фильмы, которые держат в напряжении всё время, и после их просмотра ты тупо смотришь титры, ждешь продолжения, и тебя **втыкает** музыка оттуда, хотя прослушав ее отдельно, ты подумал бы что она отстойна...*²⁰
- (17) *я **торчу** от пелевина! Пока читала его 'граф Т' чуть не умерла от кайфа!*²¹

Позицию стимула может занимать инфинитивная группа — в этом случае речь идет о деятельности, которой любит заниматься субъект:

- (18) ***Доставляет** писать друзьям и девушке перед сном) когда они идут на учебу, а я ложусь спать)*²²

Глаголы группы [2], с одной стороны, повторяют эту сочетаемость, ср.

- (19) *Значит так, походу дело наша ББ втюрилась, опять, снова, как всегда!!! Теперь его зовут Макс, знакомый Рината. Е прямо **плющит** от него и **колбасит**. Хотя только не давно е **плющило** и **колбасило** от Антона, но теперь она вся в Максе.*²³
- (20) *Меня правда сильно **таращит** от песни Шинигами. Это видеть надо.*²⁴
- (21) *Как меня **колбасит** играть концерты в Б2! Жаль только, что не весь концерт, а всего в нескольких песнях поучаствовала. А все равно такой заряд энергии!*²⁵

С другой стороны, этим глаголам свойственна и специфическая сочетаемость, а именно, стимулом для них может выступать внутреннее или внешнее воздействие (ср. повышенное давление, боль, холод и др.), следствием которого является сугубо физиологическое состояние, ср.

- (22) *На улице градуса три, а меня **колбасит** от холода. Что будет зимой?*²⁶

¹⁸ <http://olga-smir.livejournal.com/253263.html?thread=2735695&>

¹⁹ http://vk.com/wall183323703_2288

²⁰ <http://blogs.mail.ru/inbox/baha1995-95/1F6C5FE74C2AA71F.html>

²¹ <http://twitter.com/kabatexehafi/statuses/393835250692157440>

²² http://twitter.com/Me_Guusta/statuses/413060702539366400

²³ http://www.liveinternet.ru/users/lyalya_1/post47350988/

²⁴ https://twitter.com/typikal_ukasha/statuses/280288575352889344

²⁵ <http://sweety-m.livejournal.com/38387.html>

²⁶ <http://twitter.com/fastenbelt/statuses/391574594198732801>

(23) *задолбало моё состояние! таращит от давления уже почти неделю!!*²⁷

В таких случаях глаголы описывают не отношение (положительное или отрицательное) субъекта к боли, давлению и т. д., а неприятное физиологическое состояние, ими вызванное. Наглядно разница между глаголами групп [1] и [2] видна на следующих примерах.

(24) *Не могу пользоваться мазями — очень сильно колбасит от боли при прикосновении к язвам*²⁸

(25) *Моя муза мазохистка, ее прет от боли!*²⁹

В примере (24) речь идет о неприятном физиологическом состоянии, вызванном болью. В (25) в позиции причины тоже выступает 'боль' — существительное, в принципе нехарактерное для глаголов положительной оценки. Однако, как понятно по контексту, семантика *переть* здесь отличается от *колбасить*: имеется в виду весьма специфическое значение — положительное отношение субъекта к боли.

Таким образом, семантика *колбасить* (а также *плющить* и *таращить*) в значительной степени опирается на контекст: от значения соседних лексем зависит, описывает ли глагол только состояние или же к этому добавляется еще и оценка. От общего контекста зависит и знак этой оценки — положительная она или же отрицательная. В случае *переть* (а также *втыкать*, *торчать* и др.) семантика опирается только на формальные свойства контекста: наличие объекта задает значение положительной оценки, его отсутствие — значение состояния. В этом смысле оценка здесь уже закрепились как самостоятельное значение лексемы, тогда как в глаголах группы [2] этого (пока) не произошло.

Итак, важный вывод, который позволяет сделать сопоставительный анализ семантики и сочетаемости двух групп, заключается в том, что в данном случае переход от одного значения (состояния) к другому (оценке) представляет собой постепенный процесс эволюции, и глаголы группы [2] находятся на более раннем его этапе, чем глаголы группы [1]. К этому факту мы еще вернемся в следующем разделе.

До сих пор речь шла о предикатах положительной или контекстно-зависимой (положительной или отрицательной) оценки. Обратимся теперь к глаголам со значением отрицательной оценки. Ядро этого класса, наиболее активно пополняющееся новыми лексическими единицами, образуют глаголы с семантикой 'надоесть', ср. кто-л./что-л. *достает/достал* кого-л. (чем-л./с чем-л./делать что-л.), кто-л./что-л. *заколебал* кого-л.

²⁷ <http://twitter.com/feoktaswermt/statuses/229151032532410368>

²⁸ <http://ningen.diary.ru/p185729514.htm#628307035>

²⁹ https://twitter.com/De_L0n/statuses/394715465995390976

(чем-л./с чем-л./делать что-л.)³⁰, в этих же конструкциях употребляются лексемы *задолбать*, *задрать*, *запарить*:

- (26) *Меня вчера подруга достала со своим "Ну давай погадаем на ночь, перед сном!"*³¹
 (27) *Меня задолбал дождь и я решила пересмотреть старые ноябрьские видяхи со снегом*³².
 (28) *Комментатор, ты запарил говорить быстрее событий матча!!!!*³³

В позиции стимула для всех указанных глаголов может выступать также инфинитивная группа или сентенциальный актанта, ср.:

- (29) *меня задрало просыпаться так поздно. Весь день теряется*³⁴.
 (30) *Заколебало, что меня постоянно преследуют в последнее время: в универе с госами, дома с кредитом, в общаге с бытовухой...*³⁵

Общей основой для семантического перехода здесь служит идея физического воздействия со стороны объекта оценки (стимула) на экспериенцера. В частности, речь может идти о температурном воздействии (*запарить*, ср. в этом ряду сходное значение глагола *допекать*, имеющее более давнюю историю), о воздействии повторяющимися ударами (*задолбать*, ср. сходное, но более старое *добивать*) или о колебательном движении как результате воздействия (*заколебать*).

Итак, по данным интернет-дискурса, в глаголах, как и в атрибутивной лексике, наиболее активно пополняются новыми значениями семантические поля, связанные с выражением оценки. Мы рассмотрели центральный класс оценочных предикатов — глаголы, описывающие общее отношение субъекта к ситуации, — и на этом материале обсудили некоторые свойства производных значений (их зоны-источники, градуальный характер семантических изменений) — эти свойства, как мы покажем в следующем разделе, релевантны для обсуждения механизма нестандартных семантических сдвигов в целом.

Механизм семантических сдвигов

Употребления глаголов в примерах, приведенных выше, большинством носителей русского языка однозначно распознаются как явление раз-

³⁰ О современных употреблениях глагола *заколебать* и истории их появления см. [Плун-
гян, Рахилина 2012].

³¹ <http://twitter.com/Podslushano23/statuses/420953089378910208>

³² <http://twitter.com/Kladnitskaya/statuses/421002238329638912>

³³ <http://twitter.com/Meterling/statuses/380045602429882368>

³⁴ <http://twitter.com/palmanoid/statuses/420177602385825792>

³⁵ <http://twitter.com/WiseOdin/statuses/300783271518806016>

говорной речи, резко выделяющееся на фоне более привычных литературных значений соответствующих лексем. Эту «выделенность» иногда связывают с особыми свойствами семантических процессов в сленге. Так, по данным Р. И. Розиной (см. [Розина 2005]), сленговые значения образуются на основе иных моделей семантической деривации, нежели новые значения в литературном языке. В частности, при образовании литературных значений исходная и производная семантика связаны регулярным отношением, мотивированным концептуальной связью домена-источника и домена-мишени сдвига, — именно поэтому здесь и наблюдаются регулярные модели полисемии. В сленге же переход часто основан на поверхностном сходстве ситуаций, и тем самым сленговые значения не образуют системных отношений с производящими их зонами.

Между тем, материал исследованных нами семантических классов показывает, что, по данным интернет-дискурса, по крайней мере наиболее «богатые» поля заимствуют глаголы из исходных областей в соответствии с определенными, когнитивно объяснимыми моделями. В результате образуются устойчивые междоменные корреляции — подобно тому, как это происходит при «стандартных» семантических сдвигах. Мы наблюдали этот эффект в предыдущем разделе на материале обще-оценочных глаголов, но он проявляется и в других семантических классах. Так, понимание, по нашим данным, ассоциируется с ситуацией физического контакта. Во-первых, это может быть проникновение внутрь объекта (*врубаться*, *втыкать*) или, напротив, попадание субстанции (объекта) внутрь субъекта (*всасывать*, *вкуривать*). Во-вторых, речь может идти о достижении (передвигающегося) объекта (*догонять*, *улавливать*).

Отметим при этом, что неслучайный характер рассмотренных моделей и их когнитивная значимость подтверждаются не только их повторяемостью в разных глагольных лексемах интернет-дискурса, но и их распространением далеко за пределами этого слоя лексики. Так, достижение объекта может осмысляться как понимание в глаголах стандартного литературного языка, ср. употребление лексемы *дойти*:

- (31) *Кто быстрее, кто медленнее доходит до смысла этих слов.* [В. Ф. Панова. Мальчик и девочка (1961)]

Более того, релевантность этой модели прослеживается в диахронической перспективе, ср. глагол *постичь*, образованный от того же корня, что и *достичь*, а также типологически, ср. арабский глагол *ʔadraka*, совмещающий значения 'достигать', 'схватывать' и 'понимать' (см. DatSemShifts).

Таким образом, в отношении когнитивной мотивированности связей между доменом-источником и доменом-мишенью рассматриваемые семантические сдвиги не отличаются от деривационных процессов в литературном языке.

Второй критерий, по которому переходы в сленге, по данным Р. И. Розиной, противостоят стандартным сдвигам значений, касаетсямены таксономического (в терминах автора — тематического) класса глагольных актантов. При образовании литературных значений основное направление этого изменения — от ‘человека’ к ‘не-человеку’ (ср. *Вася быстро бежит* → *Время быстро бежит*, где субъект меняется с одушевленного лица — Вася — на абстрактное понятие — время). Обратное направление сдвига, скорее, является периферийным. Напротив, деривация в сленге осуществляется только по модели ‘не-человек’ → ‘человек’ (ср. *достать дно рукой* → *достать врача вопросами*, где объект меняется с неодушевленного на одушевленный).

Между тем, в нашем материале наряду со сдвигом от ‘не-человека’ к ‘человеку’ засвидетельствованы и переходы в противоположную сторону, ср. *рабочий вставляет стекло в окно* → *эта песня вставляет меня*³⁶, *родители отдыхают на юге* → *любая шуба просто отдыхает по сравнению с этим великолепием*³⁷.

Тем самым и в отношении таксономических классов актантов семантические переходы в нашем материале не обнаруживают существенных отличий от моделей, характерных для литературных значений. И все-таки эти переходы, несомненно, имеют свою специфику: для каждого из них ощущается резкая противопоставленность исходного и производного значений — и именно благодаря этому и создается экспрессивный эффект, которого обычно стремятся добиться авторы в интернет-коммуникации. За счет чего же возникает этот эффект? Можно было бы предположить, что он обусловлен просто новизной таких употреблений. Однако, как кажется, это не так: новизна значения не обязательно провоцирует ощущение его нестандартности и удаленности от исходного.

Рассмотрим в качестве примера глагол *наесться*. В толковых словарях для него отмечается от одного до двух значений (в последнем случае противопоставляются смыслы ‘съесть что-л. в большом количестве’, ср. *наелся персиков*, и ‘полностью утолить чувство голода’, ср. *наевшись, она легла спать*). Таким образом, словари связывают глагол только с процессом поглощения пищи. Между тем, по данным НКРЯ, с конца 1990–х гг. в позиции дополнения в творительном падеже при глаголе *наесться* начинают регулярно выступать существительные, не имеющие отношения к еде, ср.:

- (32) *Фома наелся этих историй в школе и пединституте.* [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)]
- (33) *Он так наелся всей этой окопной правды...* [Егор Гайдар, Альфред Кох. Беседы с Гайдаром. Часть первая. «Я плохой публичный политик», 2007]

³⁶ <http://twitter.com/musakaieva/statuses/328534860643827712>

³⁷ http://vk.com/wall-8999834_25432

Ясно, что в этих примерах *наестся* получает новое значение, не зафиксированное в словарях: имеется в виду получение чего-л. в слишком большом количестве. Несмотря на новизну этого значения, оно не воспринимается как нестандартное или далеко отстоящее от исходного. Напротив, его связь с исходным хорошо видна носителям языка, или — в терминах [Рахилина и др. 2010: 529] — «когнитивно прозрачна».

Итак, сама по себе новизна употреблений не вызывает эффекта нестандартности перехода. Источник этого эффекта, как кажется, следует искать не в новизне, не в отсутствии регулярных связей между исходными и производными значениями и не в направлении сдвига, а в самом механизме семантического перехода.

Вернемся к глаголу *наестся*. В данном случае происходит мена таксономического класса актанта ситуации (еда → абстрактная сущность), и за счет этого переинтерпретируется семантика предиката. Именно эта схема лежит в основе определения одного из базовых типов семантических сдвигов — метафоры — в модели Е. В. Падучевой (см. [Падучева 2004]). Заметим, что переход значения здесь совершается мгновенно: как только актантную позицию занимает существительное, которое не может быть истолковано как 'еда', семантика предиката сразу же претерпевает сдвиг.

На этом фоне особый статус переходов, рассмотренных в настоящей статье, обусловлен тем, что их механизм гораздо сложнее стандартной метафоры. Действительно, уже градуальность мены значения, которую мы наблюдали на примере предикатов положительной оценки, отличает этот тип сдвига от метафорического. Но и сам принцип семантического переноса не укладывается в те формальные процедуры, которыми обычно описывается возникновение метафоры. Так, помещение одного объекта внутрь другого (ср. *втыкать*, *вставлять*) невозможно напрямую сравнить с положительной оценкой ситуации (одна область не «проецируется» на другую, ср. mapping в [Lakoff, Johnson 1980/2004]; эти области «несовместимы» друг с другом в терминах [Fauconnier, Turner 1998]; наконец, вся актантная структура здесь настолько изменяется, что переход нельзя интерпретировать как мену таксономического класса по [Падучева 2004]). Этот пример показывает, что междоменные сдвиги значения не исчерпываются метафорой, а значит, актуальной задачей для теории семантических переходов является построение их новой детальной классификации. Решение этой задачи возможно только на материале больших массивов лексических данных, которые стали доступны лингвистам с появлением корпусов и других интернет-ресурсов.

Семантические переходы, выходящие за рамки метафоры и метонимии, уже рассматривались на материале предикатов боли в [Рахилина и др. 2010, Reznikova et al. 2012]. Данные интернет-дискурса, пред-

ставленные в настоящей статье, свидетельствуют о том, что образование нестандартных значений покрывает различные семантические области и представляет собой чрезвычайно активный и широко распространенный процесс в современном языке — принципы и разновидности этого процесса, его место в языковой системе еще только предстоит изучить.

Литература

- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Колебать и заколебать // Смыслы, тексты и другие захваты-вающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука / Под общ. ред.: Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского, Л. Ваннера, Л. Л. Иомдина, Я. Миличевич, М.-К. Л'Омм, А. Польгера. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 500–508.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Рахилина Е. В. (отв. ред.) Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Резникова Т. И. Семантические сдвиги в глаголах: к построению классификации (в печ.).
- Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М.: Азбуковник, 2005.
- Bybee J. Frequency of Use and the Organization of Language. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- DatSemShifts: Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Rousseau M., Zalizniak Anna. Catalogue of semantic shifts in the languages of the world / электронная версия: <http://semshifts.iling-ran.ru/>
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science 22. 1998. P. 133–187.
- Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge Textbooks in Linguistics. Second Edition. Cambridge, 2003.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980 [в рус. пер.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004].
- Lorenz G. Really Worthwhile or not Really Significant? A Corpus-Based Approach to the Delexicalization and Grammaticalization of Intensifiers in Modern English // Wischer I., Diewald G. (eds.) New Reflections on Grammaticalization. Amsterdam, Philadelphia, 2002. P. 143–162.
- Peters H. English Boosters: Some Synchronic and Diachronic Aspects // Kellermann G., Morrissey M. D. (eds.) Diachrony within Synchrony: Language History and Cognition. Frankfurt, 1992. P. 529–545.
- Reznikova T., Rakhilina E., Bonch-Osmolovskaya A. Towards a typology of pain predicates // Linguistics. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 421–465.

Я. Э. Ахапкина

О грамматике устно-письменного высказывания¹

Рассматриваются ненормативные употребления форм дательного падежа вместо родительного при именах группы «целесообразность», «причина», «фундамент», «принцип», активно функционирующие в интернет-пространстве. Учитывается узкая распространенность таких употреблений в истории языка и в современной речевой практике. Анализируется «футуральная» направленность фрагмента ситуации, кодируемого дательным падежом.

Ключевые слова: грамматика, дательный падеж, перспективное значение, цель, назначение

1. Лингвистический потенциал интернет-коммуникации

Границы между устной и письменной речью в интернет-пространстве проницаемы. Причиной диффузности становится инерция типичного для повседневной практики носителя языка речевого жанра — коммуникации на форуме, в чате, в блоге, в социальной сети и в смс-формате, близком к интернет-коммуникации по основным характеристикам высказывания. При порождении текста, репрезентирующего неофициальный, в представлении автора, тип речи (по выражению Е. А. Земской, в ситуации «непринужденного общения» [2003: 406]), инерция распространяется с диалогической модели на протяженный монологический текст. О специфике такой коммуникации высказывались лингвисты, склонные к рефлексии, направленной на функционирование современного русского языка (М. А. Кронгауз, И. Б. Левонтина, В. И. Беликов, И. А. Стернин, О. И. Северская). Отмечались лексические и грамматические особенно-

¹ В работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

сти русской речи в интернете, фиксировались универсальные языковые тенденции, связанные со сравнительно новым способом организации передачи сообщения. Сравнительно быстро интернет как источник языкового материала оказался привлекателен и для начинающих лингвистов.

Совместными усилиями исследователей были выделены следующие черты речевой продукции, порождаемой в ходе интернет-коммуникации, преимущественно наследуемые от устной разговорной речи (не предполагающей фиксации на письме).

1. Эллиптичность высказывания, редукция и элиминирование его значимых и метатекстовых компонентов; в частном случае — пренебрежение к пунктуации.

2. Маркированная экспрессивность отдельной номинации и высказывания в целом (см. статью А. Д. Плисецкой в этом сборнике); ярко выраженный апологетический, саркастический и/или эпатажный пафос сообщения. Средства маркирования оценочности, интенсификации признака, эмоциональной не-нейтральности могут быть разнообразны: к их числу относится, в частности, ненормированная редупликация гласных (реже — согласных), вопросительных и восклицательных знаков, «смайликов» (эмотиконов — комбинаций графических, часто анимированных символов мимики [Шмаков 2010]), оценочно-характеризующие обращения, обращения-регулятивы, обращения-просьбы.

3. Склонность субъекта речи к языковой игре, основанной на принципах каламбура, парадокса, алогизма, оксюморона, обнажении внутренней формы слова.

4. Обыгрывание фонетических ассоциаций, паронимическая аттракция, народная этимология.

5. Контаминация наивного, практического и профессионального дискурсов (процесс, фиксируемый уже на лексическом и синтаксическом уровнях порождения высказывания) [Дубчак 2010].

К проявлениям специфических черт, обусловленных графической природой передачи сообщения, относят следующие.

1. Использование литуративов (намеренных зачеркиваний, призванных обнажить двойственность интенции пишущего; см. статью М. В. Худяковой в этом сборнике).

2. Употребление эрративов (искажений).

3. Активную аббревиацию (см. статью Ю. М. Кувшинской в этом сборнике).

4. Обыгрывание графических ассоциаций, разработку специфической пунктуации и пиктографии (упоминавшихся эмотиконов).

5. Включение в текст специфических высказываний и символов, не характерных для устной речи: *Zuschreibungs-Turns* — приписывания себе действий, выраженных формой третьего лица глагола или деепри-

частием; акронимов; рисунков текстом; ASCII; сокращенных форм выражения номинации, предикации, целостного высказывания (NickName mw?) [Чернова 2010].

Среди особенностей, не зависящих от формы передачи высказывания, выявлены такие.

1. Словообразовательная активность как в сфере заимствований разной степени адаптированности к языку-реципиенту, так и в сфере образования новых слов по существующим языковым моделям на базе исконного морфемного материала и путем метафорического (реже метонимического) переноса, расширения или сужения исходного значения лексической единицы (см. статьи Б. В. Орехова, П. А. Таратынова в этом сборнике).

2. Продуктивная фразеологизация (в частности, появление и быстрая смена интернет-мемов, см. статью Е. А. Выналек в этом сборнике).

Интернет-пространство неизбежно отражает языковые закономерности, наблюдаемые вне сетевого сообщества. Явления, зародившиеся или активизировавшиеся в устной речи, будь то формирование нового значения у слова или грамматикализация предложения — появление новой конструкции, естественным образом попадают в устно-письменный текст. В свою очередь интернет служит мощным орудием распространения лексического или грамматического неологизма.

Благодаря насыщенности сетевого архива текстами разной жанровой и регистровой природы можно наблюдать активизацию языковых процессов, не всегда заметных при фрагментарном поверхностном наблюдении за живым языком. Не проводя направленного эксперимента (для организации которого уже необходимо понимать, какой именно неологизм исследуется) или регулярных долгосрочных полевых записей (лонгитудов), позволяющих зафиксировать нечто неожиданное, наблюдатель нередко попадает в плен стереотипа, не замечая, что в живой речи происходят достойные внимания специалиста изменения.

2. Ненормативный дательный приименной

В качестве примера изменений грамматической сочетаемости приведем расширение сферы функционирования существительных с элементом семантики свернутой пропозиции, употребленных в дательном падеже при отвлеченных именах (на месте нормативного беспредложного родительного или предложно-падежного сочетания с предлогом «для»): *целесообразность применению, фундамент рассуждению, принцип построению* и даже *препозиция употреблению*. Этот тип управления активно функционирует в современном интернет-пространстве, встречаясь

в текстах разных жанров: в комментариях и записях блогов и социальных сетей, публикациях непрофессиональных переводов и волонтерских рецензий, на сайтах сервисных компаний. Автором текста в этих случаях является наивный носитель, ориентирующийся на неосознанную норму употребления. Интернет отражает внеиртуальные практики использования конструкции и одновременно служит площадкой для распространения образцов модели (расширяется лексическая вариативность ее наполнения и номенклатура допускающих ее употребление типов текстов).

Из рассмотрения мы исключили сюжеты рискованной омонимии генитивных и дативных форм мужского склонения (совпадения форм датива с родительным части или образование родительного на -у по аналогии с украинизированной или диалектной моделью, ср.: Досліджено розвиток принципу екологічної безпеки та проаналізовано особливості його відображення в земельному законодавстві. Исследовано *розвитку* принципу экологической безопасности и проанализировано особенности его отображения в земельном законодательстве). Избыточно аграмматичные примеры с усложненным эрративным контекстом учитывались как фон и специально не анализировались (ср.: По причине того, что *розвитку* принципу доверия друг другу, ни у кого не возникало и мысли о необходимости передачи прав на официальный ресурс в интернете).

В истории русского языка сходная (хотя и не тождественная) грамматическая сочетаемость известна — А. Н. Стеценко приводит примеры из «Повести временных лет», квалифицируя падежное значение как «дательный объекта» (свернутой пропозициональной семантики у имени в дативе в таком употреблении нет, девербатов в них зеркальным, относительно нашей модели, образом оказывается опорным компонентом): **языку** удержанье, **уму** смиренье, **телу** порабоженье, **гневу** погубленье [1972]. Тень базового значения дательного падежа (адресата, бенефицианта) сообщает приименному дательному объекта оттенок целевого или направительного значения, которого лишен функционально синонимичный этому падежному употреблению генитив (семантически близкий атрибуту). Неслучайно все опорные имена в приведенных контекстах отглагольные (образованы от переходных глаголов, нормативно управляющих аккумулятивом): имени процесса естественно присоединять полноценного участника ситуации, актант — в противовес атрибуту.

Рекомендации современных кодифицирующих норму источников этому употреблению противятся. Так, например, для слова «причина» словарь управления Д. Э. Розенталя предлагает такое ограничение употребления: *причина* (причиной) чего, чему — **1.** Чего (при выражении зависимого слова именем существительным). *Причина пожара. Причина заболевания. Причиной отставания в выполнении плана была несвоевременная доставка сырья. 2.* Чему (при выражении зависимого слова ука-

зательным местоимением). *Причиной тому были неожиданно возникшие трудности* [1986, 2002]. Дативное управление (не без оттенка некоторой книжности, архаичности) сохраняется только в конструкции с местоимением (или опорным местоименным компонентом, вводящим изъяснительное придаточное: *причиной тому, что*), зависимое существительное рекомендуется употреблять только в родительном падеже.

Анализ узуса по национальному корпусу показывает, что для отдельных имен, семантически тяготеющих к отвлеченности, управление дательным объектным (формами имен действий и состояний, часто экспрессивно маркированных), противоречащее современным прескриптивным нормам, практиковалось в XVIII–XIX вв. Неместоименный датив, управляемый именем «причина», отмечается в текстах А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Ф. Вельтмана, что позволяет реконструировать семантическую тенденцию употребления конструкции, претендующую на нормативность: (1) Наталья Гавриловна славилась на ассамблеях лучшей танцовщицей, что и было отчасти **причиною проступку Корсакова**, который на другой день приезжал извиняться перед Гаврилою Афанасьевичем... [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)]; (2) Напоминайте им, что обязанность их слишком страшна <...>, что **причина злу всего** есть та, что священники стали нерадиво исполнять свои должности... [Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)]; (3) Жена его, которую она назвала Маланьей, совсем не Маланья, а Матрена; история вышла пасквильная — разошлись; а **причина-то смеху** достойная. [А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. (1848)]. В первом примере очевидно стремление расподобить имя деятеля (генитив *Корсакова*, функционально — атрибут, отвечающий на вопрос: *чей проступок?*) и имя ситуации, действия (датив *проступку*, кодирующий отдельную пропозицию).

Общей семьей дативного употребления становится проспективный характер ситуации (см. [Рахилина 2001]): датив кодирует идею семантической двумерности именного сочетания и подчеркнутой одновременности положений дел. Если генитивное управление «причина проступка» приравнивает зависимый компонент к атрибутивной характеристике главного (пусть и с объектным значением) и кодирует только предшествующую ситуацию (собственно причину, задавая ретроспективный вектор осмыслению высказывания, в котором генитив маркирует только точку отсчета для фокуса сообщения — мотивации события, фиксируемого генитивной формой), то датив повышает статус управляемого: вместо одной категориальной ситуации представлены две последовательные (и дативом кодируется последующая), смысловой акцент распределяется между причиной и следствием, ср. *причина зла* (логический акцент падает на первый компонент) — *причина злу* (распределенный логический

акцент). Существенно, что во всех приведенных контекстах номинация «причина» раскрыта в предшествующей или последующей самостоятельной предикативной части высказывания.

В нехудожественной практике, за пределами изящной словесности, конструкция с дательным отвлеченного имени отмечается в нерядовых естественнонаучных и юридических текстах — у И. М. Сеченова: (4) ...во всех подобных разобранных случаях всегда найдется **причина хотению**, и если они сильнее желания, всегда победа будет на стороне первого [И. М. Сеченов. Рефлексы головного мозга (1863)] — и К. П. Победоносцева: (5) ...какие могут быть действительные, рациональные, внутренние **причины колебанию** нашего *курса*. [К. П. Победоносцев. Письма к Александру III (1881–1889)]. Соответственно, употребление ощущалось пишущими (носителями отнюдь не низовой традиции письменной речи) узально нормативным.

Аналогичные примеры дативной конструкции находим в XX-м веке, у относительно современных авторов: (6) Господи же боже наш! Какая **причина разрушению жизни**? [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 4 (1928–1935)], (7) А от этого стыда до личного участия в казни того, кто **причиной стыду** — рукой подать. [Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт (1978)], (8) А **причина унынию** — отсутствие из Москвы моего письма. [Самуил Алешин. Встречи на грешной земле (2001)], (9) Об этом неоднократно писалось и говорилось по радио и телевидению. **Причин вымиранию** российского *люда* много [Владимир Балачан. Взгляд удава (2003) // «Советская Россия», 2003.05.15], (10) Неизвестно каким образом эти слова стали известны самому Токугава, однако через три года, очевидно, именно они послужили **причиной позору**, навсегда покрывшему темным пятном наш род [Андрей Геласимов. Степные боги (2008)].

Однако плотность рассматриваемого приименного дативного управления, по данным корпуса, сравнительно с нормативным генитивным, невелика (при запросе форм ед. ч. на первую 1000 омонимичных дательному родительных падежей слов 2-го (на *-ия*) и 3-го академического склонений встретилось 10 приведенных выше собственно дательных — форм существительных 1-го академического склонения). Ограничивая запрос м. и ср. родом и одновременно снимая ограничения по числу, получаем 28 употреблений полнозначных существительных на 558 нормативных примеров с зависимым местоименным компонентом (*причиной тому*) — приведенные выше примеры опускаем:

- (11) Посереди говора, шуму и побрякивания оружием раздавались взаимные вопросы и догадки о **причине сбору** [А. Ф. Вельтман (1843)];
- (12) Пускай не ищет он **причины** / Чужим **страстям** и **радостям** своим... [М. Ю. Лермонтов (1839)];

- (13) Вот что было **причиною посольству**: ...посланник Матвеев получил приказание ехать в Голландию... [А. С. Пушкин (1835–1836)];
- (14) ...сие не значит в ней силу, но токмо **причину деяниям** или **желаниям**... [П. С. Батулин (1790)];
- (15) ...но **причин происхождения**, кроме умствований, чувствами понимать не можем... [Я. П. Козельский (1788)];
- (16) ...что **причиною приливу и отливу сей воды?** [Д. И. Фонвизин (1788)];
- (17) Другою **причиною продолжению** римских варварских **обычаев** и **узаконений** было их правление народное... [С. Е. Десницкий (1768)];
- (18) Во второй главе ... положено наблюдение и **причина наблюдению** о первом **полстииши** стиха ямбического гексаметра... [В. К. Тредиаковский (1751–1752)]; (19) **Причина построению** сего Царствующаго **Града** сия есть... [А. И. Богданов (1751)]; (20) **Ольги причина крещению** [В. Н. Татищев (1750)];
- (21) Слабость суда **причина злодеянию** [В. Н. Татищев (1750)];
- (22) ...не твоим повелением или хотением учинилось, ниже ты был **причиною смятению** народному... [В. Н. Татищев (1750)];
- (23) Сие обстоятельное сказание **причины крещению Ольги** во всех манускриптах не изъяснено... [В. Н. Татищев (1750)];
- (24) **Причина удержанию** таковых **известий** есть не меньше властолюбие церковнослужителей... [В. Н. Татищев (1750)];
- (25) ...как к трагедии, то есть **к возбуждению страстей** для любви к добродетели, подали **причину** Эсхилу Гомеровы поэмы «Илиада» и «Одиссея»... [В. К. Тредиаковский (1750)];
- (26) Да не бог оному виновен, но сам преступник **причина наказанию** есть [В. Н. Татищев (1733)];
- (27) ...сии же справки и переписки з другими наибольшую **причиною продолжению переписи** и тягости народу [В. Н. Татищев (1733)];
- (28) ...даст **причину коварству** писать в деревнях или детей солдатских причитать к другим отцам... [В. Н. Татищев (1733)].

По выборке видно, что дательным падежом с объектно-перспективным значением маркированы имена фазы действия: *продолжение переписи (обычаев, узаконений)*, в том числе модально окрашенные (с идеей каузации отношений и состояний) — *возбуждение страстей*; процесса: *наблюдение, происхождение* (последнее с элементом фазовой семантики); событий или действий: *сбор, посольство, наказание*, эмоциональных состояний: *страсти, радости*; качеств (метонимически обозначающих оцениваемый поступок): *зло* (ср. *злодеяние*), *коварство*. Одна из функций датива заключается в падежном расподоблении ролей (в приведенных контекстах за генитивом остается собственно объектная роль в ее вариациях, в том числе фактитивной, а также роль элемента, агенса и под.). На шкалах активности-пассивности, контролируемости-неконтролируемости действия участнику, маркированному дативом, соответствует более высокий ранг, чем маркированному объектным генитивом: *причина (для) кре-*

щения — *причина* (к) *крещению*. Память о целевой семантике датива повышает активный статус события, поскольку цель воспринимается как нечто осознанное и планируемое.

Конструкция может быть вариантом модели с элиминированным «к» (см. 25 пример). Такое употребление подтверждает идею о значимости компонента семантики цели или назначения в употреблении датива.

Приименной датив рассматриваемого типа функционирует в современной речи, о чем свидетельствует выборка из текстов интернет-пространства. Мы исключаем из рассмотрения контексты двойного управления (*дать развитие взглядам, сочинить продолжение рассказу*), в которых выбор датива обусловлен валентностью глагола. В коллекцию включены только конструкции, в которых выбор управляющего компонента сочетания не вызывает сомнения (и этой вершиной оказывается семантически отвлеченное, но не местоименное имя).

Узус демонстрирует, в частности, следующие употребления — по запросам «*причина возникновения*» (*появлению, долголетию, отклонению*) — в качестве зависимых выбраны фазовые имена начинательной семантики, имя протяженности процесса и имя трансформации как отражающие разные аспекты протекания ситуации, кодированной дативом. В выборке доминируют медицинские, психологические, политические и технические контексты, возникшие за пределами профессиональных ресурсов (фиксируется не речь квалифицированных специалистов, а обывательская практика). В контексте «*причина возникновения X-а*» в силу фазовой семантики имени очевидно стремление пишущего расподобить формы со значением свернутой пропозиции (за фазовым дативом следует генитив девербатива, обозначающего ключевое для высказывания состояние дел и играющего семантическую роль фактитива):

- (29) **Вторая причина возникновению дисбактериоза — антибактериальная терапия.** http://deta-life.biz/viewpage.php?page_id=54
- (30) Это <действие спирта на кровь> основная **причина возникновению инсультов и инфарктов.** http://medobaza.ru/alkogol_vredit_zdorovyu/
- (31) **Причина возникновению стресса** понятна: Деми Мур тяжело переживает развод со своим супругом 33-летним Эштоном Катчером. <http://www.evita.ua/health/demi-mur-popala-v-bolnitsu-iz-za-peredozirovki-25012012180500>
- (32) ...все время задаю себе вопрос — какова **причина возникновению гула**... без кардана поездил пару месяцев, потихоньку он (гул) стал появляться... <http://forum.crvelclub.ru/index.php?topic=2773.35;wap2>
- (33) Кстати, скорее всего, **причина возникновению проблемы** — статическое электричество, которое щелкнуло между пальцем и кнопкой пуска. <http://forum.ixbt.com/post.cgi?id=print:4:101062>
- (34) Обратимое поражение почек — наиболее распространенная **причина возникновению** данного *состояния*. <http://www.zdorovayasemya.ru/bolezni/ostraya-pochechnaya-nedostatochnost.htm>

- (35) **Причина возникновению** большинства лесных *пожаров* — грозы и неосторожное обращение людей с огнем... РИА Новости <http://ria.ru/incidents/20030819/421433.htmlid=#ixzz2XVTuUbRu>
- (36) Но **причина возникновению** и перепадку такого *настроения* есть. <http://tipiruem.ru/topic/1158/page/2/>
- (37) Главная **причина возникновению заболевания** — это гены. http://detkam.su/news/autizm_u_rebenka_kak_izbavit_chado_ot_ehtoego_neduga/2012-12-11-10
- (38) В фетвах ученых очевидна мотивация запрета митингов как **причина возникновению беспорядков, жертв**. <http://chernov32.valuehost.ru/forums/index.php?s=b83b0d5d4a96b0dbebd1858a7099b0dc&showtopic=10517&st=0&p=160386&#entry160386>
- (39) В чем **причина возникновению** хронического *тонзиллита*? http://dou.yarono.ru/saghnoe/poleznaya_informaciya/provody_anginy.html
- (40) Очевидно, была **причина возникновению радости** или *грусти* или *возбуждения*. <http://forum.pickup.ru/index.php?showtopic=107735>

В отсутствие вербально выраженного третьего компонента именной группы (при подразумеваемом носителе свойства-состояния или исполнителе действия, условно говоря — «имплицитном генитиве (функциональном атрибуте)» — ср. *человеческому долголетию/долголетию человека* как дополнение к примеру 41, — который естественным образом имеется в виду при употреблении конструкции) тенденция к расподоблению ролей не так очевидна (41, 48):

- (41) ...наличие чистого свежего воздуха **причина долголетию**. http://thaverypold.ucoz.ru/news/prodolzhenie_fizika_8_klass/2010-09-05-95; ср.

Синонимична первой рассмотренной (примеры 29–40) конструкция с фазовым именем «появление», с той разницей, что фиксируется не столько объективное (физическое, материальное) создание (возникновение) реалии, сколько ее обнаружение наблюдателем, обычно — негативно оцениваемое:

- (42) **Причина появлению дефектов** — это песок <http://tuningjournal.ru/outside/208-udalenie-carapin-s-lobovogo-stekla.html>
- (43) Во-вторых, и это не менее важная **причина появлению** этой *редакции* данной «компиляции», незнание Н.П. других, старых и новых хрестоматий и адаптированных текстов... <http://dharma.org.ru/board/topic701.html>
- (44) это не **причина появлению обиды**! <http://drevo.uaportal.com/object/153282>
- (45) Стереотип, о том, что иметь полную фигуру плохо, **причина появлению** многих *комплексов*... <http://www.netatellie.ru/platja-polnye.html>
- (46) Бог — лишь **причина появлению** живущего *разумного человека*, но НЕ **причина появлению неполноценного потомства** у Адама. <http://www.jwforum.ru/viewtopic.php?f=1&t=3299&start=225> (ср. семантически близкий вариант: ...есть вторая эгоистическая **причина рождению**, например, моих *детей* <http://well-wisher-man.ucoz.ua/forum/4-3-1>)

Аналогично функционирует нефазовое имя, обозначающее способ протекания процесса (в примере 47 — отклонение от исполнения генплана).

- (47) ...будет вестись ежегодный мониторинг **исполнения** генплана, а также анализироваться **причины отклонению от него**. <http://www.conon.ru/g/p/291.php?print2=1>

Синонимия конструкций с зависимыми предложным родительным и беспредложным дательным (для *GEN* и *DAT*) подсказывает типологическую естественность замены (ср. литовский дательный цели, переводимый на русский оборотом с *для GEN*).

Обобщенность субъекта при таком употреблении позволяет опустить соответствующий маркер:

- (48) **Причины огорчению** не вижу, ведь это развлечение для мозгов <http://www.stihi.ru/rec.html?2009/12/03/5155>

Финальная ипостась фазовой семантики (окончание процесса, дематериализация субстанции) и близкое ей значение недостачи, дефицита, тесно соседствующие с негативной оценкой (ср. (48)), провоцируют перенесение акцента на второй, дативный, компонент конструкции, независимо от экспликации третьего компонента (зависимого генитива при дативе, называющего экспериенсера, агенса, фактитив и под.):

- (49) ...так пропасть надо уметь, так что думаю что **причина исчезновению** есть. http://forum.ee/u62699/lynxart/?tab=reputation&app_tab=forums&type=received&st=30
- (50) ...новый алгоритм под названием Пингвин. Именно он **причина исчезновению** многих **сайтов**, которые раньше занимали достойные позиции при выдаче <http://co-smo.ru/prodvizhenie-s-pingvinom/>;
- (51) Репликатеры составляют ядерной войне что-то вроде компании как потенциальная **причина вымиранию** <http://litrus.net/book/read/122501?p=52>
- (52) Это они **причина вымиранию** всех островных **старейшин** <http://allsubs.ru/allsubs/card/3970-van-pis-film-tretij.html>

Помимо существительного «причина», ненормативный дательный объектный присоединяют, в частности, такие имена, как «целесообразность» (причем среди контекстов употребления встретились репрезентанты авторитетных жанров: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук; методическая разработка, подготовленная для участия в муниципальной образовательной выставке «Новая школа 2010» в номинации «Лучшее методическое пособие» на тему «Аспектный анализ современного урока в начальной школе»; статья для журнала «Успехи физиологических наук». 2007. Т. 38. №4), «эффективность», «мотивация», «обоснование», «основа», «база», «вероятность»,

«численность», «список» (последний вариант активен уже по данным корпуса — в истории языка: *крестьянам, приходам, работникам, гостям, подаркам*), «подтверждение»...

Общность семантики перспективности с оттенком целенаправленности, назначения сближает контексты «фундамент суждению», «принцип построению», «основа рассуждению», «база умозаключению» и конструкции с опорным словом «причина». Можно усмотреть в тенденции к расширению репертуара присоединяющих «футуральный» датив имен нарративную стратегию, дополнительно грамматически маркирующую последовательность положений дел на временной оси.

Такого рода нарушения прескриптивной нормы обнажают узлы грамматической системы, допускающие вариативность. Эти отступления от стандарта характеризуют так называемую «прогрессивную норму».

3. Характеристики вершинного имени в конструкции с ненормативным дативом

Имя, присоединяющее ненормативный дательный объектный вместо прескриптивного генитива, в некоторой степени отвечает следующим требованиям.

Будучи производным (отадъективным, отглагольным, отыменным), семантически и функционально оно тяготеет к неконкретной, отвлеченной, абстрактной номинации, обладает лексической неполнотой — требует обязательного заполнения объектной валентности.

Кодирует самостоятельную пропозицию, обозначая свернутую ситуацию, следующую во времени за ситуацией, кодированной опорным компонентом сочетания.

Распространено в официально-деловой, научной, публицистической речи, отличается книжной маркированностью (однако стремительно захватывает устные жанры, как это было последние полвека или более свойственно канцеляриту и в новейшее время стало свойственно профессиональному и субкультурному сленгу).

Нормативно управляет объектным генитивом.

Конструкция распространена в профессиональном и квазипрофессиональном языке и корпоративном жаргоне (например, управление дативом в сочетании «вероятность появлению» фиксируется в текстах медиков, математиков, астрологов).

Возможные причины появления датива в функции генитива можно суммировать следующим образом.

А. Омонимия флексий дательного и родительного падежей:

- 1) старости, глупости, легкости (женское склонение с нулевым окончанием);
- 2) аварии, трагедии, лицензии (женское склонение на -ия);
- 3) стыду, позору (мужское склонение с нулевым окончанием со специфическим значением родительного падежа: части, неполноты, большого количества).

Б. Диффузия дательного и родительного падежей в узусе:

- 1) предлоги *благодаря-согласно-вопреки* (нормативно требуют управляемого дательного, частотный речевой сбой демонстрирует употребление родительного);
- 2) прилагательные *характерен-свойствен* узואльно употребляются с меной падежа управляемого компонента: вместо *характерный для* и *свойственный кому* встречаем *характерный кому-чему* и *свойственный для*.

В. Доминирующий современный косвенный падеж — родительный, он вытесняет другие: «В целях дальнейшего **улучшения дела повышения квалификации** обслуживающего **персонала...**». Цели *расподобления цепи родительных падежей (маркированного косвенного) служит ненормативный дательный*.

Г. Падежная синонимия (ролевые значения предназначения, посвящения, широко понятой адресации, бенефактивности):

для + род. = дат., ср. для народа = народу.

Прескриптивно описанная семантика дательного падежа включает значения объекта и назначения. Дательный назначения выражает определительные отношения с оттенком назначения предмета (примеры и семантизация значений Д. Э. Розенталя): Памятник Пушкину. Гимн труду. Мужик сам знает цену хлебу (А. Н. Толстой). Дательный объекта указывает на объект состояния, свойства: Преданность родине. Верность долгу. Понятный каждому. Покорный судьбе. Он... решил как можно скорее доказать верность своему слову (К. Федин). При конкуренции дательного и родительного выделяется следующая закономерность. Распределение управления «кого — кому»:

Пожать руку друга — пожать руку другу, спасти жизнь раненого — спасти жизнь раненому, зайти в тыл противника — зайти в тыл противнику, смотреть в глаза собеседника — смотреть в глаза собеседнику. **В каждой паре в первых сочетаниях форма родительного падежа имеет определительное значение** (рука кого — чья рука, жизнь кого — чья жизнь, тыл кого — чей тыл, глаза кого — чьи глаза), а **во вторых сочетаниях форма дательного падежа имеет объектное значение; указывает на направленность**

действия, что связано с тем, что она зависит не только от предшествующего существительного, а от предшествующего глагольно-именного словосочетания в целом: пожать руку — другу, спасти жизнь — раненому, зайти в тыл — противнику, смотреть в глаза — собеседнику (ср. возможность перестановки обоих существительных: пожать другу руку и т. д.). То же различие (определятельное и объектное) находим между сочетаниями родня кого — родня кому, враг книг — враг книгам (А тот, чахоточный, родня вам, книгам враг... — Грибоедов), слуга кого — слуга кому, отец кого — отец кому (Полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам. — Лермонтов). *Пунктуация и управление в русском языке. Д.Э. Розенталь.*

Расподобление определятельного и объектного значений симптоматично: объектный статус повышает самостоятельность участника ситуации, актуализирует динамику ситуации, фокусирует внимание на отмеченном дативом актанте.

Употребление проспективного датива соответствует нарративной стратегии, согласно которой строится прямая темпоральная структура высказывания: осмысление основания (причины, принципа и под.) события предшествует построению основной называемой ситуации, тогда как при употреблении генитива мотивация мыслится как вторичная по отношению к событию, а наррация, соответственно, — как ретроспективная (реконструирующая причину уже после совершения события). Таким образом, фокусировка стимула и следствия при дативе и генитиве противоположна.

Ненормативное управление в сочетаниях «причина явлению», «целесообразность применению», «мотивация поступку» и подобных, фиксируемое как в истории языка, так и в современном узусе, в том числе — активно в интернет-пространстве, заполняет кодифицированную лауну, и это заполнение мотивировано семантически и формально. Память о значении цели (одним из магистральных для датива), назначения, объекта оправдывает появление управляемого именем датива семантически, а расподобление падежей в синтагматической цепи («доказательство целесообразности применению», «поиск причины явлению», «стимулирование мотивации поступку») служит формальным обоснованием закрепления и распространения ненормативной конструкции.

Литература

Дубачк И. Е. Дискурс досуговых субкультур в интернет-пространстве // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf Дата обращения: 09.09.2013.

Земская Е. А. Разговорный язык // Русский язык : Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2003.

- Рахилина Е. В. Показатели посессивности и их функции в русском языке // Исследования по языкознанию. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 197–207
- Розенталь Д. Э. Управление в русском языке. Словарь-справочник. М., 1986; 2002.
- Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
- Чернова Ю. В. Концепции письменности и устности в чате // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf Дата обращения: 09.09.2013.
- Шмаков А. А. Лингвистические особенности современного общения в интернете (на материале обращений к собеседнику) // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf Дата обращения: 09.09.2013.

И. Б. Иткин, С. И. Переверзева

Конструкции типа *сидеть ногу на ногу*: аграмматизм или формирующаяся норма?

Статья посвящена конструкциям с повтором названия части тела, в которых его первое вхождение вместо обычного И.п. имеет форму В.п.: *сидеть ногу за ногу, жить душу в душу, идти руку к руке* и т. д. Показано, что такие конструкции достаточно широко представлены в языке Интернета; обсуждаются факторы, способствующие их возникновению, время их появления и нормативный статус в современном русском языке.

Ключевые слова: сочетания с повтором, названия частей тела, винительный падеж, частотность, норма.

Эта небольшая заметка посвящена одной особенности синтаксического поведения русских конструкций с повтором вида *сидеть бок о бок, идти ноздря в ноздю, встать плечом к плечу*. Все такие конструкции содержат предикат (иногда выраженный нулем, ср. *Брюсов один ей — бровь в бровь* (М. Цветаева)) и два вхождения названия одной и той же части тела (в широком понимании этого термина, включающем, в частности, лексему *душа*), разделенные предлогом. Важно, что ни одно из этих вхождений не заполняет валентность предиката (ср. сочетания *упереть плечо в плечо* и *прижаться щекой к щеке*, где оба вхождения имен *плечо* и *щека* заполняют валентности соответствующих предикатов).

Русские конструкции с повтором изучались в ряде работ. Так, в статье [Подлесская, Рахилина 2000] и в близком к ней по содержанию разделе «Лицом к лицу» монографии [Рахилина 2000] обсуждаются лексико-семантические ограничения на выбор компонентов сочетаний с повтором. В статье [Testelets 2001] исследуются синтаксические особенности таких единиц, позволяющие считать их идиоматичными (например, невозможность разрыва сочетания вида *спина к спине*, ср. **Они спина стояли к спине*). В диссертации [Переверзева 2013] рассматриваются некоторые морфологические свойства данных сочетаний, в частности, случаи вариативности И.п. и Т.п. первого компонента, ср. *сражаться плечо / плечом к плечу, стоять спина / спиной к спине, столкнуться нос / носом к носу* (ср. [Переверзева 2013а: 24]).

Однако ни в работе [Переверзева 2013], ни в других известных нам исследованиях не отмечалось, что в реальных текстах нередко встречаются

ся примеры сочетаний интересующего нас типа, в которых первый компонент вопреки общим синтаксическим закономерностям употребления падежей в русском языке имеет форму В.п.: *сидеть ногу на ногу, жить душу в душу, идти руку к руке* и т. д. Именно такие сочетания (далее — **конструкции с повтором со «свободным» винительным падежом** (КПСВ)) будут рассматриваться в настоящей статье. Поскольку первый компонент сочетаний с повтором часто встречается в форме И.п., мы вынуждены оставить в стороне многочисленные неоднозначные случаи типа *сидеть колено* (И.п.? В.п.?) *в колено* и ограничиться только такими сочетаниями, в которых формы И.п. и В.п. первого компонента не совпадают. Таким образом, к КПСВ в точном смысле слова относятся только сочетания с существительными женского рода I склонения в единственном числе.

Помимо введения в научный оборот и систематизации примеров, иллюстрирующих употребление рассматриваемых конструкций, мы ставили перед собой задачу выявить факторы, повышающие вероятность появления у того или иного сочетания с повтором варианта с В.п., а также попытаться определить время появления КПСВ и оценить их статус в современном русском языке.

Материалом для нашей работы послужили тексты из сети Интернет, обнаруживаемые поисковой системой Google.

Для того, чтобы материал исследования был обозримым, а результаты, полученные при сравнении разных конструкций, — сопоставимыми, мы ограничились рассмотрением случаев, когда глагол, от которого зависит КПСВ, стоит в форме инфинитива. Заметим, что такое решение является «невыигрышным»: иногда сочетания с другими формами глагола оказываются гораздо более частотными. Так, сочетание *идти ноздрю в ноздрю* встретилось в Интернете всего один раз (см. ниже), тогда как сочетания *идут ноздрю в ноздрю* и *шли ноздрю в ноздрю* — примерно по 6–7 раз каждое¹. Тем самым, есть основания полагать, что степень распространенности КПСВ в языке Интернета заметно выше, чем непосредственно следует из приводимых нами данных.

Примеры употребления КПСВ (по данным Google)

В нижеследующем перечне представлены 6 существительных, которые, как мы предполагаем, встречаются в составе КПСВ чаще других — *нога*,

¹ Все числовые данные здесь и далее приводятся по состоянию на конец ноября — начало декабря 2013 г.

рука, душа, ноздря, лапа и щека. Разумеется, этот перечень неполон, однако можно думать, что ни одна из не вошедших в него КПСВ к настоящему моменту не засвидетельствована в русском Интернете хотя бы двузначное количество раз.

Большинство обнаруженных нами КПСВ представляют собой распространенные сочетания с повтором, в которых И.п. заменен на В.п. (*идти нога в ногу* > *идти ногу в ногу* и т.п.). Во всех таких случаях сначала приводится исходное сочетание с И.п., затем — сочетание с В.п. Для обоих сочетаний указывается число встретившихся примеров; если это число (как для И.п., так и для В.п.) не считалось нами вручную, а было взято с последней страницы выдачи поисковой системы Google, оно заключается в квадратные скобки. Далее приводятся 1–2 иллюстрации употребления формы В.п.

Единичные примеры (такие, как *решить ноздрю в ноздрю* — выражение ^{??}*решить / решать ноздря в ноздрю* не представлено в Интернете и нам неизвестно) приводятся без каких-либо дополнительных уточнений.

При цитировании интернет-источников орфография и пунктуация оригинала сохраняются (за исключением явных опечаток).

НОГА:

***сидеть нога на ногу* [301] ~ *ногу на ногу* [120]:**

Подразумевалось, видимо, что они будут там сидеть ногу на ногу и пить кофе.

У меня сидячая работа, сидеть ногу на ногу люблю, однако варикоза не было и нет, а общий стаж работы уже более 20 лет.

***идти нога в ногу* [410] ~ *ногу в ногу* ≈50:**

Добро пожаловать в группу для девушек, которые хотят идти ногу в ногу со стилем и всегда совершенствоваться.

Считаю, что фильму не обязательно идти ногу в ногу с книгой. Лишь бы хорошо получилось.

***сидеть нога за ногу* [154] ~ *ногу за ногу* ≈30:**

...[Я] вот к примеру слышала, что нельзя сидеть ногу за ногу — но я с трудом себя отучаю от этой привычки (причем люблю и стоять ногу за ногу <...>)...

***идти нога за ногу* [64] ~ *ногу за ногу* 6:**

Море очень близко, 5–7 мин идти ногу за ногу, <н>мера довольно хорошие.

***идти нога об ногу* [30] ~ *ногу об ногу* 1:**

...просто они хотят быть in идти ногу об ногу с модой...

***стоять нога за ногу* 3 ~ *ногу за ногу* 1:**

...[Я] вот к примеру слышала, что нельзя сидеть ногу за ногу — но я с трудом себя отучаю от этой привычки (причем люблю и стоять ногу за ногу <...>)...

РУКА:

идти рука об руку [398] ~ руку об руку ≈30:

...[П]оздравляя читателей с Новым годом, надеемся, что взаимопонимание и читательские пристрастия будут в наступающем году **идти руку об руку**. Да все мужчинам нравится, просто не каждый мужчина готов **идти руку об руку** с той или иной женщиной по жизни.

сражаться рука об руку [120] ~ руку об руку 3:

Ф.П.Глинка изучал Смоленскую битву. Он писал, что смоляне готовы были **сражаться руку об руку** с армией <...>.

бороться рука об руку [74] ~ руку об руку 1:

И она готова была **бороться руку об руку** с ним.

идти рука к руке 11 ~ руку к руке 1:

Желаю **идти руку к руке** по жизни, храня в сердце любовь, терпение и нежность!

ДУША:

жить душа в душу [318] ~ душу в душу ≈40

Если они подходят друг другу и могут **жить душу в душу** — свадьба не заставит себя долго ждать.

Это 30 лет совместной жизни. Вот молодцы.<...> Желаю всем так **жить душу в душу**.

НОЗДРЯ:

идти ноздря в ноздю [200] ~ ноздю в ноздю 1:

...думаю за счет прошлых успехов и громкого и могучего имени Плойка никак не содохнет, и будет как минимум **идти ноздю в ноздю** с Боксиком.

бороться ноздря в ноздю 6 ~ ноздю в ноздю 1:

...[П]росто мы ж не виноваты, что нам приходится **бороться ноздю в ноздю**!

Ср. также единичный пример:

Ведь два задания можно **ноздрю в ноздю** решить.

ЛАПА:

Ср. единичные примеры:

Например, она может защитить свое племя и **бороться лапу об лапу** со своими соплеменниками...

Поэтому ботинки может **снимать** тока **лапу об лапу**...

ЩЕКА:

тереться щека о щеку 2 ~ щеку о щеку 1:

Ну, типа **тереться щеку о щеку**, гулять вместе и прочие милости.

Факторы, повышающие вероятность появления КПСВ

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что практически во всех обнаруженных нами КПСВ (за исключением единичного *идти руку к руке*) второй компонент, как и первый, стоит в форме В.п., то есть имеет место своего рода «падежное согласование». Мы предполагаем, что ***присутствие в составе сочетания с повтором второго компонента в форме В.п.*** — ключевой фактор, способствующий появлению КПСВ.

По-видимому, именно несоблюдением этого условия объясняется отсутствие в Интернете КПСВ, включающих оборот *голову к голове*, — при наличии сочетаний *идти голова к голове* [113], *лежать голова к голове* [36] и *сидеть голова к голове* [20].

Данный фактор, вероятно, является необходимым, но недостаточным — ср. отсутствие сочетания *идти голову в голову* при наличии очень частотного *идти голова в голову* [145]. Впрочем, как показывают следующие примеры: *Предпоследний круг она шла голову в голову с серым жебецом — фаворитом забега, пропустив его вперед лишь на самом финише* (цитата взята из выложенного в Интернете романа О. Романовской «Перстень Мериада»); *Короче, к концу года мы с Лео шли голову в голову, имея в активе по 3 победы*, — отсутствие именно инфинитивной КПСВ с оборотом *голову в голову* может быть и случайным, тогда как КПСВ с оборотом *голову к голове* нам не удалось найти ни с какими глагольными формами.

Как видно из приведенного перечня, наиболее частотным — как в относительном, так и в абсолютном исчислении — из всех обнаруженных нами КПСВ является выражение *сидеть ногу на ногу*. Естественно предположить, что его уникально высокая встречаемость (всего примерно в 3 раза меньше вхождений, чем для обычного сочетания *сидеть нога на ногу*) обусловлена влиянием широко распространенного сочетания *положить ногу на ногу* ([367] вхождений в Интернете), в котором форма В.п. первого компонента обусловлена его зависимостью от переходного глагола *положить*. Таким образом, еще одним фактором, определяющим употребительность той или иной КПСВ, по-видимому, служит ***высокая частотность аналогичных сочетаний с переходным глаголом, управляющим первым компонентом сочетания с повтором***.

Это предположение подтверждают и такие примеры, как *сидеть ногу за ногу* (≈30), *идти ногу за ногу* (6), которые могли появиться под влиянием сочетаний типа *закинуть / заложить ногу за ногу*.

В то же время имеются и примеры достаточно употребительных КПСВ, для которых подобрать соответствующее сочетание с переходным

глаголом, управляющим первой из двух падежных форм, крайне затруднительно, если вообще возможно. Таковы, в частности, единицы *идти ногу в ногу* (≈50), *идти руку об руку* (≈30) и *жить душу в душу* (≈40).

Время возникновения КПСВ

Оценить время возникновения конструкций данного типа сложно: вплоть до самых последних десятилетий они были представлены в любых доступных для изучения текстах на русском языке чрезвычайно скудно. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные свидетельства, как кажется, говорят о том, что рассматриваемое явление имеет достаточно давнюю историю.

Выражение *жить душу в душу* трижды(!) встречается в письмах Екатерины II к Г. А. Потемкину, относящихся к 1775–1776 гг., см. [Переписка...]:

И ведомо пора жить душу в душу. Не мучь меня несносным обхождением, не увидишь холодность.

Теперь, когда всякое слово беда, изволь сличить свои слова и поведение, когда говоришь, чтоб жить душу в душу и не иметь тайных мыслей.

Душу в душу жить я готова. Только бы чистосердечие мое никогда не обратилось мне во вред.

Еще один пример, также достаточно ранний, принадлежит Н. А. Полево-му (это единственная КПСВ, обнаруженная нами в Национальном корпусе русского языка):

«...А я еще помню, как Суздаль бывало не уступал Москве и руку об руку спорил с нею о Великом княжестве...» [Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)].

Нормативный статус КПСВ в современном русском языке

При рассмотрении вопроса о нормативном статусе конструкций с заменой И.п. на В.п. следует прежде всего отметить, что количество обнаруженных нами примеров такой замены совершенно исключает их интерпретацию просто как частотных «предвосхищающих» опечаток. Достаточно сказать, что мы не смогли найти вообще ни одного примера аналогичной «предвосхищающей» опечатки **голове к голове* (с любыми предикатами) и нашли всего 5 или 6 примеров зеркальной к *сидеть ногу на ногу* «повторяющей» опечатки **сидеть нога на нога*. Кроме того, едва ли может быть опечаткой,

скажем, уже приводившийся выше пример ...[Я] *вот к примеру слышала, что нельзя сидеть ногу за ногу — но я с трудом себя отучаю от этой привычки (причем люблю и стоять ногу за ногу <...>)*..., в котором замена именительного падежа винительным представлена дважды, причем при разных глаголах (разумеется, точно так же невозможно считать опiskeй и появление КПСВ в письмах Екатерины II).

Более сложным представляется вопрос о том, можно ли рассматривать КПСВ как результат осознанных или неосознанных сбоев в выборе падежной формы. Разумеется, степень грамотности текстов, содержащих такие конструкции, сильно варьирует и в целом никак не может быть признана образцовой. Существенно, однако, что среди текстов с КПСВ практически нет написанных с характерной для многих интернет-пользователей позиции «языкового вызова», не производят они и впечатления языковой игры. Более того: доля примеров, не демонстрирующих никаких очевидных отступлений от грамматических правил (включая даже орфографические ошибки), среди предложений, содержащих КПСВ, как кажется, не ниже (или ненамного ниже), чем у предложений, в которых представлены соотносительные конструкции с И.п.

Таким образом, можно думать, что, по крайней мере применительно к неформальному письменному языку, одной из разновидностей которого является язык Интернета, наиболее частотные КПСВ — такие, как *сидеть ногу на ногу (ногу за ногу)*, *идти ногу в ногу (руку об руку, ноздрю в ноздрю)*, *жить душу в душу* и, возможно, некоторые другие — представляют собой не опечатки и не случаи аграмматизма, а формирующий-ся вариант нормы.

Литература

- Переверзева С. И. Семиотическая концептуализация тела в русском языке и русской культуре: признак «ориентация». Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Переверзева С. И. Семиотическая концептуализация тела в русском языке и русской культуре: признак «ориентация». Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013а.
- Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791) / Изд. подготовил В. С. Лопатин (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1997. / http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml.
- Подлесская В. И., Рахилина Е. В. «Лицом к лицу» // Логический анализ языка: Язык странства. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 98–107.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Testeleys Ya. Distributive Quantifier Float in Russian and Some Related Constructions // Current Issues in Formal Slavic Linguistics (Linguistik International. Bd. 5). Frankfurt/Main: Peter Lang, 2001. P. 268–279.

Н. А. Зевахина, С. А. Оскольская

Какая-никакая, а Всемирная паутина: конструкции с «редуплицированными» уступительными местоимениями в русском языке¹

Статья посвящена так называемым редуплицированным уступительным местоимениям в русском языке серии *какой-никакой*. Будучи нерегулярными и нечастотными единицами, такие местоимения находятся на периферии разговорного узуса, однако данные сети интернет позволяют сделать некоторые утверждения о характере их функционирования в устно-письменной речи. На материале НКРЯ и Яндекс-блогов анализируются морфологические, синтаксические, конструкционные, лексико-семантические и коммуникативные особенности рассматриваемых местоимений.

Ключевые слова: местоимения, семантика, синтаксис, уступительность, редупликация

Введение

Статья посвящена конструкциям с производными «редуплицированными»² местоимениями серии *вопросительное местоимение+ни-вопросительное местоимение*, а именно: *какой-никакой, как-никак, сколько-нисколько, кто-никто, что-ничто, чей-ничей, где-нигде, куда-никуда, откуда-ниоткуда, когда-никогда, зачем-низачем, почему-ни-*

¹ Работа выполнена в рамках коллективного проекта корпусного описания русской грамматики «Русграм» (<http://rusgram.ru>), и авторы выражают благодарность Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», направление «Развитие корпусной грамматики русского языка», поддерживающей этот проект. Кроме того, в данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Мы заключаем прилагательное *редуплицированный* в кавычки, поскольку в русском языке нет регулярной, продуктивной морфологической редупликации в строгом смысле этого слова, т. е. в таком, который принят в типологической литературе.

почему. Примеры (1) и (2) иллюстрируют употребление двух наиболее употребительных местоимений этой серии *какой-никакой* и *как-никак*.

- (1) Обычно материалы нашей рубрики представляют собой **какое-никакое** интервью. [Л. Захаров. Комсомольская правда, 2007.07.10]
- (2) **Как-никак**, а «Буря» все же был создан и даже совершил один полет. [В. Сурдин. Наука и жизнь, 2006]

За исключением *как-никак*, рассматриваемые местоимения довольно непоследовательно представлены в знакомой нам лингвистической литературе. С одной стороны, в грамматиках русского языка, таких как [Русская Грамматика 1980] и [Русская Корпусная Грамматика], эти местоимения не упоминаются вообще. С другой стороны, имеются работы, где представлен детальный анализ местоимения *как-никак*³, выполненные в рамках лексико-семантического подхода, — это, прежде всего, работы В. Ю. Апресян [Апресян В. 2005, 2006а, 2006б] и Е. В. Урысон [Урысон 2003]. Наконец, в монографии Н. Ю. Шведовой [Шведова 1998], посвященной русским местоимениям, дается краткая информация о рассматриваемых местоимениях, однако лишь в качестве замечания к разделу о неопределенных местоимениях. Таким образом, перед нами сравнительно мало описанное явление, которое мы будем называть «редуплицированными» уступительными местоимениями⁴.

Цель работы состоит в том, чтобы понять, как употребляются эти местоимения. Для достижения цели мы ставим перед собой следующие задачи: во-первых, исследовать степень употребительности этих местоимений в интернете и меру фиксации их в словарях; во-вторых, описать их синтаксические и прагматико-семантические особенности; и в-третьих, по синтаксическим и прагматико-семантическим основаниям сравнить эти местоимения, с одной стороны, с местоимением *никакой*, с другой стороны, с такими «редуплицированными» неопределенными местоимениями, как *кто-кто*, *куда-куда* и др.

³ В. Ю. Апресян называет *как-никак* частицей (см. подробнее [Апресян В. 2005, 2006а, 2006б]), однако вслед за Н. Ю. Шведовой [Шведова 1998] мы называем его и другие единицы этой серии местоимениями.

⁴ Мы относим рассматриваемые местоимения к классу неопределенных местоимений, следуя в этом за Н. Ю. Шведовой. Мы также понимаем, что «редуплицированные» неопределенные местоимения бывают не только описываемого нами вида, но и вида *кто-кто*, *куда-куда*. Поэтому для различения этих двух серий местоимений мы называем местоимения вида *какой-никакой* уступительными, что отражает их семантику.

«Редуплицированные» уступительные местоимения в словарях

Прежде чем перейти к анализу каждого местоимения в отдельности, мы хотели бы рассмотреть степень фиксации исследуемых местоимений в словарях, их значения, стилистическую характеристику и ряд синонимов. Как отмечает Н. Ю. Шведова, такие местоимения принадлежат разговорной речи, и они довольно непоследовательно фиксируются словарями [Шведова 1998: 8]. Действительно, только лексемы *как-никак*, *какой-никакой*, *куда-никуда* и *когда-никогда*, подчеркнутые нами в Таблице 1, зафиксированы в словарях (см. также сноску 3), причем *куда-никуда* является архаичным. «Лидеры» *как-никак* и *какой-никакой* зафиксированы в четырех словарях, в то время как *когда-никогда* — только в трех (не учитывается в словаре Ожегова). Интересно отметить, что в лексико-грамматическом поиске НКРЯ отдельной лексемой считается только местоимение *как-никак*, всплывающее как подсказка при внесении его в соответствующее поле.

Таблица 1: Значения и ряды синонимов для «редуплицированных» уступительных местоимений, фиксируемые в словарях

«Редуплицированные» уступительные местоимения	Словари ⁵	Значения ⁶ и стилистические пометы	Синонимы
1	2	3	4
Как-никак	Словарь синонимов		Все, что ни говорите, при всем том, вместе с тем, как ни говорите, при всем при том, как бы то ни было, что ни говори, ведь, все-таки, тем не менее, опять-таки, во всяком случае, однако, в конце концов, чай, так-таки, все же, как ни говори, все ж таки

⁵ Мы воспользовались интернет-порталом dic.academic.ru, на котором собрано значительное количество словарей русского языка, и учитывали только толковые словари, фразеологические словари, словари синонимов, исключив из рассмотрения орфографические, энциклопедические словари и другие виды словарей.

⁶ Отнесение значений и синонимов к разным столбцам условно: как мы видим, значения часто представлены как синонимы.

1	2	3	4
Как-никак	ТС Ожегова	(разг.) Все-таки, в конце концов, не-смотря ни на что	
	Фразеологический словарь	(разг. экспрес.) 1. Все же, ведь, все-таки 2. Несмотря ни на что, при любых условиях 3. Хоть как-то	
	ТС Ефремовой	(разг.) Как бы то ни было, несмотря ни на что	
Какой-никакой	Словарь синонимов		Какой-нибудь
	ТС Ожегова	(прост.) Хоть какой-нибудь, пусть незначи-тельный, не очень хороший	
	Фразеологический словарь	(прост.) Любой, хоть какой; какой бы то ни был	
	ТС Ефремовой	(разг.) Хоть какой-нибудь, пусть даже не очень хороший или незначительный	
Сколько-нисколько	Нет		
Кто-никто	Нет		
Что-ничто	Нет		
Чей-ничей	Нет		
Где-нигде	Нет		
Куда-никуда	Словарь поговорок	(арх., неодобр.) О чем-л. скверном, никуда не годном	
Откуда-ниоткуда	Нет		
Когда-никогда	Словарь синонимов		Иногда, редко
	ТС Ефремовой	(разг. сниж.) Рано или поздно	
	Фразеологический словарь	(прост. экспрес.) Из-редка, очень редко	
Зачем-низачем	Нет		
Почему-нипочему	Нет		

Таким образом, резонно предположить, что за исключением трех местоимений (если не одного — *как-никак*) «редуплицированные» уступительные местоимения не являются употребительными, что ставит под сомне-

ние тезис Н. Ю. Шведовой о том, что «это обычные в употреблении слова» [Шведова 1998: 8]. Любопытно сравнить наше предположение с мнением Л. А. Синько: такие «местоимения обладают неодинаковой употребительностью. Н. Ю. Шведова в вышеуказанной работе [Шведова 1998 — Н. З., С. О.] перечисляет их, не давая оценки их использования в речи и стремясь представить их полную парадигму. Далеко не все они используются в речи, многие из них существуют только теоретически, а в живом употреблении или не встречаются, или применяются крайне редко» [Синько 2008: 109]. Одна из задач работы заключается в проверке этого утверждения.

Рассмотрим значения местоимений и сопутствующие толкованию стилистические пометы.

Во-первых, мы видим, что фиксируемые в словарях местоимения являются разговорными и даже просторечными. Этот факт во многом определил метод поиска примеров (подробнее см. раздел 1.2).

Во-вторых, согласно Таблице 1, разные словари предлагают разные значения для одного и того же местоимения (ср., например, для *когда-никогда* — ‘изредка, иногда’ и ‘рано или поздно’). Очевидна необходимость уточнения значения таких местоимений, что предполагается сделать с помощью примеров, обнаруженных в интернет-пространстве.

В-третьих, обычно местоимения одной серии выражают близкие значения, во всяком случае один семантический компонент (ср. местоимения серии *-то*: *какой-то*, *сколько-то*, *кто-то*, *что-то*, *где-то*, *куда-то*, *когда-то*, *зачем-то*, *почему-то*, которые в своем семантическом представлении содержат компонент ‘информация неизвестна ни говорящему, ни слушающему’, подробнее см. [Падучева 1985]). «Редуцированные» уступительные местоимения, даже фиксируемые в словарях *как-никак*, *какой-никакой* и *когда-никогда*, как кажется, выражают довольно разные значения. В. Ю. Апресян в работе [Апресян В. 2004] предлагает выделять две лексемы⁷ — *как-никак 1* ‘хотя и не очень хорошо, но лучше, чем никак’ и *как-никак 2* ‘все-таки, все же’⁸, причем первая лексема является устаревшей. Значение уступительности характерно для *как-никак 1*, *какой-никакой* и *когда-никогда*. Для *как-никак 2* значение уступительности не столь четко прослеживается, в отличие от значения причинности. Мы полагаем, что анализ примеров, обнаруженных в интернете, поможет нам лучше понять семантику местоимений этой серии. Однако, без сомнения, можно утверждать, что мы имеем дело с лексически неустойчивым явлением.

⁷ В данной статье мы используем термин лексема для обозначения слова в одном из его значений, следуя таким образом определению лексемы в словаре [Апресян Ю. (рук.) 2004: XXXIII].

⁸ В перечисленных работах (также см. [Апресян В. 2005, 2006а, 2006б]) индексы у лексемы переставлены местами, что связано с главным акцентом работ на *как-никак* в значении ‘все-таки, все же’. В данной работе мы отталкиваемся от *как-никак* в значении ‘не очень хорошо, но у ж лучше, чем ничего’, поэтому именно эта лексема имеет индекс 1.

Неустойчивый статус описываемых местоимений можно показать и на морфологическом уровне. Мы рассмотрим возможность употребления предлогов между единицей *ни*, которая в отрицательных местоимениях является скорее слабоотделимой клитикой, нежели префиксом (см. подробнее [Плунгян 2003: 23, 33]), и второй частью местоименного комплекса (например, *к кому-ни к кому, у кого-ни у кого*) и сравним грамматичность таких морфологических конструктов с отрицательными местоимениями (например, *никто — ни к кому — ни у кого*).

Наконец, с семантико-синтаксической точки зрения, описываемые местоимения довольно регулярно употребляются как в конструкции с союзом *а* (или *но*, что, видимо, является более новым образованием), так и вне этой конструкции. Ниже мы проанализируем и это явление.

Метод и материал исследования

Материалом исследования послужили данные Национального Корпуса Русского Языка (далее НКРЯ, www.ruscorpora.ru), а также блоги (записи, микроблоги, Твиттер, комментарии) и форумы, которые аккумулируются на сайте www.blogs.yandex.ru (далее Блоги). Дело в том, что в НКРЯ было найдено относительно немного интересующих нас примеров (в каждом случае мы указываем сколько именно), практически только на местоимение *как-никак*, что связано, как нам кажется, с принадлежностью рассматриваемых местоимений к разговорному стилю. Поэтому мы воспользовались Блогами как интернет-пространством с достаточно четким жанровым своеобразием, для которого характерен, прежде всего, разговорный язык. Кроме того, по понятным причинам, Блоги в количественном отношении охватывают меньший процент текстов, имеющихся в интернете, чем обычный поиск в системе Яндекс www.yandex.ru, что позволит просмотреть если не все существующие примеры в Блогах, то, по крайней мере, подавляющее их большинство, а следовательно, составить более полную картину о синтаксическом и прагматико-семантическом поведении «редуплицированных» уступительных местоимений в разговорном языке.

«Редуплицированные» уступительные местоимения в интернете

В данном разделе представлены примеры и их анализ для каждого «редуплицированного» уступительного местоимения.

Как-никак

Согласно [Апресян В. 2004], местоимение *как-никак* соответствует двум лексемам: *как-никак 1* и *как-никак 2*. Если *как-никак 1* является устаревшей и выражает значение, близкое к другим местоимениям этой серии, а именно — ‘хотя и не очень хорошо, но лучше, чем никак’, то *как-никак 2* имеет мало связанное с *как-никак 1* толкование: ‘имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Q, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Р; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация Р, потому что имеет место ситуация R; говорящий считает, что кто-то может считать, что R недостаточно, чтобы было R’⁹’ [Апресян В. 2005: 36], см. также [Апресян В. 2004, 2005, 2006а, 2006б].

Подчеркнем, что лексема *как-никак 2* имеет три валентности, причем главная из них, обязательно выражаемая синтаксически, — уступительная причина R. Так, в примере (3) эксплицитно выражены все три валентности, однако обычно валентность Q не выражается, а имплицитно подразумевается, что проиллюстрировано в примере (4), см. подробнее [Апресян В. 2005: 35].

- (3) — *Что это ты вино покупаешь [Р], тебе же нельзя [Q]? — Серебряная свадьба завтра [R], как-никак.* [Апресян В. 2005: 35]
- (4) *Она натягивает на себя зеленое праздничное платье, обувается в сандалии [Р]. Всё-таки как-никак на люди выходит [R].* [Ф. Искандер. Дедушка (1966)], ситуация Q — <Обычно она так не одевается>.

Кроме того, отметим, что лексема *как-никак 2*, в отличие от синонимичных ей лексем причины *потому что, так как, из-за того, что*, выражающих причинное значение в чистом виде, «предполагает, помимо желания объяснить, еще и попытку говорящего как-то оправдать, извинить существующее положение вещей, воспринимаемое адресатом как странное или плохое, без особой уверенности в том, что ему это удастся» [Апресян В. 2005: 35]. Компонент оправдания, извинения является прагматическим и встраивается, как нам кажется, в такой ряд местоимений, приобретающих дополнительное, оценочное значение, как *этот* (в пейоративном значении, ср. *Чёрт с вами, приеду я в этот ваш Кольмар.* [С. Спивакова. Не всё (2002)]), подробно описанный в работах [Иомдин, Бердичевский 2006] и [Киселёва, Татевосов 2010], а также в один ряд с местоимениями серии *кое-* в ироническом значении в обращении к слушающему (например, *Кое-кто* [= слушающий] *сегодня именинник!*).

⁹ Это местоимение имеет синонимы *все-таки 2* и *все же 2*, однако отличается от них по ряду признаков (подробнее см. [Апресян В. 2005] и др.).

Наконец, согласно В. Ю. Апресян, в семантике лексемы *как-никак* 2 заложен еще один дополнительный компонент — это оценка говорящим ситуации-причины R как значительной, причем необязательно положительно оцениваемой говорящим, ср. примеры (5) и (6):

- (5) *В январе сорок первого года я уехал в Ленинград, сдал государственные экзамены, защитил дипломную работу, вернулся в Калинин в хорошем настроении, как-никак инженер-технолог...* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]
- (6) — *Ты мне деньги давай. — Вот в воскресенье продам груши и привезу деньги, — говорит Ванечка и, не слезая с велосипеда, выезжает со двора. Не понравилось мне это. Но что поделаешь, как-никак родственник, хоть и дальний.* [Ф. Искандер. Должники (1968)]

Отметим, что в контрастивной конструкции с союзом *а* или *но* могут употребляться обе лексемы — и *как-никак* 2 (см. (7) и (8), где выделены ситуации P и R), и *как-никак* 1 (см. (9) и (10)). Если в (7) и (8) *как-никак* 2 — вводное слово, то в (9) и (10) *как-никак* 1 является сирконстантом глагольного сказуемого, выраженного во второй части клаузы (после союза). При этом единицу *как-никак* 1, в отличие от *как-никак* 2, можно заменить на сочетание *хоть как-то* без изменения смысла предложения.

- (7) *Так называемым благом была двустволка двенадцатого калибра. Точь-в-точь с такою я ходил на охоту в девятом и десятом классах. Поначалу мама боялась, переживала, а потом даже гордилась [P] — как-никак, а сын ходит на охоту с отцовским ружьем [R].* [В. Слипечук. Зинзивер (2001)]
- (8) *Мы готовы были буквально смести с площадки соперников [P]. Как-никак, но поражение от бельгийцев в предыдущей игре больно ударило по нашему самолюбию [R].* [Д. Сергеев. Известия, 2006.09.08]
- (9) *Грабли и те, и другие, но красные дали землю, и крестьянин рассудил так, что при земле он как-никак, а проживет.* [И. Яковенко. Знание — сила, 2003]
- (10) *Английский язык является международным, и потому большинство из нас как-никак, но всё же способны читать английские тексты, особенно вооружившись переводчиком.*

Какой-никакой

Согласно словарям, упомянутым в Таблице 1, и работе [Апресян В. 2005], значение лексемы *какой-никакой* — ‘хотя и не очень хороший, но уж лучше, чем ничего’ (см. (11)). Это значение соответствует тем немногочисленным примерам, которые были найдены в НКРЯ¹⁰: в основном корпусе всего

¹⁰ Поисковый запрос был следующий: **какой** на расстоянии 1 от **никакой**. Поиск велся без подкорпуса. Поскольку в результате было найдено всего 40 вхождений, подходящие примеры отбирались вручную.

25 примеров, из них 7 с союзом *а*, 18 без союза *а*, 0 с союзом *но*; в газетном корпусе всего 217 примеров, из них с союзом *а* 42, с союзом *но* 20¹¹. Сначала рассмотрим более подробно примеры без союзов (см. также (1)).

- (11) *И деньги **какие-никакие** в фонд перечисляются.* [Труд-7, 2000.08.02]
- (12) *Иванов получал скромные гонорары за стихи. На них можно было разве что съездить на автобусе в соседний Тулон, окунуться в **какую-никакую** городскую жизнь.* [В. Крейд. Звезда, 2003]
- (13) *Тем не менее **какая-никакая** инфраструктура для занятий спортом присутствовала: два футбольных поля и беговая дорожка.* [Е. Шуваев. Советский спорт, 2009.04.21]
- (14) *Губернаторы обладают административным ресурсом и **какой-никакой** поддержкой народных масс.* [А. Попов. РБК Daily, 2004.05.25]

Мы полагаем, что значение местоимения *какой-никакой* в примерах (12)–(14) можно уточнить следующим образом: ‘хотя и не очень хороший, но достаточный для того, чтобы назвать описываемый объект или ситуацию NP’, где NP — именная группа, модифицируемая этим местоимением. Другими словами, описываемый объект (или ситуация) обладает не всеми признаками того объекта (ситуации), который имеет в виду говорящий, однако достаточными для того, чтобы считать его этим объектом (ситуацией). Так, в (12) городская жизнь Тулона удовлетворяет минимальным критериям, чтобы считать ее городской жизнью в том понимании, которое вкладывает говорящий. В (13) два футбольных поля и беговая дорожка являются тем, что можно считать инфраструктурой, хотя, возможно, и не в полной мере. Единица *какой-никакой* может быть заменена на *хоть какой-то*, что сближает ее по значению с рассмотренной единицей *как-никак* 1. Таким образом, первая уступительная часть значений в обоих случаях — ‘не очень хороший’ и ‘не очень хорошо’ — неизменна, а вторая часть, видимо, регулируется контекстом. Как именно это происходит, какие дискурсивные факторы это определяют, мы оставляем за рамками настоящей работы.

Что касается формального выражения, местоимение *какой-никакой*, во-первых, может выступать в различных согласуемых формах и, во-вторых, может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к существительному, с которым оно согласуется (см. примеры (11)–(19)).

Обратимся теперь к употреблению описываемого местоимения в конструкции с союзом *а* или *но*.

- (15) *Вот эту абсолютную безвыходность для того, кто не может поверить (уж от действительности это вовсе не зависит, у неё всё же **какие-***

¹¹ Стоит отметить, что газетный корпус включает в себя исключительно современные тексты начиная с 2000 года.

никакие, а доводы есть; для веры они второстепенны), Лермонтов изобразил первым в нашей и — сопоставляя с Киркегором — западной литературной традиции. [В. Мильдон. Октябрь, 2002]

- (16) *Теперь вроде понимаю: **какая-никакая, а** всё же банковская услуга.* [Столица, 1997.02.17]
- (17) *Если раньше это был совсем подпольный бизнес, то теперь понемногу становится цивилизованнее — появились серьезные агентства, которые подбирают квартиры и с которыми можно заключить **какой-никакой, но** договор.* [Н. Бероева. Комсомольская правда, 2007.03.01]
- (18) ***Какая-никакая, но** трудовая копейка лишней не будет.* [А. Гришаев. Комсомольская правда, 2010.07.28]
- (19) *Нашел компанию, в которой и зарплата побольше, и карьерный рост **какой-никакой, но** есть.* [А. Ильина. Труд-7, 2010.05.11]

Мы видим, что, во-первых, существительное, с которым *какой-никакой* согласуется, может занимать позицию после союза (ср. (15)–(18)), однако это необязательно (ср. (19)); во-вторых, после союза может следовать не только одна именная группа (ср. (16) и (17)), но и глагольное сказуемое (ср. (15) и (18)), более того, оно может быть единственной составляющей после союза (ср. (19))¹². Таким образом, возможны следующие комбинации: *V какой-никакой Conj NP*; *какой-никакой Conj NP V*¹³; *NP какой-никакой Conj V*. Это свидетельствует о том, что именная группа, модифицируемая местоимением *какой-никакой*, тяготеет к реме, «увлекая» за собой и глагол-сказуемое, которое обычно находится в позиции ремы (о рематичности этих местоимений и местоимений вида *кто-кто* см. [Синько 2008: 109]). При этом логично предположить следующую взаимосвязь между этими конструкциями: *V какой-никакой Conj NP* ⇔ *какой-никакой Conj NP V* ⇔ *NP какой-никакой Conj V*. Последний переход столь же интересен, сколь и загадочен. Мы оставляем на будущее эмпирическую проверку этого предположения.

Рассматривая местоимение *какой-никакой*, нельзя не упомянуть об отрицательном местоимении *никакой* в двух следующих нестандартных для него значениях. Во-первых, это местоимение может употребляться без глагольного отрицания, выражая значение ‘негодный, плохой’: *Музыкант я **никакой**; Скульптор я **никакой** и лет сорок этим не занимаюсь* (Шкловский), см. [Русская Грамматика 1980, § 2663]. Во-вторых, оно может употребляться в конструкции с союзом *а*: *Сквозь слезы мать говорила, что он **никакой** не студент и не кандидат профессорский, **а** мальчик, ребенок* (Герман), цит. по [Русская Грамматика

¹² Отметим, что после союза может быть употреблено наречие *все же* или *все-таки*, которое усиливает контрастивность между частями клаузы, разделяемыми союзом.

¹³ К сожалению, мы не нашли пример с порядком *какой-никакой Conj V NP*. Возможно, он существует.

ка 1980, § 2666]. Как нам кажется, семантически и конструкционно два этих употребления местоимения *никакой* родственны употреблению местоимения *какой-никакой*. Возможно даже, что *какой-никакой* приобрело свою семантику и стало употребляться с союзами в том числе и под влиянием местоимения *никакой*. Еще одно местоимение, точнее серия местоимений, также, возможно, оказавшая влияние на семантику и синтаксис *какой-никакой*, — это *кто-кто, куда-куда* и др. (см. (20) и (21)). Помимо того, что они также являются «редуплицированными» неопределенными местоимениями, они употребляются исключительно в конструкции с союзом *а*. Однако в данной работе мы не исследуем эти местоимения, оставляя их анализ на будущее.

- (20) *Конечно же, это было не так: уж кому-кому, а Чехову достаточно было лишь оглядеться кругом, чтобы найти материал для рассказов.* [Наш современник. 2004.07.15]
- (21) — *Ну, я думаю, вы как разведчики уж куда-куда, а в Литфонд проникнуть сумеете.* [В. Войнович. Дело №34840 (1999)]

Сколько-нисколько

Местоимение *сколько-нисколько* не встретилось ни в одном корпусе НКРЯ, поэтому ниже мы рассматриваем примеры, найденные в Блогах. Как и другие местоимения этой серии, *сколько-нисколько* употребляется как в сочетании с союзами *а* или *но*, так и без них. Приведем примеры:

- (22) *Но остановилась, вспомнила, что от тебя раньше никогда ничего подобного не бывало, подумала, что сколько-нисколько я тебя знаю и могу предположить, что у тебя должны быть веские причины на то, чтобы разместить это объявление в сообществе, где отродясь не было ни одного оффтопа.*
- (23) *Кипятильник, опять же, снова работает только на угле — по банальной причине отсутствия тэнов (соседнему вагону повезло больше — сколько-нисколько, а хоть один тэн был).*
- (24) *Закрыли «Русский взгляд», говорят, из-за того, что в этом году Русский марш вообще ожидался «нулевым», а вместо этого сколько-нисколько, но все же народ пришел.*

Сколько-нисколько выражает значение не очень большого количества, однако достаточного для того, чтобы описываемая ситуация имела место. Так, в (22) говорящий знает слушающего какое-то количество времени, достаточное для того, чтобы вынести суждение о его/ее поведении; (23) означает, что был всего один тэн, однако его оказалось достаточно для целого вагона; в (24) народ пришел в небольшом количестве, однако достаточном, чтобы не считать Русский марш нулевым. По значению ме-

стоимение *сколько-нисколько* сравнимо с рассмотренными выше *какой-никакой* и *как-никак* *1* и может быть заменено на *хоть сколько-то*.

Отдельно стоит рассмотреть синтаксис конструкций с местоимением *сколько-нисколько*.

Во-первых, зависимое существительное в Род. п., легко восстанавливаемое из контекста, при нем часто не выражается: *сколько-нисколько* [времени] *я тебя знаю*, ср. также: *Не столько тем, что начала **сколько-нисколько** [денег] зарабатывать, а тем, что теперь есть повод уйти из дома, побыть одной*.

Во-вторых, и что более интересно, в конструкциях с союзами *а* или *но* «зависимое» от *сколько-нисколько* существительное принимает не форму Род. п., как ожидалось бы, а ту падежную форму, которая соответствует его синтаксической роли в клаузе: ***Сколько-нисколько***, *а хоть один тэн* [Им. п.] *был*; ***Сколько-нисколько***, *но все же народ* [Им. п.] *пришел*; ***Сколько-нисколько***, *а медальки* [Им. п.] *собираются*; ***Сколько-нисколько***, *а средней з. п. по нашему городу в 1,5–2* [Вин. п.] *тыс. грн. не обойдешься*. Любопытно, что если «зависимое» легко восстанавливается из контекста, то оно не выражается ни при местоимении, ни в клаузе: *Селифану **сколько-нисколько** [денег — Н. З., С. О.], а платить нужно [деньги — Н. З., С. О.]*. Однако если такое «зависимое» образует с глагольным сказуемым устойчивое выражение, то оно выражается: *Главное — **сколько-нисколько**, но вместе время провели*.

Кто-никто, что-ничто, чей-ничей

Рассмотрим сначала местоимения *кто-никто* и *что-ничто*, а затем обратимся к местоимению *чей-ничей*.

Поскольку ни в одном корпусе НКРЯ не было найдено интересных примеров на эти местоимения, мы искали их исключительно в Блогах. Более того, для словоформ *кто-никто* и *что-ничто* наш поиск ограничивался конструкцией с союзом *а* или *но*. Это объясняется тем, что на запрос «что-ничто» и «кто-никто» система выдает достаточно большое количество этих слов (более 7000 и 5000¹⁴ словоупотреблений соответственно), поэтому просмотреть их все вручную не представлялось возможным. Были найдены немногочисленные примеры, среди которых (25)–(28).

- (25) *Стоит скопипастить какую-нибудь забавную картинку, как **кто-никто**, **но** обязательно ответит*.

¹⁴ На самом деле меньше из-за технических ошибок системы, тем не менее достаточно много, чтобы затруднить поиск примеров вручную.

- (26) *Кто-никто, а пожалеет.*
 (27) *Все-таки, что-ничто, а новое.*
 (28) *С помощью телефона я отыскала свечку, оставшуюся ещё с моего Дня рождения, подожгла и поставила в стакан с гречкой. Что-ничто, а хоть какой-то свет есть. При нем и пила чай.*¹⁵

Как мы видим, местоимения *кто-никто* и *что-ничто* выражают значения 'хоть кто-то, неважно кто' и 'хоть и не очень хороший, но уж лучше, чем ничего'; хоть что-то' соответственно (нельзя не отметить семантическую близость *что-ничто* и *какой-никакой*).

Рассмотрим косвенно-падежные беспредложные формы *кого-никого*, *кому-никому*, *кем-никем* и *чего-ничего*, *чему-ничему*, *чем-ничем*. Засвидетельствуем употребление этих местоимений в конструкциях с союзом *а* или *но* и вне таких конструкций (см. (29)–(38)).

- (29) *Главное же мораль и родить кого-никого.*
 (30) *Скучала, решила пройтись по анкетам, может собеседника найти, может просто почитать, написать кому-никому.*
 (31) *А ещё можно попробовать устроится хоть кем-никем на тв.*
 (32) *Я, между прочим, работаю хоть кем-никем, но промоутером.*
 (33) *Быков бы добавил чего-ничего, но, видимо, буду ждать появления этой работы в сети.*
 (34) *Когда больше всего на свете хочешь валить с работы, где проработал треть жизни и чего-ничего, а добился, <...> — наверно, это и есть кризис среднего возраста?*
 (35) *Стараюсь по силе-возможности понять и даже чему-ничему научиться.*
 (36) *Чему-ничему, а научился у них.*
 (37) *Чем-ничем судью подкупили.*
 (38) *Чем-ничем, но покормлю.*

Теперь обратимся к предложным формам. Как явствует из введения, предложные формы могут быть двух вариантов: либо с повторением предлога после *ни*, либо с его отсутствием. В этой связи мы проверили такие словоформы лексемы *кто-никто*, как *от кого-никого* / *от кого-ни от кого*, *у кого-никого* / *у кого-ни у кого*, *с кем-никем* / *с кем-ни с кем*, *к кому-никому* / *к кому-ни к кому*, *без кого-никого* / *без кого-ни без кого*, *для кого-никого* / *для кого-ни для кого*, *в кого-никого* / *в кого-ни в кого*, *о ком-ником* / *о ком-ни о ком*, *на кого-никого* / *на кого-ни на кого*, *за кого-никого* / *за кого-ни за кого*, *ради кого-никого* / *ради кого-ни ради кого*, и обнаружили, что ни одного перечисленного второго варианта нет в Блогах, в то время как некоторые первые варианты все-таки существуют, а именно: *Хочу к кому-*

¹⁵ Интересно, что после союза имеется уступительное выражение *хоть какой-то* (ср. еще: *Какой-никакой, а хоть какой-то тест для оптики*), отчасти синонимичное единицам *все же* и *все-таки* (см. сноску 9).

никому в работники наняться; *Зознакомишься с кем-ником*; *А может вам кажется, что и нам пора на кого-никого напасть?* [политический контекст — Н.З., С. О.].

Что касается словоформ местоимения *что-ничто*, мы проверили аналогичные конструкции: *к чему-ничему / к чему-ни к чему, во что-ничто / во что-ни во что, о чем-ничем / о чем-ни о чем, на что-ничто / на что-ни на что, для чего-ничего / для чего-ни для чего, без чего-ничего / без чего-ни без чего, с чем-ничем / с чем-ни с чем, от чего-ничего / от чего-ни от чего, у чего-ничего / у чего-ни у чего, ради чего-ничего / ради чего-ни ради чего*. Поиск по Блогам дал похожие результаты: употребляются только первые варианты словоформ, в частности, был засвидетельствован такой пример, как *Готов на что-ничто обменять*.

В целом, безусловно, предложные варианты, как и беспредложные, довольно редки, поэтому словоизменительные ряды пока еще крайне неустойчивы и линейно-синтагматическое свойство отделимости — способность местоимения отделяться от *ни* при помощи предлога (как в случае с отрицательными местоимениями, ср. *никто* — *ни у кого* — *ни с кем*) — не может быть применено к таким конструктам. Местоимения функционируют как единый комплекс: словоформы нельзя «разорвать».

Кроме того, мы хотели бы рассмотреть «неправильные» употребления исследуемых местоимений, которые проиллюстрированы ниже.

- (39) *Вот кого-никого, а Жириновского увидеть на парфюмерно-косметической выставке было совершенно неожиданно.*
- (40) *Никто лучше самих детей не сможет оценить это творение, кому-никому, а им гораздо виднее и ближе.*
- (41) *С кем-ни с кем, а вот с Ваню я больше всех хотел бы пересечься.*
- (42) *У кого-никого, а у вас с Ленкой своих чудес хватает.*
- (43) *От кого-никого, но от тебя я этого не ожидал.*
- (44) *На кого-никого, а на призраков меня еще не тянуло.*

Как кажется, эти местоимения синонимичны «редуплицированным» местоимениям без *ни*, например, *Вот кого-кого, а Жириновского увидеть было неожиданно; кому-кому, а им гораздо виднее и ближе* и т. д. Резонно предположить, что авторы этих (и ряда других) примеров «перепутали» структурно близкие существующие формы местоимения *кто-кто* и *кто-никто*. Эта гипотеза подтверждается еще и тем, что, в отличие от примеров (25)–(38), конструкции с этими местоимениями содержат два актанта: например, *кому-никому* и *им* в (40). Такое «повторение» не свойственно исследуемым местоимениям и действительно является характерной чертой конструкций с «редуплицированными» местоимениями вида *кто-кто*. Кроме того, в конструкциях с «редуплицированными» местоимениями без *ни* перед местоимением может стоять частица *уж*

или *вот*, которая неграмматична в подобных конструкциях с местоимениями с *ни*, ср. (39) и следующие примеры: ?? *Уж кому-никому, а самому В. М. Чёгину должно быть хорошо известно, что выше головы не прыгнешь*; ?? *Уж чему-ничему, а научился у них*. По всей видимости, авторы контаминировали конструкции с союзом *а* и «редуплицированными» местоимениями с *ни* и без *ни*, что вполне объяснимо.

Завершая данный раздел, кратко остановимся на местоимении *чей-ничей*, которое не встретилось ни в НКРЯ, ни в Блогах. Были проверены все падежные формы ед. ч. в трех родах, однако за исключением двух довольно неясных примеров ничего обнаружить не удалось (*чья-ничья* встречается практически только в обсуждении матчей). По всей видимости, это местоимение еще не стало употребительным.

Где-нигде

Согласно Таблице 1, местоимение *где-нигде* не зафиксировано в словарях, однако оно функционирует в языке в двух значениях: ‘где-то, в не очень хорошем месте, но уж лучше, чем нигде; хоть где-то’ и ‘местами’. Соответственно, мы различаем *где-нигде 1* и *где-нигде 2*. Поскольку в НКРЯ встретился только 1 пример, мы приведем примеры из Блогов.

- (45) *Типичной для пляжей Радиогорки, Любимовки, Феолента и Балаклавы стала следующая картина: горы пластика, пищевых отходов, пустой стеклянной тары, из-под которых где-нигде да пробьется чахлая растительность.*
- (46) *Он продолжал свой долгий и нелепый путь то ли по песку, то ли по снегу, то ли по пеплу, среди торчащих где-нигде коряг, сгоревших, казалось бы, многовековых дубов, разрушенных домов и камней, неизвестно откуда появившихся здесь.*
- (47) *Грозовое небо, сине-стального цвета над бескрайним полем почти созревшей пшеницы, в котором где-нигде алеют маки и синют васильки.*
- (48) *Повисла тишина, небо стало темнеть от туч, а на асфальт где-нигде падали невидимые капли.*
- (49) *Вот и здесь в повести и рассказах где-нигде промелькнет какая-то отсылка к тому тяжелому периоду — Великой Отечественной.*
- (50) *Ещё, где-нигде, проскакивают теократические слова и выражения, хотя словарный запас ребят заметно меняется...*

Местоимение *где-нигде 1* употребляется также в конструкции с союзом *а* или *но* (см. (51)–(54), ср. также с *да* в (45)). Отметим, что сказуемое всегда стоит во второй части клаузы, после союза, ср.: ??*Тем паче, что динамизируется где-нигде, а всё-таки сюжет*. Это связано с тем, что во второй части клаузы после союза должна находиться синтаксическая группа, которую модифицирует местоимение. Соответственно, для *где-нигде*

это — глагольная группа, точно так же, как для *какой-никакой* — именная группа (однако см. возможность помещения только одного глагола после союза в примере (19)).

- (51) *Тем паче, что где-нигде, а всё-таки сюжет динамизируется, хоть чаще и ненадолго.*
- (52) *Как правило, хороших людей где-нигде, а встречаешь.*
- (53) *Я уже не предлагаю, чтобы британские театры перестали давать свои репертуарные спектакли «Вишневый сад», «Чайка», «Три сестры», «Мессяц в деревне», «Ревизор» или «Братья Карамазовы» — ведь этим летом их где-нигде, но ставят.*
- (54) *И хотя сегодня в отличие от лермонтовских дней это не самый захудалый городишко, а просто станица Тамань, в которой еще где-нигде, но остались казацкие семьи, хоть и с неярко выраженной самобытностью и говором, который кто-то назвал кубанской балачкой.*

Куда-никуда, откуда-ниоткуда

Рассмотрим сначала местоимение *куда-никуда*, а затем *откуда-ниоткуда*. Местоимение *куда-никуда* встретилось в НКРЯ (основной корпус) всего 5 раз, поэтому мы в основном пользовались материалами Блогов.

- (55) *Он ничуть не упрекал тех прекрасных специалистов, умных людей, кто смотался «за бугор» — в Америку, в Германию, в Австралию, но сам к этому никогда не был готов, сам себе этого не представлял хотя бы краешком сознания. Не мог. Чтобы уехать куда-никуда и там уже не голодать, не ждать нищенскую зарплату по полгода, а то и больше, не перебиваться с хлеба на воду, не мучиться проблемой, у кого бы из знакомых занять, — а жить сегодня, как жил вчера. [С. Залыгин. Новый Мир, 1999]*
- (56) *Лучше бы я сходил куда-никуда отметил свой первый день студента!*
- (57) *То есть достаточно щелкнуть пальцами — и колесо ветряной мельницы закрутится само по себе, без ветра, мука сама по себе «заползет» в мешки и поедет куда-никуда на «Емелиной печке»...*
- (58) *Дело в том, что гипсокартон мне как материал для стен не очень нравится, так как он хрупкий для стен. На потолок еще куда-никуда.*
- (59) *Меня также интересует, не прогнила ли она [монета — Н. З., С. О.] изнутри, поверхность выглядит еще куда-никуда, а вот что внутри — для меня вопрос. Интересует, так как монета довольно редка, тираж всего около 250 тысяч.*

Как мы видим из примеров (55)–(59), это местоимение имеет два значения: первое, буквальное, выражает ‘хоть куда-то; не в самое лучшее место, но уж лучше, чем куда’ и встраивается в ряд других местоимений этой серии (ср. (55)–(57)); второе, переносное, синонимично таким идиомам, как *куда ни шло*, (*еще*) *туда-сюда* (ср. (58)–(59)). Поэтому

по аналогии с *как-никак* разумно различать две лексемы: *куда-никуда 1* и *куда-никуда 2* соответственно. По всей видимости, выделяемое в словах архаичное значение соответствует *куда-никуда 2*.

Кроме того, как и другие местоимения этой серии, *куда-никуда 1* (но, видимо, не *куда-никуда 2*) употребляются в конструкции с союзом *а* или *но*.

(60) *Завтра уезжаю отдыхать... куда-никуда, но всё же на море.*

(61) *Куда-никуда, а вот в музей современного искусства я бы хотел...*

Теперь обратимся к лексеме *откуда-ниоткуда*. Примеры, найденные в Блогах, чересчур редки. Как кажется, эта единица также может иметь два значения. Первое — ‘из любого места, пусть даже самого плохого; хоть откуда-то’ (*откуда-ниоткуда 1*, см. (62а)). В этом случае возможна модификация предложения с помощью противительного союза (ср. 62б). *Откуда-ниоткуда 2* выражает предсказуемое значение ‘непонятно, даже неважно, откуда’, которое родственно идиоме *откуда ни возьмись* (см. (63а)). В этом случае модификация предложения с помощью противительного союза кажется уже недопустимой (ср. 63б).

(62а) *Но только порядочные риэлторы тем и отличаются, что когда происходит затык и сделка расстраивается, они откуда-ниоткуда берут деньги и авансы возвращают.*

(62б) ^{OK}*Но только порядочные риэлторы тем и отличаются, что когда происходит затык и сделка расстраивается, они откуда-ниоткуда, а берут деньги и авансы возвращают.*

(63а) *Вдруг, откуда-ниоткуда взялся конь златогривый, перед царскими детьми остановился, копытом о землю ударил.*

(63б) ^{??}*Вдруг, откуда-ниоткуда, а взялся конь златогривый, перед царскими детьми остановился, копытом о землю ударил.*

Когда-никогда

Согласно Таблице 1, местоимение *когда-никогда* выражает два значения — ‘(очень) редко, изредка, иногда; хоть когда-то’ и ‘рано или поздно’. Соответственно, мы различаем *когда-никогда 1* (см. (66) и (67)) и *когда-никогда 2* (см. (64) и (65)). Как показали данные НКРЯ (7 примеров из основного корпуса, 1 пример из устного) и данные Блогов (всего найдено и проанализировано 32 примера), рассматриваемое местоимение может выражать одно из двух значений. Приведем примеры.

(64) *Теперь уже она не ощущала ни горечи, ни обиды, ни боли душевной. Стало быть, так положено, так оно и должно быть, так повелось: когда-никогда наступает предел всему живому. [Л. Уварова. Библиотека «Огонек», 1990]*

(65) *Когда-никогда придет 2015 год и нас спросят, почему вы не выполняете закон, мы ответим, что определённый закон противоречит Конституции России.*

- (66) Летом таких жалоб все же поменьше. **Когда-никогда** придут с аллергическим ринитом.
- (67) Машину для вырубki приятельница прикупила. Ей она, как воздух, нужна, а мне тоже **когда-никогда** перепадает.

Лексемы *когда-никогда* 1 и *когда-никогда* 2 встречаются и в конструкциях с союзом *а* или *но*, однако в НКРЯ, за исключением 1 примера в устном корпусе, они не встретились, поэтому мы приведем примеры из Блогов (ср. (69) и (71) vs. (68) и (70) соответственно).

- (68) Кредит хоть и долгосрочный, но **когда-никогда**, а отдавать его надо будет обязательно.
- (69) А ещё ведь и спать **когда-никогда**, а надо.
- (70) Ведь **когда-никогда**, но я могу встретиться с Борисом, и уж руки он мне не подаст.
- (71) Детям надо дать образование, а пока растут — сколько раз болеют, нужны лекарства, да и самому **когда-никогда**, но приходится обращаться за медицинской помощью, чаще всего платной.

Интересно также рассмотреть синтаксис этих конструкций. Конструкции «разбивают» предложение на две части, причем во второй части (после союза *а* или *но*) должна находиться глагольная вершина предложения (ср. с *где-нигде*), ср. *А ещё ведь и спать когда-никогда, а надо* vs. ?? *А ещё ведь надо когда-никогда, а спать*; *да и самому когда-никогда, но приходится обращаться за медицинской помощью* vs. ?? *да и самому приходится когда-никогда, но обращаться за медицинской помощью*. Приведем еще примеры: *Крупная война все равно когда-никогда, а начнется*; *Лавочку когда-никогда, а прикрыть придётся*; *Жизнь у меня когда-никогда, а все же наладится*; *И у хирурга когда-никогда, но должна ж быть первая операция*; *Так и знала, что в этой теме когда-никогда, но появится такой комментарий и др.*

Зачем-низачем, почему-нипочему

Эти местоимения не встретились ни в НКРЯ, ни в Блогах. Интересно отметить, что в [Шведова 1998: 151, 155] они приведены, ср.: *Зачем-низачем, а забежит на минутку*; *Почему он обиделся? — Почему-нипочему, а целый день не разговаривает*.

Заключение

«Редуцированные» уступительные местоимения представляют собой довольно неустойчивое явление в семантическом, в синтаксическом и в морфологическом отношении.

С семантической точки зрения, лексемы *какой-никакой*, *кто-никто*, *что-ничто*, *сколько-нисколько*, *как-никак 1*, *куда-никуда 1*, *откуда-ниоткуда 1*, *где-нигде 1*, *когда-никогда 1* выражают невысокую оценку качества объекта или явления, однако само наличие этого объекта или явления оценивается выше, чем его возможное отсутствие. Они могут быть заменены на выражения типа *хоть X-то*, где X — вопросительное слово, на базе которого построена «редуплицированная» единица. При этом *как-никак 2*, *куда-никуда 2*, *когда-никогда 2*, *откуда-ниоткуда 2*, *где-нигде 2* выражают собственные, идиосинкратические значения.

С синтаксической точки зрения, в конструкциях с союзом *а* или *но* в случае с *какой-никакой* имеет место согласование между местоимением и существительным, в то время как в случае со *сколько-нисколько* управление между местоимением и существительным оказывается нарушенным (существительное зависит от глагольного сказуемого). Кроме того, во второй части клаузы — после союза — находится глагольное сказуемое, причем в случае с адвербиальными сирконстантами (*где-нигде*, *когда-никогда*) это предсказуемо: позицию ремы занимает синтаксически главное слово, к которому примыкают сирконстанты. Интересен тот факт, что и в случае *какой-никакой* глагольное сказуемое «притягивается» к позиции контрастной ремы и таким образом появляется во второй части клаузы после союза, иногда даже без существительного, с которым согласуется это местоимение. Любопытен также случай с *кто-никто* и *что-ничто*. Предложения с этими местоимениями могут содержать во второй части клаузы после союза как существительное (и в таком случае эти местоимения являются «синонимами» *какой-никакой*), так и только глагольное сказуемое (и в этом случае они выполняют соответствующие актантные роли).

С морфологической точки зрения, косвенно-падежные предложные формы лексем *кто-никто* и *что-ничто* не допускают повторения предлога между *ни* и «редуплицированной» частью местоимения, в отличие от отрицательных местоимений.

В целом, будучи семантически и синтаксически родственными особым употреблением местоимения *никакой* и «редуплицированным» местоимениям вида *кто-кто*, *куда-куда*, местоимения вида *какой-никакой* находятся на периферии даже разговорного узуса, что подтверждает их низкая частотность в интернете.

Литература

- Апресян В. Ю. Синонимический ряд *как-никак 1* для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка под руководством Ю. Д. Апресяна. М., 2004.
- Апресян В. Ю. Трехвалентные уступительные слова // Труды международного семинара «Диалог-2005» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2005. С. 34–38.

- Апресян В. Ю. От *хоть* до *хоть бы*: к системному описанию уступительных единиц в языке // Русский язык в научном освещении. №1(11). 2006а. С. 7–44.
- Апресян В. Ю. Уступительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. №2. 2006б. С. 85–110.
- Апресян Ю. Д. (рук.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание. М., 2004.
- Июмдин Б. Л., Бердичевский А. С. А кто этот *этот*? Имена собственные и неопределенная определенность // Материалы международной конференции «Диалог-2006» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: изд-во Рос. Гос. Гум. Ун-та, 2006. С. 196–201.
- Киселёва К. Л., Татевосов С. Г. В этой стране: от дейксиса к (социальной) оценке // Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития: К 100-летию со дня рождения В. А. Звегинцева (Материалы конференции). М.: изд-во Мос. Гос. Ун-та, 2010. С. 64–66.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика (в двух томах). М.: Наука, 1980.
- Сичинава Д. В. Местоимение // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм, <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2013.
- Синько Л. А. Редупликация местоимений и синтаксическая идиоматика // Культурная жизнь юга России. №1(26). 2008.
- Урысон Е. В. Семантическая и валентная структура слова с уступительным значением // Русский язык в научном освещении. №6(12). 2003.
- Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998.

Ресурсы

Блоги — www.blogs.yandex.ru

Национальный Корпус Русского Языка — www.ruscorpora.ru

Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике» — dic.academic.ru

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2011.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2000.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1949–1992.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

Е. Н. Геккина

Тыканье, выканье и прописные буквы в метаязыковом диалоге

В статье обсуждаются мнения участников интернет-коммуникации — сторонников и противников написания местоимений *Вы*, *Ваш* с прописной буквы. В метаязыковых высказываниях получают отражение интерпретации конкретного орфографического правила, связанные с заданными в нем речевыми параметрами и в результате позволяющие наблюдать за экспликациями коммуникативного опыта авторов суждений. Частные по содержанию и форме метаязыковые свидетельства фиксируются в интернете с такой полнотой, точностью и динамикой, какие присущи самой речевой действительности, они вскрывают интроспекцию наивного пишущего и демонстрируют тематический и полемический диапазон вторичных рефлексий современного носителя речевой нормы.

Ключевые слова: обращение, этикет, прописная и строчная буквы, орфография, речевой жанр, прагматика, метаязыковая рефлексия, наивная лингвистика

Этот частный орфографический случай отражен в интернете не только в фигуральном виде, т. е. вариантами написаний, но и в рассуждениях о том, что *правильно* или *неправильно* в речи, что представляет собой чью-либо манеру так говорить и писать или существует в одном ряду с прочими приколами современного русского языка. Как известно, прескрипция в академическом справочнике сообщает об «особом стилистическом употреблении» прописных букв в местоимениях *Вы* и *Ваш*, если они используются как «форма выражения вежливости при обращении к одному конкретному лицу в письмах, официальных документах и т. п.» [Лопатин 2006: 190]. Правило предусматривает такое же написание слов *Вы* и *Ваш* и «в текстах, предназначенных для многократного использования, типа анкет, рекламы, листовок». Орфографическая рекомендация, соответственно, заложила основы для продуктивного метаязыкового реагирования, и тематические интернет-материалы, многоаспектные в содержательном отношении и разнообразны по формату (отдельные реплики в ходе диалога, попутные комментарии к публикациям, развернутые дискуссии с большим количеством участников на форумах), это подтверждают.

Для настоящего обзора мы привлекли записи, составившие в итоговой выборке четыре блока:

- 1) записи на форуме «Кофейня» (29 июня — 8 июля 2007 года)¹;
- 2) записи на форуме «Linux» (8 февраля 2009 года и 15-17 февраля 2011 года)²;
- 3) комментарии к публикации Артемия Лебедева «Идите вы на...» в Живом журнале (размещена 19.05.2011)³;
- 4) разрозненные записи на сайтах, в социальных сетях в 2007–2013 гг.⁴.

В качестве сопоставительных также использованы данные справочных служб русского языка — телефонной Службы русского языка Института лингвистических исследований РАН и Справочной службы сайта «Культура письменной речи» (www.grammar.ru). Наши источники позволяют отнести большую часть авторов метаязыковых высказываний к так называемым наивным лингвистам, или — если определять более широко — к рядовым носителям языка, хотя, безусловно, есть среди авторов и те, чья профессиональная деятельность связана с русским языком (редакторы, корректоры, журналисты, пресс-секретари, переводчики, писатели, учителя и т. д.).

Прежде чем приступить к обзору метаязыковых высказываний, разделим всех участников на две группы в зависимости от того, сторонниками или противниками большой буквы они являются⁵ при обсуждении исходной дилеммы *вы, ваш — Вы, Ваш*. Далее рассмотрим, каким образом представители этих групп интерпретируют основные параметры речевой ситуации, очерченной орфографическим правилом: адресанта и его интенции, адресата и значимые для него измерения, жанрово-коммуникативные характеристики речевых произведений.

¹ Режим доступа: <http://forum.cofe.ru/showthread.php?t=96947&page=36>.

² Режим доступа: <http://www.linux.org.ru/forum/linux-org.ru/3485224/page1#comment-3485883> и <http://www.linux.org.ru/forum/talks/5909411#comments>.

³ Режим доступа: <http://tema.livejournal.com/905441.html>.

⁴ Здесь и далее фрагменты метаязыковых высказываний, а также языковые единицы, являющиеся предметом обсуждения, выделены курсивом; в цитатах орфография и пунктуация в основном сохранены.

⁵ Следует заметить, что среди авторов высказываний есть те, для кого этические стандарты существуют вне зависимости от орфографических рекомендаций, кто *не приучен тыкать* и всегда *вежливо обращается на Вы* даже к родителям или к собеседникам в конфликтном диалоге. Также встречаются и те, кто принимает решение об употреблении вежливых слов, руководствуясь собственными представлениями об этико-этикетных нормах. Ср.: «Я уж не знаю, что там думают Розентали с Бломентальями, и со словарями я не сверялся, но я использую четкое разграничение: 1. Ты - это детям, друзьям, хорошим знакомым и, что удивительно, в ситуациях, когда не очень воспринимаю собеседника. 2. вы - при обращении к нескольким людям 3. Вы - к старшим и малознакомым людям. Иногда использую переход на Вы с кем на "ты", если, действительно, хочу подчеркнуть уважение или наоборот, подчеркнуть "формальность" в данном случае. Может быть это и отчасти противоречиво, но в моем круге общения все используют аналогичные "правила"».

Сторонников большой буквы объединяет единственная и универсальная предпосылка: *так писать принято в обществе цивилизованных воспитанных людей, и в школах так и учат*. Об интенциях пишущих авторы реплик рассуждают, отмечая направленность декларируемых установок на самих создателей текстов, с одной стороны, и на партнеров по коммуникации, с другой. Так, например, определяющими могут быть сугубо личные мотивы пишущих: *«из самоуважения»*, *«есть, что терять»* в случае, если не соблюдены нормы письменной речи, и общая установка *«не быть быдлотой»*. В то же время авторы готовы демонстрировать свое искреннее уважение и даже почтение к собеседнику; ср.: *меня еще в школе учили, что если пытаешься высказать уважение или почтение, то в обращении нужно писать Вы*. Но и в ситуации, когда не идет речь об уважительном отношении к партнеру, пишущий соблюдает нормы вежливого обращения, чтобы выглядеть соответствующим образом; ср.: *Я прикидываюсь милым и пишу "Вы"*.

При всей расположенности быть — искренне или нет — вежливыми авторы метаязыковых высказываний признают: для них не всегда очевидно, к какому именно адресату необходимо обращаться с помощью *Вы* и *Ваш*. Это может быть только *невероятно уважаемый, избранный, старший человек*? Он *известный, знакомый* или *малознакомый, неизвестный*? О том, из чего исходят пишущие, разрешая сомнения, сообщают их высказывания: *Я лично пишу «Вы» только в официальных заявлениях и обращениях к большому начальству; поддерживаю правило: если обращение к человеку, которого знаешь лично — с большой буквы; если к незнакомому / знакомым — с маленькой*. Но вопросы возникают и в связи с «ненормативным» количеством адресатов: как, например, написать *ВЫ* в письме, адресованном одному конкретному гражданину, но отправляемом в копиях еще для нескольких?

Интересно то, как в обсуждениях раскрывается тема жанрово-коммуникативных характеристик текстов, содержащих *вы, ваш* — *Вы, Ваш*. С одной стороны, вряд ли можно было ожидать того, что сторонники большой буквы представят развернутые и детальные описания жанровых форм в рамках «разговора вообще». Более того, опыт справочных служб русского языка показывает, что понятия «письмо», «официальный документ» для авторов могут иметь неотчетливые или широкие границы. Судить об этом позволяют вопросы, в которых упоминаются поздравительные открытки, текст интервью, предисловие в научно-популярном и публицистическом издании, художественном произведении: пишущий обращается за помощью к специалисту, так как ему не ясно, следует (уместно / допустимо) или нет использовать графические варианты *Вы* и *Ваш* в том или ином названном случае. В анализируемой выборке только единичные высказывания содержат упоминания жанровых форм,

близких к формам, описанным в орфографической прескрипции; в частности: *отец учил с большой буквы писать «Вы» в заявлениях, служебных записках и прочей лабуде начальству.*

С другой стороны, дискуссия об использовании *Вы, Ваши* в интернет-общении показывает, с каким пристальным вниманием авторы высказываний могут относиться к прагматическим характеристикам языковых средств и условиям коммуникации. Здесь главная проблема — переписка с одним лицом, но в публичном веб-пространстве; ср.: *Интересно, Артемий, а мой комментарий — это личная переписка с Вами, или общественная, т. к. весь ЖЖ читает?* Многие участники обсуждения склоняются к мнению о том, что *Вы* — не для инета и что в 21 веке в интернетах вполне можно писать "*вы*" со строчной. В блогах, новостях, на форумах и т. п. Авторы аргументируют свою точку зрения весомым доводом: *общение на форуме не является формой личной переписки.* В обоснование также приводятся рекомендации лингвистов, опубликованные, в частности, на сайтах www.gramota.ru и www.grammar.ru; ср.: *Допускается при общении в интернете не писать "вы" с прописной буквы, потому что текст в инете зачастую обращен ко всем собеседникам вместе и к каждому в отдельности. Об этом можно прочесть и на сайте "грамота.ру"; ...сайт grammar.ru — Культура письменной речи: ... используется строчное написание местоимения вы... при обращении к пользователю на web-странице.* Кроме того, отмечается, что беседа на форуме может иметь такое содержание и такую тональность, что вежливое *Вы* и другие средства выражения отношения и чувств оказываются неуместными; в этом случае *Вы* даже *завлекает своей нелепостью.* Есть и чисто техническое оправдание «строчной» практики: *Это и удобно, чего лишний раз тыкать в клавишу "шифт"?*

Между тем у написания *Вы* есть защитники, утверждающие, что этот графический вариант необходим, поскольку означает обращение к одному человеку, а не ко всем и сразу: *Разделение Вы — ед.ч. и вы — общего обращения помогает избавиться от ситуаций, когда сказанное конкретному персонажу воспринимается как распространенное на всю группу.* Для кого-то это принципиально, потому что он ожидает получить ответный комментарий от определенного лица; ср.: *Я не хочу, чтобы кто-либо другой кроме Вас, Августа отвечал на этот вопрос (хотя и запретить, конечно, тоже не могу).* Другие авторы напоминают: *никто не отменял общие нормы вежливого обращения.* В конфликтной ситуации упорное обращение на *Вы* является способом воздействия на партнера: *Нормально воспитанного — даже абсолютно чуждых мне взглядов человека, остановит, если я не захочу переходить на ты.*

Можно утверждать, что участники метаязыкового диалога активно и обстоятельно обсуждают возможности прежде всего неофициально-

го общения, при этом указывают на свободу выбора, отсутствие запретов (или *безусловных правил*) и индивидуальные предпочтения; ср. толерантное заключение *дело хозяйское* для позиции *Нравится Вам и Тёме писать с маленькой*. Важный для письменной речи критерий — количество адресатов — в неофициальном общении принимается во внимание наряду с другими факторами, такими как пол, возраст партнера, фактор знакомства с ним, характер взаимоотношений и т. д. Неофициальное общение выстраивается с опорой именно на эти ориентиры в той или иной комбинации, а не на жанровый сценарий с комплектом содержательных и структурных признаков.

Неофициальному общению противопоставлено общение официальное, с которым в основном ассоциируются стандартизированные речевые формы деловой коммуникации — от внутрикорпоративной до публичной, если тексты обращены к широкому кругу клиентов. Эти формы могут предполагать жесткие требования при употреблении этикетных средств; ср.: *отец учил с большой буквы писать «Вы» в заявлениях, служебных записках и прочей лабуде начальству; на Вы с большой буквы я так и пишу — при деловой переписке к одному конкретному лицу*. Когда в речевом произведении наблюдаются отступления от норм официального общения, то и жанрово-коммуникативные особенности текста могут быть актуализированы в метаязыковом описании; ср.: *В середине девяностых впервые в жизни обратил внимание на это тыкающее повелительное наклонение на рекламном плакате*.

Тем временем **противники большой буквы** отстаивают тезис «в настоящих условиях достаточно использования "ты" и "вы"». Они рассматривают тех, кто пишет *Вы*, под определенным, социальным углом зрения — как лиц, принадлежащих категории подчиненных (*клерки, челядь, офисные крабы*) либо начальников (*начальство, чинуши, администрация, директора, буржуи*), т. е. людей, находящихся при исполнении деловых, служебных обязанностей; они могут представлять и прослойку в иерархически организованном коллективе, и корпоративное сообщество в целом. К особой группе отнесены *маркетологи* с их *происками* в отношении обычных граждан.

При обсуждении вопроса о том, почему и зачем *регистром перевозят человека*, критики *Вы* могут характеризовать интенции пишущих как *неприкрытый подхалимаж* (см. также: *грубо лизание, отлизывание, ж***лизство* и т. п.; неодобрительно *возвышение*), а собственно графическую практику — как *изыски бюрократизма*. Категоричную позицию занимают авторы, лишаящие обсуждаемую письменную традицию каких-либо оснований: *Писать "вы" с большой буквы, чтобы показать уважение — идиотизм*. Подобный взгляд отражают и рефлексии о «пишущих» и «непишущих» из серии *кретин (дегенерат, мудак)* и *хоть какие-то мозги сохранились*; ср.: *Да пусть пишут с большой, зато же ж*

сразу видно, кто кретин, а у кого хоть какие-то мозги сохранились. Такой знак тебе сразу — бац, и ты уже в курсе.

Негативное отношение к большой букве выражается не только тогда, когда графическая практика оценивается со стороны. *Вы* и *Ваш* вызывают отрицательные эмоции, если встречаются в текстах, адресатами которых являются сами критики; ср.: *когда я вижу как мне кто-то написал и использует Вы с большой буквы, я раздражаюсь*. Свою реакцию авторы объясняют так: *Ощущения какого-то уважения к себе никогда не возникало; считаю это скорее признаком НЕуважения, нежели наоборот*. При этом метаязыковые реплики, которые обрисовывали бы фигуру адресата, единичны. Возможно, в представлении критиков пишущие *Вы* и *Ваш* и те, кому они адресуют свои тексты, имеют соотносительные статусно-ролевые характеристики. В имеющихся высказываниях адресаты могут быть обозначены как *птицы высокого полета*, как *клиенты особые и сложные*, как *умники высшей степени* (если иронично определяются их интеллектуальные и психологические качества; ср.: *Вот из-за таких вот умников высшей степени и приходится писать "Вы", "Вас", "Вам" и т. д.*; а также: *пишу "Вы", "Вас", "Вам", "Ваше" и т. д. только потому, что вдруг это окажется какой-нибудь такой же комплексующий индивид, которому, то с какой буквы будет написано обращение может показаться важнее смысла письма и он уйдет на второй план*). Отрицательную оценку получают и случаи, когда написано на *"Вы"* *невесть кому (абстрактному клиенту, посетителю и проч.)*; *всем подряд Выкают*. Нейтрально возможность применения *Вы* может рассматриваться лишь для редких случаев общения с особыми персонами; ср.: *с натягом (хоть сам и нерелигиозен) могу понять когда обращение пишут с большой буквы, говоря о боге*.

То, что критики большой буквы ограничивают рамки практикуемых *Вы* и *Ваш* в основном сферой «работы», деловой коммуникации, показывают и высказывания, в которых упоминаются условия и обстоятельства общения; ср.: *замораживаюсь таким только на работе, а дома попускает*. Присутствие вариантов с прописной буквой в текстах, имеющих отношение к бытовой сфере, расценивается негативно; ср.: *Довольно часто вижу "Вы" и "всё для Вас" в повседневной жизни. Это ужасно*. Контекст суждений о жанрово-коммуникативных особенностях текстов формирует именно эта общая диада — «на работе» и «дома».

Объяснение негативного отношения к большой букве авторы дают, опираясь на характеристики текста: *В любом документе, направленном тебе лично, «вы» / «вас» — обращение к единственному человеку; Для простого вежливого обращения, как правило, достаточно просто в уважительной форме, и БЕЗ ОШИБОК составить текст*. Возражения не вызывает общий тезис: *Уважаете вы человека или нет, будет видно из содержания письма*. Наблюдательные добавляют: в случае «нет» текст,

имеющий в наличии *Вы* и *Ваш*, приобретает семантическую и прагматическую противоречивость; ср.: *Особенно тупо выглядят язвительные, хамские письма, в которых "вы" написано с большой буквы, "потому что так надо"*. Смысловой диссонанс компонентов речевого произведения может возникать непреднамеренно, но может быть и приемом, которым кто-то пользуется сознательно, потому что так подчеркивается разница между тем, что существует «на словах» и «на деле».

Вместе с этим предметно обсуждается потенциал имеющегося лексического арсенала. Представления авторов критических высказываний связаны с семантической и функциональной «силой» лексических единиц — отдельных, самостоятельных, вне контекста и вне текста. Об этом свидетельствуют замечания, касающиеся смысловых и функциональных характеристик местоимений *ты, вы, ваш*, в том числе в сопоставлении с иноязычными аналогами (в частности, английскими *you, thou* и немецкими *Sie, ihr*). Так, при поиске семантических различий предложений «*Николай Петрович, Вы с Сергеем Николаевичем ничего не делайте!*» и «*Николай Петрович, вы с Сергеем Николаевичем ничего не делайте!*» собеседник-оппонент заключает: *И вариант написания местоимения не вносит никакой ясности. Смысловой разницы абсолютно никакой... не думаю что вам удастся сочинить пример, где разница в написании местоимения имела бы роковое значение и меняла бы смысл предложения до неузнаваемости.*

Отметим, что для решительно настроенных приемлемым является положение, к которому призывает автор следующего, не лишённого иронии, высказывания: *я считаю что обращение "на вы" крайне устарело. давайте все будем на ты! зачем нагружать язык лишними словами?*

Подведем общий итог обзора. Частный орфографический случай получает интерпретацию в метаязыковых высказываниях, имеющих такой же частный характер и не претендующих на какую-либо абсолютизацию. Тем не менее широкий тематический диапазон и ракурсы обсуждения позволяют утверждать, что из этих высказываний профессиональный лингвист может извлечь существенные сведения, касающиеся самого языка и индивидуальной речевой системы говорящих. Исследовательской работе способствует и то, что любые метаязыковые свидетельства фиксируются в интернете с полнотой, точностью и динамикой, какие присущи самой речевой действительности.

Литература

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

Н. Н. Буйлова, О. Н. Ляшевская

Так говорят анимешники¹

Анализируется лексическое, графическое и синтаксическое своеобразие коммуникации в аниме-сообществе. Классифицируется лексика аниме-сленга, рассматриваются механизмы адаптации японизмов. Рассматриваются категории рода, падежа и частеречная принадлежность неологизмов. Описаны словообразовательные модели производных лексических единиц.

Ключевые слова: аниме-сообщество, сленг, японизмы, словообразование, словоизменение, графика, орфография

Письменная коммуникация, которая ранее не предполагала немедленной обратной связи между говорящим и адресатом, сейчас, в эпоху интернета, стала интерактивной и начала развиваться по новым законам. Появились большие сегменты языка, которые почти не имеют фонетического воплощения, но обладают лексическим, графическим и даже синтаксическим своеобразием. Приведем несколько примеров: (1)–(2) взяты с форума любителей аниме, (3) — из блога геймеров, (4) иллюстрирует несколько вариантов поисковых запросов к «Яндексу»:

- (1) О_Тоби_О [31.08.10 21:50]. Сасори такой хорооший! ^ _ ^ Тоби влюбился, ня *_* Такие глазки, такой ротик ^O^ Кавай-кавай-кавай ^ _ ^ Даже покруче чем Дей.²
- (2) Эгоооо, ты — сугойная муняшка ? 0__O³
- (3) Снимаем резист к тьме мобам в данже, затем спокойно кушаем их хп. Нямя-ням-ням(с)⁴
- (4) школа танцев тодес авиамоторная
биография чехова скачать
стиральная машинка аристон маргарита 2000 не сливает воду ремонт

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² http://hapyto.ucoz.ru/stuff/flash/dress_up/chibi_sasori_dress_up/4-1-0-1049. В этом и следующих примерах сохранены оригинальная графика и орфография.

³ <http://www.animeforum.ru/index.php?app=forums&module=forums&section=findpost&pid=214568>.

⁴ <http://bloody-sky.ucoz.com/blog/mjatezhnik/2013-05-07-4>.

Не первый раз в истории, но на новом ее витке возникает лингвистическая проблема «отцов и детей», когда (условно) «младшее» поколение активно осваивает новый код коммуникации и приобретает коммуникативные привычки, недоступные пониманию «старшего» поколения. И. Б. Левонтина замечает: «Скажите честно, когда разговаривают на интернет-сленге, вы все смыслы улавливаете? В русском языке появилось так много новых слов, что представители разных поколений, разных социальных слоев иногда плохо понимают друг друга» [Левонтина 2010].

В этой статье мы хотели бы подробно рассмотреть один из новых лингвистических феноменов — язык аниме-сообщества, представленный в рунете. Безусловно, читатель не раз сталкивался на улице с «анимешниками» — девочками в кошачьих ушках и с макияжем героинь японских мультфильмов, мальчиками с сумкой через плечо с изображением любимых персонажей манги, японских комиксов. Типичному носителю этой субкультуры от 10 до 25 лет, все свободное время (а иногда и все время вообще) он проводит за просмотром аниме или комиксов и общается с единомышленниками на специализированных аниме-форумах или в социальных сетях.

Поскольку с момента зарождения общение внутри аниме-сообщества происходило преимущественно в пространстве интернета и в письменной форме, лишь изредка выходя «в реальную жизнь», сформировавшийся язык является разновидностью интернет-сленга, разделяя такие общие свойства неформальной интернет-коммуникации, как обилие заимствований, креативное словообразование, использование речевых масок, особое графическое оформление (смайлики, игнорирование правил орфографии и пунктуации).

Особенно интересен сленг аниме-сообщества тем, что он основывается на японизмах. Русский язык уже долгое время шлифует механизмы заимствования и ассимиляции англицизмов (а также слов, пришедших из других европейских языков), выработаны правила грамматического и фонетического освоения таких слов. Японизмы же подобных схем пока не получили: модели определения рода не устоялись, многие слова (например, *бисёдзе*, *хикки* и др.) остаются несклоняемыми. Вместе с тем, появились механизмы насильственного подчинения таких слов стандартной русской грамматике через словообразование (ср. *няшечка*, *кавайный* и др.), которые представляют большой интерес.

Далее в статье мы рассмотрим, каковы особенности субкультуры аниме, опишем, какой материал привлекался к исследованию, укажем, ка-

Рис. 1. Нekomими — популярный персонаж аниме-культуры, девушка-кошка, разновидность кemonomimi (антропоморфных персонажей с ушками и хвостиками)

кие тематические и функциональные классы «креативной» лексики наиболее активно используются аниме-сленгом, каковы источники заимствования и способы их графического освоения (транслитерации), а также каковы модели их грамматического освоения и словообразовательный потенциал.

Субкультура аниме

До конца 1990-х годов японский медиарынок практически не взаимодействовал с российским. Ситуация начала изменяться с открытием информационного пространства, когда в Россию стали поступать не случайные осколки японской масс-культуры, которые привозили из походов моряки, а более или менее приспособленные для продажи на рынке мультипликационные фильмы, сериалы, комиксы. Все это наложилось на традиционный интерес к экзотике, Востоку, культуре Японии, переплетаясь с обаянием необычных миров и особой визуальной стилизации, которые предлагаются фильмами аниме и комиксами манга.

Ценность аниме и манга для фанатов можно осознать, если обратиться к истории этих культурных феноменов на их родине. На сегодняшний день Япония буквально пропитана манга. О популярности этого вида комиксов свидетельствует ежегодный выпуск примерно 2 млрд. единиц книжно-журнальной продукции, почти 40% издательского рынка страны.

История манга насчитывает примерно 1300 лет, и все это время искусство сатирического, юмористического рисунка эволюционировало и усложнялось. Основной особенностью японских комиксов манга является их дифференциация по целевой аудитории, а именно, по двум признакам: полу и возрасту. В последние годы появилось множество комиксов, посвященных таким серьезным темам, как политика, экономика, право; существуют десятки изданий, посвященных научной фантастике, азартным играм и, конечно, эротике. Одна из самых удивительных черт комиксов — длительность их издания. Манга, особенно историческая, выпускается десятилетиями, ее читают из поколения в поколение, она превращается в сагу. Герои взрослеют и развиваются вместе с читателями.

Корни аниме, или стилизованной японской анимации, также кроются в культуре манга. Хотя японская мультипликация ведет свой отсчет с 1917 года, первоначально и в художественном отношении, и содержательно это было повторение западных анимационных фильмов. Современный вид аниме-фильмы начали приобретать в начале 1960-х годов, когда известный иллюстратор манга Осаму Тезука перевел свои комиксы Tetsuwan Atom («Звездный мальчик») на язык мультипликации и создал первое аниме для телевидения [Poitras 2000]. Тезука разрабатывал упрощенную технику анимации, которая позволила бы сделать производство рисованной про-

дукции дешевой и массовой, им же были выработаны основные жанрово-тематические формы аниме — для мальчиков, для девочек, о роботах и др.

Роль телевидения в популяризации аниме очень велика, причем это касается не только Японии, но и других стран. Примечательно, что дублированную версию уже самого первого аниме Tetsuwan Atom транслировали в США на канале NBC. Однако взрывной рост популярности аниме в последнем десятилетии XX века связывают с их распространением на видеокассетах и, позднее, на DVD. Появилась возможность просматривать любимые фильмы по нескольку раз, записывать несколько вариантов «озвучки» и субтитров, включая любительские. И, безусловно, «аниме-бум» еще более усилился с приходом интернета, когда фанаты начинают общаться в чатах, форумах и социальных сетях, обмениваются копиями любительского дубляжа, выставляют на всеобщее обозрение произведения фан-фикшена и фан-арта (любительской прозы, графики и видео по мотивам миров манги и аниме). Выход в оффлайн все еще возможен — в виде косплеев (костюмированных вечеринок) или аниме-фестивалей — но все же мир любителей аниме формируется именно как сетевая культура, и лучшее тому доказательство — возникающий в это время аниме-сленг.

А что в России? Наступает конец 1990-х, и вирус аниме прорывается в детскую и молодежную массовую культуру по всем каналам — и через телевидение, и на видео- и DVD-носителях, и с помощью постепенно набирающего обороты интернета. Поскольку некоторое запаздывание налицо, сообщество любителей аниме и их субкультура формируются с оглядкой и на Восток, и на Запад. По сути, аниме-среда в России — это мультикультурный феномен, который отсылает нас и к его функционированию на родине, в Японии, и к англоговорящему (прежде всего) фан-пространству, и к российской молодежной интернет-культуре. Из Японии приходят внешние атрибуты (одежда, прически), визуальный ряд, маски персонажей. Но, поскольку с японским языком фанаты не знакомы, образцы интернет-коммуникации, распределение японских и английских жаргонизмов во многом копируются из англоязычной фан-культуры. Естественно, все это накладывается на стереотипные приемы общения в русскоязычных чатах, форумах, блогах и т. п.; часть словаря приходит из общего русскоязычного интернет-сленга. Впоследствии некоторые слова из языка аниме (*ня*, *кавай*) станут донорами для общего интернет-языка и повседневного устного общения.

Как во многих замкнутых сообществах, в среде фанатов аниме существует разделение на группы, «элиту» и «обывателей». В нашем случае это *отаку*⁵ (не обязательно неадекватные фанаты, в русском сегменте

⁵ *Отаку* — фанат, страстный почитатель чего-либо. В Японии это слово имеет отрицательное значение, близкое к «одержимый», «фанатик».

интернета подобное обращение несет ярко выраженную положительную оценку) и *школота* («потребители»). Первые обращаются с терминами довольно осторожно, поскольку сам характер сообщества — порой встречающегося только на определенных форумах — требует жестких условий игры. Они могли бы изменять язык по своему усмотрению, но по неким неписаным правилам игры не будут этого делать. Вторые не обладают достаточными познаниями в аниме, т. е. даже попытка активно использовать сленг приводит лишь к тому, что речь перенасыщается определениями, которых не понимает ни автор высказывания, ни его собеседники. Эти две группы используют сленг в разных целях; отаку — как содержательные сообщения, которые будут поняты узким кругом, это своего рода профессиональный жаргон, «школота» — как внешние атрибуты речи, чтобы подчеркнуть свою инаковость или показать «я свой».

Несмотря на то, что анимешники обожают Японию и все, что с ней связано, попытки изучить японский очень редко выливаются во что-то более вразумительное, нежели воспроизведение нескольких наиболее популярных слов — *спасибо, пожалуйста, здравствуйте* — и терминов, которыми описываются непосредственно аниме, его персонажи, мангу или стиль жизни анимешника.

Материал исследования

Сложность описания некоторой разновидности сленга заключается в том, что трудно судить об особом языке, не разговаривая на нем. По счастью, анимешники не являются закрытым сообществом — их форумы и блоги общедоступны, и, кроме того, имеется опыт языковой рефлексии со стороны самого аниме-сообщества в виде так называемых *словарей анимешника*.

Основной мишенью нашего исследования стала лексика аниме-сленга. Две версии словников были получены независимо в ходе двух учебных исследовательских проектов⁶. Основой первого списка стали любительские словари; для составления второго списка был вручную просмотрен небольшой корпус текстов аниме-коммуникации.

Любительские словари размещаются на многих сайтах, дополняются самими участниками сообщества и являются продуктом коллективного творчества. Однако большая часть таких словарей не отличаются

⁶ Первый проект — курсовая работа Н. Буйловой (факультет медиакоммуникаций НИУ ВШЭ). Второй — проект «Язык аниме», выполненный в рамках научно-исследовательского семинара факультета филологии НИУ ВШЭ «Креативный язык: новые слова». Мы благодарим участников проекта Полину Касьянову, Ивана Смирнова и Дмитрия Шмелева. Их материалы были использованы в настоящей статье.

полнотой, так как преследует лишь цель ликвидировать безграмотность «внешней публики», дать некоторое поверхностное представление о мире анимешников. Другие словари, напротив, изобилуют излишествами, больше похожими на потенциальные слова и определения еще не проникших в русскую субкультуру или не закрепившихся в ней явлений. Причина заключается в том, что русскоязычное аниме-сообщество активно развивается лишь последние 10-15 лет и еще не освоило всех жанров, существующих в японской или, скажем, в англоязычной аниме-культурах. Как результат, словари последнего типа довольно футуристичны — они описывают такой сленг, который, возможно, разовьется на основе существующего, а не тот, который функционирует сейчас.

Составив обобщенный словник на основе разнообразных любительских словариков, мы проверили, действительно ли все лексемы используются в интернет-коммуникации. Каждое слово было введено в общий поиск Google⁷, первые тридцать результатов просматривались, и, если примеры не сводились исключительно к словарным статьям с толкованием и мета-текстам, описывающим субкультуру, лексема оставалась в словаре⁸. Были исключены слова, которые не используются сообществом, например, «*камеко*» — *фотограф, который профессионально снимает косплееров*.

Затем по этим ключевым, или «сеяным», словам (seed words) была собрана коллекция примеров употреблений в сети. При анализе словообразовательных производных использовались данные, найденные в сводном словнике и в примерах из коллекции. Кроме того, был проведен целевой поиск в сети по частотным словообразовательным моделям.

Вторым источником данных послужила коллекция текстов аниме-коммуникации. С помощью скриптов, разработанных Б. В. Ореховым, были скачаны все связанные страницы по ссылкам на популярные форумы и другие ресурсы. На основе этой коллекции был составлен список словоформ, встречающихся в текстах, и из него были удалены все известные электронному словарю словоформы (словарь включал материалы Грамматического словаря А. А. Зализняка, толковых словарей Ожегова и Шведовой, Ефремовой, Ушакова и др., частотного словаря НКРЯ). Все это позволило свести к минимуму объем работы на последнем этапе, когда из оставшихся словоформ были выделены слова, характерные для аниме-коммуникации в сети.

⁷ Априори нам представлялось, что хорошим инструментом мог бы быть поиск по блогам и форумам, однако оказалось, что аниме-ресурсы недостаточно хорошо проиндексированы как Google, так и Яндексом.

⁸ Мы также благодарны нескольким носителям сленга (студентам столичных вузов), которые дали нам ценные консультации по составу словника.

Пересечение двух версий словариков составило около 60 слов. В результате, сводный список включает чуть более 150 слов. Мы не ставили задачей создание исчерпывающего списка сленговой лексики, так как для непрерывно развивающейся, живой интернет-субкультуры это, скорее всего, невозможно и бессмысленно. Однако, как кажется, составленный двумя методами список является достаточно представительным, чтобы судить об основных особенностях слов, составляющих стабильное ядро языка аниме.

Лексика аниме-сленга

Лексику аниме-сленга можно классифицировать разными способами:

- А) по тематическим группам;
- Б) по коммуникативной функции;
- В) по происхождению (англицизмы, японизмы, русские производные).

Начнем с первой классификации, которая лучше всего показывает особенности бытования аниме-сообщества. Здесь выделяются следующие тематические зоны:

1. Жанры аниме и манги;
2. Персонажи, типы героев аниме или манги;
3. Продукция, сопровождающая выпуск аниме и манги, предметы стиля;
4. Технология производства видео, графики, переводов, субтитров, деятельность фанатов аниме и манги, стиль жизни;
5. Речевые формулы;
6. Оценочные слова.

Слова, относящиеся к первой тематической области — это наименования жанров, например, *джосэй* — разновидность аниме и манги для молодых девушек, *кодамо* — жанр, рассчитанный в основном на детскую аудиторию (приблизительно от 5 до 12 лет: наглядным примером такого аниме является «Покемон»), *токусацу* — японские кинофильмы и сериалы с активным использованием спецэффектов. Помимо обозначений жанров собственно аниме и манги, в речи фанатов встречаются названия направлений в литературе и кинематографе, стиля одежды (ср. *паропанк*⁹, *гонзятина*¹⁰).

⁹ *Паропанк* — поджанр, во многом сходный с киберпанком, но акцентирующий внимание на эстетике паровых машин и подобных механизмов, свойственных технологическому уровню Европы второй половины 19-го века — начала 20-го века. Наиболее наглядным примером может послужить аниме «SteamBoy» или «Last Exile».

¹⁰ *Гонзятина* — ироничное наименование совокупности аниме, выпущенного известной японской студией GONZO.

Вторая зона охватывает наименования типичных персонажей аниме или манга. Например, *усягими* — антропоморфные персонажи аниме и манги с заячьими хвостиками и ушками (например, Раби эн Розэ («Усада») из «Di Gi Charat»), разновидность *кемономи*; *фурри* — человекоподобные зверушки, персонажи мультяшек, комиксов, рисунков, компьютерных игр и т. п.; *цундере* — один из типовых вариантов характера персонажа аниме (манги и видеоигр), персонаж, который сначала ведет себя грубо, неприязненно, но впоследствии открывается с другой стороны — как милый и нежный. Цундере из ГТО по имени Онидзука сначала кажется неотесанным грубияном, но потом мы постепенно начинаем видеть, что он заботлив. Как уже было сказано, аниме — во многом мир типовых жанров и типовых «масок». Названиями типов персонажей описываются его условные характеристики — черты внешности или особенности характера. Названия не могут передавать оценку. Каждый персонаж обладает изначально заданной внешностью, интеллектом, паттерном поведения. Классификация персонажей аудиторией происходит моментально, их действия могут быть в той или иной степени предсказаны и предугаданы. Соответственно, фанат может выбрать себе «маску» по вкусу и отождествлять себя с ней и в реальной жизни (прическа, одежда и т. п.), и в сети (аватарки, речевое поведение и т. п.).

Следующие две тематические области строятся вокруг обслуживания многочисленных фанатов манги и аниме. С одной стороны, это продукция — книги, канцтовары, сувениры и др. Верный фанат купит не только еженедельное издание любимой манги, но и «собрания сочинений» и коллекционные издания: *бункобан*¹¹, *канзенбан*¹², *айзобан*¹³. На фанатов рассчитан дополнительный «фансервис» (*сабису*) — вставные сцены и ракурсы, не имеющие прямого отношения к сюжету. Смысл некоторых объектов абсолютно непонятен непосвященным (например, *ситадзики*¹⁴, *омаке*¹⁵, *оэаки*¹⁶).

¹¹ *Бункобан* — том манги (хотя в бунко-формате могут печататься и книги) более компактных размеров, чем обычный том (*танкобан*) и, как правило, отпечатанный на более качественной бумаге.

¹² *Канзенбан* — полное собрание манги.

¹³ *Айзобан* — коллекционное издание манги, обычно выпускаемое ограниченным тиражом и содержащее бонусы («омаке»)

¹⁴ *Ситадзики* — подложка, которую кладут под лист бумаги или между листами бумаги в альбоме, чтобы не портить гладкость листов. В России ситадзики являются довольно редкой вещью, а в Японии любители рисования их часто используют. Значительная часть анимешной сайд-продукции выходит в виде ситадзики с изображениями тех или иных популярных персонажей аниме и манги.

¹⁵ *Омаке* — бонусы к аниме, прилагаемые к изданию на видео. Это могут быть забавные чиби-сценки с персонажами из аниме, интервью с создателями и т. п. Термин *омаке* применяется и к манге, обозначая любой дополнительный материал, прилагающийся к тому манги.

¹⁶ *Оэаки* — начальные наброски дизайна облика персонажей, их предыстории и т. п. Их зачастую прилагают в качестве бонуса (*омаке*) к манге, чтобы читатели могли лучше представить себе процесс её создания.

Настоящий поклонник аниме собирает коллекцию *пламо* — сборных пластиковых фигурок (в частности, моделей роботов из сериалов или фигурок девушек), которые он должен самостоятельно собрать, вырезать, склеить и раскрасить. Более состоятельный фанат может позволить себе автомобиль в стиле *иташи* — т. е. раскрашенный или тюнингованный под аниме.

С другой стороны, сленг описывает деятельность фанатов по распространению аниме и любительских материалов, например, *сканлейтинг*¹⁷, *фандаббинг*¹⁸, *хардсаб*¹⁹. Наряду с существительными-названиями технологических процессов в этой зоне встречаются глаголы и имена деятеля, ср.

(5) *Таймит*²⁰ обычно или *дабер*²¹ или *таймер*.

Ряд слов описывает определенные действия из повседневной жизни фанатов или их стиль жизни в целом. Так, *дропнуть* сериал — означает не досмотреть его, бросить на середине. *Хикки*, или *хикикомори*, называют людей, чаще всего молодых, которые отказались от жизни в социуме и стремятся жить уединенно.

В соответствии с принятым форматом аниме-общения русские единицы речевого этикета заменяются на японизмы: *чаоссу*²², *коничева*²³, *аригато*²⁴, *гомен*²⁵, *оясуми*²⁶. Важно заметить, что анимешники не владеют репертуаром и узусом японских формул вежливости, поэтому речь идет именно о неполноценном лексическом копировании. Частица вежливости *дэсу* (*десу*) употребляется в основном в ироничном ключе: *Печально десу*. С той же долей иронии собеседник может быть назван *сенсеем*, к его имени могут присоединяться частицы *-сан* или *-тян*.

Последняя группа — слова со значением оценки, положительной: *ня*, *кавай* («Какая прелесть!», «Как мило!»), *сугой* («Круто!»),

¹⁷ *Сканлейтинг* — перевод манги, осуществляемый фанами аниме — *отаку* на безвозмездной основе. Японский текст на отсканированных страницах манги заменяется на его перевод. Распространяется в интернете бесплатно.

¹⁸ *Фандаббинг* — голосовой перевод аниме (дубляж), осуществляемый непрофессиональными актерами.

¹⁹ *Хардсаб* — встроенные в видео субтитры, изготовленные любителями. Противопоставлен *софтсабу* — субтитрам, которые распространяются в виде отдельных файлов.

²⁰ *Таймить* — размечать время появления реплики субтитров или перевода на видео.

²¹ *Дабер* (*фандаб(б)ер*) — непрофессионал, зачитывающий любительский голосовой перевод, см. *фандаббинг*.

²² *Чаоссу* — приветствие, обычно используется *отаку*, на которых большое впечатление оказало аниме «Kateikyoushi Hitman Reborn».

²³ *Коничева* — здравствуйте, добрый день.

²⁴ *Аригато* — спасибо.

²⁵ *Гомен* (*гоменасай*, *гомене*) — извините (выражение сожаления).

²⁶ *Оясуми* — спокойной ночи.

ёкатта, *ятта* («Слава богу!», «Какое счастье!»), — или отрицательной: *ковай* («Страшно!», выражение испуга), *бака* («дурак»). В аниме такие реплики являются масками для стереотипного выражения эмоций, и в общении фанатов слова именно этой группы можно встретить чаще всего, вне зависимости от контекста. Вместе с предыдущей группой они составляют ядро кода, по которому опознаются «свои». Данные оценочные выражения активно включаются в процесс словообразования и стремятся занять разные синтаксические позиции, поменяв частеречный класс (см. ниже). Когда мы говорили о словах-донорах общего интернет-сленга и разговорного сленга вне сети, мы также имели в виду слова именно этого класса (прежде всего, *ня*, *кавай* и *сугой*).

Слова аниме-сленга выполняют номинативную, категоризирующую функции, с одной стороны, и экспрессивную, функционально-оценочную, этикетную, с другой. Легко видеть, что лексические группы (1)–(4) несут прежде всего номинативную и категоризирующую нагрузку и служат для обозначения вещей и явлений, для которых не существует русских слов. Даже обозначения отрицательных персонажей и «низких» жанров и фансервиса не предполагают ярко выраженной и легко считываемой оценки. Лишь небольшое количество русифицированных выражений обрывает весьма ясными коннотациями (пренебрежительное *гонзятина*, *синдром отакуизма*, *онемешнеги*, *феечка*, *муняшка* и др.).

Группы (5)–(6) специализируются на речевом этикете и оценочной экспрессии. Как уже было сказано, возможен переход от прямого положительного или отрицательного значения к ироничной, «смещенной» оценке и фамильярной вежливости:

(6) Някнула о.о ковайненько С:

(7) ладно. аригато кой-кому за помощь 😊

По происхождению в лексике аниме-сленга выделяются заимствования из японского, заимствования из английского и русские производные.

Японизмы приходят из всех перечисленных тематических зон. Их отличают:

- четкое деление на открытые слоги: *а-са-до-ра*, *то-ку-са-цу*, *у-са-ги-ми-ми*;
- присутствие сочетания *дз*: *сёдзе*, *дзесей*;
- присутствие сочетаний *го*, *ге*: *гекига*, *гомен*, *сугой*;
- частое окончание на гласные *-и*, *-е*, *-у*: *хикки*, *ахоге*, *отаку*.

Англицизмы представлены преимущественно в группе (4), описывающей технологию и форматы компьютерной подготовки материалов

аниме и манги, ср. *фандаббинг*, *сингл*²⁷, *гэг*²⁸, *OVA/OVA*²⁹, *равка*³⁰, многие такие заимствования приходят из компьютерного сленга. В группе (3) слова английского происхождения могут обозначать различные виды и части продукции, например, *фанбук*³¹, *анигайд*³², *опенинг*, *эндинг*³³, *айкетч*³⁴, *спешл*³⁵. Среди названий жанров и персонажей англицизмы представлены значительно реже, ср. *файтинг*, *фанфик*, *фурри*, и можно спорить, насколько эти слова характерны именно для аниме-сленга, а не принадлежат более широкой субкультуре.

Нужно оговорить, что ряд японизмов, в свою очередь, включает заимствованные элементы из английского и других европейских языков, ср. *дорама* (от англ. drama: сериал с живыми актерами), *редикоми* (комиксы для девочек, «леди»); *панцу* (кадры фансервиса, на которых случайно открывается нижнее женское белье). И напротив, некоторые японизмы, проходя через англоязычные форумы или уже в самом пространстве японской субкультуры, образуют гибриды типа *додзин-новел*³⁶, состоящие из японской и английской частей. Некоторые японизмы трансформируются по английским словообразовательным моделям, ср. диминутивы *хикки* от *хикикомори*, *биши* от *бисёнен*.

Русские производные создаются двумя способами. Во-первых, это может быть сдвиг значения существующего слова, ср. *феечка* — девочка, мнящая себя фанатом аниме, носящая кошачьи ушки, но просмотревшая от силы пару сериалов; *антеннки* — пряди, намеренно выбивающиеся из прически; *гарем* — аниме или манга с преобладанием женских персонажей:

²⁷ *Сингл* — применительно к манге обозначает работы, состоящие только из одной главы, так может называться и любая короткая манга.

²⁸ *Гэг* — в комедийном аниме или манге: сцена, где юмор передается с помощью стандартной (конвенционализованной) рисовки. Примером графического гэга может служить момент, когда при виде симпатичной девушки-бисёдзё у парней начинается фонтаном хлестать кровь из носа.

²⁹ *OVA (OVA, Original Video Animation)* — аниме, которое было выпущено в продажу видеоносителях (видеокассеты, DVD) и предварительно никогда не транслировалось ни на телеканалах, ни в кинотеатрах. Как правило, всё эротическое аниме выпускается именно в OVA-формате (хотя OVA не сводится к этому жанру).

³⁰ *Равка* — от англ. названия формата *raw* («сырой»): аниме с оригинальной японской озвучкой без какого-либо перевода; скан манги на японском языке без какого-либо перевода.

³¹ *Фанбук* — книга, содержащая информацию об аниме или манге.

³² *Анигайд* — anime guide, статья или сайт с полезной информацией об аниме.

³³ *Опенинг* и *эндинг* — анимационная заставка с начальными/конечными титрами.

³⁴ *Айкетч* (от англ. eye catch) — двухсекундная заставка в середине аниме, обозначающая начало и окончание рекламной вставки.

³⁵ *Спешл (спешл, спэшл)* — дополнительная серия или бонусный материал.

³⁶ *Додзин-новел* — текстовый квест с графическим оформлением в стиле аниме, по сути интерактивное аниме, где игрок может в какой-то степени влиять на разветвление событий.

- (8) Как человек, немного читавший мангу, могу сказать, что это точно не га-ремник (хотя отголоски *гарема* там имеются и немалые).

Иногда в ироническом контексте японские названия персонажей «переводятся»³⁷ русскими эквивалентами, например:

- (9) классно!) кawaii ^___^ столько кошечек 🐾 только кроликов мало 🐰 [комментарий к галерее картинок под названием «Кеомономими (Неки, Усаги, Инумими, Кицунемими...)»]

Во-вторых, производные образуются по русским словообразовательным моделям с включением заимствованных элементов типа *анимешник*, *гон-зятин*, *отакун*, *закавайтись* и др. Этим словам будет посвящен отдельный раздел ниже.

Оценивая в целом распределение слов по происхождению, мы можем сказать, что именно обилие японизмов отличает аниме-сленг, однако это не прямые заимствования, а слова, прошедшие сквозь фильтр англоязычной субкультуры, а затем уже попавшие на русскую территорию.

Графическое освоение японских элементов сленга

Когда слова заимствуются из другого языка, они должны быть освоены и фонетически, и графически, и морфологически, и синтаксически, «переведены» из структуры одного языка в системную решетку другого. Язык аниме-сленга дает нам интереснейший материал прежде всего в части японизмов, поскольку японский и русский языки и по звуковому составу, и по графике, и грамматически далеко отстоят друг от друга.

Как уже было сказано, аниме-коммуникация имеет преимущественно письменный характер, поэтому вопрос о фонетической адаптации японизмов мы затрагивать не будем. Речь пойдет о графическом освоении, а именно, о транслитерации японских слов кириллицей (безусловно, в сообщениях анимешников встречаются и латинские написания, но эту проблематику мы оставим за кадром). Прежде всего, стоит отметить вариативность в кириллическом написании японизмов, которая связана с существованием двух известных систем транслитерации: системы Хепберна и системы Поливанова [Иванов 2006].

Для нашего корпуса примеров существенными являются следующие различия между системами:

³⁷ М. А. Кронгауз определяет это как «замену чужого, непривычного, непонятного слова на слово привычное, свойское и очень конкретное» [Кронгауз 2013].

- запись букв, обозначающих глухой мягкий свистящий: в системе Хепберна передаются как шипящие (*шитадзики*, *шенен-ай*, *сейшу-ураку*), в системе Поливанова — как мягкие спиранты (*ситадзики*, *сёнен*);
 - передача аффрикат *джи* VS *дзи*, *джо* VS *дзё*, *джу* VS *дзю*, *джа* VS *дзя* (далее на первом месте приводим транслитерацию по Хепберну, на втором — по Поливанову): *доджин/додзин*, *бисёдзё*, *джосей/дзёсей*, *ниндзюцу*;
 - *чи* VS *ти*, *че* VS *те*, *ча* VS *тя*: *эччи/этти*, *чиби/тиби*, *коничива/коницева/конитева*, *чаоссу*;
 - *за* VS *дза*, *зо* VS *дзо*: *гозаймасу/годзаймасу*, *айзобан/айдзобан*³⁸;
 - буквосочетания *пт*, *пр* и *пб* записываются прямой калькой по Хепберну как *нм*, *нп* и *нб*, соответственно (*конбанва*), в то время как система Поливанова требует записывать их как *мм*, *мп* и *мб*, что точнее отражает японское произношение (*комбанва*);
 - транслитерация *тс* VS *ц*: *тсундере* — *цундере*, ср. также (9) и (10):
- (10) Некомими и *Кицунемими* *-.* обожаю. :з
- (11) Смотрю аниме "Волчица и пряности" ^__^. Клёвое! Обожаю нек ^^ Правда там не некомими, а *кицсунемими*, но лисички тож кавайины)

Еще одно различие кроется в написании *е* и *э* после согласных, обозначающих смычные и щелевые: *сёнен/сёнэн*, *хентай/хэнтай*, *десу/дэсу*, *ранобе/ранобэ*. Хотя написание *э* соответствует транслитерации Поливанова, а *е* — транслитерации Хепберна, скорее здесь можно говорить об общей тенденции к вариативности транслитерации английских заимствований в современном русском языке. (Заметим, что *е* по стандартным правилам русской орфографии заменяет и букву *ё*, как в начале слова и после гласных, так и в сочетаниях *сё*, *дзё* и т. п.).

Проблема транслитерации отрефлексирована аниме-сообществом и время от времени обсуждается в блогах и форумах. Считается, что в рунете большей популярностью пользуется система Хепберна, и это имеет историческое объяснение. В конце 1990-х только появившееся аниме смотрели в переводе на английский, а уже с него переводили на русский. Таким образом, укоренилась система Хепберна, а точнее, ее русифицированный вариант, где латинская транслитерация переводится на кириллицу.

Несмотря на то, что предпочтение отдается системе Хепберна и принято ругать систему Поливанова, в отдельных частностях за последней все же признается преимущество. Так, осуждается использование *ш* и *дж* вместо *с* и *дз*, ср. показательный отрывок из обсуждения в блоге <http://shinsengumi.diary.ru/>:

³⁸ Этот вариант встречается только в любительских словарях.

- (12) "Шёгун"? Это интересно)) Почему ж не поверю, поверю! В некоторых словах может даже и ничего, когда по отдельности. А когда "шёдждё манга" — это как манга для шепелявых девочек. Хотя по произношению как раз истина где-то рядом :)

Аналогично, не одобряется написание *йа, йо, йу* — прямой перевод Хепберновских сочетаний *ya, yo, yu* в кириллицу, не учитывающий наличие в русском букв *я, ё, ю* (ср. *охайо* и *охаё*).

Что же показывает наш материал? Действительно, в реальной коммуникации побеждают «поливановские» написания *дз*³⁹, *с*- и *ц*, но в остальных случаях есть строгая тенденция использовать транслитерацию Хепберна (т. е. писать *чи*- вместо *ти*-, *нв*- вместо *мв*-). Так, поиск в Google для вариантов *конбанва* — *конбамва* дает 32 тысячи вхождений против 191, а в поиске по блогам «Яндекса» вариант *чаоссу* (*чаосу*, *чаосс*) встречается более 3 тысяч раз против 6 употреблений *тяоссу* (*тяосс*)⁴⁰. Максимально вариативно написание *е* и *э* (ср. *сейю/сэйю*).

В заключение отметим еще одну тенденцию, не вписывающуюся в стандартное противопоставление систем Хепберна и Поливанова — опрощение *дзи* либо до *ди*, либо до *зи* (*ситадзики* VS *ситадики*, *додзинси* VS *додинси* VS *дозинси*). Представляется, что это происходит не случайно. Во-первых, в рамках освоения происходит переход от достаточно экзотического для русской системы биграфа *дз* к одиночной согласной букве. Во-вторых, работает фонетическая гипотеза: *зи* и особенно *ди* (фактически аффриката) фонетически довольно точно соответствуют произношению слога, обозначаемого в японском как *じ* / *ぢ*. В-третьих, в этом можно видеть свидетельство примерного, «на слух», запоминания, которое приводит к неточной передаче терминов на письме⁴¹.

Вместе вторая и третья гипотезы могут указывать на то, что влияние посредника — латинской (английской) транслитерации — в каких-то точках ослабевает, уступая место прямому взаимодействию русской и японской систем.

³⁹ Любопытно, что сочетание *дз* побеждает в обоих случаях, и когда оно соответствует *за, зо* (*з* в английской транслитерации), и когда оно соответствует *джа, джо, джи* (*j* в английской транслитерации).

⁴⁰ Показательно само соотношение количеств употреблений; естественно, эти числа не следует воспринимать как абсолютную истину, так как статистика Google и «Яндекса» учитывает и повторы/репосты, и употребление слов не-анимешниками (ср. название поста «Осенняя *конбанва*» у Евгения Касперского).

⁴¹ Еще одно свидетельство неточной передачи — варианты формул речевого этикета типа «здравствуйте», «спасибо» и т. п. Например, *конбанва* («добрый вечер») имеет часто встречающийся вариант *кобанва*, а интенсификатору *gozaimasu* (большой привет, большое спасибо) могут соответствовать написания *годзаймасу* (*гозаймасу*) и *гойзамасу*.

Грамматическое освоение: склонение, род, частеречная принадлежность

Освоение иноязычного слова новой для него языковой системой — процесс постепенный и длительный. Достаточно часто иноязычные элементы так и остаются не до конца освоенными «чужаками»: например, они могут отличаться особенностями произношения (ср. несмягчение согласных перед [э] в словах типа *несессер*, *темп* и т. п.), не включаются в систему падежного склонения (*радио*, *такси* и т. п.), не имеют словообразовательных производных. В этом разделе мы обсудим включение заимствованных слов аниме-сленга в систему русского словоизменения, а также любопытную проблему частеречной идентификации некоторых несклоняемых частотных слов.

Большинство заимствованных слов аниме-сленга являются существительными. Соответственно, при включении в систему русского языка может происходить либо полное их освоение (они получают наборы падежных окончаний, атрибуцию грамматического рода, одушевленности и числа), либо неполное (тогда эти существительные останутся несклоняемыми, но тем не менее, будут способны согласовываться с прилагательными и глаголами в определенном роде и числе). Поведение лексического фонда отличается в зависимости от того, является ли слово англицизмом или японизмом, и в зависимости от финали слова (гласного или согласного, на которое оно оканчивается).

Английские заимствования по преимуществу заканчиваются на согласный (*ангст*, *деформинг*, *ориджинал*, *сканлейт*, *тентакль*, *фанфик*, *косплей*) — в этом случае они становятся полноценными склоняемыми существительными мужского рода, ср. (13)–(16):

- (13) Еще четыре *онгоинга* и я осилю бэт-нью52!
- (14) Вторая *онгоингам* идет, ты чо
- (15) Так после фотосета мы в *косплее* пошли к нему в кафе)
- (16) Ударим *каваем* по *яою*!::lol::lol::lol:

Англицизмы, оканчивающиеся на гласный (кроме -а и -я), например, *аниме*, *фурри*, *паниу*, *превью*, не склоняются. Как исключение, не склоняется сложное слово *джапанимейш(е)н*:

- (17) Вернули в тему *джапанимейшин*.
- (18) Интересно, у кого-нибудь из крейзанутых режиссеров *джапанимейшен* хватит ума снять про нее анимэ?

Аббревиатуры, пришедшие из английского языка, не склоняются, если они не являются фонетическими (ср. *АМВ*, *ДДР*). Фонетическая аббре-

виатура *ОВА* ведет себя по-разному, ср. употребление несклоняемого существительного в (19) и склоняемого существительного женского рода *а*-склонения в (20)–(21):

- (19) Но хоть так уж и сильно от сюжета не уходили, и то радует и дает надежду на *ова*
- (20) Начинаю просмотр *овы* mirai nikki.
- (21) эндинг к *ове* просто очешуенен *-*

Приписывание грамматического рода и одушевленности у англицизмов происходит по стандартному сценарию, за исключением того, что несколько слов могут образовывать характерные для сленга варианты на согласный (мужской род) и гласный (женский род), ср. *арк* и *арка*, *рав* и *рава*, *спешл* (*спешел*) и *спешла*. Одушевленные диминутивы на *-и* (*биши*, *фурри*, *хикки*) являются существительными общего рода, так как способны обозначать лиц как мужского, так и женского пола и в зависимости от этого согласоваться с прилагательными и глаголами прошедшего времени по мужскому или женскому типу, ср.:

- (22) Проглотил столько своих собратьев, что сошёл с ума, заключил себя в сферу Дайсона и погрузился в стазис. В общем, типичный *хикки*.
- (23) она типичная *хикки*, понимаешь

Биши и *фурри* приобретают слабую способность к склонению (по некоторым свидетельствам, *фурри* в этом случае приобретает еще один вариант начальной формы на мягкий согласный, *фуррь*):

- (24) Близо к яю стоят аниме про лютых *бишей*
- (25) Трансформация из *фурря* в анимешника ^'^

Аббревиатуры приобретают признак рода либо по фонетическому критерию, либо по роду «основного» слова расшифровки, ср.

- (26) отличный *амв*, Аму-тян ^ _ ^
- (27) Самое нормальное *амв* по аниме Black rock shooter [«основное» слово — видео, ср. AMV = anime music video]

Освоение существительных-японизмов придерживается похожего стандартного сценария (слова на согласный и *-а/-я* — склоняются, слова на другой гласный — не склоняются), но вариантов здесь гораздо больше.

Существительные на гласный *-е*, *-ё*, *-и*, *-о*, *-у*, *-ю* остаются несклоняемыми (ср. *ахоге*, *сёдзё*, *некомики*, *отаку*, *сейю*), но ряд слов на *-о*, *-и* (*неко*, *оданго*, *мехи*) употребляются с присоединением падежных окончаний, ср.:

- (28) сколько Вы знаете аниме про ушастых и прекрасных *нек*

- (29) для каваек и *неков*
 (30) Запутался парик, а точнее хвосты от *оданг* на парике Усаги.
 (31) еще помнится управление у *мехов* было ,что то вроде кинекта.

Есть свидетельства, что, как и для *фурри*, в этих случаях мы должны реконструировать начальную форму вида *нека, нек, оданга, мех* (т. е. выводить эти формы из парадигмы существительного на -о, оставляя в ней только несклоняемые формы).

Неодушевленные существительные на гласный (за исключением -а/-я) в основном относятся к среднему роду. Одушевленные атрибутируются по полу обозначаемого объекта (в частности, *отаку* может быть и мужского, и женского рода):

- (32) Это *кодомо-аниме* очень *близко* к европейской анимационной школе
 (33) Хитрость в том, что хвосты перед завязыванием в узлы надо скручивать, чтобы *оданго* атама получилось *округлое*.
 (34) Мир *маленькой УСАГИМИМИ*

Японизмы на -а по стандартным правилам должны были бы стать в русском склоняемыми существительными женского рода. Так и происходит, ср. (35), но некоторые слова остаются все же лабильными в отношении склоняемости/несклоняемости, ср. (36)–(40):

- (35) Мой кот со мной и *дорамы* [скл.] смотрит и *мангу* [скл.] читает, но когда захожу в твиттер сразу же отворачивается:
 (36) Последней *такой асадора* [нескл.] была Наруто, Кои в 1994 году
 (37) Алексей, я как фанат JDM не признаю *леворульных иташей* [скл.] не японского производства))
 (38) Если вы не знакомы с *иташа* [нескл.], то знайте, что это игра слов в японском языке
 (39) дайте сайтики с *мангами*(=)) [скл.]
 (40) самоучитель по *манга* [нескл.]

Японизмы на согласный ведут себя более предсказуемо — это склоняемые слова мужского рода. Редкие исключения можно наблюдать с примерах (43), (45) и (46) — в последнем *тян* выступает как несклоняемое одушевленное существительное женского рода, обозначающее девушек:

- (41) *Какой бисёнен* [муж.] из аниме к вам подходит больше всего?
 (42) Лучшие сплавы у *сенена* [скл.] со споконами, такие как Мэйджор, например.
 (43) Возраст тот же, что и у *сёнэн* [нескл.] — от 12 до 18 лет.
 (44) и во вторых как с *милым джосеем* [скл.] можно выиграть у автора АЛХИМИКА?
 (45) Милый арт, типичный для *джосей* [нескл.]
 (46) Передо мной сидят две *тян* в отладке ^ ____ ^

Во второй части раздела обратимся к словам других частей речи. Лексический фонд аниме-сленга не сводится к существительным, хотя, ко-

нечно, количество глаголов, прилагательных, наречий, междометий, частиц и т. д., вместе взятых, едва ли составляет 10% словаря. Заимствованное слово не может стать глаголом, не будучи встроенным в русскую суффиксальную модель, но за это ему обеспечено полноценное встраивание в русскую грамматическую систему глагольного словоизменения (окончания, атрибуция вида, времени, наклонения, залога и т. п.), ср. *кавайтесь, итадакимасить* и др. Похожими свойствами обладают и склоняемые прилагательные — слова обоих этих классов мы рассмотрим в разделе «Словообразование». А несклоняемые прилагательные образуются с помощью конверсии.

Вместе с тем, нужно отметить, что в примерах аниме-коммуникации зачастую можно наблюдать конверсию, когда японизмы-существительные употребляются в качестве несогласованных (несклоняемых) прилагательных (или же их можно трактовать как первые части сложных слов), ср.:

(47) Из Японии и без *манга* стилизации — очень хорошо ^ _ ^.

Но наиболее интересно синтаксическое поведение трех, пожалуй, наиболее известных слов аниме-сленга — *ня*, *кавай* и *ковай*.

Так, не представляется возможным однозначно определить принадлежность *ня* к той или иной части речи. Во-первых, это звукоподражание (в японском так передается мяуканье кошки). Во-вторых, это слово часто употребляется как междометие с положительной эмоциональной окраской (милый, прелестный, забавный), ср. (48) — или же его можно трактовать как частицу, завершающую предложение. В-третьих, *ня* можно рассматривать как несогласованное прилагательное, с тем же смыслом, ср. (49).

(48) =(1') Тоби влюбился, *ня*

(49) ты просто *ня* [«ты просто прелесть»]

Слово *кавай* в примере (50), по-видимому, можно считать оценочным предикативом. Оно обозначает примерно то же самое, что и *ня*, «мило». В других примерах оно показывает себя как несогласованное прилагательное (51), склоняемое существительное мужского рода (52)–(53), междометие/частица, выражающая восторг (54):

(50) Ну все, тут ливень стеной. Папа пошел на балкон...зачем? Овощи помыть.
Типа на кухне не *кавай*.

(51) Мальчики просто *кавай*

(52) Задавим зиму *каваем*

(53) Откуда он, *этот* *кавай*?

(54) =(2') Такие глазки, такой ротик ^О^ *Кавай-кавай-кавай* ^ _ ^

Примерно те же черты характеризуют лексику *ковай* — на русский она наиболее адекватно переводится как «страшный/страшно» и может использоваться как наречие, прилагательное, существительное и междометие.

Подводя итог, можно сказать, что процесс грамматического освоения японизмов чуть более инертен по сравнению с освоением заимствований из европейских языков. Об этом говорит и вариативность при склонении, и конверсия в несогласованные прилагательные. Впрочем, в следующем разделе мы увидим, что активно употребляемые японизмы, напротив, легко встраиваются в грамматическую систему русского языка с помощью аффиксальных моделей.

Словообразование

Различие между англицизмами и японизмами проявляется и в способности слов образовывать производные и словообразовательные гнезда. Англицизмы не проявляют особой активности в словообразовательном процессе. Чаще всего это связано с тем, что однокоренные слова заимствуются параллельно (*сканлейт-сканлейтинг*), а потому нет необходимости в образовании новых лексем. Тем не менее, отметим регулярные модели с конечными формантами *-инг, -ер, -изм, -ист, -шин (-шен)*: *опенинг, деформ-инг, релиз-ер, фансаб-ер, коспле-ер, джапанимей-шин, эк-шин*, а также сложные слова с первой частью *фан-* и *ани-* (сокращение от *аниме*): *фан-арт, фан-саб, фан-даб, фан-сервис, фан-фик, фан-дом, ани-манга, ани-смайлы, ани-гайд*.

Иным образом ведут себя японизмы — но не все, а наиболее активное ядро. В частности, целое словообразовательное гнездо образуется от маленького слова *ня*: *ня-ш, ня-ш-а, ня-ш-к-а, ня-ш-н-ый, ня-ш-еч-н-ый, ня-к-а-ть, ня-к-а, ня-ш-и-ть, ня-ш-и-ть-ся* и т. п. Если вспомнить, что *ня* по происхождению — междометие, интересно отметить, что оно мотивирует не только глагол (по образцу звукоподражаний *мяу — мяу-к-а-ть, ой — ой-к-а-ть*), но и прилагательные и существительные. Стоит указать и на большие гнезда, которые образовались вокруг слов *кавай* и *сугой* (*кавай-н-ый, кава-и-щ-е, кава-и-ть-ся, кавай-н-о* и др.; *сугой-н-ый, сугой-н-еньк-ий, сугой-н-еньк-о* и др.). Наконец, само слово *аниме* тоже весьма активно, ср. *аниме-ш-н-ик, аниме-ш-н-ый, аним-к-а, аниме-ш-н-ость, аниме-ш-нича-ть*. Все четыре гнезда используют русские продуктивные словообразовательные модели.

Вместе с тем, в японском сегменте заимствований можно выделить другой тип языковых гнезд: сложные слова с корнем *-бан* («том»: *айзо-бан, бунко-бан, канзен-бан*) или с корнем *-мими* («ушки»: *ину-мими, кемоно-мими, кицуне-мими, неко-мими, усаги-мими*). Этот тип похож на английские ряды на *-инг, -ер* и т. п. В обоих случаях словообразование как процесс произошло в языке-источнике, но на синхронном уровне опознается и носителями русского языка.

Среди заимствований смешанного происхождения следует отметить ранее упоминавшуюся английскую диминутивную модель, которая по совместительству служит для сокращения длинных японских слов, ср. *биш-и*, *хикк-и*, и собственно сокращения, ср. *бунко* (от *бункобан*), *усага/усаги* (от *усагимими*), *неко/нека* (от *некомими*). И английские, и японские частотные слова легко встраиваются в процесс словосложения, причем вторым словом производящей базы может быть слово из активного лексического фонда русского языка, ср. *косплей-образ*, *косплей-программа*, *аниме-тусовка*, *аниме-сцена*, *анимеклипмейкер*, *дэнс-косплей*, *фотокосплей*, *сёнен-аниме*.

Остановимся еще немного на особенностях русских словообразовательных моделей. Если корень оканчивается на гласный (*ня*, *аниме*, *отаку*, *ова*), то используются тематические форманты *-ш-* (*ня-ш-н-ый*, *аниме-ш-н-ый*, *отаку-ш-н-ый*, *ова-ш-н-ик*), *-к-* (*ня-к-ать*, *манга-к-а*⁴² «тот, кто рисует мангу»). В слове *отаку-й -й-*, как кажется, тоже выполняет структурные морфонологические функции, отделяя основу на согласный от окончаний, ср. *отаку-(j)-ем*. В слове *отаку-изм* вставной согласный отсутствует. Отсечение конечного гласного основы или его слияние с начальным гласным аффикса тоже возможно, хотя и реже, ср. *хикк-ов-ый*, *седз-ёв-ый*, *фурр-ёв-ый*, *фурр-ят-н-ик*, *годз-ят-ин-а*, *мэзум-е-ть*. Безусловно, о принципе открытого слога в японских словах здесь говорить уже не приходится.

Более других продуктивны две словообразовательные модели с участием японских заимствований: модель образования прилагательных и наречий с суффиксом *-н-* (*косплей-н-ый*, *аниме-ш-н-ый*, *кавай-н-ый*, *ня-ш-н-ый*, *ня-ш-еч-н-ый*, *сугой-н-о*) и многочисленные варианты диминутивной модели (*рав-к-а*, *мув-ик*, *чиб-ик*, *ня-ш-к-а* — *ня-ш-еч-к-а* — *ня-ш-еньк-а*, *сугой-н-еньк-о*). Некоторые словообразовательные модели характерны не только для языка анимэ, но и для сленга в целом, ср. *гарем-н-ик*, *отаку-н*, *финал-к-а*, *сюжет-к-а*, *зелен-к-а*, *годн-от-а*, *гонз-ят-ин-а* и др.

В глагольной зоне используется модель с окончанием на *-и(-ть)* (орфографически реализуется также как *-е(-ть)*), ср. *коспле-и-ть*, *кава-и-ть-ся*, *мэзум-е-ть*, *тайм-и-ть*, *фан-саб-и-ть*, *фан-даб-и-ть*. С односложными корнями используется и модель на *-ну(-ть)*: *харт-ну-ть*, *дроп-ну-ть*, *ня-к-ну-ть*. Глагольные производные, в свою очередь, легко образуют разнообразные приставочные ряды, ср. примеры (55)–(58):

(55) Ага, как раз, чтобы с утра *закаваиться*)).

(56) Но за это время я успела *перенякаться*, *откаваиться* и успокоиться.

⁴² Как было замечено ранее, *манга* может употребляться и как склоняемое, и как несклоняемое слово, а значит, в последнем случае *-а* — часть основы. По-видимому, именно этот факт объясняет присоединение тематического форманта в производном *манга-к-а*.

- (57) Карта внутренней Монголии Middleclass Hero, ну может если больше подумать, а не просто **прокаиваться** с котов и кроличков...
- (58) И так как только релиз **оттаймин**, его начинают сводить и собирать.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенности словообразования в определенной мере связаны с происхождением слова, но, с другой стороны, ведущую роль для словообразовательного потенциала слова играет активность его употребления в аниме-сленге и даже его интервенция в общий сленг (прежде всего это касается слов с оценочным значением). Стоит заимствованию пройти этап «крещения» в русскую словообразовательную модель, его креативный потенциал словообразования становится практически безграничным.

Заключение

Сообщество анимешников рефлексировало над языком, создает любительские словари аниме-сленга, обсуждает варианты кириллической транслитерации слов (крайне интересно противостояние «приверженцев субкультуры» и «ревнителей традиционного востоковедения»). Вместе с тем, оценка носителями субкультуры своего языка бывает довольно субъективна и далека от того, что наблюдается в реальной коммуникации, на форумах и в социальных сетях.

Литература

- Блинова М. В. СМИ в Японии: медиабизнес, традиции, культура. М., 2008.
- Иванов Б. А. Киридзи и ромадзи: как писать по-японски кириллицей // Аниме и манга в России, 2006 / электронная версия: <http://animemanga.ru/Japan/romaji.shtml>.
- Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М., 2013.
- Левонтина И. Б. Достоевский отдыхает. Кто придумывает новые русские слова // Российская газета. Вып. №5328 от 03.11.2010.
- Buckingham D. (ed.). Youth, identity, and digital media. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Poitras G. Anime Essentials: Every Thing a Fan Needs to Know. Stone Bridge Press, 2000.

О. И. Северская

Кто требуется: *рисепшионистка* или *рецепционистка*?

(О вариативности написания одного из заимствований последних лет)

В статье рассматривается проблема фонетической, графической и грамматической адаптации заимствований в современном русском языке на материале интернет-текстов. В качестве примера проанализированы варианты кириллического написания слова, обозначающего в современном русском «зону приема посетителей» (от англ. *reception*), и его производных.

Ключевые слова: заимствование, кодификация, толкование, словоупотребление, транскрипция, транслитерация

Заимствования осуществляются так быстро, что лексикографы не успевают их кодифицировать. А вопрос, как произносить и писать новое и часто употребляющееся слово, требует ответа, за которым носители русского языка обращаются к интернету. Если не дает нужной справки интернет-портал «Грамота.ру» (кроме постоянно действующей Справочной службы портал предоставляет своим пользователям обновляемую версию «Русского орфографического словаря» под ред. В. В. Лопатина), используется Википедия (не вполне научный источник), а в сложных случаях — статистика поисковиков (результаты оцениваются по принципу «как чаще, так и правильнее»), отражающая словоупотребление большинства.

Одним из «непростых» в употреблении слов можно назвать заимствованное из английского языка высокочастотное обозначение «зоны приема посетителей» *reception*. Сложности касаются как определения значения¹ и возможности синонимических замен, так и написания/произнесения соответствующей лексемы в русском языке.

В большинстве случаев интернет-сообщество определяет *reception* как «стойку администратора», «стойку секретаря» или «офисную

¹ На сегодняшний день адекватное толкование можно найти лишь в Викисловаре и только для заимствования в его исходной форме, т. е. английского слова *reception*, у которого, помимо прочих, отмечается значение «приемная, регистратура, стойка администратора (в гостинице, офисе)», с русским лексическим соответствием *ресепшин* (неол.).

стойку» (от англ. *reception desk*²). Встречаются и более развернутые определения, претендующие на терминологичность: «в нашем сегодняшнем понимании — это место, куда прежде всего обращается клиент, заходящий в любое учреждение от парикмахерской до ресторана, хотя изначально это слово относилось только к столу регистрации постояльцев в гостиницах» (Группа компаний «Современные технологии», <http://www.re-line.ru/rus/articles/54.html>); «*приёмная стойка*, например, в гостинице или больнице, где клиент регистрируется, расплачивается и получает дальнейшие инструкции» (сетевой ресурс «Словоборг» — народный словарь современного русского языка, www.slovoborg.su)³. В некоторых текстах и сообщениях *reception* определяется как «зона», при этом структура ее может детализироваться: «Традиционно зона приема включает стойки ресепшин и зону ожидания. Зона ожидания обычно оборудуется небольшим количеством мягкой мебели (диван, пара кресел, журнальный столик» (Компания «Клио-мебель», <http://www.klio-mebel.ru/articles/2/12/>); иными словами, *reception* в этом случае определяется как «приемная».

Нередко делаются попытки объяснения вариативности имеющих хождение в современной русской речи эквивалентов *reception* и выбора «правильного» варианта, который указывается первым, например: «Ресепшин в переводе с английского означает «приемная», «гостиная». Встречаются различные варианты написания этого термина — *reception*, *reseption*, *рецепшин*, *рецепшен*, зачастую ошибочные, но являющиеся, как правило, синонимами (стойка администратора, офисная стойка)» (<http://www.klio-mebel.ru/articles/2/12/>); «Слово "*ресепшен*" пришло к нам из английского языка, поэтому в русском написании в настоящее время используются два варианта — "*ресепшен*" и "*ресепшин*". Второй из них более точно отражает особенности произношения этого слова в английском языке, но первый удобнее выговаривать носителям рус-

² Кроме значения «стойка», у англ. *desk* есть значение «стол». Несмотря на то, что ранее в русском языке *столом* назывались и учреждение или отдел определенной специализации (*адресный стол*, *стол находок*, *стол заказов*), сегодня это существительное ассоциируется лишь с предметом мебели. Не случайно, когда речь идет о *reception*, обычно за упоминанием о том, что раньше этого слово относилось к *столу регистрации*, следует уточнение об отличии стойки *ресепшен* от обычного письменного стола: «На первом уровне располагаются обычные для любого рабочего места предметы: телефон, компьютер, документация, канцелярские принадлежности и личные вещи секретаря. Второй уровень предназначен только для приема посетителей. Клиент намного удобнее чувствует себя, если при общении с секретарем может положить руки на столешницу, либо заполнить небольшие документы или поставить подпись» (www.re-line.ru).

³ При этом имеется в виду *стойка* определенного вида, что подтверждается атрибутивным употреблением лексем, соотносимых с заимствованием *reception*, в словосочетании *стойка reception* (ср. *барная стойка*, *стойка буфета*, *стойка для пробирок* и т. п.).

ского языка, так что в повседневном обиходе используются оба из них» (<http://www.president-mebel.ru/index.php?categoryID=15>). Строго говоря, наиболее точно отражает особенности английского произношения другой вариант⁴: *ресепшн* ([rɪ'sepʃn]), который, как и его «удобопроизносимая» вариация *ресепшен*, также присутствует в сети.

Если говорить о конкретных словоупотреблениях, то многие интернет-пользователи прибегают к вкраплению в текст англоязычного варианта: «Офисы большинства современных компаний, независимо от их размера и рода деятельности, начинаются с зоны *reception*» (www.salon.by), иногда располагая его рядом с русскоязычным соответствием: «Столы *reception* имеют двухуровневую структуру. Это обеспечивает удобство как сотруднику зоны *ресепшн*, так и посетителям» (www.receptions.ru). Встречаются (в довольно большом количестве — по оценке Google, более 3 млн.) и вкрапления ошибочного написания латиницей (через «s»): «Стойки *reseption*, барные стойки...» (www.eurocasa.ru); «Отель Амбассадор, Санкт-Петербург — фото: *Resepcion*» (www.tripadvisor.ru); «Работа *Resepcion*. Вакансии *Resepcion*» (www.jooble.ru) и т. п.

Что касается русскоязычных вариантов, то в интернете встречаются следующие: *ресепшен*, *ресепшн*, *ресепшен*, *ресепшн*, *рецепшен*, *рецепшн*, *рицепшен*, *рицепшн*, *рецепция*.

Наиболее распространено, пожалуй, заимствование *ресепшен*, сочетающее транслитерацию с транскрипцией с «русским акцентом» (огласовкой): «Сравнительно недавно в большинстве офисных помещений появился такой элемент меблировки, как стойки *ресепшен*, или, как их еще называют, стойки секретаря или офисные стойки» (www.president-mebel.ru); «Работа: секретарь на *ресепшен*» (www.superjob.ru); «Номера убирают, только если сдашь ключ на *ресепшен*» (www.otzyv.ru). Более «фонетизированное» соответствие *ресепшн* встречается чуть реже: «Театр начинается с вешалки, а офис с зоны *ресепшн* — это лицо любой компании» (www.defo.biz), значительно уступая точной транскрипции *ресепшн*: например, в сети можно обнаружить он-лайн игру «Реванш работника службы *ресепшн*» (<http://www.gamedoz.com/games/revansh-rabotnik-sluzhby-risepshn/ru>), объявления типа «Работа: администратор на *ресепшн*» (www.jooble.ru), марку стеклянной столовой посу-

⁴ Интересно, что пользовательский вопрос: «Как правильно пишется: *ресепшн* или *ресепшен*?» получает в сети ответ: «*reception* — *ресепшен* (английская транскрипция)» (<http://otvet.mail.ru/question/35003137>).

⁵ В сети можно найти и другой вариант записи огласовки, более соответствующий правилам русской фонетики: «На *ресепшине* все приветливые, подходишь с любой просьбой — сразу же выполняют. Что удивило, все понимают по-русски, так что языкового барьера нет» (<http://www.tophotels.ru/main/hotel/al26164>). Однако такие случаи единичны.

ды «*Rисепшин*» (www.profpasuda.ru) и многое другое. Соответствующий вариант с огласовкой *рисепшен* гораздо более редок, но все же встречается: «Goethe Hotel, Мюнхен — фото: Помещение для завтрака и частично вид на *рисепшен* — просмотрите достоверные фото и видео...» (www.tripadvisor.ru).

Примерно такие же соотношения можно наблюдать в употреблении конкурирующей транслитерации (с частичной транскрипцией), основанной на подмене английской буквы *s* [si:] буквой латинского алфавита *c* [tse:], в формах *рецепшен*: «*Рецепшен*. Дизайн и производство. Быстро, качественно, недорого!» (www.ivs-market.ru); *рецепшин*: «*Рецепшин* — лицо компании» (www.oniksmebel.ru); *рицепшен*: «Портфолио: *рицепшен*. Категория: промышленный дизайн» (www.freelance.ru); *рицепшин*: «Офис, телефон, *рицепшин*.... Услужливое воображение дорисовывает картинку-ассоциацию: более или менее гламурная блондинка...» (www.pro-robotu.com.ua).

В некоторых случаях различные написания соседствуют в одном тексте, что лишний раз свидетельствует о неустойчивости орфографии этого заимствования: «Столы *ресепшин* (*reception*). Промо стойка... Мобильный выставочный *ресепшен*...» (www.g-mg.ru); «*Ресепшин* — это именно то место, куда каждый посетитель обращается в первую очередь. Поэтому секретарь на *ресепшене* должен знать все о компании» (www.re-line.ru); «Едва ли сегодня можно представить офис серьезной фирмы или административного заведения без *ресепшина*. <...> Под *ресепшен* в офисе отводится отдельная зона для приема посетителей...» (www.klio-mebel.ru); наконец, приведем определение из электронного каталога, встречающееся не у одной фирмы: «Стойки *ресепшен* "*Ресепшин*"». Такие же примеры можно найти и в книгах, прошедших редактуру. Например, на одном из форумов делается замечание о том, что в детективе брата и сестры Литвиновых «произошли странные перемены»: «употребив сто раз слово *рецепция*, на сто первый они вдруг пишут *рецепшен*. Не иначе как у сестры с братом по поводу этого слова разногласия, а корректор просто ушами прохлопал» (<http://newforum.gramota.ru>). Точно так же Д. Донцова в книге 2003 г. отправляет свою героиню «на *ресепшен*», а в романе, датированном 2004 г., уже пишет: «Натянув на ноги одноразовые бахилы, я подошла к *рецепшен*».

Поскольку поисковые системы из-за погрешностей в механизме поиска дают относительную картину частотности того или иного слова в современном языке⁶, для сравнения имеет смысл использовать данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

⁶ В частности, поиск Яндексa, руководствуясь статистикой запросов, автоматически определяет вариант, которого придерживается большинство пользователей, и предлагает

Поиск в его базе, как в основном, так и в газетном корпусе, дает сравнимые результаты. Наибольшее распространение получили формы *ресепшин*: «Она знает четыре иностранных языка, работает 24 часа в сутки, никогда не говорит по телефону и всегда прекрасно выглядит. Знакомьтесь — это Актроид. Робот-секретарша на *ресепшин*. И, конечно же, ее сделали в Японии. Она понимает речь, поддерживает беседу, отвечает всегда вежливо и с улыбкой, глазами и мимикой демонстрируя вежливость и гостеприимство» (РИА Новости, 2005.03.22); *ресепишен*: «Инженерные службы отеля скрыты от посторонних глаз: это чистое царство высоких технологий. Степень автоматизации такова, что в подчинении у главного инженера всего два человека. Правда, они умеют оказываться в нужное время в нужном месте: когда у одного из гостей на *ресепишен* сломался замок от чемодана, Марко, проводящий большую часть своего рабочего дня в технической зоне отеля, каким-то волшебным образом появился и все починил еще до того, как помощница управляющего сняла трубку, чтобы ему позвонить» (П. Бурмистров. Отель: на сцене и за кулисами // «Русский репортер», 2011, № 3); *рецепшин*: «Взрыв произошел практически на его глазах. И около четырех часов он просидел в шоке в баре игровых автоматов под Манежной площадью. По его словам, в здание он зашел через служебный вход и вышел через центральный, чтобы купить телефонную карту на стойке *рецепшин*» (З. Лобанова и др. «Где здесь Госдума?» // Комсомольская правда, 2003.12.09); *рецепишен*: «Много примеров, когда молодые люди, закончив вуз с маркетинговым дипломом, приглашаются на работу в ту же компанию, где два года просидели на *рецепишен*» (П. Орлов, Встречают по одежке, а платят по уму // Труд-7, 2007.06.15).

Как ни странно, распространенный в сети вариант *рисепшин* в значении «зона приема посетителей» в Национальном корпусе русского языка не встречается, есть только один пример этого заимствования в значении «прием (гостей)»: «В общении я ценю открытость и естественность. А нет ничего более ненатурального, чем американские так называемые party. Там степень внимания к вам заранее отмерена в присланном приглашении: “Дорогой господин Петров, такой-то имеет честь пригласить вас на *рисепшин*, который состоится с 18.00 до 19.40”. То есть вам отводят срок. Если вы в 19.45 все еще сидите и пьете чай, хозяин с удивлением смотрит на часы — дескать, чего этот чудила не уходит?» (С. Бирюков. «Николай Петров: Предпочитаю играть, а не чинить розетки» // Труд-7, 2005.04.21.)

Частота тех или иных словоупотреблений отражена в сравнительной таблице 1.

исправления для менее распространенных вариантов, которые тем самым включаются в результат, увеличивая показатель частотности.

Таблица 1. Частота употреблений эквивалентов слова *reception*

Вариант написания	Статистика Яндекса	Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)	
		Основной корпус	Газетный корпус
<i>ресепшен</i>	2 млн.	5	26
<i>рисепшен</i>	около 537 тыс.	—	—
<i>ресепшин</i>	1 млн.	6	95
<i>рисепшин</i>	около 2 млн.	—	1
<i>рецепшен</i>	около 2 млн.	6	2
<i>рицепшен</i>	1 тыс.	—	—
<i>рецепшин</i>	1 млн.	—	5
<i>рицепшин</i>	491	—	—
ресепшионист	131 тыс.	—	5
рисепшионист	340	—	1
рецепшионист	13	—	—
рецепционист	11 тыс.	—	1
рицепционист	7	—	—

Сервис Национального корпуса русского языка позволяет определить и динамику заимствования соответствующих лексем: начало процесса относится к концу 1990-х годов, пиковые значения частотности приходятся на 2001 год, при этом форма *ресепшин* значительно опережает по темпам распространения свой вариант *ресепшен*, чуть уступает ей форма *рецепшен*, а срединное положение занимает слово *рецепция* в соответствующем значении.

Именно *рецепция* признается языковедами нормативным вариантом «по умолчанию». Так, в пополняемой электронной версии «Русского орфографического словаря» под ред. В. В. Лопатина на портале «Грамота.ру» рядом с *ресепшен* стоит помета: *разг. к рецепция*. Между тем, во всех современных словарях иностранных слов слово *рецепция* имеет только два значения, в частности, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина определяется так: «1. *физиол.* Осуществляемое рецепторами восприятие и преобразование энергии раздражителей в нервное возбуждение. 2. *спец.* Заимствование и приспособление данным обществом социальных и культурных форм, возникших в другой стране и в другую эпоху» [Крысин 2005: 676]. Современное словоупотребление отражает лишь сетевой Викисловарь, который приписывает слову *рецепция* и значение «то же, что и администратор в отелях и т. п.», снабжая его пометой *жарг.* и иллюстрацией из корпоративной переписки: *Документы сегодня отправляю на тебя, забереешь на рецепции*. Заметим, что толкование

ошибочно указывает не на «зону приема посетителей», а на работника этой «зоны», но все же отражает факт заимствования лексемы вместе с развившимся у нее в языке-источнике дополнительным значением.

Национальный корпус русского языка показывает, что в значении «зона приема посетителей» слово *рецепция*, первоначально заимствованное из латыни, употреблялось и до того, как произошло заимствование *reception* в том же значении из английского языка. Приведем лишь пару наиболее ранних примеров: «За стойкой *рецепции* отлично вышколенные профессионалы портье и его помощник делали вид, что ничего особенного не произошло» (В. Аксенов. Остров Крым. 1977–1979); «Утром ее долго будили звонками из *рецепции*» (А. Кабаков. Сочинитель. 1990–1991)⁷. Встречаются примеры такого использования слова *рецепция* и в сети: «На *рецепции* хозяин дал ключи от номера, и здесь подтвердилась информация из предыдущих отзывов: русских, как правило, селят на 1-е этажи» (www.tophotels.ru). При этом речь идет не только о гостиницах. В интернете можно найти упоминания о *рецепциях* в банках («Регистрация акционеров будет проводиться с 11–00 до 11–30 (*помещение центрального офиса Банка, рецепция*)» — www.profinbank.com), юридических, консалтинговых и других фирмах и компаниях, различных клубах («В фитнес-клубе все должно быть прекрасно: и «лицо», и сервис... С тем, что *рецепция* — это «лицо» *фитнес-клуба*, спорить не приходится...» — www.FemalSport.ru; «Работа: администратор *рецепции* ночного клуба» — www.rabota-ipoisk.ru) и т. д. *Рецепцией* часто называется и соответствующий предмет офисной мебели, например, на одном из форумов встречается определение: «стойка администратора (*рецепция, ресепшн, reception*)» (форум на сайте www.promebelclub.ru).

Многообразие вариантов обозначения одного и того же делает закономерным вопрос, кто же работает в «зоне» или за стойкой *reception*. Каково номенклатурное обозначение профессии этого человека? Такой вопрос был задан на одном из форумов, среди ответов были и попытка

⁷ Похоже, что во время Перестройки, как это следует из приведенных контекстов, *рецепция* была атрибутом западного гостиничного бизнеса. В российской действительности ее аналогом была *стойка администратора*: «Вышли на Садовой и направились к ближайшей гостинице. <...> В вестибюле за стойкой дремал администратор с зачесанными на лысину остатками волос. Рядом стоял на задних лапах огромный бурый медведь. Его шкура была попорчена молью. Его маленькие стеклянные глазки смотрели на нас неприветливо» (Г. Алексеев. Зеленые берега. 1983–1984). Заметим, что сегодня словосочетание *стойка администратора* используется как синоним *рецепции*, уже не имеющий национального колорита: «Она, обогнув центр по хайвею, зарулила к стокгольмскому шератону. — Только на одну ночь, — пояснила она, паркуясь на платной стоянке, — я всегда мечтала провести ночь в шератоне. Она подошла к *стойке администратора* и уладила все в две секунды» (Н. Климонтович. Дорога в Рим. 1991–1994), и употребляется довольно часто (в Национальном корпусе зарегистрировано 29 вхождений).

обойти проблему выбора словообразовательного варианта: «Если в гостинице, то администратор, а если в фирме, то секретарь» (<http://otvet.mail.ru/question/44838716>), и заимствованное из французского языка слово *ресепсьонист*. Между тем в сети встречаются варианты *ресепшионист(ка)*: «На должность *ресепшиониста* назначается лицо, имеющее среднее профессиональное образование, опыт офисной работы...» (цитата из должностной инструкции на http://www.rabotka.ru/job_description/301.php); *ресепшионист(ка)*: «Добрый день! Я хотел бы забронировать столик на субботний вечер. *Ресепшионист*. Во сколько? Игорь Смирнов. В восемь. *Ресепшионист*. На сколько человек? Игорь Смирнов. На двоих» (учебник для туристов на www.dinternal.com.ua); *рецепшионист(ка)*: «Часто *рецепшионист* — это первый представитель компании, с которым знакомится посетитель. А как говорится, встречают по одежке» (www.sankt-peterburg.trud.com); *рицепшионист(ка)*: «А подскажите, пожалуйста, сколько примерно может получать менеджер (египтянин), который работает в довольно хорошем отеле и не на последней должности, т. е. не *рицепшионист*?» (www.kunstkamera.net); *рецепционист(ка)*: «Ищем: *рецепциониста* со знаниями русского языка» (www.amarantest.eu); *рицепционист(ка)*: «Я оттуда вышла через 3 секунды, даже *рицепционист* моему коллеге сказал: мы все поняли по выражению лица вашей девушки» (www.suzuki-club.org). В справочной же литературе, например, в онлайн-овом «Юридическом словаре», избирается производное от *рецепция*: «*Рецепционист* (от англ. *reception* “прием”) — сотрудник низшего звена, работающий на первичном приеме клиентов по телефону или лично; встречает и приветствует клиентов, адресуя их к соответствующим сотрудникам фирмы; занимается регистрацией посетителей и телефонных звонков, сортировкой корреспонденции; в перспективе — офис-менеджер» (<http://enc-dic.com/legal/Recepconist-16647.html>).

Следующий вопрос, который предстоит решить лексикографам, это вопрос о том, где именно происходит общение с посетителями и клиентами. Иными словами, вопрос о предложном управлении, который также не имеет сегодня однозначного ответа. Встречаются сочетания номинации «зоны приема» как с предлогом «в»: «Молодая женщина с сердитым выражением на лице подбирает девочку ... и спасает весь вечер, пока родители, пьяненькие, беззаботные не вернутся домой. ... Родители предусмотрительно не говорят, где их комната. Нечаянная нянечка несет спящего ребенка *в «рецепцию»*, ночью родители незаметно забирают дитя к себе, сунув дежурной тайке зеленую купюру, говорят «сенкью», а утром, завтракая, повествуют, что были в ночном платном заведении: — Ох, и бардаки же у них! На всякий вкус и размер. Совсем разложились, басурмане» (В. Астафьев. Затеси. 1999); «Включишь телевизор, ляжешь в ванну и в дверное зеркало боевик смотришь. Потом белый халат

и шлепанцы. В халате записка, мол, если он вам так нравится, не укладывайте его сразу в чемодан, а спросите *в рецепции* — мы его вам уступим по чрезвычайно сходной цене...» (А. Битов. Последовательность текстов. 1996–1997); «Утром подошли *в ресепшен*, и нас без вопросов переселили в стандартный номер» (www.hochuvotpusk.ru); «*В ресепшен* отеля услуги предоставляются круглосуточно, включая обмен валюты» (www.absolutumhotel.cz) и т. д.; так и (с наметившимся с 2005 года преобладанием) с предложением «*на*»: «Вы хотите работать администратором или секретарём, но вбивая запрос в поисковики «работа *на ресепшн*» — получаете кучу ссылок на не интересующие вас вакансии?» (www.hh.ru); «Сейф *на ресепшен*: бесплатно» (www.compas-club.com); «Некоторым перевязку делают прямо *на ресепции*, других отправляют по модулям — в терапию, педиатрию или перевязочную» (Д. Виноградов. Врачи прилетели // Русский репортер, 2010, № 4). Очевидно, что в первом случае подразумевается «приемная», во втором — место, где осуществляется конкретная деятельность (ср.: *на приеме, на вахте*), или место, где что-то находится (ср.: *получить билеты на ресепшен / на входе*).

Обращает на себя внимание тот факт, что если в начале процесса заимствования мотивированные английским произношением варианты употреблялись как несклоняемые существительные женского рода (что объясняется аналогией с родовыми понятиями «стойка» и «приемная»), то с начала 2000-х годов резко возрастает (по данным Национального корпуса русского языка, почти в 3 раза) число употреблений, в которых эти же варианты склоняются по образцу существительных мужского рода. Ныне встречаются оба варианта, что можно показать на примере использования слова *ресепшен* в косвенных падежах: «Тут кругом дерево — за стойкой *ресепшен* во всю стену поленница, рядом стол из цельного толстеного ствола, с другой стороны — камин с потрескивающими дровами» (П. Бурмистров. Отель: на сцене и за кулисами // Русский репортер, 2011, № 3); «*На ресепшен* висит расписание и расценки транспорта. В отель заезжает экскурсионный автопоезд (билеты *на ресепшен*)...» (www.tury.ru, 2011), ср.: «О кризисе говорят все подряд: страховые агенты, менеджеры, девочки *с ресепшена*» (Труд-7, 2009.02.10); «Узенький коридор, приглушенный свет. *На ресепшене* пусто» (Комсомольская правда, 2006.05.22); «Крупные компании предпочитают делать стойки *для ресепшена* на заказ» (www.re-line.ru, 2008)⁸. В электронной версии «Русского орфографического словаря» под ред. В. В. Лопатина *ресепшен* также подается как склоняемое существительное мужского рода: «*ресепшен, -а*»,

⁸ На род может указывать и прилагательное. Так, на одном из туристических сайтов в описании гостиницы упоминается «*новый ресепшен*», в то время как производители мебели предпочитают говорить о «*комфортабельной и эргономичной ресепшен*».

однако без соответствующих помет и без указания на возможность изменения по числу. Тем не менее, в речевой практике уже встречаются и формы множественного числа: «*Ресепшены* — от простых до изысканных» (www.erimex-design.ru); «На все *ресепшены* установлена гарантия производителя, все материалы и комплектующие сертифицированы» (www.resepshen1.ru) и др., но только в том случае, если речь идет о мебелировке приемных.

Особый интерес представляет реакция интернет-сообщества на появление рассматриваемых новых слов.

Обсуждение на форуме «Грамоты.ру», например, затрагивает проблему выбора между «англицизмами» и ранним заимствованием, получившим (как и в языке-источнике) новое значение (<http://newforum.gramota.ru>, тема: Рецепция). Рекомендуемый лингвистами вариант некоторым участникам дискуссии кажется «диловатым» и вызывающим ненужные ассоциации: «На мой взгляд, *рецепция* — это на русский слух нечто схожее с рецептом. А если учитывать словообразование, то, к примеру, с контрацепцией»; «*Рецепция* — гибрид *ресепшена* и администрации. (Администрация, сидящая на ресепшене, — рецепция.)». Есть и ссылки на авторитет, в данном случае, сотрудников справочной службы портала, которые на вопрос, как называется «место в холле солидной фирмы, где один или два секретаря принимают посетителей» (*рецепция* или *ресепшен*?), указывают на *ресепшен* как на «предпочтительный» и «более корретный» вариант. Но звучат и голоса в защиту «старого нового» слова: «Слова с суффиксом *-tion* обычно заимствовались в русский с давно уже привычной концовкой *-ция*. Она и произносится нормально. *Ресепшин* меня всегда огорчал тем, что его по-русски произносить очень неудобно, а в падежах он звучит совсем дико. Так что я была бы за смену *ресепшина* на *рецепцию*»; «*Ресепшен* дичее. А в *рецепции* есть что-то то ли зоенковское, то ли еще что-то более раннее... мне нравится». Иные заглядывают в историю языка-источника и находят там соответствующее нынешнему *reception* слово *desk* в цитате из Э. Р. Берроуза: «The desk was a large, circular booth in the center. There were benches, chairs, divans, flowers; small shops opened from it. I felt almost at home. — “*Стойка регистрации* представляла собой большую круглую будку в центре холла. Кроме нее, в холле были кресла, скамейки, ковры, цветы. Прямо в него открывались маленькие магазинчики”. <...> Как мы видим, сравнительно недавно <...> никакой “рецепцией” или “рецепкой” в американской литературе и не пахло. А теперь вдруг поваяло!».

На другом интернет-форуме в ответ на вопрос, как правильно: *ресепшин* или *рецепшен* (<http://otvet.mail.ru/question/17258493>), прозвучали резко-оценочные реплики: «Глубоко по барабану, в русском языке таких словьев нету»; «В русском языке нет такого слова. Поэтому ни один из ва-

риантов не имеет смысла», а также были предложены синонимические замены: «*Приемная*, вот как правильно»; «По-русски правильно *стойка администратора*».

На форуме «Как это будет по-русски?» (<http://forum.lingvo.ru>) в дискуссии, проходившей под лозунгом «ну надоели англицизмы», были предприняты попытки объяснить сложности синонимической замены заимствования *ресепшен*: «Уж слишком место многофункциональное, в русском языке ещё нет устоявшегося варианта. Иногда — справочная, иногда — приемная. В поликлинике — "регистратура", конечно», и оправдать его использование в определенных контекстах: «Для меня *ресепшин* нормально звучит в офисе, ну и, пожалуй, в гостинице, как разговорный вариант, но *ресепшин* в супермаркете!». Некоторые вообще заявляли о своей «невосприимчивости» к заимствованию, предлагая замену, исходя из внутренней формы заимствуемого слова: «Я увидела *ресепшен* кириллицей и вообще не поняла, о чем это, честно, глухо, как в танке. Помоему, можно назвать просто **прием** или **прием гостей** <...>: *дежурный (ая) по приему, спросите на приеме, обратитесь в прием гостей*. Меня, во всяком случае, это не шокировало бы». Разделявшие это мнение ссылались на то, что «те же *accueil*, *reception* и *Erfang* подразумевают прием (посетителей, гостей и т. д.)». Предлагались также варианты *администратция, стол справок, стол информации*... Показательно разъяснение инициатором дискуссии своей позиции: «Раздражает не то, что для понятия, которого не существует в русском языке используется неологизм. Раздражает, что старые русские слова под влиянием взаимодействия с иностранными коллегами заменяются на иностранные».

Несмотря на то, что слово *рецепция*, безусловно, не является «старым русским», оно действительно имеет свою историю в русском языке, а его латинский корень несет в себе идею «приятия/приема», которая и способствовала развитию новых значений у родственных слов в европейских языках.

Процесс переосмысления раннего заимствования, как показывает изученный материал, идет параллельно со вторичным заимствованием однокоренного слова уже из английского языка, признанного сегодня мировым⁹.

То, что среди «англизированных» вариантов побеждают наиболее приближенные к фонетике языка-источника *ресепшин* и *ресепшен*, закономерно: во-первых, такова тенденция в выборе способа заимствования

⁹ В частности, И. Б. Левонтина в своей работе «Шум словаря» [2006] пишет том, что многие слова, которые были заимствованы в русский язык достаточно давно, обжились в нем, встроились в русскую языковую картину мира, сейчас заимствуются повторно; при этом не столько перенимаются конкретные иноязычные употребления, сколько воплощаются наше «представление о том, как это должно быть там у них, на Западе».

(ср.: *принц Чарльз*, но *Карл V*); во-вторых, в современном языке уже есть группа подобных слов, аналогия с которыми интуитивно ощущается носителями языка (ср.: *экин/экишен*, *поул-позишн/поул-позиция* и *позишен-трейдинг*). По-видимому, будущее все же за формой *ресепшен*, уже освоенной, что доказывает начало ее изменения по числу, роду и падежам: именно склонение заставляет сдать позиции неудобопроизносимую в косвенных падежах форму без огласовки, хотя варианты *на ресепшине*, *с ресепшина* пока еще можно встретить в сети. Что тоже не удивительно: для интернета характерна новая, промежуточная форма существования языка «между речью и письмом» [Кронгауз 2013: 44], и в данном случае именно письменная форма позволяет не обращать внимания на трудности произношения.

Однако появление смысловых дублетов типа *стойка ресепш(е)н* или *прием на ресепш(е)н* говорит о том, что данное заимствование испытывает на себе влияние и другой обозначившейся тенденции функционирования иноязычных слов: в последнее время отмечается значительный рост числа плеонастических словосочетаний (ср.: *перспективы на будущее*, *саммит на высшем уровне*), в которых значение заимствования оказывается «стертым» и требует перевода на родной язык [Северская 2004: 56]. Отсюда — попытки найти эквивалент пресловутому *reception*.

Попытки эти, надо признать, не слишком успешны. Это объясняется тем, что определение смысла слова требует обращения к контексту: *стойка* (предмет офисной мебели) может быть рабочим местом *администратора*, *регистратора*, *секретаря*, в зависимости от типа учреждения «зона приема» может быть, как уже говорилось, *приемной*, *столом справок*, *регистратурой*, *стойкой дежурного администратора*. Если попытаться использовать в качестве единой синонимической замены подразумеваемое значением *reception* слово *прием*, все равно потребуются уточняющие определения: *прием клиентов/посетителей/пациентов/покупателей/гостей* и т. д.

Как показывает исследовательская практика, современные носители русского языка не вполне готовы к признанию равноправия встречающихся в узусе вариантов и стремятся выбрать из них «наиболее правильный» [Северская 2011], и случай с обозначениями понятия *reception* — не исключение, что доказывает (о чем и шла речь выше) множество обнаруживаемых в сети вопросов о «предпочтительном» и «грамотном» их использовании.

Возврат к более раннему заимствованию *рецепция*, как представляется, и позволил бы избежать споров: слово вписывается в систему языка (ср.: *революция*, *демонстрация*, *концепция*) и происходит от того же латинского корня, что и его европейские эквиваленты, развившие новые значения. Именно этот вариант, как уже отмечалось, склонны рекомендовать

языковеды, а произведенное от него слово *рецепционист* уже закреплено в номенклатурном списке профессий. Кроме того, *рецепция* оказывается столь же емкой в смысловом отношении, как и *ресепш(е)н*, поскольку может указывать как на «место приема посетителей», так и на «рабочее место сотрудника, ведущего прием посетителей», не требуя дополнительных определений. Интернет-сообщество, как было показано, к выбору этого варианта готово. Дело теперь за лексикографами.

Литература

- Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М., 2013.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
- Левонтина И. Б. Шум словаря // Знамя. 2006. №8. С. 197–207 / электронная версия: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12.html>.
- Северская О. И. Говорим по-русски с Ольгой Северской. М., 2004.
- Северская О. И. Конфликт «своего» и «чужого», «старого» и «нового» (об отношении общества к основным тенденциям нормообразования) // Конфликт в языке и коммуникации. Сб. статей. М., 2011. С. 271–282.

В. Д. Магомедова, Н. А. Слюсарь

Расшатывание исторических чередований согласных на примере ненормативных форм компаратива

Разрушение исторических чередований согласных, система которых остается неизменной в нормативном языке, но расшатывается в ненормативных формах, особенно широко представленных в языке современного интернета, рассмотрено на примере форм компаратива (ср.: *упругее, дерзие, моложее* и др.). В статье проанализированы способы образования нормативных и ненормативных форм современного русского компаратива, выявлены относительные частоты этих форм и установлены факторы, которые могут влиять на расшатывание чередований.

Ключевые слова: компаратив, согласные, исторические чередования, оптимизация поиска

Введение

Со времен великих открытий XIX века мы многое узнали о том, как меняется язык. Но обычно мы получаем доступ к очень ограниченному объему данных об исследуемых языковых процессах. Взрывообразный рост количества опубликованных в интернете текстов, большая часть которых не подвергалась никакой редакции, дает современным исследователям уникальную возможность наблюдать за жизнью языка и детально ее изучать. Это крайне важно для понимания языковых изменений как с точки зрения языковой системы, так и с точки зрения ментального лексикона отдельных носителей.

Однако воспользоваться этой возможностью не так просто. Во-первых, с приходом массовой грамотности многие процессы языковых изменений значительно замедлились. К счастью, в русском языке есть, по крайней мере, одно явление, которое можно плодотворно изучать, опираясь на данные, полученные из интернет-текстов. Это процесс разрушения исторических чередований согласных, система которых остается неизменной в нормативном языке, но явно расшатывается в целом ряде ненормативных форм. В работе это явление рассматривается на примере форм компаратива.

Во-вторых, при использовании данных из интернета возникает ряд проблем, связанных со сбором и обработкой материала. Например, статистика по результатам поиска, которую дают поисковые машины, получается очень неточной, что существенно затрудняет оценку частотности появления форм. При этом просматривание результатов вручную осложняется тем, что их невозможно сохранить в удобной для работы форме. Мы разработали набор программных инструментов и методик, которые позволяют обойти подобные проблемы, а также решают некоторые другие задачи. Они могут быть полезны и другим исследователям. Прежде всего, это программа «Lingui-Pingui», которая работает с Yandex.API и помогает собирать, сортировать и обрабатывать данные, полученные из интернета.

Таким образом, в этой статье мы ставим перед собой две цели: проанализировать расшатывание исторических чередований согласных в различных формах сравнительной степени, которые можно найти в интернете, и представить разработанную нами программу «Lingui-Pingui». Статья имеет следующую структуру. После краткого обзора форм с чередованиями согласных мы разбираем работу [Slioussar, Kholodilova 2013] по расшатыванию таких чередований в глагольных формах. Затем мы очерчиваем круг явлений для последующего анализа, рассматривая различные способы образования нормативных и ненормативных форм компаратива. Далее мы анализируем относительную частотность форм и устанавливаем, какие факторы могут влиять на расшатывание чередований. Наконец, мы очерчиваем общие принципы и основные сложности работы с данными поисковых машин, а также описываем разработанную нами программу, показывая, как мы использовали ее для сбора и анализа данных.

Предыдущие исследования

Исторические чередования согласных (*к // ч, к // ц, г // ж, г // з* и др.) изначально использовались при формо- и словообразовании шире, чем в современном русском языке. Сейчас в парадигмах существительных их практически не осталось (за исключением единичных форм вроде *боже*), но они сохраняются в ряде глагольных классов (например, *писать — пишу, возить — вожу*), в некоторых формах компаратива (например, *сухой — суше*), а также перед определенными суффиксами (например, *скользить — скольжение*).

Однако анализ ненормативных форм, которые можно в изобилии найти в интернете, показывает, что система чередований в той или иной степени расшатывается и в этих категориях слов. Особенно это замет-

но при образовании форм или дериватов от неологизмов, которые (еще) не являются частью литературного русского языка. Например, диминутив от слова *блог* — это не только *бложик*, но и *блогик* или *блочик*. Во второй форме чередование отсутствует, а в третьей имеется чередование, которое не встречается в нормативном русском языке. Это явление представляется крайне любопытным в свете того, что парадигматическое выравнивание давно и активно обсуждается в рамках самых разных лингвистических направлений, например, в [Albright 2002, 2010; Anttila 1977; Benua 1997; Bybee 1985; Kiparsky 1982, 2002; Kuryłowicz 1949; Mańczak 1958; McCarthy 2005].

Н. А. Слюсарь и М. А. Холодилова [Slioussar, Kholodilova 2013] изучили этот процесс на примере ненормативных глагольных форм, и в данной статье мы продолжаем начатую ими работу, обратившись к компаративам. Чередования встречаются в следующих глагольных классах (классификация по «Русской грамматике» [Русская грамматика 1982]): V класс 1 подкласс (*писал* — *пишу*, *пишешь*), VI класс 1 подкласс (*жег* — *жгу*, *жжешь*), X класс 1 подкласс (*возил* — *вожу*, *возишь*), X класс 2 подкласс (*летел* — *лечу*, *летишь*). Из них только X класс 1 подкласс является продуктивным, и в последнее время в нем появилось много новых глаголов, не ставших частью литературного русского языка: *френдить*, *флеймить*, *оффтопить* и пр.

Слюсарь и Холодиловой удалось установить, что ярко выраженные проблемы с чередованиями наблюдаются у этих глаголов, а также у глаголов VI класса 1 подкласса. Они показали, что процесс парадигматического выравнивания зачастую идет в двух направлениях одновременно: избавление от чередований в тех формах, где они были, и появление чередований в тех, где их не было. Однако избавление от чередований более распространено, в том числе в 1 подклассе VI класса, у которого в парадигме настоящего / будущего времени есть четыре формы с чередованиями и две без них. Интересно заметить, что эти данные идут вразрез с популярной сейчас моделью парадигматического выравнивания, предложенной в работе [McCarthy 2005], и лучше согласуются, например, с предсказаниями теории А. Олбрайта [Albright 2002, 2010].

На примере различных групп глаголов 1 подкласса X класса было установлено, что на сохранность чередований влияют следующие факторы: частотность глагола (у редких глаголов возникает больше проблем с чередованиями), его нормативность и конечный согласный основы. Чередования сохраняются лучше всего у глаголов с основами на губные согласные и хуже всего у глаголов с основами, заканчивающимися группами шумных согласных. Кроме того, были проанализированы типы чередований, не встречающихся в нормативном русском языке.

Формы компаратива и их свойства

Способы образования компаратива, а также те случаи, когда оно затруднено или невозможно

Категория степени сравнения присуща прилагательным и наречиям. Для данной работы не имеет значения, от какой из этих двух частей речи образованы интересующие нас формы компаратива с чередованием согласных. Так как наречия, у которых есть такие формы, в абсолютном большинстве случаев являются производными от прилагательных, в дальнейшем, составляя списки слов для анализа, мы будем ориентироваться на прилагательные.

Формы сравнительной степени делятся на неизменяемые синтетические (например, *большие, моложе*), изменяемые синтетические (например, *больший*) и аналитические (например, *более большой, более молодой*). Многие прилагательные имеют формы первого и третьего типа, которые различаются прежде всего своими синтаксическими функциями (синтетические формы не могут играть роль определений, но обычно предпочтительны в предикативной функции). Эти и другие различия подробно рассмотрены Ю. П. Князовым [2007]. Формы второго типа крайне редки.

Так как чередование согласных встречается только в формах первого типа, рассмотрим те случаи, когда их образование затруднено или невозможно. Эти случаи можно разделить на две группы. Есть прилагательные, от которых образование компаратива проблематично в принципе, а есть такие, у которых имеются только аналитические формы. Запрет первого типа связан с семантикой прилагательного и часто не является абсолютным, так как оно может быть употреблено в непрямом значении. Приведем два примера, отобранных Ю. П. Князовым:

- (1) *Поэтому и у самого полковника, который, чем больше он пил, становился все стеклянней, и у других офицеров было отчаянное настроение* (Александр Фадеев).
- (2) *Это уже более по-французски* (Виктор Некрасов).

В связи с этим А. А. Зализняк в предисловии к «Грамматическому словарю русского языка» обращает внимание только на запрет второго типа, причем перечисляет только группы слов с определенными морфологическими характеристиками, не имеющие синтетических компаративов, не останавливаясь на отдельных случаях [Зализняк 1977]. В «Русской грамматике» избран смешанный подход: выделяются группы слов, объединенные и семантическими, и морфологическими признаками, а также перечисляются отдельные слова-исключения [Русская грамматика 1982]. Итак, согласно «Грамматическому словарю русского языка», синтетических компаративов нет у следующих групп слов:

- Большая часть прилагательных на *не-*, *полу-*, *сверх-* и т. п.
- Прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-цк-*, *-еньк-*, *-оньк-*.
- Сложные прилагательные на *-кий*, *-гий*, *-хий* (например, *длиннорукый*, *зимостойкий*)

Запрет в первой группе связан со значением прилагательных: они обозначают признак, выраженный наполовину, в высшей степени или же не выраженный вовсе, что невозможно совместить с семантикой степени сравнения. От таких прилагательных нельзя образовать не только синтетические, но и аналитические компаративы. Однако не все слова на *не-* отвечают этому условию: например, *незаметный* может значить не только «тот, который невозможно заметить», но и «тот, который трудно заметить». Второе значение совместимо с компаративом, и существует синтетическая форма *незаметнее*.

Многие слова во второй группе также имеют семантику, несовместимую со степенью сравнения, — это относительные прилагательные. Однако это относится далеко не ко всем словам в этой группе, и, кроме того, как мы показали выше, относительные прилагательные могут быть употреблены в переносном значении. Тем не менее, образование синтетических компаративов все равно невозможно, от слов в этой группе можно образовать только аналитические формы. Для прилагательных, попавших в третью группу, вообще не характерны какие-либо семантические особенности, которые препятствовали бы образованию компаратива. Все они имеют аналитические формы степени сравнения (если не в основном, то в переносном значении, как, например, в случае прилагательного *безрукий*), но не имеют синтетических.

Во всех тех случаях, когда образование компаратива допустимо с точки зрения семантики, носители русского языка с большей или меньшей вероятностью будут употреблять не только аналитические, но и синтетические формы, даже если они ненормативны. Например, в случаях, аналогичных приведенному в примере (2), могут быть использованы формы *французское*, *французче* или *француже*. Наша задача будет заключаться в том, чтобы проанализировать распределение форм различных прилагательных с чередованиями и без них.

Компаративы с чередованиями согласных и без них: нормативные и ненормативные формы

Неизменяемые синтетические формы сравнительной степени образуются с помощью трех суффиксов: *-е*, *-ее/ей* и *-ше*. Чередования согласных встречаются только в формах с суффиксом *-е*. За редкими исключениями вроде *дешевый* — *дешевле* он присоединяется к основам двух типов: на заднеязычные согласные и на *-т*, *-д*. У некоторых прилагательных и наречий при присоеди-

нении этого суффикса выпадает суффикс *-к* (*-ок*), и чередование захватывает предшествующий ему корневой согласный: *д // жс, т // ч, з // жс, с // ш*. Более подробную информацию об особенностях форм на *-е* можно найти, например, в работах [Зализняк 1977; Князев 2007; Русская грамматика 1982 и др.].

Мы проанализировали все прилагательные с основами на заднеязычные согласные и на *-т, -д*, представленные в «Грамматическом словаре русского языка» [Зализняк 1977]. В дальнейшем эти две группы были взяты за основу при отборе слов для нашего исследования (об этом пойдет речь ниже). В Таблице 1 показано, какие формы компаратива могут быть образованы от таких прилагательных. Очевидно, что эти две группы обладают различными свойствами. В случае основ на *-з, -к, -х* прилагательные либо имеют форму с чередованием, либо вообще не имеют синтетического компаратива (кроме того, несколько прилагательных имеют формы с суффиксом *-ше*). В случае основ на *-т, -д* большая часть синтетических форм сравнительной степени имеет суффикс *-ее*, лишь некоторые прилагательные образуют компаратив с чередованием.

Таблица 1. Компаративы от прилагательных с основами на *-з, -к, -х* и на *-т, -д*, представленных в «Грамматическом словаре русского языка»

	Основы на <i>-з, -к, -х</i>	Основы на <i>-т, -д</i>
Компаративы на <i>-е</i>	113 прилагательных, образующих формы с чередованиями (например, <i>крепкий</i>), из них 60, от которых образование компаратива затруднено (например, <i>ёмкий</i>).	10 прилагательных (<i>частый, богатый, чистый, толстый, твердый, простой, молодой, густой, крутой, худой</i> в значении «плохой»).
Компаративы на <i>-ше</i>	3 прилагательных (<i>тонкий, далекий, долгий</i>), а также случай-исключение <i>маленький</i> .	
Компаративы на <i>-ее</i>	Только форма <i>мерзее</i> с выпавшим суффиксом <i>-к-</i> (наравне с <i>мерзче</i>). Ни одной формы на <i>-гее, -кее, -хее</i> .	Более 1000 прилагательных, как простых (например, <i>желтый</i>), так и сложных (например, <i>толстомордый</i>) ⁶ .
Нет синтетического компаратива	Более 3500 прилагательных с суффиксами <i>-ск-, -цк-, -еньк-, -оньк-</i> . Около 140 сложных прилагательных (например, <i>длинноногий</i>). Около 40 прилагательных типа <i>слабехонек</i> , у которых есть только краткая форма. <i>Благой, великий, качкий, нагой, пегий</i> .	<i>Гордый, занятый, приподнятый, принятый, чуждый</i> . Сложные прилагательные, обозначающие цвет (<i>бледно-желтый, светло-желтый, ярко-желтый</i>).

¹ У части этих прилагательных образование сравнительной степени маловероятно в силу их семантических свойств, однако только про одно прилагательное, *холостой*, сказано, что у него затруднено образование компаратива.

Очертим круг интересующих нас явлений на основании представленных выше данных. Мы неоднократно упоминали о том, что в формах сравнительной степени наблюдается тенденция к разрушению чередований согласных. Одновременно идет и другой процесс: замена суффикса *-е* на более новый суффикс *-ее/ей*. Так как суффикс *-ее/ей* не предполагает чередования согласных, казалось бы, эти два процесса должны идти рука об руку (как, например, в форме *молодее* от *молодой*). Однако анализ встречающихся в интернете нестандартных форм компаратива показывает, что это не так: в некоторых формах на *-ее/ей* сохраняются чередования (например, *моложее*). Насколько мы можем судить, обратное невозможно: формы с суффиксом *-е*, но без чередований (например, *молоде*) не встречаются.

Учитывая это, а также тот факт, что все синтетические формы сравнительной степени могут быть использованы с приставкой *по-*, для всех прилагательных, отобранных для нашего исследования, мы искали по десять форм, проиллюстрированных на примере прилагательного *упругий* в примере (3). От прилагательных с суффиксом *-к* (*-ок*) может быть образовано больше разнообразных форм, так как этот суффикс может выпадать или сохраняться в форме компаратива.

- (3) *упруже, поупруже* (правильные формы), *упругее, упругей, поупругее, поупругей* (формы без чередований с суффиксом *-ее/ей*), *упружее, упружей, поупружее, поупружей* (формы с чередованиями с суффиксом *-ее/ей*)

Несмотря на то, что суффикс *-ше* представлен лишь в единичных компаративах, он иногда используется в ненормативных формах (например, *дерзше*). В данной работе мы не исследуем это явление подробно, однако вернемся к нему в конце статьи. В отличие от глагольных форм, о которых шла речь в начале статьи, мы не обнаружили в компаративах каких-либо нестандартных чередований.

Дистрибуция форм компаратива с чередованиями и без них

Отбор прилагательных для дальнейшего анализа

Мы сосредоточили свое внимание на прилагательных с основами на *-з*, *-к*, *-х* и на *-т*, *-д*, так как именно от этих слов возможно образование компаративов с чередованиями согласных. Прилагательные, вошедшие в наше исследование, можно разделить на два типа. У первых есть нормативная форма сравнительной степени с чередованием, однако от них могут быть образованы и ненормативные формы, кратко представленные

в предыдущем разделе. Вторые не имеют нормативных синтетических компаративов, однако носители языка все равно пытаются образовать от них ненормативные формы.

Для первой группы мы изначально отобрали все прилагательные, у которых есть компаратив с чередованием, из «Грамматического словаря русского языка» [Зализняк 1977]. Как показывает Таблица 1, таких прилагательных 123: 113 с основами на -з, -к, -х и 10 с основами на -т, -д. Нестандартные формы от многих из них довольно редки.² Поэтому, если мы просто начнем искать их в интернете, результаты поиска могут содержать огромное количество «мусора»: явных опечаток, посторонних слов и других нерелевантных данных. В связи с этим мы сократили список прилагательных, которые собирались анализировать, при помощи следующей процедуры.

Для каждого из 123 прилагательных мы осуществили поиск одной (основной) ненормативной формы: компаратива без чередований с суффиксом -е. Если результаты поиска содержали более 4% релевантных данных (т. е. форм компаратива от нужного прилагательного, а не опечаток и пр.), мы оставляли прилагательное для дальнейшего анализа. Кроме того, мы не стали брать прилагательное *мерзкий*, у которого форма *мерзее* является нормативной наравне с *мерзче*. Таким образом были отобраны 23 прилагательных с основами на -з, -к, -х и девять с основами на -т, -д (здесь мы изначально исключили прилагательное *худой* в значении «плохой», так как форма *хуже* используется в качестве компаратива не только от этого прилагательного, но и от намного более частотного *плохой*):

- (4) а. *близкий, веский, высокий, глубокий, глухой, громоздкий, жестокий, жуткий, лихой, низкий, одинокий, плоский, пологий, скользкий, стойкий, строгий, сухой, тугой, тяжкий, убогий, упругий, хлипкий, яркий*
- б. *богатый, густой, крутой, молодой, простой, твердый, толстый, чистый, чистый*

Для второй группы мы отобрали некоторое количество прилагательных, у которых нет нормативных синтетических компаративов. Прежде всего это были 14 сложных прилагательных с основами на -з, -к, -х (например, *близорукий*). К ним мы добавили два слова с суффиксами -ск- и -цк-. Кроме того, мы включили в эту группу слово *великий* — единственное прилагательное, не имеющее нормативного синтетического компаратива, но не относящееся к первым двум типам, для которого в интернете можно найти достаточное количество ненормативных синтетических форм

² Как Н. А. Слюсарь и М. А. Холодилова показывают в работе [Slioussar, Kholodilova 2013], похожая ситуация наблюдается и с глагольными формами: ненормативные формы от глаголов, относящихся к литературному русскому языку, довольно редки.

(у прилагательных *благой, качкий, нагой, пегий*, которые, как показывает Таблица 1, обладают такими же характеристиками, в интернете встречаются лишь единичные формы сравнительной степени).

- (5) а. *безрукий, близорукий, дальнорукый, длинноногий, длиннорукий, жизне-стойкий, износостойкий, легкоплавкий, лопухий, морозостойкий, тер-мостойкий, трудоемкий, тугоплавкий, энергоемкий*
 б. *адский, дурацкий, великий*

Факторы, влияющие на распределение форм

Принципы, на которые мы опирались при сборе данных в интернете, а также программа «Lingui-Pingui», которой мы пользовались, описаны в финале работы. В этом разделе мы расскажем о результатах анализа данных. Распределение различных форм у прилагательных первой и второй группы представлено ниже в Таблицах 2 и 3. Данные о частотности прилагательных взяты из «Частотного словаря современного русского языка» [Ляшевская, Шаров 2009], у тех прилагательных, которые не вошли в этот словарь, соответствующая графа пустует.

Формы с суффиксами *-ее* и *-ей*, а также формы с приставкой *по-* и без нее для краткости приведены вместе. Заметим, что в среднем формы с суффиксом *-ее* примерно в два раза частотней, чем с суффиксом *-ей*, но их соотношение очень отличается у разных прилагательных (в частности, в некоторых случаях форм с суффиксом *-ей* больше). Формы с приставкой *по-* в среднем встречаются в девять раз реже, чем без нее, но их соотношение также сильно варьирует. Так, у прилагательного *тугой* около четверти форм с приставкой *по-*.

Таблица 2. Распределение форм компаратива у прилагательных первой группы

Прилагательное	Частотность	Кол-во результатов после фильтрации	Формы на <i>-е</i>	Формы на <i>-ее/ей</i>	Формы на <i>-ее/ей</i> с чередованиями
близкий	206,8	986	99,9%	0,0%	0,1%
богатый	85,0	1873	99,7%	0,3%	0,0%
веский	4,9	257	89,5%	0,0%	10,5%
высокий	483,3	1502	99,9%	0,0%	0,1%
глубокий	137,3	1172	99,8%	0,0%	0,2%
глухой	40,7	766	99,7%	0,0%	0,3%
громоздкий	—	262	80,2%	14,5%	5,3%
густой	47,2	500	98,0%	1,6%	0,4%
жестокий	37,5	581	84,5%	2,4%	13,1%

Прилагательное	Частотность	Кол-во результатов после фильтрации	Формы на -е	Формы на -ee/eй	Формы на -ee/eй с чередованиями
жуткий	26,1	832	84,2%	1,7%	14,1%
крутой	43,4	1809	99,9%	0,0%	0,1%
лихой	10,3	1	0,0%	0,0%	100,0%
молодой	414,1	1006	99,5%	0,5%	0,0%
низкий	160,7	1605	100,0%	0,0%	0,0%
одинокый	44,5	162	48,8%	29,0%	22,2%
плоский	29,1	686	99,3%	0,6%	0,2%
пологий	5,0	294	98,6%	0,7%	0,7%
простой	275,3	1622	97,1%	0,2%	2,7%
скользкий	11,8	54	70,4%	5,6%	24,1%
стойкий	10,1	494	92,9%	0,2%	6,9%
строгий	62,8	693	99,9%	0,1%	0,0%
сухой	83,0	475	95,2%	0,0%	4,8%
твердый	59,5	615	99,0%	1,0%	0,0%
толстый	84,4	1087	99,0%	0,5%	0,6%
тугой	11,9	492	100,0%	0,0%	0,0%
тяжелый	26,0	349	97,1%	1,7%	1,2%
убогий	11,7	342	48,8%	32,8%	18,4%
упругий	10,7	588	68,9%	27,0%	4,1%
хлипкий	2,4	705	97,9%	0,4%	1,7%
частый	114,6	1308	100,0%	0,0%	0,0%
чистый	159,0	1574	99,6%	0,3%	0,1%
яркий	2,2	1701	100,0%	0,0%	0,0%

Важно заметить, что в исследование не были включены ненормативные формы типа *низее* или *скользее* — мы планируем добавить их на следующем этапе. Анализ данных не выявил статистически значимой зависимости между количеством форм без чередований и такими факторами, как частотность или конечный согласный основы, которые оказались значимыми в исследовании глагольных форм, описанном выше. Видно, что проблемы с чередованиями свойственны отдельным прилагательным, которые не объединяет какое-то общее свойство. Возможно, это связано с тем, что интересующая нас группа глаголов на данном этапе развития русского языка активно пополняется, а группа прилагательных — нет.

Заметим, что, хотя у многих прилагательных компаративов без чередований в процентном отношении совсем немного, например, 1,6% форм без чередований от такого частотного прилагательного, как *молодой*, — это несколько тысяч результатов. Интересно также отметить, что формы с суффик-

сом *-ee/eй* и чередованиями встречаются даже чаще, чем формы с этими суффиксами и без чередований. Перейдем ко второй группе прилагательных.

Таблица 3. Распределение форм компаратива у прилагательных второй группы

Прилагательное	Частотность	Кол-во результатов после фильтрации	Формы на <i>-е</i>	Формы на <i>-ee/eй</i>	Формы на <i>-ee/eй</i> с чередованиями
адский	—	25	12,0%	88,0%	0,0%
безрукий	—	18	0,0%	88,9%	11,1%
близорукий	—	26	15,4%	73,1%	11,5%
великий	276,3	87	6,9%	20,7%	72,4%
длинноволосый	—	32	0,0%	100,0%	0,0%
длинноногий	—	114	2,6%	80,7%	16,7%
длиннорукий	—	19	0,0%	73,7%	26,3%
дурацкий	23,9	198	39,4%	42,4%	18,2%
жизнестойкий	—	16	81,3%	12,5%	6,3%
износостойкий	—	65	70,8%	15,4%	13,9%
легкоплавкий	—	24	83,5%	4,0%	12,5%
лопоухий	—	53	1,9%	84,9%	13,2%
морозостойкий	—	22	54,6%	18,2%	27,3%
термостойкий	—	21	42,9%	33,3%	23,8%
трудоемкий	—	287	74,6%	19,2%	6,3%
тугоплавкий	—	43	76,7%	16,3%	7,0%
энергоемкий	—	132	89,4%	6,8%	3,8%

Сразу бросается в глаза, что во второй группе значительно больше форм без чередований. Здесь значимое влияние на распределение форм оказал такой фактор: прилагательные *стойкий*, *емкий* и *зоркий* и существуют сами по себе и образуют компаративы с чередованиями, а прилагательных **рукий*, **ногий* и **ухий* нет. Несмотря на то, что варианты соответствующих корней с чередованиями согласных высоко частотны и должны быть на слуху (*ножка*, *ручка*, *уши*, *ушко* и пр.), люди предпочитают не образовывать от этих сложных прилагательных компаративы с чередованиями.

Наконец, интересно посмотреть, появляются ли хотя бы иногда чередования в тех формах, где их в принципе быть не должно. Мы смогли найти такие примеры, как *бородаче* и *горбаче*, но они единичны (в принципе, от прилагательных *бородастый* и *горбатый* нет нормативных синтетических компаративов). От сложных прилагательных, аналогичных вошедшим во вторую группу (например, *толстомордый*, *желторотый*, *большеротый* и пр.), не удалось обнаружить ни одной такой формы.

Сбор данных в интернете

Основные принципы и проблемы

Основная задача, которую надо было решить в нашем исследовании, заключалась в оценке относительной частотности различных форм компаратива, встречающихся в интернете. Так как самая популярная в русскоязычной части интернета поисковая машина принадлежит компании «Яндекс», мы работали именно с ней. В поисковике «Яндекса» есть встроенный язык запросов, который позволяет осуществлять различные виды поиска. Тем не менее, поскольку изначальные задачи поисковой машины не предполагали лингвистических исследований, работать с ней напрямую неудобно и часто неэффективно.

В связи с этим мы разработали программу «Lingui-Pingui» (https://sites.google.com/site/varyamagomedova/lingui_yandex)³ для облегчения задач лингвистического поиска, которая работает через API поисковой машины «Яндекса» (<http://api.yandex.ru/>) с использованием встроенного языка запросов. Эта программа может быть полезна любому лингвисту, перед которым стоят такого рода задачи. В этом разделе мы проиллюстрируем принципы ее работы на примере проведенного нами исследования.

Напомним, что для каждого прилагательного мы должны были оценить относительные частотности десяти различных форм. Однако представим для начала, что мы сравниваем всего две формы, скажем, *суше* и *сухее*. Почему мы не можем просто задать поисковику два запроса и сравнить те числа, которые он выдает на первой странице? Во-первых, потому, что эти числа крайне неточные. Во-вторых, потому, что в результатах будет содержаться много нерелевантных данных, которые необходимо отсеять. Например, *суше* — это не только компаратив, но и форма от существительного *суша*.

Поэтому правильнее задать поисковику запрос, как в примере (6), предполагающий одновременный поиск двух форм, просмотреть какое-то количество полученных результатов и оценить, какова в них относительная частотность этих форм после отсева нерелевантных данных.

(6) "*суше*" | "*сухее*"

Поисковая машина позволяет пользователю просматривать только первую тысячу результатов, однако М. А. Холодилова разработала алгоритм, который дает возможность обойти это ограничение [Холодлова 2013:

³ Мы выражаем благодарность Ивану Антонову за неоценимую помощь в разработке и отладке программы, а также Марии Холодиловой за предоставленный алгоритм и помощь в разработке требований к программе.

20–21]. Он воплощен и в нашей программе. Тем не менее, часто первой тысячи результатов оказывается вполне достаточно для того, чтобы оценить относительную частотность различных форм⁴.

Проблема заключается в том, что просмотр результатов — крайне трудоемкое занятие. Их нельзя загрузить в удобном формате и затем подвергнуть первичной автоматической обработке. В следующем разделе мы покажем, как созданная нами программа решает эти проблемы.

Программа «Lingui-Pingui»

Программа «Lingui-Pingui» автоматически формирует запросы по заданным параметрам, отправляет их поисковой машине, сохраняет полученные данные и представляет их в удобном для исследователя формате. Кроме того, производится грубая фильтрация данных и считается статистика (общее количество результатов, относительные частотности). Встроенные фильтры и сортировка не заменяют полностью ручной обработки данных, но все же существенно облегчают эту задачу. Перед использованием программы необходимо связаться со службой поддержки Yandex.API, чтобы получить возможность отправлять определенное количество поисковых запросов за день (информацию можно получить на странице <http://xml.yandex.ru/> и у службы поддержки). Более подробную информацию о программе можно найти в работе [Magomedova 2013].

Данные на входе

До начала работы программа состоит из скриптов на языке Perl и папки Input, содержащей файл настроек и текстовые файлы с входными данными. Рассмотрим работу программы на примере поиска форм компаратива от прилагательных *сухой* и *упругий*.

В первую очередь нам необходимо создать запросы. Выше мы писали о том, что для каждого прилагательного искали по десять возможных форм. Все запросы однотипны, и «Lingui-Pingui» позволяет автоматизировать их создание. Папка Input содержит три текстовых файла со списком морфов для формирования запросов: файл «Prefixes.txt» со всеми необходимыми приставками, «Stems.txt» со всеми необходимыми корнями и «Suffixes.txt» со всеми необходимыми суффиксами и окончаниями. В Таблице 4 показано, как будет выглядеть содержимое этих файлов в случае поиска компаративов от прилагательных *сухой* и *упругий*.

⁴ Как нам подтвердили в службе поддержки «Яндекса», все документы сразу сортируются по релевантности независимо от того, какое слово стоит в запросе первым, а какое последним. Поэтому соотношение найденного соответствует тому, что есть в сети и проиндексировано поисковой системой.

Таблица 4. Пример списка морфов в файлах
для формирования поисковых запросов

Prefixes.txt	Stems.txt	Suffixes.txt
по	сух суш упруг упруж	е ее ей

Пустая строка в файле с приставками обозначает нулевую приставку (т. е. то, что нас интересуют как формы с приставкой *по-*, так и без приставок). Возможно также задать нулевой суффикс или окончание. Файл «Stems.txt» содержит по два варианта каждого корня (с чередованием и без него). Пустые строки разделяют разные корни и, соответственно, разные запросы.

Из этих начальных данных программа формирует по одному запросу на каждый корень, включая туда все возможные комбинации заданных морфов. На этом этапе сформированный запрос будет выглядеть следующим образом:

- (7) *"сухе" | "сухее" | "сухей" | "носухе" | "носухее" | "носухей" | "суше" | "сушее" | "сушей" | "носуше" | "носушее" | "носушей"*

После формирования запроса к нему можно добавить исключения. Слова, которые не должны попасть в результаты поиска, указываются в файле «No_words.txt». Исключения для каждого запроса задаются в отдельной строке и должны идти в той же очередности, что и запросы. Скажем, в нашем примере компаратив *суше* совпадает с фамилией известного актера Дэвида Суше, а также с формами существительного *суша*. Можно отфильтровать нерелевантные данные такого рода, просматривая результаты вручную, однако лучше позаботиться об этом заранее. Для этого в файле «No_words.txt» в первой строке необходимо указать, например:

- (8) *"Дэвид Суше" "на суше" "по суше"*

В результате автоматически сформированный запрос будет иметь следующий вид:

- (9) *("сухе" | "сухее" | "сухей" | "носухе" | "носухее" | "носухей" | "суше" | "сушее" | "сушей" | "носуше" | "носушее" | "носушей") ~ "Дэвид Суше" ~ "на суше" ~ "по суше"*

Если в других запросах (в нашем примере это компаративы от прилагательного *упругий*) исключений нет, знак ~ в конце всё равно появится, однако это никак не повлияет на результаты поиска.

- (10) *("упруге" | "упругее" | "упругей" | "поупруге" | "поупругее" | "поупругей" | "упруже" | "упружее" | "упружей" | "поупруже" | "поупружее" | "поупружей") ~*

Сформированные запросы записываются в файл «List.txt», лежащий в одном каталоге с исполняемыми файлами программы. Пользователь может задавать там запросы и вручную, а также редактировать то, что было создано автоматически. Например, в приведенных выше примерах некоторые комбинации морфов (*сухе*, *посухе*) не используются в качестве форм компаратива даже в ненормативном языке. Это артефакты, которые пока необходимо собственноручно исключать из созданных запросов.

Представление результатов поиска

Сбор данных при поиске ведется по заголовкам страниц, найденных «Яндексом», и по фрагментам текста с этих страниц, которые также выдаются поисковиком. Поэтому в первой тысяче результатов поиска часто получается больше тысячи строк употреблений искомых форм. Все повторяющиеся строки отсеиваются.

Собранные данные записываются в виде текстовых файлов в папку «Raw_Data». Для каждого запроса создается два файла. Первый содержит все найденные строки по запросу (причем число в начале каждой строки — количество повторов данного фрагмента текста среди результатов поиска), второй — статистику. В файле настроек программы можно задать то количество слов, расположенных до и после искомой формы, которое мы берем из исходного фрагмента текста, предоставленного поисковиком. По умолчанию все фрагменты сохраняются целиком.

Файл со статистикой появляется в подкаталоге «Summary». Там содержится следующая информация:

- количество результатов по версии «Яндекса» («Яндекс» выдает три таких оценки, выбранная нами является наиболее точной и, по крайней мере в случае, когда количество найденных результатов меньше тысячи и можно посчитать их вручную, совпадает с номером последней найденной страницы);
- количество неповторяющихся фраз;
- количество результатов после исключения повторов и отсеивания нестрогих соответствий;
- количество результатов, где одновременно встречаются несколько искомых форм;
- сведения о каждой искомой форме (сколько раз она встретилась и какой это составляет процент от общего числа форм).

Сейчас программа настроена таким образом, что сумма процентов может быть немного больше ста, так как фразы, содержащие две и более формы, считаются несколько раз при подсчете употреблений каждой отдельной формы, но только один раз при подсчете общего количества строк. Если программа используется для поиска какой-то одной формы (или слова,

или словосочетания), а не для одновременного поиска нескольких, файл со статистикой будет содержать только общее количество найденных результатов до и после обработки.

Сортировка результатов

Вкрапления нерелевантных данных в результаты поиска практически неизбежны даже при самом тщательном подходе к формированию запросов. Отфильтровывать такие данные вручную — крайне трудоемкая задача. Автоматическая сортировка результатов не решает ее полностью, но существенно ее облегчает.

Параметры сортировки задаются в файлах «Sorter_yes.txt» и «Sorter_no.txt». В первый можно внести слова, совместная встречаемость с которыми практически гарантирует, что найденная форма относится к нужным нам результатам, а во второй — слова, которые почти наверняка являются индикаторами нерелевантных данных. В наших примерах с компаративами в первый файл нужно занести слова *чем, тем, гораздо, еще* и пр., а во второй — *более, менее, совсем* и т. д. (они почти безошибочно указывают на то, что найденная форма — не компаратив, а форма положительной степени с опечаткой). Таким образом, после сортировки данные распадутся на три группы: почти наверняка нужные, почти наверняка ненужные и «спорные». Первые две группы можно просмотреть очень быстро, а на третью все же придется потратить время.

Результаты сортировки сохраняются в виде трех файлов, содержащих строки с данными, и одного файла со статистикой, где все показатели пересчитаны отдельно для каждой из групп. Все эти файлы будут лежать в папке «Sorted_Data», которая создается в момент сортировки (если не была создана ранее).

Заключение

В этой статье мы рассмотрели расшатывание системы исторических чередований согласных в русском языке на материале собранных в интернете нормативных и ненормативных форм компаратива. В предыдущей работе Н. А. Слюсарь и М. А. Холодиловой [Slioussar, Kholodilova 2013] этот процесс рассматривался на материале глагольных форм. Было выявлено влияние таких факторов, как — прежде всего — нормативность глагола, а также его частотность и конечный согласный основы.

В целом ситуацию с глаголами можно обрисовать так: если у глагола есть нормативная форма с чередованием, за некоторыми исключениями люди будут образовывать ее без особых проблем. Однако от новых глаголов, которые не относятся к литературному русскому языку (напри-

мер, *френдить*, *оффтопить*, *флеймить*), формы с чередованиями часто образуются с трудом, несмотря на то, что это высоко частотная, продуктивная и единственная доступная в нормативном русском языке модель образования форм для слов такого типа. Так мы становимся свидетелями того, как модель теряет продуктивность, причем, что любопытно, это оказывается не связано с продуктивностью глагольного класса, в котором она используется — этот класс активно пополняется новыми глаголами. Также интересно отметить формы с чередованиями, не встречающимися в нормативном русском языке. Получается, что в ментальном лексиконе носителя присутствует информация о том, что в форме нужно чередование, однако нет уверенности, какое именно, что крайне необычно.

Так как группа прилагательных, от которых образуются компаративы с чередованиями, не пополняется новыми словами, мы ожидаемо обнаруживаем здесь меньше проблем. Тем не менее, интересно заметить, что у некоторых прилагательных до трети найденных в интернете форм не имеют чередований (это *убогий* и *упругий*, в меньшей степени *громоздкий*, *лихой*, *одинокий* и т. д.). Проблемы с чередованиями проявляются в полную силу, когда люди пытаются образовать синтетический компаратив от прилагательных, у которых нет соответствующих нормативных форм. Мы выбрали для анализа группу таких прилагательных с основами на заднеязычные. Единственное прилагательное с такой основой, у которого есть нормативный компаратив без чередований, — это *мерзкий* (компаративы *мерзее* и *мерзче*). В русском нет ни одной нормативной формы на *-хее*, *-гее* или *-кее*. Тем не менее, люди образуют очень много ненормативных форм такого рода.

В частности, в группе сложных прилагательных типа *длинноногий* и *трудоемкий* решающим фактором оказалось то, существует ли вторая часть в виде самостоятельного слова. В этом случае в интернете находится больше компаративов с чередованием, в то время как от прилагательных на *-рукий*, *-ногий* и *-ухий* они образуются с трудом, несмотря на частотность вариантов соответствующих корней с чередованием (*ручка*, *ножка*, *уши*, *ушко*...). Таким образом, на несколько ином материале, чем с глаголами, мы снова можем сделать вывод о том, что все упирается в доступность конкретной формы, образуемой от конкретного слова.

Одновременно с утерей чередований компаративы захватывает еще один процесс: замена суффикса *-е* на более новый суффикс *-ее/ей*, который не предполагает чередования согласных. Казалось бы, эти два процесса должны быть строго взаимосвязаны (например, должна возникать только форма без чередования *молодее*). Однако анализ найденных нами компаративов показал, что во многих формах на *-ее/ей* сохраняются чередования (например, *моложее*), и они даже частотней, чем формы без чередований. При этом обратное невозможно: формы с суффиксом *-е*, но без чередо-

ваний (например, *молоде*) не встречаются. Интуитивно можно сказать, что суффикс *-е* не воспринимается как показатель компаратива в отрыве от чередований. И даже при наличии чередований многие гипотетические ненормативные формы компаратива оказываются совершенно непрозрачными и никогда не используются (например, *буше* от *бухой*). При этом суффикс *-ше*, который есть всего в паре нормативных форм, встречается в разнообразных ненормативных компаративах, в том числе в шуточных (*все страньше и страньше*). С суффиксом *-е* такое невозможно: вероятно, это результат окончательной утраты продуктивности.

Литература

- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка. М., 2009.
- Русская грамматика. М., 1982.
- Холодилова М. А. Позиционные свойства местоимений в русском языке. Магистерская диссертация. СПбГУ, 2013.
- Albright A. Base-driven leveling in Yiddish verb paradigms // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 28. 2010. P. 475–537.
- Albright A. The identification of bases in morphological paradigms. Doctoral dissertation, University of California, 2002.
- Anttila R. *Analogy*. The Hague, 1977.
- Benua L. *Transderivational Identity: Phonological relations between words*. Doctoral dissertation, University of Massachusetts, 1997.
- Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam, 1985.
- Kiparsky P. *Explanation in phonology*. Dordrecht, 1982.
- Kiparsky P. *Paradigmatic effects*. Stanford, 2002.
- Kurylowicz J. La nature des procès dits ‘analogiques’ // *Acta Linguistica*. Vol. 5. 1949. P. 15–37.
- Magomedova V. *Lingui-Pingui: a collection of scripts for linguistic search*. Ms., St. Petersburg State University, 2013 (sites.google.com/site/varyamagomedova/lingui_yandex/user-guide).
- Mańczak W. Tendences généraux des changements analogiques // *Lingua*. Vol. 7. 1958. P. 298–325, 387–420.
- McCarthy J. Optimal paradigms // *Paradigms in phonological theory* / ed. by Downing L.J., Hall T.A., Raffelsiefen R. Oxford, 2005. P. 170–210.
- Slioussar N., Kholodilova M. Paradigm leveling in non-standard Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Second MIT Meeting 2011* / ed. by A. Podobryaev et al. Ann Arbor, MI: Michigan University Press, 2013. P. 243–258.

Б. В. Орехов

Суперминимум и нанодержава: префиксоиды в языке интернета

В статье рассматриваются слова, образованные с помощью ряда востребованных префиксоидов (*авто-, авиа-, супер-, видео-, медиа-, нано-* и др.). Их современное бытование, отраженное в языке интернета, сравнивается с ситуацией 1990-х годов. Делаются выводы о росте числа слов, образованных с помощью префиксоидов *авто-, авиа-, видео-, нано-, медиа-*, и о падении употребимости слов, образованных с помощью префиксоидов *супер-, мини-, гипер-*. Примеры употребления взяты из русскоязычных блогов.

Ключевые слова: словообразование, префиксоиды, семантика, язык интернета

Префиксоиды — пограничное явление в словообразовании. С одной стороны, они участвуют в создании сложных слов, выступая в позиции приставки. С другой, происходя от самостоятельных слов, они не утрачивают лексического значения, и в этом больше похожи на корень, чем на приставку.

Чаще всего лингвистов префиксоиды интересуют в той мере, в какой эти элементы служат созданию неологизмов (см., например, [Денисенко, Буцева 2000]). Действительно, это средство активно используется и в номинативном, и в экспрессивном словообразовании, поэтому префиксоиды выступают в качестве замечательного маркера отражающихся в языке изменений внелингвистической реальности. Одновременно с этим, если обратиться уже к собственно языковой плоскости вопроса, внутри класса префиксоидов происходят своеобразные процессы конкуренции, о которых речь будет идти ниже.

Материалом для нашего исследования послужили тексты интернет-СМИ «Lenta.ru» и русскоязычные блоги. Если интерфейсом к массиву блогов для нас стал поиск по блогам компании Яндекс, то текстовые материалы «Lenta.ru» за последнее десятилетие были собраны с сайта этого online-издания автоматическим способом и проанализированы статистически.

Выбор «Lenta.ru» не случаен: это стилистически гибкий ресурс, отражающий языковую моду, в том числе и тенденции, специфические для интернет-языка, и в то же время авторитетное издание, способное влиять на интернет-сообщество в том числе и в смысле формирования

узуса. Так, именно сотрудники «Lenta.ru» изобрели¹ прижившееся слово «мимимитинг», означающее массовые протестные акции оппозиции, которые отличает теплая и человеческая атмосфера. Яндекс.Блоги фиксирует в среднем около 10 употреблений этого слова в неделю.

Текстовая коллекция «Lenta.ru» понадобилась нам в качестве точки входа в тему. Мы подсчитали количество образованных с помощью некоторых популярных префиксоидов дериватов, фигурирующих в текстах «Lenta.ru» с 1999 по 2012 год. Результаты этих подсчетов будут более репрезентативны, если мы сравним их с данными, отраженными в «Статистическом словаре языка русской газеты (1990-е годы)», куда включена специальная таблица, посвященная префиксоидам [Шайкевич и др. 2008: 549–562]. Частично мы воспроизводим ее в нашей таблице (из перечня исключены названия фирм и организаций вроде «Омскоблавтотранс» и «Армавиа», а также многочисленные опечатки: «авиаслон», «видеонаблюение» и др.).

Таблица 1. Деривационная активность префиксоидов

префиксоид	число дериватов	дериваты в ССЯГ ²	наиболее частотные	некоторые единичные
1	2	3	4	5
супер-	599	714	суперкар (1 562), суперкубок (432), суперкомпьютер (352), супертяжелый (257), супергерой (241), суперзвезда (185), суперлига (182), супермен (181), супермодель (149), супер (147)	супергерой-гей, суперстрашный, суперадекват, суперфрикономика, супернеактуальный, минисуперкомпьютер, супербизон, супербабушка, суперкризис, суперлиберальный
видео-	447	248	видео (2 840), видеоответ (1 535), видеозапись (1 849), видеоролик (1 007), видеокамера (921), видеосервис (738), видеоигра (681), видеонаблюдение (608), видеообращение (523), видеоматериал (397)	видеовойна, видеоощит, видеонаграда, видеоайджест, видеожанр, видеомонолог, видеосвалка, видеоэтг, видеосерия, видеоспектакль

¹ «Заголовок "Мимимитинг" был рабочим, мы его планировали заменить, но раз уж он пошел в народ - то пусть остается» <http://lenta.ru/articles/2011/12/10/meeting/>

² Статистический словарь языка русской газеты.

1	2	3	4	5
авто- ³	440	408	автомашина (1 132), автокатастрофа (825), автотранспорт (785), автошоу (763), автозавод (531), автодорога (723), автопроизводитель (658), автоколонна (408), автотрасса (407), автосалон (376)	автодеталь, автоперегонщик, автоклассика, авторезина, автосообщество, автосфера, автоколонка, автовазовский, автокооператив, автопикет
авиа-	421	215	авиакомпания (2 870), авиакатастрофа (1 316), авиаперевозчик (1 040), авиалайнер (1 013), авиалиния (965), авиабаза (895), авиаудар (803), авианосец (789), авиастроительный (653), авиарейс (536)	авиапанорама, авиаучет, авиастрелок, авиагородок, авиапроездной, авиакулак, авиатариф, авиаагрегат, авиаприключение, авиатрафик
медиа-	325	56	медиа рекламный (9), медиа технология (9), медиа война (8), медиа инфляция (8), медиа отрасль (8), медиа директор (8), медиа среда (8), медиа плеер (8), медиа сервис (7), медиа баинговый (7)	медиа партнерство, медиа регулирование, медиа бюджетник, медиа покрытие, медиа процесс, медиа лагерь, медиа битва, медиа влияние, медиа достижение, медиа потребление
нано-	311	—	нанотехнология (392), нанометровый (215), нанометр (213), нанотрубка (153), наночастица (88), нанотехнологический (84), наноиндустрия (71), наноматериал (43), нано (39), наноинженер (33)	наночубайс, нанодержава, наномладенец, наноскандал, наноюбка, нанопартия, нановраг, наноживопись, наноапокалипсис, нанолюбовь

³ Учтены только словоформы с компонентом значения 'автомобильный'. Многочисленные слова с семой «автоматический» оставлены за рамками исследования.

1	2	3	4	5
мега-	268	60	мегабайт (460), мегаватт (318), мегапиксельный (226), мегабит (177), мегапиксель (122), мега (103), мегаспорт (54), пятимегапиксельный (52), восьмимегапиксельный (41), двухмегапиксельный (36)	мегатройка, мегакосяк, мегапипец, мегаматч, мегафлэшмоб, мегагрантник, мегаудобный, многомегапиксельный, мегаобрез, мегаполномочие
мульти-	163	65	мультимиллионер (9), мультифункциональный (9), мультибанк (7), мультиплатформный (6), мультисенсорный (6), мультиспектральный (6), мультиспорт (5), мультипроцессорный (5), мультитемпературный (5), мультиязычный (5)	мультисемейный, мультикластерный, мультипротокольность, мультиэтничный, мультиклассовость, мультиполярность, мультисервисность, мультисенсорность, мультирегиональный, мультикристаллический
аудио-	153	47	аудиозапись (580), аудио (485), аудиообращение (115), аудиосистема (106), аудиовизуальный (79), аудиофайл (78), аудиокассета (69), аудиокнига (39), аудиодиск (39), аудиопленка (30)	аудиоспам, аудиомания, аудиотур, аудионовость, аудиорегистрация, аудиоприкол, аудиодиапазон, аудиодоказательство, аудиовоззвание
мини-	89	300	миниавтобус (8), минидиск (8), миниверсия (6), мининформа (6), мини-футбол (5), минифургон (5), минипоезд (5), минифильм (5), мини-завод (4), мини-юбка (4)	миникризис, минизлектростанция, миниспутник, миницеремония, минидрон, минисколково, миниконституция, мини-контейнер, минисуперкомпьютер, минипк
гипер-	86	117	гипермаркет (357), гиперзвуковой (91), гиперссылка (72), гиперинфляция (33), гипертекстовый (28), гиперактивность (17), гипертекст (16), гиперактивный (13), гиперзвук (9), гипер (8)	гиперсексуально, медиагипермаркет, гипервойна, гиперпаразит, гиперцивилизованный, гипервремя, гиперуспешный, гипервариабельный, гиперлитературный, гиперпопулярный

По сравнению с 1990-ми, как следует из таблицы, последнее десятилетие ознаменовалось ощутимым взлетом продуктивности префиксоидов *видео-* и *авиа-*. Действительно, благодаря тому, что создавать и воспроизводить видео стало технически легко, активизировались и словообразовательные процессы вокруг соответствующего префиксоида. Симптоматично, что наряду со штатным словом *видеообращение* нарастает популярность и результата гаплогологии *видеообращение* (в блогах фиксируется несколько сотен вхождений только за неполный 2013 год). Действие гаплогологии свидетельствует в пользу особенной востребованности слова в речи.

Хороший материал для сопоставления дает префиксоид *аудио-*, число дериватов с которым выросло более чем в три раза, но и эти показатели не дали ему приблизиться к *видео-*. Такое положение вещей согласуется с экстралингвистическими тенденциями преобладания визуального над аудиальным в современных мультимедиа.

Поучительно также появление слова *авиавизуальный*, в котором соединяются и реализовавшая себя в *видео-* семантика визуального ряда, и прогрессирующая авиационная тематика. Если в 1990-е дериваты с *авто-* и *авиа-* не могли даже быть названы конкурентами, то в 2000-е количество производных слов с использованием обоих префиксоидов уже сопоставимо, в том числе и за счет таких экзотических новообразований, как *авиаранчо*, *авиакампанейщина*, *авиасаммит*, *авиаподвижность* и др.

Из сопоставления количества дериватов на «Lenta.Ru» (2000-е) и в ССЯРГ (1990-е) также видно, что невероятно востребованный в конце XX в. префиксоид *супер-* незначительно теряет в популярности (на фоне заметного роста показателей по другим префиксоидам), и у него появляется сильная альтернатива, используемая для создания эмоционально окрашенных суперлативов, — *мега-*. Данные демонстрируют конкуренцию между этими префиксоидами в сфере экспрессивного словообразования. Слова *супермегаоружие*, *супермегазвездный*, *мегасуперскрытый*, таким образом, появляются как компенсация недостаточной выразительности компонента *супер-*. Эти слова с двойным усилением не слишком частотны (в поиске по блогам обнаруживается для первых двух по 14 контекстов, а для третьего — одно употребление), так как говорящий, очевидно, не в любой ситуации может себе позволить прибегнуть к заложенной в них эмоциональной избыточности, однако нельзя не отметить их положительной временной динамики: за исключением *мегасуперскрытый*, эти дериваты фиксируются в записях блогов за 2013 год.

Рассмотрим несколько пар слов, образованных при помощи префиксоидов *супер-* и *мега-* от одних и тех же корней.

Частотности слов *суперкомпьютер* и *мегакомпьютер* несравнимы: первое существенно преобладает из-за зарезервированного за ним тер-

минологического употребления. Но это же положение вещей открыло возможности для создания нетерминологического эмоционально окрашенного неологизма. Выбор между *мега-* и *супер-* перед говорящим, собирающимся употребить экспрессивную лексическую единицу, в данном случае практически не стоит:

- (1) За такую цену можно купить мегакомпьютер, который будет достаточно умен чтобы захватить мир⁴.
- (2) ТО есть получается, мегасервера на земле строго подчиняются мегакомпьютерам Вселенского межпланетарного масштаба⁵.

Пара *суперзвезда* — *мегазвезда* с точки зрения частотности выглядит похожим на предыдущую пару образом: дериват от *супер-* существенно преобладает благодаря тому, что это слово вошло в язык гораздо раньше: в Национальном корпусе оно фиксируется еще в 1970-х годах⁶. Заметим, что *мегазвезда* также присутствует в индексе Национального корпуса, но все контексты употреблений относятся исключительно к 2000-м годам, и этих контекстов, естественно, немного (6 против 141 для *суперзвезда*). Гораздо полнее это слово представлено в русскоязычных блогах, где оно может упоминаться до нескольких десятков раз за день.

Иную картину можно наблюдать в случае пары *мегакорпорация* — *суперкорпорация*. Здесь дериват префиксоида *мега-* частотнее, и в среднем в блогах за один временной отрезок слово *мегакорпорация* возникает в записях в четыре раза чаще, чем *суперкорпорация*. Мы связываем такую тенденцию с тем, что слово *корпорация* (в особенности применительно к отечественным реалиям) стало нуждаться в усилительном префиксоиде уже в 2000-х, когда в языке начала расти востребованность *мега-*, а словообразовательный потенциал *супер-* стал снижаться.

Итак, в устоявшихся словах, вошедших в язык в 1990-е и ранее (*суперзвезда*, *суперкомпьютер*), варианты с компонентом *супер-* доминируют, а в более новых образованиях потенции *супер-* и *мега-* примерно равны (*супер-/мегаплан*, *супер-/мегацентр*) или даже заметно преимущество последнего (*мегакорпорация*, *мегапроект*). Учитывая его положительную динамику, не исключено, что в перспективе *мега-* сменит *супер-* на месте самого популярного префиксоида-усилителя.

Префиксоид *гипер-*, в отличие от *мега-*, не только не готов конкурировать с *супер-* на поле экспрессивного словообразования, но и, согласно

⁴ <https://twitter.com/MrShastitko/status/370227979562926080>. В этом примере и во всех последующих иллюстрациях сохранена оригинальная графика.

⁵ <http://olga3456.livejournal.com/85556.html>

⁶ Любопытно, что наряду с наиболее ходовым метафорическим значением 'известная, популярная личность' в начале своей истории слово *суперзвезда* имело и конкурирующее прямое значение 'очень большая звезда' в смысле определения астрономического объекта.

нашим количественным оценкам, теряет в популярности по сравнению с положением вещей, зафиксированным для 1990-х годов. По всей видимости, его усилительная семантика оказалась не востребована в ситуации наличия двух других активных префиксоидов со схожими функциями. При этом в ряде случаев, когда *гипер-* все же используется для реализации экспрессивной функции словообразования, мы склонны видеть в этом подчиненную роль его усилительной семантики, уступающей место созвучию с другим культурно значимым и коннотативно нагруженным префиксоидом *кибер-*. Проиллюстрируем эту гипотезу на примере низкочастотного слова «гипервойна». В блогах обнаруживается 15 вхождений этого слова, и ряд этих контекстов недвусмысленно показывает, что речь идет не столько о масштабных и глобальных войнах, сколько о войнах, которые не должны проходить в физическом пространстве, а являются либо атрибутом вымышленного, виртуального мира (пример 3), либо и вовсе открыто названного киберпространства (пример 4).

- (3) Без всякой рациональной идеи, кроме идеи собственно развлечения в гипервойнах между сказочными чудовищами⁷.
- (4) На Эхе Москвы какой-то высокопоставленный американец (зампредчегото госдепа США) рассказывал о реальной опасности потенциальных угроз гипервойн в киберпространстве⁸

Однако позиции префиксоида *супер-*, хотя и теснимого *мега-*, все еще сильны, и он остается продуктивным до самого последнего времени, о чем свидетельствует жизнеспособность (более 100 употреблений в блогах, приходящихся, в основном, на записи последних лет) такого внутренне оксюморонного слова, как *суперминимум*:

- (5) «Суперминимум сна, но настроение хорошее»⁹.
- (6) «Мой опыт: пробывала искать, ну там где галочками отметить надо, суперминимум требований к избраннику (возраст, семейной положение, "габариты", "не пил" и без наркотиков, таких просто нет))»¹⁰.

Отдельного очерка заслуживает один из ключевых префиксоидов десятилетия — *нано-*.

Наносекунды и нанометры появляются в Национальном корпусе русского языка в 1970-е гг. в материалах из журналов «Химия и жизнь» и «Техника — молодежи». Из ранних случаев появления префиксоида *нано-* запоминается такой плохо датируемый контекст, все еще последовательно связанный с профессиональной сферой:

⁷ <http://kozyrev-niku.livejournal.com/10389.html>

⁸ <http://kodt-rsdn.livejournal.com/86043.html?thread=248859>

⁹ http://mamba.ru/diary/post.phtml?user_id=160233651&post_id=270#comment1657

¹⁰ https://twitter.com/kopernik_skv/statuses/334937589175943168

- (7) — Милый, какой у тебя член? — 600 нанометров! — Такой маленький?!?!?
(Коллекция анекдотов: ученые, 1970–2000).

В книге, вышедшей в 2000 г., слово *нанотехнологии* поставлено в кавычки, что говорит о новизне и непривычности этого слова для редактора в момент выхода издания:

- (8) Это в миллионы раз более мощные компьютеры, способные воспроизводить себе подобных; достижения в области генетики, которые видоизменяют структуру биологической жизни; и «нанотехнологии», позволяющие создавать сложные объекты на атомарном уровне (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века, 2000).

Но уже с 2001 г. контекстов с «нанотехнологиями» становится гораздо больше, и употребляются они без графических маркеров. Не секрет, что вне терминологического контекста слово, образованное при помощи префиксоида *нано-*, чаще всего приобретает ироничный оттенок, квинтэссенцией которого стало каламбурное образование *бананотехнологии* (около 80 упоминаний в блогах за неполный 2013 год).

Именно префиксоид *нано-* составляет пару-литоту для суперлативов *супер-* и *мега-*. Большинство дериватов, образованных с помощью каждого из этих трех префиксидов, имеет зафиксированное в блогах однокоренное слово, образованное с помощью двух других префиксидов: *нанопроект* — *суперпроект* — *мегапроект*, *нанотехнологичный* — *супертехнологичный* — *мегатехнологичный*, *наномотор* — *супермотор* — *мегамотор*, *нанопровод* — *суперпровод* — *мегапровод*, *наноканал* — *суперканал* — *мегаканал*, *нановспышка* — *супервспышка* — *мегавспышка*, *нанопартия* — *суперпартия* — *мегапартия*, *нанолинза* — *суперлинза* — *мегалинза*, *наномагнит* — *супермагнит* — *мегамагнит*, *наноатом* — *суператом* — *мегаатом*, *нанокорпорация* — *суперкорпорация* — *мегакорпорация*, *нанодержава* — *супердержава* — *мегадержава*, *наноброня* — *суперброня* — *мегаброня*, *нанопринтер* — *суперпринтер* — *мегапринтер*, *наноструктура* — *суперструктура* — *мегаструктура*, *нано-телефон* — *супертелефон* — *мегателефон*, *нанопланишет* — *суперпланишет* — *мегапланишет*, *нанотехнология* — *супертехнология* — *мегатехнология*, *нанокерамика* — *суперкерамика* — *мегакерамика*, *наноцентр* — *суперцентр* — *мегацентр*, *нанооружие* — *супероружие* — *мегаоружие*, *нанопroduzione* — *суперпродуция* — *мегапродуция*, *нанопортал* — *суперпортал* — *мегапортал*, *нанозвезда* — *суперзвезда* — *мегазвезда*, *наноробот* — *суперробот* — *мегаробот*, *наноблок* — *суперблок* — *мегаблок*, *нанобомба* — *супербомба* — *мегабомба*, *наномашина* — *супермашина* — *мегамашина*, *наноперевозчик* — *суперперевозчик* — *мегаперевозчик*, *наноразработка* — *суперразработка* — *мегаразработка*, *наномяч* — су-

пермяч — мегамяч, наномолекула — супермолекула — мегамолекула, нанодвигатель — супердвигатель — мегадвигатель, наносистема — суперсистема — мегасистема, наногоскорпорация — супергоскорпорация — мегагоскорпорация, нанокостюм — суперкостюм — мегакостюм, наноагент — суперагент — мегаагент.

При этом слово *гиперпринтер* не зафиксировано, а *гиператом* употреблено лишь однажды окказионально, так что построить такой же полный ряд с префиксоидом *гипер-* не удастся.

В этом ряду не каждый пример деривата с префиксоидом *нано-* представляет пару-литоту к *супер-* и *мега-*. Так, наиболее естественным контекстом для слова *нанопроект* является такой, в котором оно обозначает разработку производственной цепочки продукта, основанного на технологии наноуровня. В то же время фиксируются и переносы значения, как в следующем примере:

- (9) Газ "сдуется" в ценах, и весь его нанопроект по национальному коду действительно превратится в презерватив, который ему мерещился в знаке нардного движения¹¹.

На фоне этих набирающих популярность префиксоидов заметно падение частотности аффиксоида *мини-*, который после активного вхождения *нано-* в язык стал все реже использоваться в экспрессивном словообразовании. ССЯРГ фиксирует 300 дериватов *мини-*, а в нашей выборке таких единиц оказалось всего 89, среди них много устоявшихся терминов (*мини-юбка, мини-футбол*) и крайне малочисленны продукты экспрессивного словотворчества (*минисколково*). По всей видимости, в конкуренции между *нано-* и *мини-* первый префиксоид одержал локальную победу.

Обращает на себя внимание невысокое число пишущихся через дефис слов, образованных с помощью этого аффиксоида. Если ССЯРГ приводит в качестве иллюстраций только слова в дефисным написанием (*мини-футбол, мини-империя, мини-завод, мини-юбка, мини-рынок*), то материал 2000-х годов, скорее, свидетельствует о том, что слова с компонентом *мини-* тяготеют к слитному написанию: *миниофис, минитрактор, миниобсерватория, минидуховка, миниробот, миниземля*.

Обратная тенденция оформилась для префиксоида *мульти-*, не имевшего высокой частотности в словообразовании 1990-х годов (65 дериватов в ССЯРГ), но востребованного в 2000-е (163 деривата). Слова, образованные с помощью *мульти-*, большей частью относятся к прилагательным или к существительным с окончанием на *-ость* (т. е. отадективных). Возможно, происходящее связано с возрастающим значением и влиянием английского языка, в котором композиты с *multi-* используются все чаще для

¹¹ <http://sapojnik.livejournal.com/1468748.html?thread=80954188&>

обозначения прежде всего (но не исключительно) новаций в технической сфере (*multitouch, multiscreen*). Для специфической российской языковой реальности можно предположить также участие в этом процессе престижного слова *мультимедиа*, влияющего на выбор способа образования новых слов — с участием компонентов *мульти-* или *много-*.

В связи с этим следует упомянуть и сравнительно непримечательный в 1990-х префиксоид *медиа-*, продемонстрировавший в 2000-х лавиноподобный рост образованных с его помощью дериватов (325), что, разумеется, продиктовано, главным образом, лингвистическими причинами.

Таким образом, мы обнаружили рост числа дериватов префиксоидов, использующихся для номинации денотатов, роль которых в жизни носителей русского языка в последние годы возросла (прежде всего речь идет о префиксоидах *авиа-* и *видео-*). Одновременно с этим обратила на себя наше внимание конкурентная борьба между префиксоидами *супер-* и *мега-* на поле экспрессивного словообразования. При положительной динамике *мега-* в современном интернет-языке и хорошо оцениваемых перспективах этого префиксоида в будущем, очевидно, что префиксоид *гипер-* эту борьбу проиграл, так всерьез в нее и не вступив.

Литература

- Денисенко Ю. Ф., Буцева Т. Н. Разработка семантики аффиксоидов в словарях новых слов // Материалы XXIX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция лексикологии и лексикографии (русско-славянский цикл). 13–18 марта 2000 г. Выпуск 11. СПб., 2000. С. 38–45.
- Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка русской газеты (1990-е годы). Т. 1. М., 2008.

П. А. Таратынов

Производные с суффиксом -ёж и их морфонологические особенности в текстах русского интернета

В статье проанализированы широко представленные в интернете, но не зафиксированные словарями производные существительные с суффиксом -ёж. Рассмотрены нестандартные дериваты, нарушающие правила, сформулированные в Грамматике-80. На основе анализа частотности употребления суффиксальных образований с -ёж высказаны гипотезы о причинах окказиональности / продуктивности соответствующих новообразований.

Ключевые слова: суффикс -еж, словообразование, интенсивность, негативная оценка, частотность, окказионализмы

Работа посвящена одному классу производных слов, довольно широко представленному в интернете, — существительным с суффиксом -ёж.

В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка [Зализняк 2003: 250-251] перечислены следующие существительные с суффиксом -ёж: *грабёж, долбёж, свербёж, правёж, падёж, галдёж, картёж, скулёж, делёж, крепёж, терпёж, нетерпёж, зубрёж, платёж, неплатёж, чертёж, кутёж*. Все существительные неодушевленные, мужского рода, ударение падает на окончание во всех падежах (акцентная парадигма b по А. А. Зализняку). Согласно [Грамматика-80: 163], существительные с суффиксом -ёж часто характеризуются «оттенком интенсивности действия»: *галдеть* — *галдёж*, *долбить* — *долбёж*, *свербить* — *свербёж* и т. д. Можно отметить, что, помимо интенсивности, такие существительные дополнительно несут оттенок негативного отношения говорящего. Иногда, однако, никакого «оттенка интенсивности» нет: *платить* — *платёж*, *чертить* — *чертёж* [там же]; то же относится и к негативной оценке. От существительных такого типа могут образовываться прилагательные: *платёжный, крепёжный, чертёжный*. Мотивирующие — глаголы несовершенного вида с основой инфинитива на -и, -е: *скулить* — *скулёж*, *терпеть* — *терпёж*, но из этого правила есть одно исключение: *падать* (глагол I спряжения) — *падёж* [там же]. Все эти характеристики актуальны для тех слов, которые представлены в словарях. Однако такие слова уже стабильно ведут себя в русском языке, и для нас гораздо интересней

взглянуть на те примеры производных с суффиксом *-ёж*, которые не зафиксированы в словарях. Поэтому в дальнейшем мы обратимся в первую очередь к словам, найденным в интернете.

Посмотрим, как данная словообразовательная модель выглядит сегодня. Первоначальный поиск производился в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), в результате были найдены следующие производные с суффиксом *-ёж*, отсутствующие в [Зализняк 2003]: *бубнёж*, *гундёж*, *выпендрёж*, *балдёж*, *глумёж*, *охмурёж*, *мухлёж*, *капёж*, *гудёж*, *вертёж*, *крутёж*, *вопёж*, *хамёж*, *скандёж*, *кадрёж*, *кормёж*, *блудёж*, *прохиндёж*, *рулёж*, *давёж*. Словообразовательный анализ этих слов показывает, что не все они соответствуют правилам, сформулированным в «Грамматике-80». Так, глаголы типа *мухлевать*, *капать*, *охмурять* и *скандировать* явно не относятся к глаголам на *-и*, *-е*. Не меньший интерес представляет возвратный глагол *выпендриваться*, производное существительное от которого — *выпендрёж* — встречается довольно часто как в НКРЯ (36 вхождений), так и в интернете. Ранее производных от возвратных глаголов не наблюдалось. Интересным представляется также нестандартное образование *прохиндёж* (от существительного *прохиндей*), появление которого говорит о выходе суффикса *-ёж* за изначальные границы его влияния.

Исследуя материал, представленный в интернете и отсутствующий в НКРЯ, мы находим немало существительных, образованных с помощью суффикса *-ёж*, которые, на первый взгляд, выглядят совсем некорректно (*звонёж*, *корректёж* и т. д.). Безусловно, большинство таких производных — окказионализмы, но есть существительные, пользующиеся сравнительно большой популярностью. Непосредственно в интернете можно выделить следующие слова: *трындёж*, *дублёж*, *наглёж*, *сверлёж*, *свистёж*, *нудёж*, *храпёж*, *пыхтёж*, *скрипёж*, *хрипёж*, *дудёж*, *бомбёж*, *скребёж*, *дундёж*, *сопёж*, *дымёж*, *расслабёж*, *говорёж*, *разводёж*, *скандалёж*. Если рассматривать все найденные слова с точки зрения частотности употребления, их можно разбить на следующие три группы:

Таблица 1. Частотность производных с *-ёж* в интернете

Высокая частотность	Средняя частотность	Низкая частотность
бубнёж, выпендрёж, балдёж, мухлёж, гудёж, рулёж, глумёж, трындёж, наглёж, нудёж	хамёж, вертёж, кадрёж, капёж, кормёж, крутёж, охмурёж, вопёж, скандёж, дублёж, свистёж	блудёж, прохиндёж, давёж, сверлёж, скандалёж, расслабёж, дымёж, говорёж, сопёж, дундёж, разводёж, пыхтёж, храпёж, скребёж, бомбёж, скрипёж, дудёж

На основании полученных данных можно сделать вывод, что слова с высоким показателем частотности достаточно широко распространены

в современной некодифицированной речи. С другой стороны, слова из третьего столбца имеют настолько низкий показатель частотности, что некоторые из них вполне можно отнести к окказионализмам.

Особого внимания заслуживают производные от основ с исходом на губной согласный, в которых перед суффиксом -ёж может происходить переходное смягчение: *глумиться* — *глумёж* // *глумлёж*, *вопить* — *вопёж* // *воплёж*, *кормить* — *кормёж(ка)* // *кормлёж(ка)* и т. д. Появление эпентетического -л- в этих формах выглядит необычно. Вероятно, «всеми виной» личные формы соответствующих глаголов: *глумиться* — *я глумлюсь*, *вопить* — *я воплю*, *хамить* — *я хамлю*, *кормить* — *я кормлю*. И действительно, если мы рассмотрим глаголы данного класса и проверим их употребление в интернете, то обнаружим некоторое количество вхождений форм с -л-:

Таблица 2. Частотность форм без эпентетического -л- и с ним¹

Форма без -л-	Форма с -л-
глумёж ≈ 153000	глум-л-ёж ≈ 350
вопёж ≈ 6150	воп-л-ёж ≈ 140
хамёж ≈ 18700	хам-л-ёж ≈ 32
кормёж ≈ 18200	корм-л-ёж(ка) ¹ ≈ 410
давёж ≈ 1000	дав-л-ёж ≈ 330
храпёж ≈ 1290	храп-л-ёж ≈ 0

Из Таблицы 2 видно, что вставка -л- свойственна далеко не всем словам с губным перед -ёж (ср., например, *храпёж*), и в целом формы с -л- имеют очень низкую частотность. Однако эпентетическое -л- действительно имеет тенденцию возникать только в тех словах, у которых в форме 1 лица единственного числа основа глагола заканчивается на л.

Что касается образования производных с -ёж от глаголов несовершенного вида с основой инфинитива на -и, -е [Грамматика-80: 163], то к этому правилу появилось много исключений. Раньше встречалось одно исключение (*падать* — *падёж*), но сейчас в число исключений входят уже *мухлевать*, *капать*, *охмурять*, *дублировать*, *скандировать*. В то же время сформулированное в [Иткин 2005: 51] ограничение, в соответствии с которым суффикс -ёж, имеющий в своем составе шипящий согласный ж, не сочетается с основами на шипящие, как видно, соблюдается всегда.

Почему же некоторые существительные на -ёж становятся популярными, а какие-то так и остаются в числе окказионализмов? Посмотрим на слово *выпендрёж*, которое является самым частотным из всех найденных в интернете и может само образовывать новые производные — *выпен-*

¹ Слово *кормлёжка* гораздо частотнее, чем *кормлёж*.

дрёжник, выпендрёжница, выпендрёжный. Существует слово *выпендривание*, которое обладает низкой частотностью в языке, в то время как слово *выпендрёж* пользуется значительной популярностью. Этот факт можно объяснить тем, что слова с *-ёж* обладают большей экспрессией. Для современного поколения и для устной речи характерно использование эмоционально окрашенных слов [Скворцов 1964], поэтому и частотность таких форм выше.

В заключение хочется отметить, что с определенной долей вероятности в найденных производных может происходить то же, что произошло со словами *платёж, чертёж и рубеж*. Эти производные семантически сильно отделились от мотивирующих глаголов и в современном русском языке не имеют значения процесса. Суффикс *-ёж* в данном случае обозначает объект, являющийся результатом определённого действия. Вероятно, к этому состоянию стремятся и остальные слова, образованные по данной модели.

Литература

- Русская грамматика. Т. I–II. / Под ред. Шведовой Н. Ю. М., 1980.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003.
- Иткин И. Б. Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке // Славяноведение. 2005. №4.
- Скворцов Л. И. Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика) // Вопросы культуры речи. Вып. 5. 1964.

Лингвистика интернета

А. А. Бонч-Осмоловская

***Кормить свинью online бесплатно:* язык запросов как лингвистический объект¹**

В работе обсуждается язык поисковых запросов, который рассматривается как подсистема естественного языка. Представлен формальный аппарат описания структуры запроса. Рассмотрены прагматические особенности коммуникативной ситуации запроса, его основные структурные компоненты, правила порождения и типы порождаемых структур. Исследование производилось на материале веб-запросов, предоставленных компанией «Яндекс».

Ключевые слова: веб-запрос, семантика, интернет коммуникация, лингвистическая прагматика

Введение

Изучение семантики и синтаксиса интернет-запросов (запросов на естественном языке, обращенных к веб-поисковику), как правило, ставит своей целью повышение релевантности выдачи поисковых систем и оптимизации информационного поиска (см. [Волович, Белов 2007]; [Pasca, Van Durme 2007]; [Barr et al 2008]; [Manshadi, Li 2009] и др.). Мы выбрали несколько иную перспективу исследования: мы рассматриваем запрос как высказывание, совершенное на естественном языке *в рамках* особого типа коммуникации. Таким образом, наша задача лежит скорее в области теоретической лингвистики. Предлагая модель описания семантической структуры запросов, мы утверждаем, что существует **язык запросов** как отдельная подсистема естественного языка, обладающая отличающимися от основной языковой системы правилами грамматики. В то же время, язык запросов является именно подсистемой, наследующей от естественного языка базовые грамматические, семантические и коммуникативные принципы. Ниже будут последовательно рассмотрены прагматические особенности коммуникативной ситуа-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ции запроса, основные структурные компоненты запроса и правила и типы порождаемых структур. Кроме того, будет представлено эмпирическое исследование, проведенное на выборке из более 1000 запросов.

Прагматика запроса

Коммуникативная ситуация

Отличия веб-запросов — диалогов пользователя с поисковой системой — от нормальной коммуникации носителей естественного языка очевидны. Даже если условно считать поисковую систему полноценным участником диалога, коммуниканты не равноценны, а сама коммуникация асимметрична. Пользователь отправляет сообщение поисковику, но в ответ получает одновременное множество сообщений. Выбор релевантного ответа зависит от адресата, а не от адресанта-системы. Собственно, развитие сервисов веб-поисковиков определяется стремлением разработчиков к максимальному приближению сценария пользовательского диалога с системой к нормальной коммуникации: пользователь получает возможность применять код естественного языка, а ответы системы ранжируются таким образом, чтобы в идеале первая ссылка в списке выдачи являлась лучшим ответом и обеспечивала бы коммуникативный успех. Более интересно и по-своему неожиданно то, что естественный язык, используемый для формулировки запросов, тоже эволюционировал и «подстроился» под специфику коммуникативной ситуации веб-поиска. Значимо, что вопросно-ответные системы, предполагающие в качестве запросов именно грамматически правильные вопросы, не смогли с ним конкурировать: он оказался более экономным, точным и емким. Для нас принципиально, что развитие этого языка предопределено общими для всех естественных языков принципами лингвистической прагматики, а именно: иллокутивной функцией речевого акта, принципом кооперации Грайса и референциальной составляющей языкового знака.

Иллокутивная сила запроса

Дж. Серль относит вопросы к классу директивов: «Вопросы представляют собой частный случай директивов, поскольку это — попытки со стороны говорящего сделать так, чтобы Н (*т. е. слушающий* — А. Б-О) ответил, — то есть произвел некоторый речевой акт» [Серль 1986]. В веб-запросах говорящий побуждает контрагента — поисковую систему — не к речевому акту, но к определенному действию: предоставлению контента. Под контентом понимается текстовое или не-текстовое (изображение, видео- или

аудиозапись, программный код) наполнение сайта. В отличие от классических директивов — глаголов (*приказать, просить, умолять*) или модальных глагольных показателей, которые не имеют своего собственного пропозиционального содержания и таким образом не определяют локутивного содержания высказывания, — веб-запросы всегда являются директивами только к *единственному* действию. Содержание действия «выдать контент» всегда входит в имплицитную презумпцию запроса. Напротив, асертивный, эксплицитно выраженный компонент запроса определяет релевантные для пользователя свойства контента. Таким образом, собственно локутивная часть запроса состоит в утверждении, что существует контент, обладающий определенными признаками. Иллокутивная (невывражаемая) часть запроса состоит в директиве к поисковой системе выдать этот контент.

Собственно языковое выражение запроса, объединяющее его локутивное и иллокутивное содержание, мы будем называть *интендом*. Асертивную часть запроса будем называть *контентной пропозицией*.

Максимы Грайса

Принцип кооперации, сформулированный Полом Грайсом [Грайс 1985], имеет в презумпции обоюдное искреннее стремление коммуникантов к успеху их коммуникации: участники диалога знают об интересах друг друга и предполагают, что их интересы совпадают. Эта презумпция безусловно верна и для ситуации веб-запроса: главный интерес пользователя состоит в том, чтобы получить максимально точный ответ на свой запрос, «интерес» поисковой системы — такой ответ предоставить. Следуя принципу кооперации, пользователь строит свой запрос в соответствии с максимами Грайса: максимой количества (не говорить меньше, чем требуется, не говорить больше, чем требуется), максимой релевантности, максимой ясности (избегать двусмысленности).

Как будет показано ниже, структура запроса может быть представлена в виде фасетов с заполненными или незаполненными слотами. В общем случае заполнение или пропуск слота, или, иначе говоря, экспликация характеристик контента, могут быть объяснены именно на уровне максим Грайса: говорящий сообщает только то, что действительно необходимо для соблюдения условия релевантности и однозначности сообщения.

Понятие референтности

Референциальная соотнесенность контентной пропозиции является весьма важным свойством для понимания природы высказывания-запроса.

Вопрос о том, является ли контент, — например, электронная статья, сайт интернет-магазина, файлообменник, каталог ссылок, социальная сеть, — объектом действительности материального мира, лежит скорее в плоскости философии. Однако важно, что интенты пользователя могут быть обращены к некоторому «единственному», конкретному контенту, существующему, тем не менее, во множестве ипостасей электронного представления и соотносящемуся с неопределенным и нереферентным множеством реальных объектов. Например, пользователя могут интересовать часы работы конкретного учреждения:

(1) *часы работы сбербанка в подольске*

Пользователь ожидает получить в качестве ответа информацию именно про часы работы этого учреждения, при этом ему совершенно не важно, на каких и на скольких сайтах этот контент размещен. Не имеется в виду и какой-то конкретный банк из множества сбербанков в Подольске. Важно лишь то, что пользователь знает совершенно определенно, какую информацию он хочет получить, и сам формулирует ее условия истинности, а они в данном случае напрямую связаны с релевантностью выдачи, т. е. с успехом коммуникации. Такой тип интенгов мы будем называть **референтными**, отдавая себе отчет в том, что в данном случае термин «референция» используется здесь не вполне традиционно.

Другой тип интенгов — те, в которых пользователь запрашивает информацию про генерализованный класс объектов:

(2) *шумоизоляция автомобиля*

Их мы будем называть **нереферентными**.

Как будет показано ниже, референтные и нереферентные интенты, как правило, связаны с разными морфо-синтаксическими структурами.

Структура запроса

Структурные элементы запроса

В работе [Li 2010] был предложен анализ составляющих элементов запроса. Li предлагает выделять в запросе два компонента: ***intent head*** и ***intent modifier***. Предполагается, что каждый запрос соотносится с определенным онтологическим классом объектов (в статье — с семантическим концептом): ФИЛЬМЫ, ЛЕКАРСТВА, ПРОДУКТЫ и т. д. Тогда часть ***intent head*** является незаполненным атрибутом соответствующего класса, и его заполнение как раз и является целью запроса. Так, в запросе «alice in worderland 2010 cast» часть *cast* определяется как ***intent head***. Все объекты типа *Movie*

имеют атрибут *cast*. Директивой запроса является получение значения этого атрибута. Li отмечает, что часто *intent head* остается невыраженным, а это значит, что запрос относится к дефолтной информации общего характера. Напротив, компонент *intent modifier*, — это уже заполненный атрибут той же категории. Например, в приведенном выше примере запроса содержатся значения атрибутов *название* и *год*. Каждый класс может иметь свои списки атрибутов, функционирующих как *intent modifier*.

На наш взгляд, предложенный в [Li 2010] анализ недостаточен для того, чтобы объяснить особенности синтаксиса и семантики запросов, по крайней мере, на русском материале. Поэтому мы предлагаем более сложную структуру. При этом мы отталкиваемся от сформулированной в [Li 2010] идеи соотношения контентной пропозиции с определенным онтологическим классом объектов (*cat*) и зависимости от этого класса списка возможных атрибутов. Ключевым (однако не всегда эксплицитно выражаемым) элементом контентной пропозиции является собственно обозначение категории (класса) рассматриваемых объектов (*headcat*). Наиболее часто встречающийся атрибут большинства категорий — это название объекта (*name*). В частности, наличие атрибута *name* отличает референтные запросы от нереферентных.

Приведем ниже примеры запросов с выраженными составляющими *headcat* и *name*:

- (3) *компания ан-реал*
- (4) *охота на лис фильм*
- (5) *подишник 7345 RB*

Схематически примеры (3–5) можно было бы представить следующим образом:

- (6) $[intent[cat[headcat\textit{компания}][name\textit{ан-реал}}]]]$
- (7) $[intent[cat[name\textit{охота на лис}][headcat\textit{фильм}}]]]$
- (8) $[intent[cat[headcat\textit{подишник}][name\textit{7345 RB}}]]]$

Кроме атрибута *name*, в контентной пропозиции могут содержаться и другие атрибуты основной категории, имеющие конкретное лексическое наполнение (значение атрибута) или же выраженные с помощью обобщенного названия атрибута (незаполненный атрибут). Так, часто встречающимися атрибутами разных категорий являются место (*place*) и дата (*date*), см. примеры ниже с прилагаемыми схемами разбора:

- (9) *изумрудный город пенза*
 $[intent[cat[name\textit{изумрудный город}][place\textit{пенза}}]]]$
- (10) *выставка кошек петербург 2009*
 $[intent[cat[name\textit{выставка кошек}][place\textit{петербург}][date\textit{2009}}]]]$

Атрибутный состав запроса определяется экстралингвистическими знаниями пользователя о существенных свойствах категории. Атрибут, находящийся в фокусе запроса (т. е. вводящий ту часть контента, на которую направлен директив запроса) остается незаполненным. В примере 11 не заполнен атрибут *автор*. В примере 12 заполнен атрибут *место*, но не заполнен *телефон*:

- (11) *приходите в мой дом автор*
 $[intent[cat[name\text{приходите в мой дом}][author]]]$
- (12) *мосэнергосбыт ювао телефон*
 $[intent[cat[name\text{мосэнергосбыт}][place\text{ювао}][tel]]]$

Наконец, необходимо определить еще два типа семантических составляющих контентной пропозиции запроса. Во-первых, это рестрикторы (*restr*), функция которых состоит в том, чтобы специфицировать подкласс основной категории. Рестрикторы определяют вершину категории и входят с ней в одну составляющую:

- (13) *портальная автомойка для грузовых машин*
 $[intent[cat[[restr1\text{портальная}][headcat\text{автомойка}][restr2\text{для грузовых машин}]]]$
- (14) *игры с хомьяками*
 $[intent[cat[headcat\text{игры}][restr\text{с хомьяками}]]]$

Во-вторых, важным элементом запроса является спецификация формата контента, определяющая возможность специального действия пользователя, направленного на получение контента, и являющаяся по сути модификатором интенга (*im*). Иначе говоря, в контентную пропозицию, кроме указания на категориальную принадлежность контента и заполненность или незаполненность ряда атрибутов этой категории, входит также и сообщение, что контент должен быть такого формата, чтобы было возможно совершить действие Р (например, *скачать, смотреть, слушать, заказать* и т. д.). Интентные модификаторы, как правило, используются в референтных интенгах:

- (15) *скачать стихотворение весна, студент, любовь*
 $[intent[im\text{скачать}][cat[headcat\text{стихотворение}][name\text{весна, студент, любовь}]]]$
- (16) *якитория заказать*
 $[[[[name\text{якитория}][cat]im\text{заказать}][intent]]]$

Иногда интентные модификаторы реализуются как инфинитив и адverb (*скачать бесплатно*), более того, инфинитив может вовсе опускаться (*онлайн, без регистрации* и т. д.):

- (17) *совместимость знаков зодиака бесплатно*
 $[[[[theme\text{совместимость знаков зодиака}][cat]im\text{бесплатно}][intent]]]$
- (18) *американский оборотень в париже в хорошем качестве*
 $[[[[name\text{американский оборотень в париже}][cat]im\text{в хорошем качестве}][intent]]]$

Структура запроса и грамматика языка

Подведем итог рассмотрения семантической структуры запроса и посмотрим, каким образом она соотносится с синтаксисом естественного языка. Итак, в контентной пропозиции могут быть выражены три основных типа семантических элементов:

- вершина категории (*headcategory*), определяющая, к какому типу (онтологическому узлу) принадлежит контент,
- атрибуты категории — свойства и отношения, свойственные контенту как представителю типа категории, имеющие эксплицитно выраженное значение или же, наоборот, находящиеся в фокусе запроса;
- модификатор интенга, определяющий «форматные» требования к контенту: как именно пользователь хочет использовать контент.

Каждый из этих элементов является, по сути, отдельной пропозицией с невыраженными предикатами существования и принадлежности:

- существует категория *Headcategory*, которой принадлежит контент *c*;
- существует значение *x* атрибута *Atr* категории *Headcategory*, которому принадлежит контент *c*;
- существует формат представления контента *c*, модифицирующий базовый интенг.

Каждый из этих элементов может быть выражен в соответствии с грамматикой естественного языка в виде полных предикаций или, чаще, в виде свернутых предикаций (*small-clause*), представленных только именной группой. Интентные модификаторы выражаются, как было сказано выше, глагольной группой, состоящей из инфинитива и / или адьюнкта.

Ключевое свойство языка запроса состоит в том, что семантические предикативные элементы могут оставаться не связанными между собой на синтаксическом уровне и выступать в виде отдельных мини-клауз. Содержательное единство интенга обеспечивается его единой внутренней семантической структурой, определенной выше (см. раздел «Иллокутивная сила запроса»). Таким образом, нарушение синтаксической связности не является для носителей признаком грамматической неправильности предложения, порожденного в рамках языка запроса. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих описываемое явление. Почти все эти примеры, кроме (19), содержат новые типы атрибутов, которые не обсуждались раньше. Набор возможных атрибутов категории, как уже говорилось, зависит от онтологических свойств категории:

- (19) *Таганрог Гарантия кооператив*
вместо: кооператив Гарантия в Таганроге
[_{intenti}[_{cat}[_{place}Таганрог][_{name}Гарантия][_{headcat}кооператив]]]

- (20) *коврижка рецепт*
вместо: рецепт коврижки
 [intent[cat [themeковрижка]][headcatрецепт]]
- (21) *Зарубежный опыт управления качеством, ученые*
вместо: ученые, работающие в области зарубежного опыта управления качеством
 [intent[cat [activityЗарубежный опыт управления качеством]][headcatученые]]]
- (22) *отзывы частный сектор г. Черноморское*
вместо: отзывы о частном секторе в г. Черноморском
 [intent[cat [headcatотзывы] [themeчастный сектор] [placeг. Черноморское]]]
- (23) *платеж из-за границы физ лицо*
вместо: платеж из-за границы, совершенный физ лицом
 [intent[cat [headcatплатеж из-за границы]][agentфиз лицо]]]
- (24) *музыка скачать бесплатно*
вместо: скачать музыку бесплатно
 [intent[cat[headcatМузыка]][inскачать бесплатно]]

Можно предположить, что на отсутствие падежного согласования влияют следующие факторы: а) слишком сложные (специальные) отношения между вершиной категории и атрибутами; б) инверсия семантических элементов относительно их нормального порядка в синтаксически правильном предложении. Чем более лексически предопределенными (тесными) являются отношения между вершиной категории и атрибутами, тем более естественным является выражение их с помощью синтаксиса. Так, аналог примера 20 встречается в виде нормальной именной группы — *рецепт крошки, рецепт шашлыка*. Значение категории оказывается слишком слабо определено без атрибута темы, более того, в самом значении слова *рецепт* есть валентность на его содержание. Так же устроена вершина *расписание*, она практически не встречается без объектного генитивного дополнения (расписание электричек / поездов / вылетов). Ср, например, предложение (25), в котором синтаксические отношения выражены только для объектного отношения вершины *расписание*, но разрушены для других атрибутов:

- (25) *Санкт-Петербург аэролот расписание вылетов*
вместо: расписание вылетов аэрофлота в Санкт-Петербурге

Еще один существенный фактор, влияющий на отсутствие синтаксического оформления, — это инверсия. Базовым порядком является первая позиция вершины категории в контентной пропозиции. Если группы атрибутов оказываются левее, то они, как правило, не имеют маркирования зависимости (падежом или предложной конструкцией) от вершины категории (см, например, предложения (19), (20), (24), (26)).

Если в пропозиции имеется инфинитивный интенный модификатор (*скачать*), то при сохранении базового порядка слов будет сохраняться и аккумулятивное управление (*скачать музыку*), но в случае инверсии допускается отсутствие маркирования зависимой ИГ (*музыка скачать*). Показательными в данном случае являются примеры типа (27), в котором атрибут автора в препозиции вершины теряет генитив, но сама вершина расположена после интенного инфинитива и поэтому сохраняет аккумулятив:

- (26) *настя кочеткова скачать песню ты для меня*
вместо: скачать песню насти кочетковой ты для меня

Наконец, следует отметить, что сохранение нормального синтаксического оформления связано с нереферентностью запроса (см. раздел «Понятие референтности») — интен пользователя направлен не на один конкретный объект, а на множество объектов:

- (27) *сруб деревянного дома*
(28) *гостиницы в Ижевске*
(29) *поздравление с днем рождения*
(30) *Генотип мужчины*
(31) *редкие записи песен Нирваны*

Ситуативные контентные пропозиции

Существует ряд запросов, в которых пользователь не может отнести контент к типовой категории и определяет его через ситуацию: в данном случае можно говорить не о ключевых словах, но о «ключевой предикации». Заметим, что, как правило, содержательно такие запросы обычно связаны с неприятными ситуациями для пользователя:

- (32) *Двигатель КИА Спектра стучит на холодную*
(33) *пропала языковая панель после вируса csrss*
(34) *сгорел блок питания*

При этом аналогом атрибутов выступают параметрические характеристики ситуации: параметр в фокусе запроса может оформляться с помощью нормального вопроса, как в (35–36), или же оставаться незаполненным, как в (37–38). В последнем случае, предикация получается семантически аномальной или незавершенной:

- (35) *к чему снится стадо белок*
(36) *как нужно кормить свинью*
(37) *батарея загрязняет кубометр*
(38) *показатели которые получают в результате каких либо расчетов называют*

С помощью нормальной предикации может быть выражена не только вся категория целиком, но и один из ее параметров, как в (39–40):

(39) *любовь в большом городе спб где идет*

(40) *г.Первоуральск проспект ильича 29, что там*

Эмпирические данные

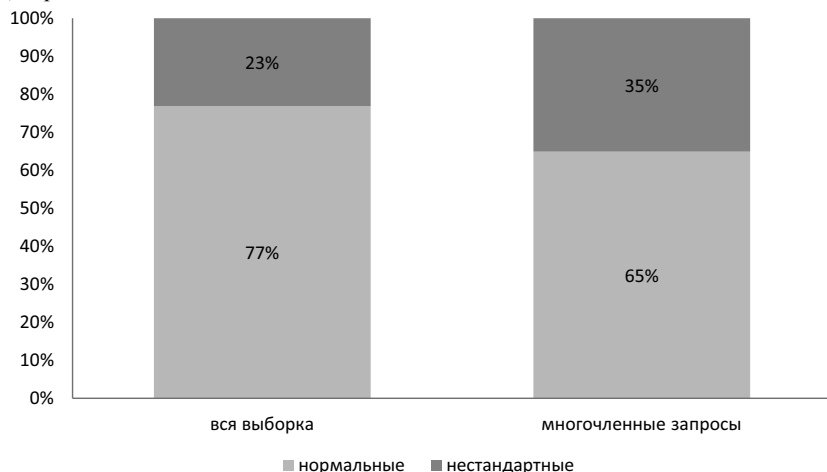
Для сбора эмпирических данных была произведена разметка выборки, состоящей из 1052 случайных запросов. Во-первых, были отмечены те запросы, которые содержат в себе отклонения от стандарта русской грамматики, в частности, учитывалась инверсия относительно нейтрального порядка слов, отсутствие падежного маркирования, отсутствие предложения, эллипсис категориального слова (там, где это мешает семантической связности). Так, например, в (41) наблюдаются две инверсии, отсутствуют предлог и падежное маркирование зависимого существительного:

(41) *кирпич полнотелый гост* (вместо: *гост для полнотелого кирпича*)

Следует отметить, что далеко не всегда мы можем выявить отсутствие падежного маркирования. Например, интентный модификатор *скачать* требует винительного падежа. Однако отсутствие маркирования винительным падежом может быть установлено только для существительных женского рода (*музыка скачать*), но не для мужского или среднего родов либо для несклоняемого имени (*кино скачать*). Кроме того, часто в запросах используются заимствования из английского (или других языков), которые в принципе не изменяются по падежам (*paint.net скачать*). Таким образом, поскольку мы можем ориентироваться только на наличие или отсутствие поверхностного маркирования, представленные ниже результаты носят предварительный характер.

Из 1053 запросов могут быть отнесены к группе «нормальных» 809 (это запросы, которые не содержат отклонений от стандартного русского языка), а 244 запроса были отмечены как «нестандартные». Тем не менее, надо учитывать, что по нашим критериям мы не можем оценить качество запросов, состоящих из одного слова или неделимого словосочетания (например, *в контакте*) — ни инверсия, ни падежное маркирование зависимого, ни опущенный предлог в данном случае не релевантны. Если отфильтровать такого рода запросы, то доля нестандартных заметно возрастет и будет составлять около трети от общей выборки. Ниже на диаграмме 1 представлены результаты разметки нестандартных запросов для всех запросов выборки и для подвыборки, не включающей в себя запросы из одного слова или неделимых словосочетаний (многочленные запросы):

Диаграмма 1

Группа нестандартных запросов была размечена по признакам, характеризующим нарушения нормы. Ниже представлена таблица, иллюстрирующая каждый тип нарушения, примеры и пояснения. В последней колонке представлены сведения о том, насколько часто встретилось каждое нарушение в процентном соотношении к общему числу запросов в группе.

Таблица 1. Типы нарушений в нестандартных запросах

нарушение	пример	стандартный прототип	частотность нарушения
инверсия	duck stories слова песни скачать	скачать слова песни duck stories	64%
нет маркирования зависимого	журнал Финансы телефон	телефон журнала Финансы	37%
пропущен предлог	детский ортодонт в мурманске	детский ортодонт в Мурманске	32%
нет сочинения	перила ограждения	перила и ограждения	3%
не выражена главная кате- гория headcat ² (в том случае, когда это нарушает синтаксическую связность)	гороскоп на куличках	гороскоп на сайте на куличках	30%

² В случае, когда нарушение связано с опущением главной категории, отсутствие предлога и маркирования лексемы, которая должна была выражать эту категорию, не учитывались. Так, в приведенном примере считалось только одно нарушение, а не три.

В выборке запросов были также размечены референтные и нереферентные запросы. Была проверена выдвинутая выше гипотеза о том, что нестандартное выражение запроса более часто встречается с референтными запросами. Данные представлены в таблице ниже:

Таблица 2. Референтность запросов и нарушения структуры

	нормальные	нестандартные	всего
референтные	452	162	614
нереферентные	357	82	439
всего	809	244	1053

Как следует из таблицы, вероятность нестандартного референтного запроса в общем множестве запросов равна 0,26

$$p = \frac{162}{614} = 0,26$$

Вероятность нестандартного нереферентного запроса в общем множестве запросов равна 0,19

$$p = \frac{82}{439} = 0,19$$

С помощью теста на равенство вероятностей можно показать, что эти вероятности не равны: их равенство является очень редким событием, вероятность такого события равна 0,0035, что существенно ниже стандартного уровня ошибки в 0,05, используемого в подобных исследованиях. Таким образом, на основании представленных данных можно утверждать, что имеется, взаимосвязь между референтностью запроса и использованием пользователем языковой подсистемы интернет-запросов.

Литература

- Белов А. А., Волович М. М. Автоматическое распознавание тематики сверхкоротких текстов // Материалы международной конференции «Диалог-2007». М., 2007.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. 1985. С. 217–238.
- Серль Д. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. 1986. С. 170–195.
- Barr C., Jones R., Regelson M. The linguistic structure of English web-search queries // Proceedings of the conference on empirical methods in natural language processing. Association for Computational Linguistics. 2008 . P. 1021–1030.
- Grice H. P. Logic and conversation. Syntax and Semantics. Vol. 3. 1975. P. 41–58.
- Manshadi M., Li X. Semantic tagging of web search queries // Proceedings of the Joint Conference of the 47th Annual Meeting of the ACL and the 4th International Joint Conference

on Natural Language Processing of the AFNLP. Association for Computational Linguistics. Volume 2. 2009. P. 861–869.

Li X. Understanding the semantic structure of noun phrase queries // Proceedings of the 48th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2010. P. 1337–1345.

Pasca M., Van Durme B. What you seek is what you get: Extraction of class attributes from query logs // Proceedings of the 20th International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI-07). 2007. P. 2832–2837.

Searle J. R. A classification of illocutionary acts // Language in society. 5(01). 1976. P. 1–23.

Б. В. Орехов, К. Ю. Решетников

К оценке Википедии как лингвистического источника: сравнительное исследование¹

В статье затрагивается один из главных практических вопросов корпусной лингвистики — наличие / отсутствие лингвистически представительных оцифрованных текстов на том или ином языке. Очевидным «кандидатом» на роль релевантного лингвистического источника оказывается Википедия², в связи с чем проводится частотный анализ лексики русского раздела этого ресурса в сравнении с википедиями, написанными на некоторых других языках РФ.

Ключевые слова: компьютерная обработка текста, частотный анализ лексики, Википедия

Специалисты, занимающиеся компьютерной обработкой текстов на естественном языке, сталкиваются с необходимостью подбора материалов для создания своих корпусов. У этой задачи много специфических сложностей, связанных с дороговизной оцифровки текстов, ограничениями, которые накладывает система авторского права и др. Когда речь идет о больших письменных традициях, представители которых уже успели перевести в электронную форму часть своего наследия (как это, например, уже произошло с русской культурой, хорошо представленной в интернете), эти трудности не ощущаются в полной мере, потому что в открытом доступе в сети исследователь может найти большой массив текстов, пригодных для его задач. Википедия, на первый взгляд, представляет собой удобный ресурс для извлечения текстов, которые должны послужить материалом для лингвистического исследования. С одной стороны, это интернет-энциклопедия, основным принципом которой создатели провозгласили свободу распространения информации, поэтому тексты ее статей не охраняются авторским правом и с самого начала перешли во всеобщее пользование. С другой стороны, энциклопедия по своей сути содержит разностороннюю информацию и в идеале

¹ Проект выполнен при поддержке Центра исследований интернета и общества РЭШ и Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества РЭШ.

² «Википедия» пишется в статье с прописной буквы в том случае, если речь идет об интернет-энциклопедии и соответствующем портале в целом. Строчная буква используется для обозначения языковых разделов

должна представлять тематически сбалансированный набор текстов. Сюда же можно добавить предусмотренную создателями техническую легкость, с которой все тексты Википедии можно извлечь и проанализировать. Особенно актуально наличие такого источника для тех языковых и письменных традиций, в случае которых оцифровка текстов пока является скорее проектом, нежели реализованной программой. К таким слабо оцифрованным языкам можно отнести все языки народов России, из-за чего компьютерная лингвистика почти не имеет возможности работать с этими языками.

Цель нашей работы — с помощью простейших лексико-статистических методов проверить пригодность текстов википедий на некоторых языках народов России (включая русский) для использования их в качестве лингвистического источника.

В нашем исследовании мы будем оперировать нестрогим понятием «естественности» частотного распределения словоформ в словаре, составленном на основе какого-то текста или коллекции текстов. Суть этого понятия в следующем. И из общих соображений, и из практики частотной лексикографии следует, что в текстах на языках флективного и агглютинативного строя наиболее частотными оказываются служебные части речи: союзы, предлоги, частицы, местоимения. Если корпус, на котором составлен частотный словарь, сбалансирован, т. е. включает в более-менее равном соотношении тексты разной тематики и коммуникативной направленности (и таким образом отражает соотношение, в котором естественный язык обычно фигурирует в жизни носителя), то полнозначная лексика появляется в таком словаре только в третьем-четвертом десятке (конкретные позиции будут зависеть от языка). Вот, например, первая десятка лемм из частотного словаря, составленного О. Н. Ляшевской и С. А. Шаровым на материале текстового фонда Национального корпуса русского языка [Ляшевская, Шаров 2009]:

*Таблица 1. Первые десять лемм
из частотного словаря русского языка*

№	Лемма	Часть речи	Частота (ipm)
1	и	conj	35801.8
2	в	pr	31374.2
3	не	part	18028.0
4	на	pr	15867.3
5	я	spro	12684.4
6	быть	v	12160.7
7	он	spro	11791.1
8	с	pr	11311.9
9	что	conj	8354.0
10	а	conj	8198.0

Важно отметить, что в этом списке словоформы уже приведены к единой лемме, и поэтому у изменяемых слов (к которым чаще всего и относятся полно-

значные, в отличие от служебных) шансы попасть в верхнюю часть списка гораздо выше. Однако даже с этим условием, как можно увидеть, наиболее частотными словами оказываются представители служебных частей речи.

Исходя из этого, наиболее «естественным» мы будем считать набор таких текстов, в которых частотное распределение слов наиболее близко к ожидаемому, т. е. демонстрирует сильные позиции для неизменяемых служебных слов и слабые позиции для форм полнозначных лексем. Соответственно, в случае, когда мы наблюдаем обратную ситуацию, это будет служить для нас основанием видеть в тексте дисбаланс. При этом, разумеется, дело не только и не столько в распределении словоформ. Мы исходим из гипотезы, что если диспропорция возникает в частотном словаре, составленном на основе какой-то коллекции текстов, то и данные по единицам других уровней языка могут быть (и даже скорее всего являются) не вполне корректными для произвольного текста на данном языке.

С этих позиций мы попробуем рассмотреть в сравнительном аспекте сначала википедию на русском языке, а затем несколько пар википедий на других языках народов России.

Верхняя часть частотного списка словоформ русской википедии (на момент исследования ее объем составляет 1 059 783 статьи) выглядит следующим образом:

Таблица 2. Первый десяток из частотного списка словоформ русской википедии

№	Словоформа	Встречаемость
1	в	10859129
2	и	5761105
3	на	3214393
4	с	2439469
5	года	1637221
6	по	1555831
7	году	1249646
8	из	1055953
9	был	940992
10	к	900353

Как легко удостовериться, в основном этот список соответствует аналогичным позициям частотного словаря, составленного на материалах сбалансированного корпуса, так как состоит в основном из предлогов, союзов и глагола «быть», используемого в качестве связки.

Однако 5 и 7 позиции интересны тем, что на них попадают формы полнозначного слова *год*. Это единственный случай нарушения естественного распределения словоформ в соответствии с критерием «полнозначные слова — неполнозначные слова» в верхней части частотного списка русской википедии. Он вызван, как нетрудно догадаться, жанровой спецификой энциклопед-

дического текста и структурой словника, в котором большое место занимают отдельные статьи, посвященные отдельным годам в мировой истории.

Второй десяток словоформ в частотном списке также составляют главным образом предлоги, местоимения и союзы, что вполне ожидаемо для частотного распределения в сбалансированном текстовом корпусе. Полнозначные слова в этом диапазоне не фиксируются.

Таблица 3. Второй десяток из частотного списка словоформ русской википедии

№	Словоформа	Встречаемость
11	не	843697
12	от	804136
13	а	754425
14	для	718569
15	что	676643
16	его	665984
17	до	637904
18	как	633286
19	он	611867
20	за	590437

Насколько мы можем судить, тексты русской википедии с поправкой на соответствующий жанр, если опираться на наши диагностические критерии, вполне могут быть использованы для компьютерных лингвистических исследований.

Однако для русского языка проблема отбора материала как раз не стоит остро. В свободном доступе в интернете представлены миллиарды страниц с текстами на русском языке, и при сравнительно небольших затратах лингвист может получить сверхбольшой корпус в десятки миллионов (а с применением некоторых инженерных решений и в десятки миллиардов) словоупотреблений. При этом тексты будут относиться к разным жанрам, отражать разную тематику.

В орбите русского языка и русской культуры, а конкретно — на территории Российской Федерации расположены ареалы обитания десятков народов, говорящих на собственных языках, которые располагают гораздо меньшим количеством оцифрованных текстов. Однако Википедия как престижный ресурс, претендующий на то, чтобы свободно распространять информацию на всех языках, имеет свои разделы и на многих языках народов России. Мы остановимся на нескольких примерах таких языковых разделов. В нашу выборку попали некоторые тюркские и финно-угорские языки и написанные на них википедии.

Из тюркских языков мы рассмотрим татарский и башкирский, а из финно-угорских — марийские, мордовские и два языка коми — зы-

рянский и пермский. Такая структура выборки обусловлена тем, что нам представляется интересным проанализировать национальные википедии, составляющие друг с другом некие пары, внутри каждой из которых идет речь, с одной стороны, о максимально близком языковом родстве, с другой — о специфическом сходстве соответствующих энциклопедических ресурсов. Башкирская википедия очевидным образом близка к татарской, причем дело здесь не только в единстве башкирского и татарского языков как членов поволжско-кыпчакской общности (носящей, согласно разным трактовкам, либо генетический, либо ареальный характер), но и в том, что авторы этих википедий пользуются при создании контента схожими специфическими приемами. При детальном изучении татарского и башкирского разделов Википедии можно также отследить соревновательный момент. Аналогичные и даже еще более тесные википедийные пары составляют лугово-восточный марийский и горно-марийский, эрзя-мордовский и мокша-мордовский, а также коми-зырянский и коми-пермский. В каждом из этих случаев мы имеем дело с двумя литературными языками, основанными на разных диалектах одного диалектного континуума, и с двумя родственными народами, которые, несмотря на тесную историческую связь друг с другом, имеют разные традиции и разное национальное самосознание. Сравнение соответствующих википедий дает не менее любопытные результаты, чем сравнение башкирского и татарского разделов.

Порядок, в котором будут рассмотрены верхние части частотных списков, соответствует иерархии википедий по количеству статей.

Самой большой по названному параметру национально-региональный раздел Википедии — это раздел на татарском языке, относящемся к тюркской семье. В настоящее время татарская википедия содержит 50 893 статьи. Вот верхняя часть частотного списка, составленного на основе этого ресурса:

Таблица 4. Первый десяток из частотного списка словоформ татарской википедии

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	елга	“река”	132567
2	бассейны	“бассейн”	75706
3	су	“вода”	54689
4	буенча	“по”	48838
5	Русия	“Россия”	48722
6	урнашкан	“расположенный”	38043
7	км	“километр”	36962
8	Һәм	“и”	27231
9	кече	“малый”	27203
10	дәүләт	“государство”	26888

Если не считать действительно высокочастотного соединительного союза и предлога со значением “по”, все слова, попавшие в этот перечень, относятся к категории однозначных. Особенно интригует высокая встречаемость слова *елга*; в русском частотном словаре *река* находится на 916 месте.

Замечательным образом похож на этот список и частотный словарь башкирской википедии (30 724 статьи). Башкирский язык, как уже отмечалось, по отношению к татарскому является близкородственным (а республики, в которых эти языки являются титульными, расположены по соседству одна с другой на территории России).

Таблица 5. Первый десяток
из частотного списка словоформ башкирской википедии

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	йылға	“река”	122849
2	бассейны	“бассейн”	85709
3	һыу	“вода”	64261
4	км	“километр”	38644
5	Рәсәй	“Россия”	33245
6	йылғаһы	“река”	30299
7	тиклем	“до”	28871
8	буйынса	“по”	25968
9	урынлашкан	“расположенный”	23200
10	Дәүләт	“государство”	20786

Здесь только послелоги *тиклем* и *буйынса*, располагающиеся на 7 и 8 местах, могут претендовать на частотные позиции в естественном распределении словоформ. Зато однозначные слова со значением “река”, “бассейн”, “вода”, “Россия”, “расположенный”, “государство” присутствуют среди самых частотных и в татарской, и в башкирской википедиях.

Такой дисбаланс в сторону определенных словоформ «водной» тематики объясняется способом пополнения татарской и башкирской википедий. Большая часть статей для разделов на этих языках не написана людьми, а сформирована автоматически из текстового шаблона на соответствующем языке, в который при программной обработке вставлены количественные данные. Абсолютное большинство такого рода статей посвящено рекам России, а данные о них взяты, по всей видимости, из Государственного водного реестра РФ.

Разумеется, совсем иным образом выглядит верхняя часть частотного словаря башкирского языка, составленного на корпусе научных текстов [Сиразитдинов 1997: 227].

Таблица 6. Первые десять лемм
из частотного словаря башкирского языка

[номер лексемы в списке]	Һүз [слово]	F [частотность]
[1]	һәм	4936
[2]	бул	4787
[3]	менән	3003
[4]	бер	2425
[5]	ул	2336
[6]	был	2235
[7]	ит	1666
[8]	улар	1523
[9]	кил	1408
[10]	ти	1404

Можно обнаружить, что пересечений с башкирской википедией в первой десятке самых частотных слов не наблюдается.

Описанный способ автоматического наполнения статей Википедии на жаргоне активистов интернет-энциклопедии называется «ботозаливкой», т. е. совершаемой (ро)ботом «заливкой» новых текстов на сайт ресурса. На сайте Википедии есть специальная техническая страница, которая фиксирует статистику автоматического создания статей для 120 наиболее развитых википедий. Эта страница сообщает, что если для русской википедии доля статей-заготовок, созданных «ботами», сравнительно невелика и равняется 15 %, то для татарской википедии этот показатель составляет 73 %, а для башкирской 89 %. Статистика «ботозаливок», отмеченная в башкирском разделе, может показаться рекордной, однако это не так: в данном отношении башкирская википедия уступает еще как минимум восьми аналогичным ресурсам, гораздо активнее использующим роботизированное создание статей. Википедии на финно-угорских языках России в этой статистике не приводятся.

В самой обширной из рассматриваемых финно-угорских википедий, горно-марийской (5 110 статей), мы видим смешанный случай в плане «естественности» и «неестественности» наполнения верхней части частотного списка:

Таблица 7. Первый десяток из частотного списка
словоформ википедии на горно-марийском языке

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	Ин	“года” (род. падеж)	3694
2	дӓ	“и; а”	3351
3	эдем	“человек”	2606
4	Ылен	“жил”	2173

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
5	тйштй	“там”	2053
6	гйц	“из; от; через; по”	1441
7	доно	“с, при помощи”	1402
8	пырышы	“вошедший”	1347
9	йыхыш	“в род”	1263
10	йдырәмаш	“женский”	1152

С одной стороны, слова *дә*, *тйштй*, *гйц*, *доно* вполне могли бы оказаться на первых позициях в частотном словаре горно-марийского языка, составленном на материале сбалансированного корпуса. С другой стороны, в этом перечне присутствуют и слова, обладающие специфически высокой именно для горно-марийской википедии частотностью. К таким можно отнести форму род. п. слова со значением “год” (*ин*), слова со значением “человек” (*эдем*), “жить” (*йлен*), “женский” (*йдырәмаш*), причастие *пырышы* (“вошедший”). Присутствие в этом списке существительного *йыхыш*, означающего “в род” (т. е. слова со значением “род”, представленного в одной из падежных форм) имеет особое объяснение, которое мы дадим ниже. В верхней части извлеченных из Википедии и ранжированных по частотности лексических перечней на финно-угорских языках вообще часто встречаются слова со значением “род”, “категория”, “семья”.

В лугово-восточном марийском (3 814 статьи) мы видим приблизительно ту же картину.

Таблица 8. Первый десяток из частотного списка словоформ википедии на лугово-восточном марийском языке

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	да	“и; а”	2808
2	марий	“мариец”	2270
3	дене	“с; от, из-за; по”	2243
4	ийыште	“в году”	1566
5	гыч	“из; от; через; по”	1559
6	тыгак	“так”	1360
7	ий	“год”	1205
8	лийын	“будучи; из-за”	1157
9	ончо	“смотри”	1092

Трудно ожидать от википедии на русском языке, что на второй позиции по частотности в ней окажется слово «русский» (и выше мы убедились, что в русской википедии ничего подобного не происходит). Зато форма от слова со значением “год” (*ийыште*) говорит о некотором лексическом единстве жанра русской и горно-марийской википедии. Однако сомнительно, чтобы *ончо* “смотри” (аналог русского «см.») попало бы на такую высокую позицию в какой-нибудь более развитой википедии. То,

что это слово, пусть и частотное, но не самое частотное, находится так высоко, можно считать одним из признаков неразвитости википедии: если бы контент был более равномерным и богатым, это слово ушло бы далеко вниз.

В коми-зырянском (3 971 статья), опять же, встречаются слова со значением “род, порода”, “принадлежащий к роду”, а также обязательное “год”.

Таблица 9. Первый десяток из частотного списка словоформ википедии на коми-зырянском языке

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	да	“и, но; так как”	2781
2	коми	“коми”	1328
3	кыв	“язык, речь”	1325
4	км	“километр”	1058
5	тайӧ	“этот, это”	917
6	во	“год”	916
7	И	“и”	628
8	воын	“в году”	606
9	увтыр	“род, порода”	551
10	котырса	“принадлежащий к роду, к семье”	543

Частотный список словоформ коми-пермяцкой википедии (3 427 статей) также во многом схож с уже приведенными. Как и в других википедиях на языках народов России, в верхней части перечня доминируют служебные слова.

Таблица 10. Первый десяток из частотного списка словоформ википедии на коми-пермяцком языке

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	да	“и”	2470
2	коми	“коми”	1380
3	котырьсь	“из рода, из семьи”	1243
4	вид	“вид”	1226
5	пантасьӧ	“встречается”	1130
6	район	“район”	1070
7	и	“и”	818
8	увтыр	“род, порода”	779
9	морт	“человек”	709
10	кыв	“язык, речь”	660

В эрзя-мордовский википедии (1 582 статьи) сходная ситуация. Здесь доминируют слова, входящие в состав ссылок на другие статьи или группы статей (категории) википедии («см.» и «также» из выражения «см. также»).

Таблица 11. Первый десяток из частотного списка
словоформ википедии на эрзя-мордовском языке

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	Истяжо	“также”	1470
2	категория	“категория”	1453
3	Вн	“смотри”, “см.” (ваномс “смотреть”)	1452
4	Чи	“день”	1121
5	Ды	“и; но”	898
6	Ие	“год”	770
7	Иенть	“года” (род. падеж)	742
8	покшчить	“праздники”	729
9	Те	“этот”	545
10	Ульнесь	“был”	502

В мокша-мордовской википедии (1 154 статьи) выборка выглядит наиболее экстравагантно. Хотя наверху списка находятся вполне законные для этой позиции служебные слова, но уже с третьей строчки начинаются странные для частотного перечня слова ботанической тематики.

Таблица 12. Первый десяток из частотного списка
словоформ википедии на мокша-мордовском языке

№	Словоформа	Перевод/значение	Встречаемость
1	Ди	“и”	514
2	И	“и”	474
3	тъналста	“из семьи”	385
4	касыксьсь	“растение”	376
5	Панчф	“цветок”	361
6	орхидея	“орхидея”	358
7	мокшень	“мокшанский”	328
8	васьфневихть	“встречается”	250
9	кизоя	“в году”	248
10	Сонь	“его, ее”	241

Разгадка проста: аналогично тому, как в вышеприведенных тюркских википедиях «ботозаливки» делаются с помощью данных Государственного водного реестра, в мордовских разделах автоматически создаются статьи о цветах. Едва ли не большая часть эрзянской и мокшанской википедий состоит из статей про растения, прежде всего про многолетние травянистые растения из семейства орхидных. Статьи ботанической тематики составляют преобладающий процент раздела на мордовских языках, и именно с этим связана высокая частотность слов со значением “род, семья, порода”, которые следует отнести к терминологии классификации видов. Мы предлагаем называть этот феномен «синдромом орхидеи».

Таким образом, мы обнаруживаем в википедиях на региональных языках России большое количество коротких статей-заготовок, созданных роботами и не наполненных текстами, которые были бы написаны людьми. В таких заготовках большую роль играют слова-ссылки (вроде «см. также...») и тематическая лексика из той области, к которой относятся статьи. Чтобы учесть этот аспект, мы посчитали среднюю длину статьи в словах для каждой из рассматриваемых википедий. Получились следующие данные:

*Таблица 13. Средняя длина статьи
для разных википедий*

Википедия	Средняя длина статьи в словах
русская	184.47
татарская	58.47
башкирская	56.84
горно-марийская	36.74
лугово-марийская	47.43
коми-зырянская	29.58
коми-пермяцкая	35.45
эрзя-мордовская	34.46
мокша-мордовская	34.90

Из приведенных сведений видно, что развитая википедия с большой средней длиной статьи дает более качественные тексты, которые можно было бы использовать для лингвистических исследований.

Это один из возможных маркеров релевантности википедии, хотя релевантность в целом должна оцениваться по целому ряду признаков. Как следует из сказанного выше, одним из важных критериев является степень тематической сбалансированности. Если в том или ином национальном разделе Википедии более или менее пропорционально представлены разные тематические категории (подобно тому, как это имеет место в русской википедии), то релевантность такого ресурса можно оценить как высокую. Отсутствие больших статистических перекосов в употреблении лексики и относительное лексико-статистическое сходство с не-энциклопедическим корпусом демонстрируется адекватностью соответствующего частотного списка.

В свою очередь, вышеназванные качества того или иного национального раздела Википедии, обуславливающие степень его лингвистической релевантности, зависят от социального бэкграунда и условий создания этого раздела. Ключевую роль играют такие факторы, как большое количество активных пользователей и присутствие независимых активистов-аналитиков, которые могут выполнять редакторские функции,

противодействуя как автоматическому порождению статей, так и необоснованному доминированию какой-либо одной тематики.

Национально-региональные википедии — по крайней мере, те из них, которые были рассмотрены здесь, — пока что создаются, по всей видимости, в основном небольшими сообществами энтузиастов, и потому в отношении этих википедий отсутствует практика массового редактирования и многостороннего взаимоконтроля. Однако вполне возможно, что со временем ситуация изменится, и усилия авторов, культивирующих национальные языки России в интернете, приведут к созданию более адекватных энциклопедических разделов, которые смогут служить достаточно релевантным лингвистическим источником.

Литература

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М., 2009.
- Сиразитдинов З. А. Частотный словарь башкирского языка. Т. 1 (наука). Уфа, 1997.

Авторы сборника

Ахапкина Яна Эмильевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Бердичевский Александр Сергеевич

Университет Тромсе — Норвежский арктический университет

Бонч-Осмоловская Анастасия Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Буйлова Надежда Николаевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Выналек Елена Александровна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Галямина Юлия Евгеньевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Геккина Елена Николаевна

Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Занадворова Анна Владимировна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Зевахина Наталья Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Иомдин Борис Леонидович

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Иткин Илья Борисович

Институт востоковедения Российской академии наук; школа «Муми-Троль»; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Кувшинская Юлия Михайловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Летучий Александр Борисович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва;

Ляшевская Ольга Николаевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Магомедова Варвара Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Орехов Борис Валерьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Оскольская Софья Алексеевна

Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Пенская Елена Наумовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Переверзева Светлана Игоревна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Плисецкая Анна Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Резникова Татьяна Исидоровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Решетников Кирилл Юрьевич

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Северская Ольга Игоревна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Слюсарь Наталья Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Таратынов Павел Алексеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Худякова Мария Викторовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТЕ

Редактор
Я. Э. Ахапкина

Корректоры
Ю. Е. Галямина, С. С. Джакупова

Художественное оформление обложки
Надя Плунгян

Верстка
С. С. Белоусов

Подписано в печать 17.03.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 20,5. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739918449.
Phone: +7 495 959-52-60 E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17Б, офис 313
Тел.: 8 (499) 793-57-01, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)

